DA 480
.V95

Class DA 480

Book .V9

YUDIN COLLECTION

Vyzinsk Henrikh Vikent'evich
Англія

АНГЛІЯ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Генриха Вызинскаго

Vyzinskii

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1860

DA 480
.V95

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 21 сентября 1860 года.

Цензоръ Е. Волковъ.

АНГЛІЯ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Исполняя желаніе многихъ моихъ слушателей и другихъ лицъ, неимѣвшихъ случая посѣщать мой публичный курсъ, я рѣшаюсь печатать мои лекціи объ исторіи Англіи въ XVIII в., которыя первоначально я не предназначалъ для этой цѣли. Я затруднялся нѣкоторое время вопросомъ: въ какой формѣ печатать эти лекціи. Можно было бы составить изъ нихъ нѣсколько большихъ журнальныхъ статей. Было бы еще лучше распространить ихъ, дополнить, слить въ одно связное цѣлое и издать въ формѣ исторической монографіи. Но я убѣдился, что для этого нужно было бы начинать работу съизнова. Лекціи мои, читанныя передъ избраннымъ кругомъ слушателей образованныхъ, но незанимающихся спеціально наукою, не имѣютъ строго-научнаго характера. Онѣ не отличаются ни полнотою, ни равномѣрностью изложенія. Сообразуясь съ необходимыми условіями всякихъ публичныхъ чтеній, я старался по возможности придать каждой лекціи видъ отдѣльнаго цѣлаго; отсюда произошла ихъ отрывочность, отрывочность тѣмъ болѣе неизбѣжная, что мнѣ нужно было ограничиваться предѣлами одного часа чтенія. Задача моя состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ возбудить въ публикѣ интересъ къ предмету и, какъ говорится, соединить полезное съ пріятнымъ. Поэтому я долженъ былъ избирать изъ массы событій и подробностей только то, что́ могло быть интересно для моихъ слушателей, и избѣгать всего, что́ могло утомить ихъ вниманіе. Я пропускалъ много такихъ вещей (иногда и весьма-важныхъ), которыя нельзя было бы обойти молчаніемъ въ исторической монографіи, но которыя не годились для публичной лекціи. Съ другой стороны, я дѣлалъ много отступленій, безъ которыхъ можно было бы обойтись въ серьёзной книгѣ. Иное я разсказывалъ подробно; о другомъ, за недостаткомъ времени, говорилъ весьма-кратко. Часто приходилось мнѣ, согласно съ требованіями публичной лекціи, группировать и сопоставлять главныя и важныя событія, выпуская все посредствующее между ними. Нѣкоторыя личности и историческія явленія я изображалъ рѣзкими и крупными чертами, которыя пришлось бы смягчить и сгладить въ исторической монографіи. Наконецъ я говорилъ иногда слишко́мъ положительно о томъ, что въ серьёзномъ трудѣ слѣдовало бы развить, доказать или высказать съ разными оговорками и ограниченіями. Но такъ-какъ для устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ нужно было бы совершенно передѣлать все, измѣнить порядокъ изложенія, прибавить многое, распространить значительно нѣкоторыя части—словомъ, какъ сказалъ я, начать работу съизнова, то я рѣшаюсь печатать мои лекціи въ ихъ первоначальномъ видѣ, но оговариваясь при этомъ и предупреждая читателей, что онѣ имѣютъ болѣе литературный, чѣмъ ученый характеръ.

Я началъ мои чтенія краткимъ взглядомъ на эпоху Стюартовъ; потомъ сдѣлалъ общій обзоръ царствованія Вильгельма III до рисвикскаго мира. Конецъ царствова-

нія Вильгельма съ рисвикскаго мира и все правленіе Анны я разсказывалъ подробно; но для сорокалѣтней эпохи, продолжавшейся отъ смерти Анны до министерства старшаго Питта мнѣ осталось только три лекціи, поэтому я опять принужденъ былъ ограничиться только общимъ взглядомъ.

Въ этихъ лекціяхъ я не имѣю притязанія на самостоятельность. Я пользовался для нихъ всею доступною для меня литературою предмета и избиралъ отовсюду тѣ черты, которыя казались мнѣ наиболѣе характеристичными; но главнымъ руководителемъ я избралъ для себя Маколея. Его большое сочиненіе служило мнѣ помощью для первыхъ моихъ лекцій; нѣкоторые изъ его *essays* для послѣднихъ. Къ сожалѣнію, я лишенъ былъ руководства великаго историка въ срединѣ моего курса, при обзорѣ второй половины царствованія Вильгельма III и правленія Анны. Къ этому времени относится только одна статья его объ испанской войнѣ. Я слѣдовалъ, гдѣ могъ, взглядамъ Маколея, различаясь съ нимъ въ весьма немногомъ, развивалъ то, что́ онъ высказалъ мелькомъ въ нѣкоторыхъ *essays*, и выводилъ заключенія изъ сдѣланныхъ имъ посылокъ. Я сохранилъ даже многіе его оригинальные обороты и черты, которыми онъ характеризуетъ разныя личности и событія, такъ-какъ невозможно было бы передать ихъ ни лучше, ни вѣрнѣе. Чтобъ избѣгнуть постояннаго повторенія ссылокъ, я обозначаю болѣе длинныя мѣста, приводимыя мною изъ Маколея вводными знаками, не называя его имени. Я началъ публичный курсъ мой двумя лекціями, помѣщенными въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, которыхъ предметомъ была характеристика Маколея; пусть остальныя четырнадцать, внушенныя изученіемъ сочиненій великаго историка, будутъ съ моей стороны приношеніемъ его памяти, драгоцѣнной для всякаго любителя исторіи.

Г. В.

Москва 30 мая 1860 года.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Общій взглядъ на эпоху Стюартовъ.—Трагическая участь этой династіи.—Черты характера, общія всѣмъ членамъ ея. — Стремленія Стюартовъ; ихъ политическая теорія.—Іаковъ I.—Высокая церковь.—Карлъ I.—Реставрація Стюартовъ.—Торіи и виги и ихъ политическія начала.—Царствованіе Іакова II.—Революція 1688 г.; ея значеніе.—Вступленіе на престолъ Вильгельма Оранскаго.

Мм. Гг.

Ровно за столѣтіе до французской революціи въ Англіи послѣдовалъ конецъ другой революціи, неменѣе-важной. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1688 года, среди ночи и густаго тумана, послѣдній король изъ дома Стюартовъ, Іаковъ II, оставилъ тайкомъ вайтгольскій дворецъ, сѣлъ на маленькую рыбачью барку и бѣжалъ въ сосѣднюю Францію, ища въ ней убѣжища и спасенія. Въ то время съ противоположной стороны вступали въ Лондонъ, одни за другими, шотландскіе и голландскіе полки и, вслѣдъ за ними, вошелъ въ столицу и самъ вождь ихъ Вильгельмъ Оранскій, явившійся въ Англію по призыву націи. Въ другой разъ уже въ теченіе XVII столѣтія англійская нація разрывала связь съ Стюартами; но на этотъ разъ разрывъ былъ окончателенъ. Нѣтъ

во всей исторіи другой династіи, участь которой была бы въ такой степени трагическая, которая испытала бы столько несчастій, столько внезапныхъ перемѣнъ судьбы, какъ Стюарты; но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣтъ другой династіи, которая возбуждала бы меньше симпатіи и меньше сожалѣнія. Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ первый разъ они явились на сценѣ міра маленькими королями Шотландіи до самой грустной кончины послѣдняго изъ нихъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, вся исторія этого дома — одна безпрерывная, ужасная драма. Рѣдкому изъ Стюартовъ удавалось умереть естественною смертью; многіе изъ нихъ проводили большую часть жизни или умирали въ изгнаніи. Перваго Іакова Стюарта страшнымъ образомъ зарѣзали въ его спальнѣ шотландскіе бароны. Тѣ же мятежные, необузданные бароны отравили всю жизнь Іакова Втораго. Онъ вывелъ противъ зàмка одного непокорнаго подданнаго новыя еще тогда и неуклюжія пушки; одна изъ нихъ лопнула и осколкомъ положила его на мѣстѣ. Третій Іаковъ былъ убитъ въ открытомъ сраженіи съ возставшими баронами. Іаковъ Четвертый палъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ шотландскаго дворянства въ битвѣ съ англичанами. Неповиновеніе бароновъ свело съ ума Іакова Пятаго. Дочь его, блестящая Марія Стюартъ, была низложена и заключена въ тюрьму шотландскими пресвитеріанцами. Предавшись въ руки своей соперницы, она умерла смертью, какою короли не умираютъ. Сына ея, Іакова, долго держали въ плѣну шотландскіе фанатики. Этотъ Іаковъ кончилъ жизнь спокойно, но игралъ самую жалкую роль на англійскомъ престолѣ, а дочь его, Елисавета, вышедшая за несчастнаго богемскаго короля пфальцграфа Фридриха, принуждена была скитаться въ изгнаніи. Сынъ Іакова Карлъ I былъ приговоренъ къ смертной казни своими подданными; онъ умеръ на плахѣ смертью политическаго преступника. Карлъ II половину жизни провелъ въ опалѣ и изгнаніи; исторія его странствованій, его опасностей и приключеній кажется баснословною. Іаковъ II, уже разъ бѣжавшій изъ Англіи по смерти отца, вторично былъ изгнанъ своею дочерью и своимъ зятемъ и провелъ остатокъ дней въ Сен-Жерменѣ, живя милостынею Лудовика XIV. Судьба послѣднихъ Стюартовъ, обоихъ претендентовъ, о которыхъ намъ придется говорить много, была еще печальнѣе.

Причиною этого длиннаго ряда несчастій былъ прежде всего личный характеръ Стюартовъ. Всѣ государи этой династіи представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ; всѣ отличаются одинаковыми свойствами и недостатками. Многіе изъ нихъ нелишены были дарованій, необходимыхъ для хорошаго правителя. У всѣхъ почти была отвага, рѣшительность, твердая воля. За исключеніемъ одного Іакова I, всѣ

Стюарты отличались личною храбростью и рыцарскимъ духомъ; но въ то же время всѣмъ имъ одинаково были свойственны: узкій умъ, тупое упрямство, непреодолимая наклонность къ произволу; всѣ были одинаково-притворны и фальшивы. Сознательное, систематическое вѣроломство было ихъ наслѣдственнымъ пятномъ, безмѣрная мстительность ихъ—сильнѣйшею страстью. Всѣ Стюарты поражаютъ насъ своею неблагодарностью. Никто скорѣе ихъ не забывалъ услугъ, никто дольше не помнилъ обидъ. За исключеніемъ одного Карла I, всѣ они отличались наклонностью къ развратной жизни, и всѣ безъ исключенія поддавались вліянію самыхъ недостойныхъ любимцевъ. Въ характерѣ этой династіи соединялись черты самыя антипатичныя англійскому народу. Завязка трагической участи Стюартовъ лежала въ томъ, что они всегда были чужды своей націи, чужды своимъ воспитаніемъ, своими понятіями, всею своею природою. Угрюмымъ шотландскимъ пуританамъ чужда была Марія Стюартъ своимъ католицизмомъ и легкими французскими манерами. Чуждъ былъ англійской націи Іаковъ I своимъ шотландскимъ произношеніемъ и шотландскими привычками, своею трусостью и педантизмомъ. Чуждъ былъ ей Карлъ I своею бурбонскою женою и своими полуфранцузскими, полуиспанскими симпатіями. Чуждъ былъ Англіи Карлъ II своимъ изящно-безбожнымъ развратомъ и совершеннымъ отсутствіемъ патріотизма; этотъ Карлъ II, продававшій за деньги честь Англіи Лудовику XIV. Въ высшей степени чуждъ былъ націи Іаковъ II своимъ католическимъ фанатизмомъ и іезуитскимъ духомъ. Но еще болѣе чужды были англичанамъ Стюарты всѣми своими стремленіями, цѣлями, которыя преслѣдовали теоріями, которыя проповѣдывали. Ни одна династія не находилась въ такомъ постоянномъ, въ такомъ рѣшительномъ разладѣ съ своими подданными. Стюарты поставили себѣ задачу неосуществимую въ Англіи; они желали водворить въ ней начала въ высшей степени антипатичныя англійской націи, начала совершенно-несовмѣстныя съ ея духомъ, обычаями, понятіями и преданіями прошедшаго. И впродолженіе четырехъ поколѣній они стремились къ достиженію невозможной цѣли съ безпримѣрнымъ въ исторіи упорствомъ. Въ то время, когда въ Англіи духъ религіозной реформы возбудилъ и оживилъ также духъ политической свободы, въ то время, когда, вслѣдъ за ослабленіемъ феодальной аристократіи, до половины погибшей въ войнахъ бѣлой и алой розы, средніе классы готовились выступить на политическое поприще и потребовать для себя участія въ управленіи, въ то время первый изъ англійскихъ Стюартовъ, Іаковъ, сынъ Маріи, внесъ на престолъ чужеземную, возникшую тогда на континентѣ тео-

рію о божественномъ правѣ абсолютной монархіи. Онъ внесъ эту теорію въ страну, которая одна только въ Европѣ умѣла сохранить ненарушимо свои свободныя учрежденія и перенести ихъ изъ среднихъ вѣковъ въ новую исторію въ неповрежденномъ видѣ; и въ его мутномъ умѣ теорія начала абсолютной власти разрослась до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Онъ первый сталъ гласить англійскому народу: «что Всевышній смотритъ на наслѣдственную монархію съ особенною благосклонностью, какою не могутъ пользоваться другія формы правленія; что право наслѣдства по порядку первородства есть божественное учрежденіе, предшествующее христіанству и даже Моисееву закону; что никакая земная человѣческая власть, никакой законодательный парламентъ, никакая узурпація, хотя бы и длившаяся десять столѣтій, не можетъ лишить законнаго монарха свыше данныхъ ему правъ; что власть его необходима и всегда абсолютна; что законы, которыми въ Англіи ограничивается прерогатива короны, есть ничто иное, какъ уступки свободно, добровольно-сдѣланные монархомъ, и что онъ можетъ оставить или взять назадъ эти уступки во всякое время, по своему усмотрѣнію; что парламентъ обязанъ своими правами одной только милости королевской; что всякій договоръ, заключаемый монархомъ съ подданными, есть только объявленіе его одновременной воли, а не контрактъ, связывающій навсегда обѣ стороны, не контрактъ, исполненіе котораго можетъ быть требуемо во всякое время».

Твердя постоянно парламенту эту теорію и раздражая оппозицію своими неслыханными притязаніями, Іаковъ I не имѣлъ ни силъ, ни воли даже попытаться серьёзно привести ихъ въ исполненіе. При малѣйшемъ сопротивленіи со стороны парламента, онъ сейчасъ же понижалъ тонъ и рабски подчинялся ему. Но преемники его усвоили себѣ эту теорію и рѣшились осуществить ее, во что бъ ни стало. Въ этомъ дѣлѣ они нашли себѣ полезнаго, надежнаго, преданнаго союзника. Союзникомъ этимъ была англиканская, епископальная или, такъ-называемая, *высокая церковь*. Высокая церковь, подобно многимъ другимъ явленіямъ англійской жизни, была слѣдствіемъ компромисса, сдѣлки—сдѣлки между римскимъ католицизмомъ и реформаціоннымъ, протестантскимъ движеніемъ. Сдѣлку эту совершила корона. Высокая церковь была произведеніемъ короны; это была въ полномъ смыслѣ слова государственная церковь. Коронѣ она обязана была своимъ существованіемъ; корона надѣлила ее почестями и богатствами; корона оберегала ее во время слабаго ея дѣтства, защищала ее, съ одной стороны, противъ папистовъ, съ другой, противъ

тѣхъ, которые пошли дальше въ реформаціонномъ направленіи противъ пуританъ, противъ диссентеровъ; корона поддерживала высокую церковь противъ враждебныхъ парламентовъ; корона мстила тѣмъ, которые нападали на нее перомъ и словомъ. Такимъ-образомъ благодарность, надежда, боязнь, общія симпатіи и общія непріязни привязывали высокую церковь къ престолу. Всѣ ея преданія, всѣ ея привычки были монархическія. Преданность престолу сдѣлалась ея отличительною чертою; и когда Стюарты задумали водрузить въ англійскую почву абсолютную монархію, то они не могли найти лучшаго орудія для этого дѣла, чѣмъ высокую церковь. Тогда-то заключенъ былъ союзъ на долгое время роковой для англійской націи. Стюарты и высокая церковь взаимно нуждались другъ въ другѣ. Они обмѣнялись услугами и соединились для одной цѣли. Стюарты предали преслѣдованію высокой церкви папистовъ и диссентеровъ: высокая церковь предложила имъ въ услугу свои каѳедры и вліяніе духовнаго авторитета. Она сдѣлала теорію о божественномъ правѣ королей главнымъ догматомъ своей вѣры. Забывъ о Евангеліи, она стала превозносить прерогативу короны и проповѣдывать ученіе о безграничной, неотъемлемой власти избранника неба, о священномъ долгѣ безусловнаго страдательнаго повиновенія, о беззаконности и безбожности всякаго сопротивленія волѣ королевской. Она потеряла совершенно характеръ религіознаго учрежденія и обратилась въ политическую партію. Теперь соединенными силами Стюарты и высокая церковь, абсолютизмъ и нетерпимость, начали борьбу противъ политической и религіозной свободы Англіи. Въ то время, когда на всемъ континентѣ восторжествовала основанная на постоянныхъ арміяхъ и финансахъ абсолютная монархія, Карлъ I Стюартъ рѣшился сдѣлать то же въ Англіи, въ странѣ, которая еще никогда не видала постоянной арміи и въ которой король не имѣлъ права взять съ подданныхъ ни одного гроша безъ ихъ собственнаго согласія. Карлъ I вошелъ въ борьбу на жизнь и смерть съ своимъ парламентомъ. Борьба эта была не новая: ею наполнена вся англійская исторія, начиная съ Іоанна Безземельнаго. Но теперь борьба эта вступила въ свою послѣднюю рѣшительную фазу; теперь съ обѣихъ сторонъ выставлены были другъ противъ друга одинаково-рѣзкія и одинаково широкія начала. Въ то же время союзница Карла, высокая церковь, принялась истреблять диссентеровъ. Исходъ извѣстенъ. Крайность, ожесточенность борьбы привела къ крайнимъ результатамъ. Наслѣдственные пороки Стюартовъ: вѣроломство, тупое упрямство, неуступчивость были одною изъ главныхъ причинъ этой ожесточенности и этой крайности. Борьба

кончилась уничтоженіемъ самой монархіи и уничтоженіемъ высокой церкви. Но восторжествовала и не свобода, и не терпимость. Революція вызвала наружу силу, доселѣ еще незнакомую англійской націи—силу регулярной арміи; и все покорилось этой силѣ. Англія подчинилась господству солдатъ и фанатическихъ сектантовъ. Ей угрожали длинные и тяжелые годы военнаго деспотизма; ей угрожало владычество цѣлаго ряда мелкихъ военныхъ тирановъ, возводимыхъ и низвергаемыхъ новыми преторіанцами. Тогда люди, раздѣленные многими годами вражды, подали руку другъ другу; приверженцы монархіи и высокой церкви и приверженцы республики и синодальнаго церковнаго устройства, *кавальеры* и *круглоголовые*, епископальные и пресвитеріанцы соединились вмѣстѣ; и чтобъ спасти страну отъ владычества солдатской сабли, возстановили старую монархію, призвали назадъ Стюартовъ.

Съ возстановленіемъ Стюартовъ возстановлена была и высокая церковь. Вмѣстѣ съ Стюартами возвратилась и теорія о божественномъ правѣ королевской власти. Вмѣстѣ съ высокою церковью возвратилась нетерпимость и ученіе о безграничномъ страдательномъ повиновеніи. И на этотъ разъ казалось, что легко будетъ осуществить наконецъ эти теоріи. Повидимому, ненужно было для этого большихъ усилій со стороны недѣятельнаго, лѣниваго, безпечнаго Карла II. Послѣ цѣлаго ряда революцій наступила реакція. Все само-собою клонилось къ рабству. Нація, утомленная насильственными переворотами, жаждала покоя и готова была вынести всевозможное для покоя, для избѣжанія новыхъ переворотовъ. Нужно было дать только свободное теченіе реакціи. Если что-нибудь можетъ отвратить человѣка отъ насильственныхъ революцій, то прежде всего видъ той готовности къ рабству, того добровольнаго наслажденія въ рабствѣ, которое почти всегда слѣдуетъ за революціями. Иногда трудно бываетъ узнать свободную англійскую націю въ людяхъ временъ Карла II и Іакова II. Тогда-то союзъ между Стюартами и высокою церковію сдѣлался еще крѣпче. Она страдала вмѣстѣ съ ними. Она раздѣляла вмѣстѣ съ ними ихъ изгнаніе. Она возвратилась вмѣстѣ съ ними въ Англію. У обоихъ были общіе враги, общіе друзья, общія опасенія. Казалось, никакая сила не будетъ въ-состояніи разорвать этой связи. Въ первую четверть столѣтія, послѣ реставраціи, ревность высокой церкви къ королевской прерогативѣ и къ наслѣдственному неограниченному праву превзошла всякіе предѣлы. Ея проповѣди обратились вполнѣ въ политическія диссертаціи. Тексты Ветхаго и Новаго Завѣта служили для доказательства божественнаго происхожденія монархіи. Любимою тэмой высокой цер-

кви послѣ революціи сдѣлалось ученіе о беззаконности сопротивленія, о безбожности возстанія. Всю горечь свѣжихъ своихъ воспоминаній она внесла въ это ученіе. Она проповѣдывала его безъ всякихъ ограниченій и доводила до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Она создала изъ этого ученія идеальную теорію рабства. Ежедневно съ десяти тысячъ каѳедръ епископальное духовенство гласило, что король выше всякихъ законовъ; что ничто въ мірѣ не можетъ связать его воли; что никакое нарушеніе правъ, никакое насиліе, никакая жестокость со стороны законнаго короля не даетъ права народу сопротивляться ему физическою силою; что еслибъ даже на престолѣ сидѣлъ самъ Неронъ или Фаларисъ и ежедневно предавалъ пыткѣ и казни сотни невинныхъ жертвъ, то и въ такомъ случаѣ не можетъ быть оправдано сопротивленіе и возстаніе. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ высокой церкви началось прежнее гоненіе диссентеровъ. Карлъ II постоянно договаривался съ Лудовикомъ XIV, чтобъ, при помощи его арміи, уничтожить всѣ свободныя учрежденія Англіи; но безпечный Стюартъ все медлилъ и медлилъ сдѣлать рѣшительный шагъ.

Между-тѣмъ сложились двѣ великія политическія партіи, которымъ суждено было наполнить собою съ этого времени до нашихъ дней всю англійскую исторію—партія торіевъ и партія виговъ. Партіи эти существовали уже прежде, въ видѣ круглоголовыхъ и кавальеровъ; но теперь онѣ окончательно организовались и окончательно уяснили себѣ свои начала. Торіи стояли на сторонѣ Стюартовъ, виги на сторонѣ народной свободы. Въ главѣ партіи торіевъ находилась высокая церковь; къ ней принадлежала половина аристократіи и почти вся масса сельскихъ джентльменовъ. Но ненадобно думать, чтобъ эти аристократы и эти сельскіе джентльмены принимали въ буквальномъ смыслѣ рабскую теорію высокой церкви. То, что̀ для этой церкви было ученіемъ, системою, то̀ для торійской *gentry* было чувствомъ, инстинктомъ, преданіемъ прошедшаго. Она стояла на сторонѣ Стюартовъ по тому чувству, которое англичане называютъ *loyalty*. Это чувство имѣло въ значительной мѣрѣ романтическій, рыцарскій характеръ. Борьба между короною и парламентомъ при Карлѣ I вызвала между англійскою *gentry* сильное пробужденіе рыцарскаго духа прежнихъ временъ, но въ измѣненномъ видѣ. Мѣсто сраженій противъ невѣрныхъ и служенія прекрасному полу заняли теперь горячая преданность королю, энтузіастическій роялизмъ. Торіи временъ двухъ послѣднихъ Стюартовъ были сыновьями тѣхъ старыхъ кавальеровъ, которые сражались за Карла I противъ круглоголовыхъ. Они любили монархію, за которую шли въ огонь отцы ихъ. Они любили высокую

церковь потому, что эта церковь была дорога ихъ королю-мученику, потому-что она раздѣляла вмѣстѣ съ ними пораженіе и опалу, утѣшала ихъ въ несчастіи. Они любили высокую церковь и потому, что она была врагомъ ихъ враговъ—пуританъ и диссентеровъ. Политическое ученіе высокой церкви вовсе даже не казалось рабскимъ торійскимъ джентльменамъ. Возвышая того, кто былъ ихъ естественнымъ покровителемъ, главою ихъ партіи, главою ихъ церкви, оно возвышало ихъ самихъ, давало имъ значеніе, свободу, власть. Когда господствовали республиканцы, то роялисты подвергались съ ихъ стороны обидамъ и притѣсненіямъ: поэтому сопротивленіе королю, возстаніе, революція соединялись въ воображеніи торіевъ съ ихъ собственнымъ униженіемъ и подчиненіемъ; сильная монархическая власть—со свободою и господствомъ. Повторяя за высокою церковью ея экстравагантныя доктрины, торійская *gentry* отъ души, однакожь, ненавидѣла деспотизмъ; но еще болѣе она ненавидѣла диссентеровъ, республиканцевъ и политическихъ противниковъ своихъ виговъ. Виги выставили напротивъ теоріи торіевъ и высокой церкви свою собственную теорію, прямо-противоположную. Они также были приверженцами монархіи, но не считали ее божественнымъ, а земнымъ, человѣческимъ учрежденіемъ, установленнымъ націею для общаго блага всѣхъ ея членовъ. Они видѣли источникъ всякой власти въ народѣ. Они считали основаніемъ англійской монархіи формальный договоръ между королемъ и подданными, договоръ, выражаемый, съ одной стороны, присягою при коронаціи, съ другой, присягою на подданство, и полагали, что условія этого договора равнымъ образомъ обязательны для обѣихъ сторонъ. Они утверждали, что монархія по необходимости должна быть ограничена закономъ. . . . . Въ главѣ партіи виговъ стояли знатныя аристократическія фамиліи, большею частью потомки тѣхъ вельможъ, которые сражались за парламентъ противъ Карла I. Къ нимъ принадлежало народонаселеніе большихъ городовъ, часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ или такъ-называемой *yeomanry* и всѣ диссентеры.

Въ концѣ правленія Карла II-го Англіи представилась новая опасность. Опасность эта угрожала на этотъ разъ не только политической свободѣ, но и самому протестантизму. Карлъ II не имѣлъ законныхъ дѣтей: престолъ долженъ былъ перейти къ его брату, Іакову, отъявленному католику. Виги были ревностные протестанты. Всѣми силами своими они сдѣлали попытку исключить отъ престолонаслѣдія паписта. Попытка эта не удалась: она кончилась рѣшительнымъ торжествомъ торійской партіи, поддерживавшей законный порядокъ пре-

столонаслѣдія. Король явно принялъ характеръ главы партіи—главы торіевъ. Виги подверглись страшному гоненію. Главные предводители ихъ положили головы на плахѣ. Тогда на престолъ вступилъ Іаковъ II. Никогда еще никакой англійскій король не пользовался такимъ могуществомъ. Іаковъ былъ уже очень близокъ къ тому идеалу власти, который преслѣдовали Стюарты. Ему нечего было завидовать Лудовику XIV: все преклонилось передъ нимъ. Послѣ безумнаго возстанія Монмоуѳа, партія виговъ окончательно была подавлена казнями, тюрьмою и конфискаціями. Торіи и высокая церковь, отстоявшіе для Іакова престолъ противъ виговъ, поклонились ему, какъ своему идолу и забыли совершенно о его католицизмѣ. Парламентъ, созванный имъ, показалъ примѣръ рабства, рѣдкій въ англійской исторіи. Но всего этого было мало Іакову II. Въ этомъ человѣкѣ всѣ наслѣдственные пороки дома Стюартовъ достигли крайняго своего выраженія. Онъ задумалъ дѣло, которое безумною смѣлостью превосходило все, что̀ досихъ-поръ предпринимали его предшественники. Не только думалъ онъ разрушить въ-конецъ всѣ свободныя учрежденія англійской націи и основать на развалинахъ ихъ абсолютизмъ испанскихъ Габсбурговъ; слѣпой и узкій фанатикъ, онъ рѣшился возстановить въ Англіи, странѣ протестантской уже два столѣтія, свою католическую религію, доставить ей перевѣсъ надъ другими вѣроисповѣдываніями и замѣстить всѣ гражданскія и военныя должности своими единовѣрцами. Чтобъ оцѣнить всю отчаянность такого предпріятія, довольно вникнуть только въ то глубокое чувство вражды, которое питали англичане къ католицизму. Они ненавидѣли католицизмъ всею ненавистью, къ какой способна человѣческая природа. Католицизмъ, особенно въ той формѣ, какую дали ему іезуиты, возбуждалъ въ нихъ неодолимое отвращеніе, представлялся ихъ уму и воображенію какъ самое мрачное и самое безнравственное проявленіе деспотизма. Англичане — народъ чрезвычайно - впечатлительный; никто глубже ихъ не сохраняетъ въ душѣ впечатлѣній, особенно тяжелыхъ впечатлѣній; никто дольше ихъ не помнитъ испытаннаго гнёта, вынесенной тиранніи. Такъ, они испытали однажды владычество солдатъ, и воспоминаніе о немъ такъ глубоко врѣзалось въ ихъ память, что до нынѣшняго дня они сохраняютъ неодолимую антипатію къ постояннымъ регулярнымъ арміямъ. Такое же глубокое впечатлѣніе оставило въ ихъ душѣ все, что̀ они вынесли отъ католицизма. Пылавшіе костры кровавой Маріи, темныя козни католиковъ противъ Елисаветы, опасеніе армады Филиппа II, особенно же ужасный пороховой заговоръ во время Іакова I — все это осталось навсегда въ ихъ памяти.

Притомъ, «между англичанами существовало твердое убѣжденіе, что католикъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ интересахъ его церкви, считалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ правилъ нравственности. Мало-того, англичане были убѣждены, что онъ находилъ даже похвальнымъ нарушеніе этихъ правилъ для пользы католицизма. Убѣжденіе это не лишено было нѣкотораго основанія. Нельзя было отрицать, что замѣчательнѣйшіе изъ католическихъ іезуитскихъ казуистовъ писали въ защиту такъ-называемой *reservatio mentalis*, клятвопреступленія и даже смертоубійства. Ученія этой безнравственной школы софистовъ не оставались, по словамъ англичанъ, безъ послѣдствій. Варѳоломеевская ночь, убіеніе Вильгельма Оранскаго, убіеніе Генриха III, всѣ мрачные заговоры, совершенные въ Англіи, постоянно приводились, какъ примѣры тѣсной связи между порочной теоріей и такой же практикой. Англійскіе протестанты твердо вѣрили, что каждое изъ этихъ преступленій было внушено или поощряемо католическимъ духовенствомъ... Народное мнѣніе, выводимое изъ всего этого, было таково, что какъ бы ни былъ честенъ католикъ, все-таки не существовало обмана или жестокости, на которую бы онъ не былъ способенъ, когда дѣло шло о безопасности или выгодахъ его вѣроисповѣданія.»

И это вѣроисповѣданіе Іаковъ II хотѣлъ теперь возстановить въ Англіи! этимъ людямъ онъ хотѣлъ дать всѣ должности государства! Замышляя такое дѣло, онъ думалъ, что можно ему положиться на торіевъ и высокую церковь; что нечего опасаться сопротивленія со стороны людей, которые такъ ревностно проповѣдывали ученіе о безграничномъ страдательномъ повиновеніи монарху. Чтобы доставить господство католицизму, ему нужно было разрушить высокую церковь; и принимая на слово ея собственную любимую теорію, онъ думалъ, употребить орудіемъ для уничтоженія высокой церкви саму же высокую церковь. Смѣло и рѣшительно приступилъ онъ къ дѣлу и направилъ тяжелые удары на ту церковь, которая до-сихъ-поръ была главной опорой престола Стюартовъ. Наступило самое драматическое положеніе. Высокая церковь поражена была глубокимъ недоумѣніемъ. Ей и въ голову никогда не приходило, чтобы корона, прерогативу которой она превозносила въ такихъ величественныхъ фразахъ, которой она служила такъ вѣрно, такъ преданно и въ счастіи и въ несчастіи, чтобы эта корона обратилась когда-нибудь противъ нея и наложила на нее свою руку. Однакожь это неожиданное, невѣроятное событіе случилось. Король наложилъ руку на ея доходы и ея должности и шелъ прямо къ ея уничтоженію. Наступилъ часъ испытанія для теоріи о безграничномъ повиновеніи . . . . . .

. . . . . .

высокая церковь поколебалась. Ученіе, проповѣдуемое съ такимъ жаромъ въ-теченіе четырехъ поколѣній, рушилось. Здоровая человѣческая натура возмутилась противъ логическихъ послѣдствій теоріи. Союзъ, такъ долго казавшійся неразрывнымъ, былъ разорзанъ. То же произошло и съ торіями. Пламенная ревность ихъ къ престолу и пламенная ревность ихъ къ высокой церкви въ теченіе многихъ лѣтъ росли вмѣстѣ и укрѣпляли другъ друга. Имъ также не приходило въ голову, чтобы эти два чувства, нераздѣльныя и почти тождественныя, могли когда-нибудь сдѣлаться не только различными, но и несовмѣстными. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни они были вѣрны королю и церкви. Теперь этой церкви, которая внушала имъ такое благоговѣніе, угрожала опасность отъ короны. Теперь этотъ король, которому они такъ вѣрно служили, за отца котораго они проливали кровь и жертвовали имуществомъ, оказывалъ имъ, преданнымъ слугамъ дома Стюартовъ, явное пренебреженіе, вытѣснялъ ихъ изъ всѣхъ важныхъ государственныхъ должностей и отдавалъ предпочтеніе папистамъ и іезуитамъ. Роялизмъ торіевъ, воспитанный четырьмя поколѣніями, поколебался вмѣстѣ съ ученіемъ о безграничномъ повиновеніи. Торіи стали на сторонѣ высокой церкви. Тогда послѣдовало событіе, которое украшаетъ собою страницы англійской исторіи. Диссентеры показали примѣръ самоотверженія, героизма, высокаго гражданскаго духа, примѣръ, которому нелегко найти подобный. Іаковъ, приготовляя торжество католицизма и работая надъ разрушеніемъ высокой церкви, рѣшился прибѣгнуть противъ нея къ помощи тѣхъ же диссентеровъ, которыхъ онъ еще недавно вмѣстѣ съ нею преслѣдовалъ съ такою жестокостью. Желая склонить ихъ на свою сторону, онъ издалъ въ незаконной формѣ, безъ участія парламента, по одному только своему авторитету, такъ-называемую декларацію о свободѣ вѣроисповѣданія. Декларацией этой уничтожались всѣ карательные законы противъ католиковъ и также противъ диссентеровъ. Цѣль ея была очевидна: Іаковъ хотѣлъ вызвать противъ высокой церкви заклятыхъ враговъ ея. Онъ отдавалъ въ жертву диссентерамъ ту церковь, которая неумолимо преслѣдовала ихъ уже полтора столѣтія. Искушеніе было огромное. Эта церковь, которая была такъ безпощадна къ нимъ, которая ставила ихъ у позорныхъ столбовъ, обрѣзывала имъ носы и уши, разоряла ихъ денежными пенями, наполняла ими тюрьмы, находилась теперь въ беззащитномъ положеніи. Король предлагалъ имъ свободу вѣроисповѣданія; нужно было только соединиться съ нимъ, чтобы нанести послѣдній рѣшительный ударъ врагу столь многихъ лѣтъ. Тутъ можно было

поколебаться. Но диссентеры не колебались. Они твердо устояли противъ искушенія. Они отвергли подарокъ, предлагаемый въ незаконной формѣ. Они показали, что, какъ англичанамъ, имъ дороже всего политическая свобода и, скрѣпя сердце, подали руку высокой церкви. Мѣра была полна. Іаковъ пустился стремглавъ по пути къ погибели и дошелъ до цѣли. Уже всѣ основы политической свободы были подорваны; исконныя учрежденія англійской націи заражены порчею; армія наполнена папистами и ирландцами; въ государственномъ совѣтѣ, въ кабинетѣ короля засѣдали католики и іезуиты. Виги поняли, что теперь настало ихъ время. Но на этотъ разъ съ ними была вся нація. Тогда послѣдовало неожиданное зрѣлище, которое никогда уже въ другой разъ не повторялось въ англійской исторіи. Знамя свободы подняли епископы! . . . . . За ними послѣдовали всѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ. Виги и торіи, высокая церковь и диссентеры, забывъ вражду, соединились вмѣстѣ. Вопросъ между Стюартами и націей приблизился къ исходу. Семь свѣтскихъ лордовъ и одинъ епископъ, во имя всего англійскаго народа, призвали на помощь Вильгельма Оранскаго. Вильгельмъ явился. . . . . Іаковъ бѣжалъ. Англія была свободна.

Что̀ нужно было теперь сдѣлать виновникамъ революціи, чтобъ упрочить и обезпечить навсегда эту свободу, которая подвергалась такимъ опасностямъ и выдержала такую продолжительную и тяжкую борьбу? Нужно было сдѣлать одно: перемѣнить династію. . . . . Это очень хорошо понимали виги и увлекли за собою торіевъ и высокую церковь. Лорды и коммонеры рѣшились предложить престолъ Вильгельму Оранскому и супругѣ его Маріи. Новый король не могъ придавать своей власти сверхъестественнаго начала, потому-что онъ пріобрѣлъ ее естественнымъ образомъ. Онъ не могъ выводить правъ своихъ свыше, потому-что получилъ ихъ отъ людей, отъ перламента. Онъ не могъ ставить себя выше закона, потому-что самъ былъ произведеніемъ закона. Онъ не могъ жить въ несогласіи съ парламентомъ, потому-что всѣ права его зависѣли отъ парламента. Онъ не могъ стремиться къ уничтоженію свободныхъ учрежденій, потому-что самъ былъ обязанъ своимъ престоломъ свободнымъ учрежденіямъ. Нація могла быть увѣрена въ безопасности своей политической свободы . . . . . .

Оставалось предводителямъ революціи опредѣлить, на какихъ условіяхъ они готовы были передать Вильгельму корону. Для этого ненужно было составлять новой конституціи; имъ слѣдовало только повторить новому королю ясно и опредѣленно всѣ вѣковыя и несомнѣнныя права англійскаго народа, нарушаемыя Стюартами. Для этой цѣли коммонеры составили и лорды одобрили такъ-называемую декларацію правъ англійской націи. Тогда въ Вайтголѣ произошла сцена чрезвычайной торжественности. Въ самой большой пышно-убранной залѣ дворца Вильгельмъ и Марія стояли подъ троннымъ балдахиномъ. Направо отъ престола толпились перы, налѣво коммонеры, за ними разноцвѣтная масса народа. Клеркъ палаты лордовъ громкимъ и сильнымъ голосомъ прочелъ декларацію правъ. Лордъ Галифаксъ, президентъ перовъ, въ краткой рѣчи отъ имени всѣхъ сословій предложилъ корону Вильгельму и Маріи на условіяхъ декларацiи. Вильгельмъ изъявилъ согласіе за себя и за супругу свою и сказалъ твердымъ голосомъ, что тѣ права и вольности Англіи, которыя удалось ему спасти отъ погибели, будутъ постояннымъ руководствомъ его управленія, и что во всемъ и всегда онъ будетъ подчинять свою волю рѣшеніямъ парламента. Все собраніе отвѣтило на эти слова громкими восклицаніями. Восклицанія повторены были десятками тысячъ народа, собравшагося во кругъ Вайтголя. Такъ кончилась революція 1688 года. Такъ кончилась, вмѣстѣ съ этимъ, и вѣковая борьба короны съ парламентомъ, борьба, которая сопровождалась безчисленными возстаніями, политическими процесами, битвами, опалами, судебными убійствами. Теперь наконецъ между противниками водворилось согласіе. Теперь, корона и парламентъ составили одно нераздѣльное цѣлое. Герольдъ, который, у воротъ Вайтголя, при звукѣ трубъ, провозгласилъ Вильгельма и Марію королемъ и королевою, возвѣстилъ этимъ Англіи конецъ тяжелыхъ испытаній свободы и начало новой, лучшей для нея эпохи.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Царствованіе Вильгельма III.—Непопулярность Вильгельма.—Причины этой непопулярности.—Внѣшнія и внутреннія опасности и затрудненія, окружавшія новое правительство.—Нерасположеніе къ Вильгельму высокой церкви и торіевъ.—Іакобиты.—Торіи вильямиты.—Отношеніе виговъ къ Вильгельму.—Подробная характеристика Вильгельма.—Въ чемъ заключалась его сила.—Рисвикскій миръ.

Мм. гг.

Между англичанами нашего времени нѣтъ воспоминанія болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ воспоминаніе революціи 1688 года, и нѣтъ имени

болѣе популярнаго, чѣмъ имя Вильгельма III. Англичане нашего времени смотрятъ на царствованіе Вильгельма какъ на эпоху, въ которую утвердилась ихъ политическая свобода, и получили окончательную форму парламентскія учрежденія, въ которую положено было начало ихъ внутренняго благоденствія и начало ихъ внѣшняго величія. Съ гордостью, признательностью и благоговѣніемъ они повторяютъ имя героя, который освободилъ ихъ землю отъ участи многихъ странъ континента и посѣялъ въ ней сѣмя, принесшее такой богатый плодъ въ настоящую эпоху. Но чувство потомства не было чувствомъ современниковъ Вильгельма. Современникамъ Вильгельма не суждено было вкусить всѣхъ плодовъ свободы, пожинаемыхъ теперь ихъ потомками; они не могли и не умѣли оцѣнить всѣхъ заслугъ Вильгельма, признаваемыхъ теперь ихъ правнуками. Казалось бы, что революція, совершившаяся безъ крови, безъ потрясеній, безъ угнетенія побѣжденныхъ, должна была встрѣтить въ націи всеобщую и нераздѣльную симпатію и надолго наполнить всѣ сердца чувствомъ внутренняго удовлетворенія; казалось бы, что виновникъ такой революціи долженъ былъ навсегда внушить современникамъ своихъ чувствъ признательности и удивленія. Однакожь, случилось иначе. Рѣдкій изъ англійскихъ королей былъ такъ непопуляренъ во все продолженіе своего царствованія, какъ Вильгельмъ III; рѣдкій встрѣчалъ такую постоянную оппозицію въ парламентѣ и возбуждалъ къ себѣ такое недовѣріе въ народѣ; рѣдкому приходилось бороться съ такими трудностями и подвергаться такимъ опасностямъ. Исторія тринадцатилѣтняго царствованія его дѣлаетъ самое грустное впечатлѣніе. Никогда, можетъ-быть, не бывало въ Англіи такого всеобщаго неудовольствія въ народѣ, такого постояннаго сомнѣнія и безпокойства. Корона, поднесенная Вильгельму съ такимъ единодушіемъ всѣми партіями, оказалась для него самымъ тяжелымъ бременемъ. Вильгельмъ не былъ счастливъ на престолѣ; не была счастлива и нація подъ управленіемъ короля, котораго сама себѣ избрала. Утвержденіе политической свободы оказалось дѣломъ нелегкимъ. Легче было добыть себѣ свободу, чѣмъ пользоваться ею. Прошло много времени прежде, чѣмъ парламентская система стала дѣйствовать правильно и стройно, прежде, чѣмъ нація свыклась съ своими новыми учрежденіями. Не обошлось безъ колебаній, безъ ошибокъ и увлеченій, безъ тяжелыхъ опытовъ и пожертвованій. Что̀ же было причиною непопулярности Вильгельма и его правительства? Что̀ было причиною постояннаго неудовольствія націи? Что̀ затрудняло первые шаги парламентской системы?

Всякая революція, произведенная во имя общаго блага и общей

пользы, возбуждаетъ сангвинистическія надежды. Не даромъ нація рѣшается опрокинуть то, что впродолженіе многихъ столѣтій составляло предметъ общаго уваженія; не даромъ она отдаетъ власть новому правительству. Она ожидаетъ всегда, что это новое правительство, созданное революціею, вдругъ положитъ конецъ всѣмъ бѣдствіямъ и страданіямъ, искоренитъ всякое зло, залечитъ старыя язвы, удовлетворитъ всѣ желанія, осуществитъ всѣ мечты счастія. Снисходительная къ власти, освященной вѣками, привыкшая прощать ей все, нація требуетъ идеальнаго совершенства отъ власти новой и революціонной и не прощаетъ ей ничего. Чѣмъ больше надеждъ и ожиданій возбуждаетъ новое правительство, тѣмъ строже къ нему, тѣмъ требовательнѣе дѣлается нація. Она безпощадна къ его ошибкамъ; даже трудности и препятствія, которыя оно встрѣчаетъ, опасности, которымъ оно подвергается, вмѣняются ему въ преступленіе. Такія сангвинистическія надежды возбуждены были въ Англіи вступленіемъ на престолъ Вильгельма, и надежды эти не оправдались. Все шло дурно впродолженіе бо́льшей части его царствованія. Вмѣсто мира, благоденствія и наслажденія свободою, нація принуждена была вынести цѣлый рядъ тяжелыхъ войнъ и внутреннихъ бѣдствій. Новое правительство принуждено было бороться съ безчисленными трудностями. Признанное въ Англіи, оно должно было силою оружія утвердить свою власть въ Шотландіи и Ирландіи. Шотландскіе горцы подняли знамя Стюартовъ. Несчастные, порабощенные ирландцы думали, что пришло наконецъ для нихъ время освобожденія и часъ мести за вѣковое угнетеніе. Вся нація, одушевленная религіознымъ фанатизмомъ и національною ненавистью къ англичанамъ, возстала, какъ одинъ человѣкъ. Ирландцы тоже подняли знамя Стюартовъ и призвали къ себѣ Іакова II. Но они думали при помощи его освободиться навсегда отъ англійскаго владычества. Нужно было Вильгельму огромныхъ усилій, чтобъ сломить сопротивленіе шотландскихъ горцевъ и ирландскихъ фанатиковъ. Но здѣсь не конецъ былъ еще опасностей, грозившихъ новому престолу. Лудовикъ XIV не призналъ Вильгельма королемъ Англіи. Онъ объявилъ себя защитникомъ правъ Іакова II, далъ ему убѣжище въ С.-Жерменѣ и рѣшился возстановить силою оружія власть законнаго короля, своего вассала и кліента. Ежегодно во французскихъ гаваняхъ сооружались громадныя экспедиціи для высадки въ Англію; ежегодно Іаковъ II готовился вступить въ Лондонъ при помощи французскихъ штыковъ. Чтобъ отклонить опасность французской высадки, Вильгельмъ вовлекъ Англію въ продолжительную континентальную войну и заставилъ ее играть главную роль въ европейской коалиціи

противъ честолюбивыхъ замысловъ французскаго монарха. Эта многолѣтняя континентальная война сопровождалась постоянными неудачами, истощала всѣ средства страны, уменьшала ея народонаселеніе, останавливала торговлю, убивала промышленость и дала начало государственному долгу Англіи. Сумма этого долга въ наше время возбудила бы презрительную улыбку въ англійскомъ банкирѣ или англійскомъ министрѣ финансовъ, но тогда она приводила въ уныніе всѣхъ гражданъ и внушила имъ постоянное опасеніе банкротства. Всѣ эти внѣшнія бѣдствія были источникомъ постояннаго неудовольствія. Повсюду поднимались горькія нареканія на то, какъ дорого пришлось націи платить за безопасность новой династіи.

Но еще бо́льшія трудности, еще бо́льшія опасности встрѣтилъ Вильгельмъ внутри самой Англіи. Упоеніе восторга, послѣдовавшее за бѣгствомъ Іакова и вступленіемъ въ Лондонъ Вильгельма, продолжалось недолго. По всегдашнему закону жизни, послѣ горячаго пароксизма наступилъ пароксизмъ холодный, послѣ прилива отливъ, послѣ чрезмѣрной радости реакція противоположнаго чувства. Перемиріе между двумя великими партіями, торіями и вигами, епископальными и диссентерами кончилось. Раздѣленные воспоминаніемъ долголѣтней борьбы, они соединились на нѣсколько мѣсяцевъ противъ общей опасности. Но какъ-скоро опасность миновала, союзъ распался и старая вражда вспыхнула съ прежнею силою. Прежде всѣхъ охладѣла высокая церковь. Въ-теченіе многихъ лѣтъ она ревностно проповѣдывала дорогое ей ученіе о безграничномъ повиновеніи законному монарху и въ злой часъ сама измѣнила этому ученію. Теперь она очнулась послѣ пагубнаго увлеченія и съ ужасомъ взглянула на свое собственное дѣло. Событія послѣднихъ дней показались ей тяжелымъ сномъ. Законный король былъ въ изгнаніи; узурпаторъ сидѣлъ на престолѣ; виги и диссентеры торжествовали; политическія начала, ей ненавистныя, осуществились. И все это совершилось при ея содѣйствіи, по данному ей сигналу. Со стыдомъ и сокрушеніемъ сердца высокая церковь отклонила голову отъ этого зрѣлища. Она почувствовала жестокія угрызенія совѣсти, и, чтобъ загладить вину, еще съ бо́льшимъ рвеніемъ возвратилась къ своимъ любимымъ теоріямъ. Съ-тѣхъ-поръ всѣ мысли ея, всѣ задушевныя желанія, всѣ симпатіи обратились къ королю, который былъ за моремъ, а вся ненависть ея пала на короля, который беззаконнымъ образомъ занялъ престолъ избранника неба, на узурпатора, котораго величали виги и прославляли диссентеры. Уже въ первые дни новаго царствованія высокая церковь явно выказала всю свою антипатію къ Вильгельму. Первый

изъ прелатовъ высокой церкви, архіепископъ кентербёрійскій отказался короновать новаго короля и его супругу. Онъ не хотѣлъ осквернить рукъ своихъ беззаконнымъ дѣломъ. Когда собрался парламентъ, многіе епископы съ остентаціею оставили палату лордовъ и не являлись въ ней никогда больше. Когда актомъ парламента повелѣно было всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, всѣмъ должностнымъ лицамъ государства и всему низшему духовенству установленной церкви принести присягу на вѣрность новому монарху, нѣсколько епископовъ и болѣе, чѣмъ четыреста человѣкъ простыхъ священниковъ, прямо отказались въ присягѣ и пожертвовали мѣстами. Другіе, которымъ трудно было разстаться съ своими доходами, принесли присягу, но съ враждою въ сердцѣ. Многіе, чтобъ успокоить свою совѣсть, прибѣгали къ софистикѣ, давали присягу условную, съ разными оговорками, по образцу іезуитовъ; они объявляли, напримѣръ, что клятвою, данною Вильгельму, они не обѣщаются отказать въ повиновеніи Іакову, если Іаковъ когда-нибудь будетъ въ-состояніи потребовать отъ нихъ повиновенія. Это чувство недоброжелательства къ Вильгельму высокая церковь сохранила во все продолженіе его царствованія. Она осталась вѣрна Стюартамъ не только при немъ, но даже впослѣдствіи. Она не переставала желать возстановленія Стюартовъ и работала всѣми силами надъ этимъ дѣломъ. Вильгельмъ зналъ, что у него есть въ Англіи безъ малаго десять тысячъ тайныхъ враговъ, которые готовы первые преклониться предъ Іаковомъ, какъ-скоро Іаковъ станетъ на англійскую почву. И не всегда даже англиканское духовенство скрывало вражду свою къ новой династіи. Иногда оно обнаруживало ее въ самыхъ нелѣпыхъ и неприличныхъ формахъ. Нѣкоторые духовные высокой церкви, совершая богослуженіе, читали молебствія за Вильгельма и Марію проническимъ тономъ. Другіе, сейчасъ послѣ этого молебствія, пили за здоровье законнаго короля и за погибель узурпатора.

Подобно высокой церкви скоро опомнились и торіи. Они были увлечены вигами и уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ бѣгства Іакова, сожалѣли о своемъ увлеченіи. Горькое чувство, возбужденное въ нихъ тиранніею Іакова прошло вмѣстѣ съ этою тиранніею. Роялизмъ, который, казалось, уже угасъ въ нихъ, пробудился теперь съ прежнею силою. Рѣшенія лордовъ и коммонеровъ, по которымъ престолъ объявлялся упраздненнымъ и корона передавалась человѣку чужому, человѣку, стоявшему внѣ прямой линіи законнаго наслѣдства, до такой степени были противны всему тому, чему учили церковь и юристы, что торійскіе джентльмены, привыкшіе видѣть въ церкви и юристахъ единственный источникъ всякой премудрости, никакъ не могли при-

вести эти рѣшенія въ согласіе съ чувствомъ нравственнаго долга. Совѣсть ихъ была оскорблена и въ душѣ поселилось тяжелое недоумѣніе. Они забыли о всѣхъ ошибкахъ и злоупотребленіяхъ Іакова и видѣли только, что законный ихъ король, сынъ того мученика, за котораго проливали кровь отцы ихъ, находится теперь въ изгнаніи и принужденъ жить милостынею чужеземнаго монарха. Зрѣлище это наполняло ихъ горечью, негодованіемъ и глубокимъ сожалѣніемъ. Они стали теперь оправдывать поступки Іакова и смягчать его недостатки. Они не думали вовсе низлагать Іакова и изгонять его изъ Англіи; призваніемъ Вильгельма они хотѣли только напугать его, пріобрѣсть отъ него нѣкоторыя гарантіи свободы и наказать іезуитовъ и ренегатовъ, вовлекшихъ его въ заблужденіе. Теперь оказалось, какая сила лежала въ этомъ инстинктивномъ, безсознательномъ чувствѣ преданности старой династіи въ этой наслѣдственной *loyalty*, которая привязывала къ Стюартамъ сельскихъ джентльменовъ Англіи. Подобно высокой церкви, весьма многіе торіи остались въ душѣ вѣрны Іакову, и считали Вильгельма похитителемъ престола. Они составили партію англійскихъ легитимистовъ, такъ-называемыхъ іакобитовъ, партію, которая желала возстановленія Стюартовъ. Преданность іакобитовъ Стюартамъ пережила и самого Іакова и самого Вильгельма. Она устояла противъ всѣхъ неудачъ, лишеній, казней и преслѣдованій. До-тѣхъ-поръ, пока за моремъ жили сынъ и внукъ изгнаннаго Стюарта, іакобиты не переставали надѣяться на ихъ возвращеніе и сохраняли чувство вражды къ новой династіи. Исторія не представляетъ другаго примѣра такой упорной и такой безкорыстной вѣрности потерянному дѣлу. Существованіе многочисленной партіи, которая готова была пристать къ Іакову при первомъ появленіи въ Англіи, дѣлало положеніе Вильгельма чрезвычайно-опаснымъ. Опасность была тѣмъ сильнѣе, что многіе іакобиты недовольствовались однимъ только желаніемъ и ожиданіемъ реставраціи. Горячіе якобитскіе джентльмены не ограничивались тѣмъ только, что на колѣняхъ провозглашали тосты за здоровье законнаго короля и раздавливали апельсинъ, эмблему узурпатора. Не только они оказывали Вильгельму въ парламентѣ отчаянную систематическую оппозицію, выпускали противъ него безчисленное множество пасквилей и памфлетовъ, наполненныхъ жесточайшими клеветами: они призывали въ Англію внѣшняго врага, съ нетерпѣніемъ ожидали французскихъ солдатъ въ Лондонѣ, ликовали при всякой французской побѣдѣ, доносили въ Версаль обо всемъ, что могло повредить Вильгельму, открыто измѣняли ему передъ лицомъ непріятеля, находились въ постоянномъ заговорѣ съ с.-жерменскимъ дворомъ

противъ новаго правительства. Но мало того. Многимъ хотѣлось покончить поскорѣе съ похитителемъ престола и однимъ смѣлымъ ударомъ произвести реставрацію. Все царствованіе Вильгельма наполнено было якобитскими заговорами противъ его жизни. Ни на одного государя не сдѣлано было столько покушеній, ни одинъ не подвергался лично такимъ опасностямъ. Ежегодно убійцы переплывали каналъ съ инструкціями отъ с.-жерменскаго двора и искали удобнаго случая для исполненія своихъ замысловъ. Повсюду и постоянно угрожали Вильгельму пистолеты и кинжалы іакобитскихъ фанатиковъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была строгость новаго правительства. Неоднократно парламентъ останавливалъ дѣйствіе акта *habeas corpus*, акта, служащаго оплотомъ личной свободы въ Англіи, и давалъ правительству полномочіе арестовать и содержать въ заключеніи всякаго подозрительнаго человѣка. Конца не было домашнимъ обыскамъ, допросамъ, политическимъ процесамъ и казнямъ заговорщиковъ. Но эта вынужденная строгость новаго правительства поддерживала неудовольствіе въ націи. Нація надѣялась, что съ воцареніемъ Вильгельма наступитъ наконецъ время настоящей свободы, и вмѣсто этого она встрѣтила стѣсненія, къ которымъ не всегда прибѣгалъ даже изгнанный тиранъ. Такова всегда бываетъ роковая участь правительства, созданнаго революціею, окруженнаго врагами и лишеннаго той силы, которую даетъ многолѣтняя давность и законность. По несчастной необходимости, по чувству самосохраненія, оно принуждено во имя свободы ограничивать самую свободу.

Возбуждая открытую вражду якобитовъ, правительство Вильгельма не пользовалось расположеніемъ и тѣхъ торіевъ, которые не сдѣлали шага назадъ, которые признали новаго короля и принимали отъ него государственныя должности. Эти торіи-вильямиты стояли за Вильгельма, но они видѣли въ немъ только короля *de facto*, но не *de jure*. Они повиновались ему, потому-что онъ фактически былъ облеченъ королевскою прерогативою и фактически пользовался ея правами, но никакая земная сила не могла вытѣснить изъ ихъ ума сознанія, что Вильгельмъ все-таки не ихъ законный король. Для нихъ, какъ и для іакобитовъ, законный король былъ за моремъ. Они поддерживали Вильгельма, если ему угрожала опасность; но въ обыкновенное время оказывали ему холодность, равнодушіе и всегдашнюю оппозицію въ парламентѣ. Вильгельмъ былъ увѣренъ, что еслибъ Іаковъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и согласился дать надежныя гарантіи въ томъ, что впередъ будетъ соблюдать законы, то всѣ торіи-вильямиты перешли бы на его сторону безъ всякихъ колебаній.

Друзьями Вильгельма были одни только виги; но въ первые мѣсяцы его царствованія привязанность виговъ была для него едва-ли не болѣе опасна, чѣмъ непріязнь торіевъ. «Вражда едва-ли можетъ столько вредить, сколько придирчивая, ревнивая, притязательная любовь; а такова была любовь виговъ къ избранному ими государю. Они громко восхваляли его; они были готовы поддерживать его своимъ достояніемъ и мечомъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ»; но ихъ привязанность къ нему вовсе не была похожа на это романтическое чувство вѣрноподданной преданности, которое одушевляло отважныхъ джентльменовъ, сражавшихся за Карла I. Такого чувства не могъ возбудить король, возведенный на престолъ революціею; такому чувству противорѣчили политическія теоріи виговъ, считавшихъ короля только отвѣтственнымъ сановникомъ, и полагавшихъ основаніе его власти въ контрактѣ, равно обязательномъ для монарха и для подданныхъ. «Очевидно, что отношеніе между подданными, которые держались такой теоріи, и правителемъ, воцареніе котораго было торжествомъ этой теоріи, должно было совершенно отличаться отъ отношенія, существовавшаго между Стюартами и кавальерами». Дѣйствительно, никогда еще ни одинъ англійскій парламентъ не говорилъ королямъ такимъ языкомъ, съ какимъ обращалось къ Вильгельму вигское большинство нижнихъ палатъ, засѣдавшихъ въ его царствованіе. «Виги любили Вильгельма, но они любили его не какъ короля, а какъ предводителя партіи; и нетрудно было предвидѣть, что энтузіазмъ ихъ скоро остынетъ, если Вильгельмъ откажется быть просто предводителемъ ихъ партіи и захочетъ быть королемъ всей націи. За преданность къ его дѣлу они требовали, чтобъ онъ былъ ихъ открытымъ приверженцемъ, твердымъ и пламеннымъ вигомъ; чтобъ онъ не показывалъ благосклонности никому, кромѣ виговъ, чтобъ онъ усвоилъ себѣ всѣ старыя антипатіи виговъ; и надобно было бояться, что если онъ не оправдаетъ этой надежды, то единственная усердная къ его дѣлу часть общества отдалится отъ него». Такъ и случилось. Не прошло трехъ мѣсяцевъ и Вильгельмъ сдѣлался не менѣе непопуляренъ между вигами, какъ и между другими партіями. Познакомившись съ нимъ ближе, виги увидѣли, какъ сильно ошиблись въ немъ.

Въ характерѣ Вильгельма были черты, которыя не могли возбудить къ нему симпатіи ни въ одной изъ англійскихъ партій и должны были отдалить отъ него всю націю. Главная причина его непопулярности и затрудненій, повсюду встрѣчавшихъ его, едва-ли не лежала въ самомъ его характерѣ, въ особенностяхъ его духа, въ недостаткахъ и даже въ хорошихъ свойствахъ его натуры. Первымъ недостаткомъ

Вильгельма, недостаткомъ непростительнымъ въ глазахъ англичанъ, было то, что онъ было иностранецъ. Онъ былъ голландецъ, голландецъ всею душею; къ Голландіи направлены были всѣ его симпатіи. Англія до конца осталась для него чужою землею, мѣстомъ изгнанія, которое онъ оставлялъ съ радостью и посѣщалъ съ принужденіемъ. Какъ только кончалась сессія парламента, онъ сейчасъ же, немедля, оставлялъ Англію и спѣшилъ въ свою любимую Голландію. Никогда онъ не могъ привыкнуть къ англійской жизни, усвоить себѣ англійскія манеры и чистое англійское произношеніе. Онъ жилъ между англичанами, чуждаясь ихъ, и до конца остался чужеземцемъ по языку, вкусу и привычкамъ. Въ своемъ королевскомъ дворцѣ, въ Кенсингтонѣ, онъ чувствовалъ себя какъ въ заключеніи. Только въ Голландіи онъ дышалъ свободно и сбрасывалъ съ себя всякое принужденіе. Ни къ одному англичанину Вильгельмъ не чувствовалъ личной дружбы; всѣ друзья, всѣ любимцы его были голландцы. И онъ не скрывалъ своей слабости къ этимъ любимцамъ, постоянно оказывалъ имъ предпочтеніе передъ англичанами, съ чрезвычайною расточительностью осыпалъ ихъ милостями и подарками. Ничего не могло быть антипатичнѣе узкому патріотизму тогдашнихъ англичанъ и слѣпой враждѣ ихъ ко всему иностранному. Чужеземное происхожденіе Вильгельма постоянно поддерживало недовѣріе къ нему во всей націи. Нація съ подозрѣніемъ слѣдила за всякимъ его поступкомъ. Повсюду подымались упреки, что онъ жертвуетъ интересами Англіи для выгодъ Голландіи. Пристрастіе его и щедрость къ голландскимъ любимцамъ возбуждали зависть и въ вигахъ, и въ торіяхъ. За свои голландскія симпатіи Вильгельмъ принужденъ былъ вытерпѣть тысячу непріятностей, оскорбленій, язвительныхъ намековъ и униженій со стороны парламента. Если ему приходило на мысль назначить генераломъ въ англійской арміи какого-либо голландца, или дать соотечественнику своему важное мѣсто въ администраціи, то палата сейчасъ же обращалась къ нему съ покорнымъ адресомъ, въ которомъ вовсе непокорно требовала, чтобъ король давалъ военныя и гражданскія должности однимъ только англичанамъ. Если Вильгельмъ дарилъ кому-нибудь изъ своихъ голландскихъ любимцевъ большія помѣстья изъ коронныхъ земель, парламентъ сейчасъ же заставлялъ его взять назадъ дарственную запись. Но не одно только иностранное происхожденіе Вильгельма дѣлало его непопулярнымъ между англичанами: въ самой личности его не было ничего такого, что̀ могло бы возбудить расположеніе къ нему новыхъ его подданныхъ, а, напротивъ, было много такого, что̀ отталкивало всякаго. Вильгельмъ былъ, правда, политикъ первой величины.

«Въ исполненіи важныхъ дѣлъ государственнаго человѣка онъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками. Онъ задумывалъ планы не менѣе великіе и смѣлые, чѣмъ Ришльё, и приводилъ ихъ въ исполненіе съ ловкостью и осмотрительностью Мазарини». Между знаменитыми генералами всѣхъ временъ Вильгельмъ занимаетъ почетное мѣсто. Всегда почти онъ былъ несчастливъ въ битвахъ, но послѣ всякаго пораженія становился еще сильнѣе. Подобно адмиралу Колиньи, кровь котораго текла въ его жилахъ, онъ умѣлъ съ удивительною скоростью заглаживать слѣды неудачъ, и прежде чѣмъ непріятель успѣвалъ отпѣть Te Deum, онъ стоялъ уже готовый на новое сраженіе. Немногіе люди въ исторіи обладали такою желѣзною, несокрушимою силою воли. Личною храбростью, холодною неустрашимостью въ битвѣ, презрѣніемъ всякой опасности онъ приводилъ въ изумленіе французскихъ маршаловъ, которые противъ него сражались. Но всѣ эти высокія качества исчезали въ глазахъ англичанъ при видѣ его недостатковъ, болѣе-чувствительныхъ для нихъ. Вильгельмъ былъ способнѣе спасти англійскую націю, чѣмъ понравиться ей. Въ немъ не было никакой привлекательности, ни слѣда любезности, ни тѣни общительности. Въ его обращеніи было что-то чрезвычайно-холодное, сухое, сдержанное и отталкивающее. Всякому, кто подходилъ ближе къ нему, онъ казался холоднымъ, безсердечнымъ эгоистомъ. Онъ постоянно молчалъ и бывалъ мраченъ; а если говорилъ, то всегда въ краткихъ, отрывистыхъ фразахъ, сухимъ и повелительнымъ тономъ. Его гордая недоступность, его непроницаемая замкнутость, его апатическая неподвижность и кажущееся безстрастіе производили самое невыгодное впечатлѣніе. Англійская аристократія, которая помнила хорошо изящныя манеры, граціозныя бесѣды, ловкость во всѣхъ забавахъ, задушевную веселость Карла II, для которой даже Іаковъ II былъ доступенъ и любезенъ, была поражена самымъ непріятнымъ образомъ необщительностью Вильгельма. «Рѣдко онъ выходилъ изъ своего кабинета; а когда и являлся въ пріемныхъ залахъ, то стоялъ въ толпѣ придворныхъ и дамъ угрюмый и задумчивый, никогда не улыбаясь, не говоря никому привѣтливаго слова. Его ледяной взглядъ, его молчаніе, его сухіе, принужденные отвѣты отталкивали отъ него нобльменовъ и джентльменовъ, привыкшихъ къ фамильярному обращенію со стороны прежнихъ монарховъ». Никакія общественныя увеселенія не существовали для Вильгельма. Онъ вовсе не интересовался литературою и искусствомъ; никогда въ жизни не былъ въ театрѣ. Мысль его исключительно занимали одни военныя и политическія дѣла. Охота была единственнымъ его развлеченіемъ. Чуждаясь высшихъ классовъ англійскаго

общества, онъ еще меньше сближался съ простымъ народомъ. Ему было неловко при всякомъ многолюдномъ собраніи. Чтобъ пріобрѣсть нѣкоторую популярность въ массахъ, онъ старался присутствовать иногда, по совѣту министровъ, при народныхъ празднествахъ; но для этого ему нужно было дѣлать насиліе своей природѣ. Всѣ его попытки въ этомъ родѣ были неудачны. На скачкахъ въ Ньюмаркетѣ онъ былъ самою странною фигурою. Даже высокія и похвальныя свойства Вильгельма ставили его въ рѣзкую противоположность со всѣми понятіями, стремленіями и предразсудками англичанъ того времени. Онъ былъ другъ религіозной терпимости и свободы совѣсти. Онъ положилъ себѣ цѣлью доставить совершенную свободу вѣроисповѣданія и католикамъ, и диссентерамъ. Онъ хотѣлъ открыть послѣднимъ доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ. Между-тѣмъ не могло быть ничего менѣе-согласнаго съ понятіями тогдашняго поколѣнія, какъ эти желанія Вильгельма. Самое имя религіозной терпимости было ненавистно англичанамъ. Подъ предлогомъ терпимости Іаковъ II хотѣлъ возстановить католицизмъ; во имя терпимости онъ нарушилъ всѣ основные законы страны; во имя терпимости онъ подкапывалъ политическую свободу Англіи. Посреди общества, наполненнаго такими воспоминаніями, посреди общества, раздираемаго враждою противоположныхъ исповѣданій, не было еще мѣста для религіозной свободы. Либеральныя стремленія Вильгельма усилили только вражду къ нему торіевъ, іакобитовъ и высокой церкви. Они ненавидѣли въ немъ не только узурпатора, но и покровителя католиковъ и диссентеровъ. Ненависть англійскаго духовенства къ Вильгельму была тѣмъ сильнѣе, что оно видѣло въ немъ кальвиниста, пресвитеріанца и замѣчало въ немъ холодность, равнодушіе къ обрядамъ и формамъ высокой церкви.

Врагъ религіозной нетерпимости, Вильгельмъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ врагомъ политическихъ преслѣдованій, внушаемыхъ духомъ партій. Виги, которые главнымъ образомъ доставили ему престолъ, думали, что онъ сдѣлается главою ихъ партіи, усвоитъ себѣ всѣ ихъ антипатіи и отомститъ врагамъ ихъ за все испытанное зло. Отъ начала междоусобныхъ войнъ XVII столѣтія до 1688 года за каждымъ торжествомъ той или другой партіи слѣдовало кровавое мщеніе противникамъ. Виги потерпѣли отъ торіевъ страшное гоненіе еще въ концѣ царствованія Карла II; но изъ всѣхъ казней самыя жестокія были послѣднія, соединенныя съ именами Іакова и Джефрейса. Переворотъ 88 года доставилъ вигамъ власть въ государствѣ — естественно, что они пламенно пожелали теперь отомстить торіямъ и всѣмъ сподвиж-

никамъ Карла и Іакова за все, перенесенное отъ нихъ въ-теченіе семи ужасныхъ лѣтъ. Виги ожидали, что Вильгельмъ поможетъ имъ въ этомъ дѣлѣ; но они жестоко ошиблись. По характеру своему, онъ не годился быть мстительнымъ ревнителемъ какой бы то ни было партіи. Въ числѣ особенностей его характера было какое-то холодное милосердіе, какое-то равнодушное снисхожденіе, которое рѣдко примиряло съ нимъ его враговъ, которое часто раздражало его приверженцевъ, но котораго онъ упорно держался. Вмѣсто преслѣдованій, онъ потребовалъ отъ парламента билля объ амнистіи всѣмъ замѣшаннымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ Іакова. Нижняя палата, въ которой виги составляли большинство, неохотно взялась за это дѣло; отсрочка слѣдовала за отсрочкою, и наконецъ, вмѣсто билля объ амнистіи, палата сочинила билль о наказаніяхъ. Составлены были двѣнадцать категорій политическихъ преступниковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были такъ обширны, что заключали въ себѣ до десяти тысячъ виновныхъ. Палата рѣшила, что въ каждой изъ этихъ категорій должны быть сдѣланы исключенія изъ амнистіи. Вильгельмъ, обиженный такою настойчивостью виговъ, рѣшился самъ покончить дѣло и, въ силу своей королевской власти, издалъ актъ всеобщаго помилованія и прощенія. Виги негодовали; но не здѣсь еще былъ конецъ ихъ неудовольствію. Они ожидали, что Вильгельмъ отдастъ имъ, какъ самымъ вѣрнымъ и надежнымъ слугамъ своимъ, всѣ должности государства и не допуститъ торіевъ ни до какого участія въ управленіи; но и въ этомъ также обмануты были ихъ надежды. Вильгельмъ, поставленный между двумя враждебными партіями, былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Онъ не могъ исключить отъ должностей торіевъ, которые составляли половину парламента и располагали огромными силами въ странѣ. Поэтому онъ рѣшился быть примирителемъ и посредникомъ между обѣими партіями и долгое время составлялъ свои министерства на половину изъ торіевъ и виговъ. Но попытка эта оказалась самою несчастною. Вильгельма постигла участь, которая ожидаетъ всякаго, кто хочетъ мирить непримиримое и посредничать тамъ, гдѣ нѣтъ средины. Онъ не удовлетворилъ ни той, ни другой партіи. Оказывая благосклонность торіямъ, онъ все-таки не могъ пріобрѣсть себѣ ихъ добраго расположенія, а между-тѣмъ оттолкнулъ отъ себя виговъ. Виги были внѣ себя отъ негодованія, видя рядомъ съ собою въ кабинетѣ людей, которые служили орудіями тираніи Іакова. Необходимымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ былъ недостатокъ единодушія въ министерствѣ, раздоръ между министрами и дурной ходъ управленія. Министры постоянно враждовали и интри-

говали другъ противъ друга, и Вильгельмъ не находилъ искренней поддержки для своихъ мѣръ даже въ собственномъ кабинетѣ. Когда, впослѣдствіи, онъ перемѣнилъ политику и сталъ прибѣгать къ однороднымъ министерствамъ, немного этимъ поправилось дѣло. Если въ кабинетѣ были торіи, то въ парламентѣ виги соединялись съ іакобитами и оказывали Вильгельму отчаянную оппозицію. Если, напротивъ, власть была въ рукахъ виговъ, то торіи употребляли всѣ усилія, чтобъ мѣшать и препятствовать всякой ихъ мѣрѣ. Но мало было еще постоянной оппозиціи въ парламентѣ и равнодушія или недоброжелательства въ министерствѣ. Вильгельмъ окруженъ былъ предателями и измѣна господствовала въ собственномъ его кабинетѣ. Многіе изъ его министровъ, даже самые ревностные виги, находились въ перепискѣ съ с. жерменскимъ дворомъ и тайно предлагали свои услуги Іакову. Политическіе люди того времени были глубоко испорчены, что̀ всегда бываетъ послѣ частыхъ переворотовъ въ государствѣ. Видя собственными глазами паденіе нѣсколькихъ правительствъ, люди теряютъ вѣру въ убѣжденія и начинаютъ думать только о личныхъ своихъ интересахъ и личной безопасности. Примѣръ Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи показываетъ, какую политическую безнравственность приносятъ съ собою частыя революціи. Мы видимъ въ ней людей, которые служили и измѣняли десяти правительствамъ, и еще готовы служить и измѣнить десяти новымъ. То же самое было въ Англіи послѣ переворотовъ XVII столѣтія, и особенно при Вильгельмѣ. Правительство его, окруженное столькими внутренними и внѣшними врагами, всѣмъ казалось непрочнымъ. Никто не вѣрилъ въ окончательное его утвержденіе. Времена были тревожныя. Густое облако покрывало будущность. Самые проницательные и опытные политики не могли хоть сколько-нибудь ясно провидѣть, что̀ случится чрезъ два, три мѣсяца. Могло вспыхнуть возстаніе іакобитовъ; могли высадиться французы; могла произойти реставрація Стюартовъ. Министры Вильгельма могли быть увѣрены, что они будутъ первыми жертвами реставраціи; поэтому многіе изъ нихъ спѣшили на всякій случай обезопасить себѣ свое положеніе; поэтому, открыто присягая въ подданствѣ одному королю, они секретно отдавали въ залогъ свое слово другому. Ничто такъ не характеризуетъ Вильгельма, какъ то, что, зная объ измѣнѣ многихъ изъ своихъ министровъ, онъ никогда не давалъ имъ замѣтить этого и безъ различія употреблялъ и честныхъ людей и предателей. Онъ самъ не былъ тоже идеаломъ нравственности. Холодный дипломатъ, онъ показывалъ всегда глубокое равнодушіе въ выборѣ средствъ. Онъ смотрѣлъ на людей какъ на

орудіе для своихъ цѣлей, и не спрашивалъ о нравственности ихъ мотивовъ. Его трезвой, прозаической, положительной натурѣ чужды были всякія идеальныя стремленія. Умъ его постоянно былъ направленъ только на практически-полезное. Дипломатія была настоящимъ его полемъ, и дипломатическимъ своимъ планамъ онъ готовъ былъ жертвовать самыми священными интересами. Договариваясь два раза съ Лудовикомъ XIV о раздѣленіи Испанской Монархіи, онъ рѣзалъ разнородныя страны и національности этой монархіи, какъ кусокъ бумаги, и перетасовывалъ ихъ, какъ талію картъ. Когда дѣло шло о его власти, ничто не могло остановить его. Гуманность не была отличительною чертою его характера. Ему ничего не стоило подписать приказъ объ истребленіи цѣлаго шотландскаго клана. Своею безчувственностью къ потерѣ человѣческой жизни въ упорныхъ битвахъ онъ равнялся самому Наполеону. Подобно Наполеону, онъ видѣлъ въ густыхъ рядахъ пѣхоты не что́ иное, какъ chaire à canon; подобно Наполеону: онъ никогда не жалѣлъ и не щадилъ солдатъ своихъ. Было что-то холодно-безпощадное, неумолимое въ его натурѣ. Одна мысль, одна страсть, одна цѣль занимала его впродолженіе всей жизни, именно: глубокая ненависть къ Франціи и борьба съ Лудовикомъ XIV. Похожій на великаго своего предка, перваго Молчаливаго Вильгельма, боровшагося неутомимо противъ Филиппа II, Вильгельмъ III положилъ себѣ задачею защиту протестантскихъ интересовъ и политическаго равновѣсія Европы противъ честолюбивыхъ плановъ французскаго монарха. Чувство его къ Франціи и Лудовику XIV подобно было тому неумолимому чувству, которое Ганнибалъ питалъ къ Риму. Для этой основной мысли своей жизни, для этой страсти онъ былъ въ-состояніи пожертвовать всѣмъ, истощить всѣ живыя силы Англіи, истребить половину ея народонаселенія, обратить ее въ пустыню и въ груду развалинъ. Въ общей комбинаціи его политическихъ плановъ благо Англіи было для него на второмъ планѣ. Онъ и желалъ достигнуть англійскаго престола для того только, чтобъ имѣть возможность вовлечь Англію въ европейскую коалицію противъ Лудовика XIV. Онъ сдѣлалъ ее орудіемъ своей континентальной политики. Это очень-хорошо понимали англичане и никогда не могли простить Вильгельму, что интересы ихъ родины не были его первыми интересами. Вильгельмъ, съ своей стороны, жаловался на англичанъ, что они не понимали его великихъ плановъ. Странно было бы дѣлать этого человѣка героемъ и энтузіастомъ политической свободы. Въ его повелительной натурѣ не могло быть искренней любви къ свободѣ. Онъ написалъ имя свободы

на своемъ знамени, потому-что только такимъ образомъ могъ достигнуть англійскаго престола. Онъ защищалъ свободныя учрежденія и опирался на нихъ, потому-что, иначе, трехъ дней не могъ бы удержаться въ Англіи; но природа вовсе не создала его конституціоннымъ королемъ. Онъ чрезмѣрно любилъ власть и желалъ всегда имѣть просторъ для своихъ дѣйствій. Онъ съ трудомъ выносилъ ограниченія королевской прерогативы и ревниво оберегалъ власть свою противъ дальнѣйшихъ ограниченій. Его мѣсто было въ лагерѣ, въ кабинетѣ, на конгресѣ, посреди дипломатовъ. Съ парламентомъ онъ никакъ не могъ ужиться. Его оскорбляло и раздражало всякое сопротивленіе, всякая оппозиція; контроль парламента былъ ему въ высшей степени тягостенъ. Парламентская система утвердилась въ Англіи не столько при помощи Вильгельма, сколько помимо его. Не смѣя посягнуть на свободныя учрежденія, онъ пользовался неумѣренно правомъ королевскаго *veto*, которое давала ему прерогатива. Долго и упорно противупоставлялъ онъ свое *veto* самымъ популярнымъ биллямъ. Онъ никогда не умѣлъ уступить во-время и съ тою граціею, которая располагаетъ еще болѣе сердца подданныхъ. Онъ дѣлалъ уступки поздно, съ гнѣвомъ и не скрывая своего неудовольствія. По преданію и наслѣдству враждебной республиканской партіи въ Голландіи, онъ повсюду боялся республики и подозрѣвалъ въ оппозиціи виговъ республиканскія стремленія. Въ свою очередь, виги постоянно подозрѣвали Вильгельма въ наклонности къ деспотизму. По ихъ мнѣнію, онъ потому оказывалъ благосклонность торіямъ, что видѣлъ въ нихъ лучшія орудія для произвольной власти. Парлатентъ, наученный долголѣтнимъ опытомъ и угадавшій натуру Вильгельма, тщательно и точно опредѣлилъ границы каждаго аттрибута его прерогативы. Скупою рукою выдѣляла ему денежныя средства нижняя палата, желая такимъ образомъ держать его въ постоянной зависимости отъ себя. Вильгельмъ до такой степени бывалъ раздраженъ этою недовѣрчивостью парламента, что неоднократно грозилъ бросить все, уѣхать навсегда въ Голландію и предоставить Англію ея собственной участи. Вся жизнь этого человѣка была тяжелою борьбою, борьбою, въ которой онъ обнаружилъ рѣдкое могущество духа и показалъ, до чего можетъ доходить сила человѣческой воли. Мы удивляемся ему, принимаемъ его сторону противъ противниковъ его; но самъ онъ не можетъ возбуждать нашей симпатіи.

Теперь спрашивается: какимъ образомъ могъ удержаться на престолѣ этотъ король, до такой степени непопулярный, король, которому

грозили такія опасности и столько враговъ. Первымъ другомъ и главною поддержкою его былъ самъ Іаковъ. Іаковъ былъ неисправимъ. Ни одного слова раскаянія въ прежнихъ заблужденіяхъ не могли вынудить отъ него торіи и іакобиты. Въ своихъ манифестахъ и прокламаціяхъ онъ не рѣшался дать положительнаго обѣщанія, что будетъ впередъ управлять конституціоннымъ образомъ, напротивъ, въ этихъ манифестахъ онъ только грозилъ постоянно своею местью всякому, кто сколько-нибудь участвовалъ въ революціи. Таково было злопамятство его низкой и узкой натуры, что онъ не позабылъ даже въ своихъ угрозахъ и о тѣхъ бѣдныхъ рыбакахъ, которые задержали его на дорогѣ во время его бѣгства, обошлись съ нимъ несовсѣмъ-попридворному и обобрали его карманы. Послѣ каждой прокламаціи Іакова нація убѣждалась, что, въ случаѣ реставраціи, вторичная его тираннія будетъ еще хуже прежней, и что единственное спасеніе находилось въ Вильгельмѣ. Сила Вильгельма лежала въ глубокой ненависти англичанъ къ французамъ. Іаковъ погубилъ свое дѣло, связавшись съ французами. Каждый разъ, какъ скоро угрожала Англіи высадка солдатъ Лудовика XIV, вся нація готова была до послѣдней капли крови защищать Вильгельма. Виги, недовольные имъ въ обыкновенное время, всегда возвращались къ нему въ опасности, потому-что имъ не оставалось другаго выбора, какъ между нимъ и Іаковомъ. Въ торіяхъ чувство патріотизма брало верхъ надъ недоброжелательствомъ къ узурпатору. Наконецъ, сильною поддержкою Вильгельма было природное отвращеніе англійскаго народа къ заговорамъ и предательскому убійству. Послѣ каждаго новаго покушенія на жизнь Вильгельма, онъ дѣлался на короткое время популяренъ. Всѣ понимали, что съ его жизнью связано дѣло свободы. Нація не любила Вильгельма, но выносила его какъ необходимое и меньшее зло. Для нея былъ только одинъ выборъ: или Вильгельмъ или порабощеніе. Она не могла колебаться.

Однакожь въ жизни этого несчастнаго, нелюбимаго государя, для котораго англійская корона сдѣлалась тяжелымъ бременемъ, была одна минута счастія, одна такая минута, въ которую казалось, что старое чувство роялизма, старая *loyalty*, пробудилась въ англійской націи и обратилась на новаго короля. Девятилѣтняя континентальная война, истощавшая страну, возбудившая неустающія жалобы и нареканія, кончилась. Въ Рисвикѣ заключенъ былъ миръ славный для Англіи. Лудовикъ XIV принужденъ былъ признать Вильгельма королемъ Англіи и отказаться отъ покровительства Іакову. Извѣстіе о заключеніи мира произвело въ странѣ неописанный восторгъ. Одни только іако-

биты поражены были глубокою печалью. Съ нетерпѣніемъ вся нація ожидала возвращенія Вильгельма изъ Голландіи. Наконецъ узнали, что его величество счастливо прибылъ въ Дувръ. Отъ Дувра до Лондона по всей дорогѣ огромныя толпы народа выходили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его радостными восклицаніями. Въ Лондонѣ онъ встрѣтилъ зрѣлище, какого еще не видалъ въ Англіи. Безчисленная масса народа, одѣтаго въ праздничное платье, толпилась по улицамъ столицы. Всѣ окна пестрѣли коврами, лентами и флагами. Повсюду подымались тріумфальныя арки. Каменныя стѣны домовъ дрожали отъ восторженныхъ криковъ народа. Вильгельмъ ѣхалъ шагомъ, съ трудомъ пробираясь сквозь густую массу. Живѣйшія изъявленія радости, любви и энтузіазма сопровождали его по всему пути. Одно непрерывавшееся ура гремѣло вокругъ его кареты. Холодная натура Вильгельма была тронута. Мрачное лицо его оживилось. Онъ сталъ веселъ и съ симпатіею поглядывалъ на толпу, которая волновалась у ногъ его, подобно морю. Въ первый разъ онъ почувствовалъ что-то похожее на привязанность къ этой націи, которая встрѣчала его такъ задушевно. Три дня продолжались празднества, фейерверки, иллюминаціи, народные пиры и скачки; потомъ по всѣмъ церквамъ совершено было благодарственное молебствіе. Съ того памятнаго дня, когда вся нація, опьянѣвшая отъ восторга, привѣтствовала возвращавшагося изъ изгнанія втораго Карла Стюарта, никогда еще не бывало такой радости въ Англіи. И было чему радоваться. Тяжелыя времена прошли и была надежда, что не возвратятся болѣе. Трудная, долголѣтняя война оказалась небезплодною: она утвердила окончательно свободу въ Англіи. Англія защитила переворотъ 88 года противъ могущественнаго французскаго монарха. Декларація правъ окрещена была кровью англійскихъ воиновъ, павшихъ на поляхъ Бельгіи. Но мало того. При Стюартахъ Англія низошла къ степени державы четвертаго ранга; она значила въ Европѣ меньше, чѣмъ Саксонія. Короли англійскіе были на жалованьи версальскаго двора и играли роль вассаловъ и кліентовъ Лудовика XIV. Іаковъ II и его министры плакали отъ умиленія, получая векселя великаго монарха. Теперь все перемѣнилось. Рисвикскій миръ возвратилъ Англіи ея мѣсто между первыми государствами Европы. Не прошло половины столѣтія—и могущественнѣйшіе короли континента, въ свою очередь, стали ея кліентами и вассалами.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Вильгельмъ III послѣ рисвикскаго мира. — Нѣсколько словъ о такъ-называемой великой исторической миссіи Франціи.—Значеніе Франціи въ концѣ XVII столѣтія.—Характеристика Лудовика XIV.—Вопросъ о наслѣдствѣ испанскаго престола.—Тогдашнее состояніе Испаніи.—Карлъ II испанскій.—Претенденты на испанскую корону.—Оппозиція англійскаго парламента противъ континентальной политики Вильгельма.—Трактаты о раздѣлѣ Испанской Монархіи.—Интриги Лудовика XIV въ Мадритѣ.—Смерть Карла II.—Его завѣщаніе.

Мм. гг.

Популярность Вильгельма послѣ рисвикскаго мира продолжалась недолго. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, и опять въ парламентѣ бушевала оппозиція, опять въ народѣ господствовало мрачное неудовольствіе. Англійская нація ожидала отъ Вильгельма, что теперь, когда война кончилась, когда опасность, грозившая странѣ и его престолу, миновала, когда королевскій его титулъ былъ признанъ французскимъ монархомъ, онъ станетъ наконецъ настоящимъ королемъ Англіи и сдѣлаетъ ея интересы, ея благоденствіе, ея процвѣтаніе исключительнымъ предметомъ своего попеченія. Англія нуждалась въ мирѣ. Средства ея были истощены, торговля въ упадкѣ, кредитъ подорванъ. Долгъ въ 16 мильйоновъ фунтовъ обременялъ ея финансы; налоги утроились; самое народонаселеніе ея значительно уменьшилось. Только продолжительный отдыхъ, только бережливое управленіе, только бдительное попеченіе правительства о матеріальныхъ интересахъ страны могло возстановить мало-по-малу ея благосостояніе и оживить ея производительныя силы, поднять кредитъ, облегчить тяжести, подъ которыми изнемогала нація.

Между тѣмъ совершенно другіа заботы занимали Вильгельма. Всѣ мысли его обращены были на цѣли совершенно-противоположныя ожиданіямъ и надеждамъ его англійскихъ подданныхъ. Англія увидѣла съ негодованіемъ, что избранный ею король, для котораго она сдѣлала столько пожертвованій, попрежнему вовсе не думаетъ о ней; что, попрежнему, взоры его постоянно устремлены на континентъ и вниманіе его поглощено европейскою политикой и чуждыми англичанамъ дипломатическими планами. Нація поражена была ужасомъ, видя, что, вмѣсто мира и бережливаго управленія, Вильгельмъ представляетъ ей въ перспективѣ новую войну, новыя бѣдствія, новыя напряженія, новые долги. Но Вильгельмъ былъ правъ, упрекая англичанъ въ томъ, что они не постигали его политическихъ плановъ. Онъ одинъ между ними понималъ, что опасность вовсе не миновала, что рисвикскимъ

миромъ дѣло не кончилось. Онъ чувствовалъ, что въ Рисвикѣ заключено было одно лишь краткое перемиріе. Зная лучше, чѣмъ англичане, Лудовика XIV и французскую націю, онъ предвидѣлъ возобновленіе борьбы, и его несокрушимый духъ готовился къ этой борьбѣ, которая казалась рѣшительною и послѣднею. И надобно признать, что Вильгельмъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій. Дѣйствительно, его престолу, независимости Европы и всему протестантизму угрожала отъ Лудовика XIV и Франціи опасность, какой доселѣ не бывало.

Съ половины XVII столѣтія Франція вступила на путь, по которому слѣдуетъ до нашихъ дней, и начала играть въ Европѣ роль, которую многіе называютъ ея высокимъ и благодѣтельнымъ назначеніемъ, ея великою всемірно-историческою миссіею. Уже давно глубокомысленные историки, философы и публицисты вмѣстѣ съ огромною толпой своихъ послѣдователей говорятъ намъ о томъ, какъ Провидѣніе избрало Францію, эту счастливую, достойную зависти страну, поставило ее во главѣ европейской цивилизаціи и поручило ей образозованіе всѣхъ другихъ странъ и націй міра. Дѣйствительно, уже два столѣтія Франція продолжаетъ быть вождемъ цивилизаціи континента; уже два столѣтія французскія идеи наполняютъ міръ; французскій языкъ раздается въ каждомъ уголку Европы; французская литература услаждаетъ жизнь сотней тысячъ людей разнаго происхожденія; французскіе обычаи смягчаютъ грубость германскихъ и славянскихъ натуръ; французскія учрежденія осчастливливаютъ собою родъ человѣческій. Однакожь въ эти два столѣтія приходилось и еще теперь приходится Европѣ дорого платить за цивилизацію, данную ей Франціей. Никто, конечно, не станетъ отрицать того, сколько благотворныхъ послѣдствій принесено было французскою цивилизаціей, сколько заслугъ положила Франція для Европы, сколько мрака прогнали французскія идеи, сколько слезъ онѣ осушили, сколько плодотворныхъ сѣменъ бросили, особенно въ тѣ страны, которыя лишены были всякой цивилизаціи. Но объ этомъ говорено было много, даже слишкомъ-много; это признано всѣми; это неопровержимая аксіома; это азбука въ исторіи. Много похвалъ, много гимновъ воспѣто было о благодѣяніяхъ Франціи для человѣчества, и никто не воспѣвалъ ихъ больше и громче, чѣмъ сама Франція; поэтому нечего объ этомъ распространяться. Лучше сказать о томъ, о чемъ говорится рѣже и меньше; лучше спросить себя: всегда ли и во всемъ ли Франція была благодѣтелемъ Европы? Принесла ли ея цивилизація одни только сладкіе плоды и никакихъ горькихъ? Дарила ли она Европѣ одни только цвѣты и никакихъ терній? По несчастному закону жизни всякое человѣческое дѣло

имѣетъ и хорошую и дурную сторону; всякое добро сопряжено со зломъ, и зло иногда бываетъ чувствительнѣе, чѣмъ добро. Много дурныхъ послѣдствій принесла съ собою, рядомъ съ хорошими, гегемонія французской цивилизаціи; много вреда надѣлала Европѣ Франція, въ качествѣ ея вождя и передоваго представителя. И если мы станемъ сводить итогъ ея заслугамъ и вреду, причиненному ею въ теченіе двухъ столѣтій, то сумма вреда нерѣдко заставитъ насъ забыть о заслугахъ. Мы не говоримъ о будущемъ; очень можетъ быть, что Франціи предназначено Провидѣніемъ довести родъ человѣческій до земнаго рая. Въ такомъ случаѣ остается только пожелать, чтобъ это было поскорѣе. Но кому же дана способность проникать пути Провидѣнія? О будущемъ мы можемъ только дѣлать догадки; междутѣмъ прошедшее и настоящее доступно для насъ, осязательно; мы можемъ и должны судить о немъ. Все же, что̀ сдѣлано было Франціей до-сихъ-поръ не возбуждаетъ въ насъ особеннаго желанія чрезмѣрно радоваться ея высокому назначенію и превозносить ея великую историческую миссію. Можетъ-быть, то, что̀ кажется намъ вредомъ въ прошедшемъ и настоящемъ, окажется въ будущемъ величайшимъ благодѣяніемъ; но покамѣстъ мы не можемъ называть чернаго бѣлымъ ради будущихъ, еще неизвѣстныхъ благъ. По странной игрѣ случая, роль цивилизатора Европы выпала на долю націи, одаренной свойствами, повидимому, совершенно-несовмѣстными съ цивилизаціей, на долю націи по преимуществу воинственной, одержимой разрушительными инстинктами и постоянною страстью къ завоеваніямъ, побѣдамъ и военной славѣ. Согласно съ этимъ французская нація и стала исполнять предназначенную ей роль средствами, никакъ ненапоминающими собой цивилизаціи — войной, кровавыми битвами, осадою городовъ, огнемъ и разореніемъ. На концѣ штыковъ проникали въ Европу французскія идеи. Десятка европейскихъ войнъ нужно было Франціи для исполненія гуманной своей задачи. Въ теченіе двухъ столѣтій всѣ сосѣди Франціи не могли и теперь еще не могутъ спать спокойно отъ завоевательныхъ замысловъ цивилизаторовъ. Въ первый разъ при Лудовикѣ XIV французская пѣхота стала исполнять въ Европѣ цивилизаціонную миссію Франціи, обращая въ пустыню прирейнскія области, разгоняя по міру цѣлый мильйонъ народонаселенія палатината, разрушая до основанія цѣлые города, обращая въ груду камней старые соборы и разсѣвая на четыре вѣтра прахъ и кости восьми нѣмецкихъ императоровъ, похороненныхъ въ Шпейерѣ. Когда миновали четыре европейскія войны, возбужденныя Лудовикомъ XIV, войны, стоившія жизни нѣсколькимъ мильйонамъ людей, тогда дѣйствительно

повсюду въ Европѣ распространилась французская цивилизація. Нѣмцы и славяне, итальянцы, испанцы и шведы стали говорить по-французски и читать французскія книги; но вмѣстѣ съ тѣмъ Франція подарила Европѣ свою систему постоянныхъ армій, свои тонкости абсолютизма, свою фискальную премудрость, выжимающую изъ націи послѣдніе соки, свою централизированную администрацію и другія, тому подобныя благодѣянія. Короли Западной Европы поражены были видомъ политической системы, которая давала Лудовику такую силу, такое могущество, доставляла ему такую славу, такія побѣды, и пустились наперерывъ подражать великому монарху и заводить каждый у себя подобный же порядокъ вещей. Другіе по необходимости принуждены были защищать независимость своихъ государствъ противъ Лудовика XIV такими же средствами, какими онъ боролся съ ними, и тоже заводили у себя французскія формы управленія. Съ-тѣхъ-поръ всѣ взоры обращены были къ Франціи, какъ къ идеалу абсолютной монархіи, и все французское копировалось въ Европѣ. Каждый маленькій нѣмецкій князь считалъ себя Лудовикомъ XIV, и до начала XIX столѣтія народы Западной Европы стонали подъ гнётомъ кабинетной, фискальной, бюрократической и военной системы управленія, системы, занятой у Французской Монархіи и усовершенствованной ея подражателями; а между-тѣмъ дворы королей и высшіе классы общества окружены были блескомъ французской цивилизаціи. Надобно, впрочемъ, отдать справедливость солдатамъ Лудовика XIV, что по-крайней-мѣрѣ они вовсе не думали о цивилизаціи, которую распространяли. Они сражались за славу своего великаго монарха. Но съ конца XVIII столѣтія до нашего времени французская нація прямо и открыто сражается за цивилизацію, за идеи, за свободу, за счастье рода человѣческаго, и время отъ времени воспламеняется неудержимою страстью освобождать другія угнетенныя націи. Замѣчательно, что особенное влеченіе распространять повсюду свободу чувствуетъ нація, которая сама до-сихъ-поръ не обнаружила ни малѣйшей способности къ свободѣ, а, напротивъ, необыкновенную способность къ военной дисциплинѣ и военному искусству. Мы не думаемъ вовсе утверждать, что французы не могутъ быть когда-нибудь въ будущемъ свободными гражданами; но мы говоримъ, что покамѣстъ они способны только быть хорошими солдатами. Замѣчательно, что Франція всегда чрезвычайно много заботится о свободѣ у другихъ, но мало о свободѣ у себя, и распространяетъ либеральныя идеи тѣми же средствами, которыми солдаты Лудовика XIV распространяли французскую цивилизацію. Замѣчательно также и то, что Франція испытываетъ самые сильные при-

падки страсти освобождать другія націи, особенно тогда, когда сама находится подъ гнётомъ олигарховъ конвента или подъ желѣзнымъ владычествомъ военнаго диктатора. Что французскіе солдаты способны воспламеняться идеями и проливать кровь за идеи, то-есть за идеи вообще или, лучше, за идеи, внушенныя имъ по командѣ ихъ маршалами и генералами—это въ высшей степени благородно и даже трогательно; но надобно признать, что все это очень-дорого стòитъ Европѣ. Отъ этого бюджеты другихъ государствъ обременены долгами; отъ этого бòльшая половина ихъ доходовъ идетъ на содержаніе арміи; отъ этого система огромныхъ постоянныхъ армій впилась такъ въ европейскую почву, что едва-ли будутъ въ состояніи искоренить ее будущія столѣтія. И нельзя же государствамъ континента не содержать большихъ регулярныхъ армій и не обращать всего вниманія на военное дѣло, когда на Западѣ, въ великолѣпной стратегической позиціи живетъ нація, всегда готовая броситься то на Бельгію, то на Германію, то на Швейцарію, то на Австрію, то на Италію, то на Испанію. Отъ того-то такъ трудно утвердиться въ Западной Европѣ политической свободѣ; отъ того-то многіе министры на Западѣ смѣются надъ конституціями, народными собраніями и всѣми тому подобными комическими явленіями, и будутъ смѣяться, потому-что у каждаго изъ нихъ есть двѣ–три сотни тысячъ защитниковъ порядка, всегда готовыхъ по первому сигналу разогнать всякое собраніе. Каковы же послѣдствія принесли за собою эти громадныя европейскія войны, начатыя конвентомъ и директоріей во имя свободы и цивилизаціи и продолжаемыя Наполеономъ, эти войны, вдесятеро превзошедшія все, что̀ предпринимаемо было Лудовикомъ XIV? Правда, что солдаты Французской Республики и Наполеона, нѣсколько разъ пройдя вкривь и вкось всю Европу, оставили во многихъ мѣстахъ за собою кодексъ Наполеона, раціональное гражданское право и хорошія судебныя учрежденія; правда, что они разсѣяли повсюду такъ-называемыя идеи 89 года, идеи, въ существованіи которыхъ, впрочемъ, въ настоящее время много начинаютъ сомнѣваться во Франціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ французскія арміи подарили Европѣ и другія произведенія конвента, директоріи и особенно Наполеона. Первая Французская Республика и Наполеонъ довели до послѣднихъ предѣловъ административную централизацію. Наполеонъ далъ полицейской системѣ управленія почти-идеальное совершенство и бюрократіи небывалое доселѣ развитіе. Въ исторіи же цензуры онъ занимаетъ такое мѣсто, какое Галилей, или Ньютонъ, или Кювье занимаютъ въ области математическихъ и естественныхъ наукъ. Въ этомъ отношеніи онъ при-

надлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые своими открытіями разомъ на два столѣтія подвигаютъ впередъ человѣческое знаніе. Все это подарено было Франціей Европѣ. Наполеона отправили на островъ св. Елены, но система его осталась; уроки великаго мастера не пропали даромъ, и еще теперешнее поколѣніе Западной Европы продолжаетъ вкушать плоды французской цивилизаціи XIX столѣтія. Въ послѣдніе десятки лѣтъ Франція прибавила къ прежнимъ еще нѣсколько новыхъ благодѣяній. Западная Европа обязана ей нѣсколькими десятками мертворожденныхъ конституцій, множествомъ несбыточныхъ теорій, нѣкоторыми дальнѣйшими усовершенствованіями прежде-созданной системы управленія и болѣе чѣмъ тридцатилѣтнимъ обольщеніемъ многихъ людей, достойныхъ лучшей участи, чѣмъ та, которая ихъ постигла. Но довольно о великой исторической миссіи Франціи; возвратимся ко времени, которое насъ занимаетъ.

Въ концѣ XVII столѣтія завоевательныя стремленія Франціи были опаснѣе для независимости Европы, чѣмъ при Наполеонѣ или теперь. Тогда Франція была самымъ могущественнымъ государствомъ въ Европѣ; она была даже относительно могущественнѣе нежели теперь. Россія находилась тогда еще внѣ системы государствъ европейскихъ; Пруссія имѣла небольше значенія, чѣмъ теперь Саксонія или Ганноверъ; Англія была второстепенною державою; Соединенныхъ Штатовъ Америки вовсе не существовало. Невозможно было тогда составлять противъ Франціи такихъ громадныхъ коалицій, какія сломили Наполеона. Въ Европѣ не существовало въ это время ни одной такой обширной и компактной территоріи, какъ французская; и территорія эта пользовалась положеніемъ равно-удобнымъ и для оборонительнаго и для наступательнаго дѣйствія; она составляла какъ-бы выступающій уголъ бастіона, направленнаго на центръ Германіи. Многочисленное, однокровное и въ высшей степени храброе народонаселеніе обитало въ странѣ, отъ природы плодородной. Государство безусловно повиновалось одной всемогущей волѣ. Ни въ одной странѣ тогдашней Европы не существовало такого крѣпкаго государственнаго единства, такого сильнаго правительства, и правительство это имѣло въ своемъ распоряженіи средства, которыя въ эту эпоху могутъ быть названы колоссальными. Доходы французскаго монарха далеко превышали доходы всякаго другаго властителя. Его армія, отлично-дисциплинованная и предводительствуемая величайшими генералами вѣка, состояла изъ ста-двадцати тысячъ. Съ самаго паденія Римской Имперіи Европа не видала такого громаднаго строя регулярныхъ войскъ. Флотъ Франціи могъ соперничать съ соединенными флотами Англіи, Голландіи и

Испаніи. Всѣ эти огромныя силы находились въ рукахъ государя, свойства котораго увеличивали еще болѣе значеніе и могущество Франціи. Лудовикъ XIV былъ настоящимъ воплощеніемъ монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ воплощеніемъ французской націи; онъ соединялъ въ себѣ всѣ хорошія и всѣ дурныя ея стороны. Его характеръ, складъ его ума, его стремленія совпадали какъ-нельзя-лучше съ духомъ, съ инстинктами, съ желаніями французской націи. Всѣ элементы религіознаго и политическаго раздора внутри Франціи были подавлены двумя великими кардиналами, которые предшествовали Лудовику. Онъ докончилъ ихъ дѣло. Франція стала едина и, сильная своимъ единствомъ, она жаждала для себя внѣшней дѣятельности, рвалась изъ своихъ предѣловъ и искала себѣ арены, на которой могла бы разыграться ея сосредоточенная энергія. Лудовикъ XIV открылъ ей такую арену, вывелъ ее на поле завоеваній и военной славы, и онъ превосходно приготовилъ Францію къ этому поприщу. Онъ далъ французской націи то, что̀ она любитъ больше всего, то, что̀ наиболѣе соотвѣтствуетъ ея природѣ: онъ далъ ей дисциплину. Первый въ Европѣ онъ завелъ мундиры въ арміи. Онъ внесъ единство, порядокъ и дисциплину повсюду: въ армію, во флотъ, въ администрацію, даже въ литературу. Онъ строилъ въ шеренги ученыхъ, философовъ и поэтовъ, подобно солдатамъ и матросамъ, и награждалъ отличіе въ литературѣ, подобно отличію на полѣ битвы. Онъ стремился внести такую же дисциплину и въ церковь, и не видѣлъ причины, почему бы, по его командѣ, гугеноты не могли дѣлать фрунтъ передъ нимъ, подобно батальйонамъ Тюреня. И когда гугеноты оказались неспособными къ дисциплинѣ, то Лудовикъ не усомнился однимъ почеркомъ пера выгнать изъ Франціи цѣлый мильйонъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ гражданъ. Властолюбіе его не знало предѣловъ: онъ хотѣлъ сосредоточить Европу во Франціи, Францію въ Парижѣ, Парижъ въ правительствѣ, правительство въ самомъ себѣ. Завоевать всѣ области, сосѣднія съ Францію, пріобрѣсть для себя императорскую корону Германіи, посадить на польскій престолъ принца своего дома—таковы были его ближайшія цѣли. Для этого до конца XVII столѣтія онъ подымалъ три великія европейскія войны; и хотя не достигъ ими всѣхъ своихъ цѣлей, но все-таки изъ каждой выходилъ съ новыми пріобрѣтеніями. Никогда въ-теченіе всей своей исторіи французская нація не была такъ счастлива, какъ въ первую половину царствованія Лудовика, когда успѣхи повсюду сопровождали его. Громъ военной славы постоянно заглушалъ собою нѣкоторыя внутреннія бѣдствія; вездѣ царствовалъ порядокъ; ослѣпительный блескъ окружалъ дворъ;

всѣ были довольны и рады. Никогда Франція не имѣла правительства, которое находилось бы въ бо̀льшей гармоніи съ ея національнымъ духомъ. Еще теперь французы съ гордостью вспоминаютъ времена великаго монарха. Но Европѣ приходилось нелегко отъ его величія. Еще болѣе чѣмъ безграничное честолюбіе Лудовика, было опасно для нея его изумительное вѣроломство. Никакими договорами, никакими клятвами нельзя было связать этого человѣка. Онъ нарушалъ безъ стыда и совѣсти самыя священныя обязательства, если только дѣло шло о его выгодахъ или о томъ, что̀ онъ называлъ своею славою. Однакожъ, даже вѣроломство Лудовика возбуждало меньше ненависти, чѣмъ наглость и хвастовство, съ которымъ онъ постоянно напоминалъ сосѣдямъ о своемъ собственномъ величіи и о ихъ малости и ничтожности.

Послѣ рисвикскаго мира настала, наконецъ, для Европы опасность, которая уже давно издали и медленно приближалась и заранѣе наполняла всѣхъ страхомъ. Открывалось богатое наслѣдіе Испанской Монархіи. Испанская династія габсбургскаго дома близка была къ пресѣченію. Между-тѣмъ, какъ австрійская отрасль этого дома царствуетъ до-сихъ-поръ, испанская отрасль габсбурговъ кончалась уже въ пятомъ колѣнѣ. Всѣ были увѣрены въ Европѣ, что Лудовикъ XVI не замедлитъ протянуть своей руки къ ея огромному наслѣдію.

Поразительное зрѣлище представляетъ въ исторіи судьба Испанской Монархіи. При Карлѣ V и Филиппѣ II она, безъ-сомнѣнія, была государствомъ самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ, которыя когда-либо существовали въ мірѣ. Владѣнія Филиппа лежали во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ Европѣ онъ царствовалъ надъ Испаніею, Португаліею, Нидерландами, Франшконте, Миланомъ, Неаполемъ и Сициліею; Тоскана, Парма, Модена были въ вассальной зависимости отъ него; въ Азіи ему принадлежали колоніи, пріобрѣтенныя португальцами; въ Америкѣ онъ былъ единственнымъ властелиномъ огромныхъ территорій, распространявшихся по обѣимъ сторонамъ экватора. Современники говорили, что солнце никогда не заходило въ его владѣніяхъ. Доходы Филиппа соотвѣтствовали обширности его монархіи. Рудники Америки постоянно снабжали его драгоцѣнными металлами. Его армія была первою въ Европѣ. Ничто не могло устоять противъ испанской пѣхоты. Его флотъ наполнялъ собою всѣ моря и океаны. Онъ господствовалъ на морѣ такъ, какъ теперь господствуетъ Англія, и даже больше, потому-что у него не было никакихъ соперниковъ. Значеніе Филиппа въ Европѣ далеко превосходило значеніе Лудовика XIV. Онъ былъ главою католической лиги, и нѣсколько разъ казалось, что про-

былъ послѣдній часъ для протестантизма. Съ трудомъ избѣгла Европа универсальной монархіи, къ которой стремился король Испаніи. Но не прошло столѣтія — и зрѣлище совершенно перемѣнилось. Довольно было нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ фанатическаго абсолютизма, инквизиціи и владычества королевскихъ духовниковъ и іезуитовъ, чтобъ довести все это величіе и могущество до совершеннаго упадка. «Контрастъ между Испанскою Монархіею въ концѣ XVII и въ концѣ XVI вѣка такъ великъ, какъ контрастъ между Римомъ Галліена и Гонорія и Римомъ Цезаря и Августа». Одна за другою отпадали богатыя провинціи. Возстаніе и чужеземное завоеваніе въѣдалось въ гигантское тѣло монархіи. Освободилась Голландія; освободилась Португалія; Артуа, Руссильйонъ и Франшконте захвачены были Лудовикомъ XIV. Американскія колоніи, одна за другою, дѣлались добычею англичанъ. Несмотря на эти потери, Испанская Монархія казалась еще снаружи великою и обширною; но это огромное тѣло изнурено было неизлечимою болѣзнью; оно страдало совершеннымъ истощеніемъ, совершенною прострацiею силъ. Многіе члены его поражены были параличомъ. Испанская армія, нѣкогда такъ грозная, уменьшилась до нѣсколькихъ тысячъ солдатъ дурно-одѣтыхъ, незнавшихъ дисциплины и непомнившихъ того времени, когда получали жалованье. Солдаты королевской гвардіи толпились ежедневно вмѣстѣ съ нищими у воротъ монастырей и просили милостыни. Флотъ не составлялъ и десятой части флота Филиппа II. Арсеналы были пусты; магазины неснабжены. Пограничныя крѣпости оставались безъ гарнизоновъ. Полиція была безсильна защищать жизнь и собственность гражданъ. Въ бѣлый день воры и разбойники свирѣпствовали по улицамъ столицы. Финансы были въ ужасномъ безпорядкѣ. Народъ платилъ много; правительство получали мало. Кучи нераспечатанныхъ депешъ лежали въ министерствахъ, а между-тѣмъ министры интриговали съ придворными дамами и іезуитами и подставляли ногу другъ другу. Сосѣднія державы могли безнаказанно грабить и оскорблять потомка Карла V. Испанія не была въ-состояніи отразить внѣшняго нападенія.

Въ то время, когда государство находилось въ такомъ плачевномъ состояніи, послѣдній король Испаніи, изъ дома Габсбурговъ, Карлъ II быстрыми шагами приближался къ преждевременной могилѣ. Несчастный этотъ монархъ представлялъ собою живой образъ упадавшей Испанской Монархіи. Онъ былъ такъ же хилъ, какъ и она, такъ же разбитъ, безсиленъ и безплоденъ. Никогда въ жизни онъ не бывалъ здоровъ; никогда не подавалъ надежды на потомство. Въ портретѣ его на первый взглядъ никакъ нельзя узнать мужчины: печальное лицо

его похоже на лицо сорокалѣтней женщины, изнуренной продолжительною болѣзнью. Дни его были немногіе и грустные. Онъ былъ несчастливъ во всѣхъ войнахъ своихъ, во внутреннемъ управленіи, въ семейныхъ отношеніяхъ. Первая жена, которую онъ любилъ нѣжно, умерла еще въ юности; вторая не внушала ему ничего другаго, кромѣ страха. Его духъ былъ еще въ большемъ разстройствѣ, чѣмъ его тѣло. Всю жизнь свою онъ дожидался смерти и всѣ мысли его постоянно были обращены на могилу. Иногда онъ впадалъ въ безвыходную меланхолію; то опять, вслѣдъ за этимъ, его терзали дикія мечты и безумныя фантазіи. Страданія его увеличивались мыслью, которая никогда его не оставляла, мыслью, что за собственнымъ его разложеніемъ послѣдуетъ и разложеніе его монархіи. Онъ любилъ свою страну, и будущность ея опечиливала его сердце. Онъ зналъ, что сейчасъ послѣ его смерти разные претенденты бросятся на его наслѣдство и раздробятъ въ куски монархію, единство которой ему было дорого. А претендентовъ было много. Старшая сестра Карла II вышла за Лудовика XIV и сынъ ея, дофинъ, былъ естественнымъ ея наслѣдникомъ. Инфантка отказалась, правда, при бракѣ своемъ отъ всѣхъ правъ на испанскую корону; но извѣстно было всему міру, что Лудовикъ XIV не привыкъ связывать себя какими бы то ни было обязательствами. Вторая сестра Карла была первою женою императора Леопольда; отъ нея остался внукъ, маленькій принцъ баварскій, наслѣдникъ курфирста. Самъ императоръ Леопольдъ, чрезъ мать свою, былъ ближайшимъ кузиномъ Карла II. Нéчего упоминать о прочихъ претендентахъ. Уже права трехъ главныхъ изъ нихъ дофина, Леопольда и принца баварскаго были въ высшей степени запутаны и трудно было рѣшить, кому слѣдуетъ предпочтеніе. Вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ носилъ въ себѣ зародышъ огромной европейской войны. Такъ-какъ было ясно, что во всей Европѣ поднялась бы большая тревога, еслибъ императоръ, или дофинъ, наслѣдникъ Лудовика XIV, сдѣлался королемъ Испаніи, то оба эти претендента предложили уступить свои права младшимъ своимъ сыновьямъ: императоръ—эрцгерцогу Карлу, дофинъ — Филиппу, анжуйскому герцогу. Тайные и явные агенты Лудовика XIV, Леопольда и баварскаго принца постоянно осаждали несчастнаго Карла II и терзали его во всѣ стороны, стараясь расположить его въ пользу то того, то другаго претендента. Покоя не было ему отъ безпрестанныхъ интригъ и нашептываній. Онъ былъ въ страшномъ недоумѣніи, не зналъ что̀ дѣлать, а между тѣмъ смерть приближалась быстро. Но въ то время, когда Карлъ II недоумѣвалъ и колебался, въ Европѣ всѣ

предвидѣли, чѣмъ кончится это дѣло; всѣ предчувствовали, что верхъ получитъ сильнѣйшій изъ претендендовъ: за герцогомъ анжуйскимъ стоялъ Лудовикъ XIV. Легко было угадать всякому, что онъ дожидается только кончины Карла II, чтобъ броситься на его наслѣдство и силою оружія захватить всю монархію. Съ ужасомъ смотрѣла вся Европа на близкую будущность. Но никто не былъ больше озабоченъ ею, чѣмъ король Вильгельмъ. Онъ зналъ, что если Лудовику удасться захватить огромныя испанскія владѣнія, то конецъ тогда будетъ независимости всей Европы, конецъ протестантизму, конецъ свободѣ любимой его Голландіи, конецъ его власти въ Англіи; онъ зналъ, что послѣ этого первымъ дѣломъ Лудовика XIV было бы возстановленіе Іакова II; поэтому Вильгельмъ не сводилъ глазъ съ Лудовика и слѣдилъ безпокойно за всякимъ его поступкомъ. Онъ видѣлъ, что, несмотря на рисвикскій миръ, французскій король не думалъ вовсе объ уменьшеніи своихъ военныхъ силъ, а, напротивъ, содержалъ большую армію и явно готовился къ новой войнѣ. Что̀ оставалось дѣлать Вильгельму при такомъ положеніи дѣлъ? Очевидно, и онъ тоже не могъ думать о распущеніи войскъ и обезоруженіи флота; и ему также нужна была значительная армія и большія морскія силы, чтобъ быть готову на всякій случай. Вильгельмъ желалъ сохранить постоянную армію еще по другой причинѣ; онъ не могъ довѣрять іакобитамъ; онъ боялся съ ихъ стороны новыхъ заговоровъ. Воспитанный въ лагерѣ, среди безпрестанныхъ военныхъ дѣйствій, Вильгельмъ пріучился видѣть самую надежную опору власти въ войскѣ. Онъ любилъ войско; война была настоящею его стихіею; онъ предавался ей съ увлеченіемъ и нерѣдко смотрѣлъ на нее какъ на искусство для искусства. Ничто не характеризуетъ его лучше въ этомъ отношеніи, какъ одинъ фактъ его жизни, засвидѣтельствованный всѣми современниками. Четыре дня послѣ того, какъ узналъ онъ о заключеніи мира въ Нимвегенѣ, онъ все-таки безъ малѣйшаго колебанія вступилъ въ кровавую битву съ маршаломъ Люмсембургомъ, ничего еще незнавшемъ о мирѣ. Когда, потомъ, упрекали его въ ненужномъ кровопролитіи, онъ отвѣчалъ холодно: «Я не могъ отказать себѣ въ этомъ послѣднемъ урокѣ моего ремесла». Нельзя было, однакожь, Вильгельму сохранить армію послѣ рисвикскаго мира безъ согласія палатъ. Подписанная имъ декларація правъ говорила, что король англійскій не имѣетъ права содержать въ мирное время постоянное войско безъ позволенія парламента. Вильгельмъ обратился къ парламенту. Тогда послѣдовало самое трагическое столкновеніе. Вильгельмъ объяснилъ палатамъ опасное положеніе дѣлъ и потребовалъ денеж-

ныхъ средствъ для содержанія подъ оружіемъ 25-ти тысячъ солдатъ. Парламентъ былъ взволнованъ этимъ требованіемъ. Поднялась страшная буря. Ничего не могло быть ненавистнѣе и вигамъ, и торіамъ, какъ постоянная армія. Виги приписывали ей уничтоженіе свободы во всѣхъ государствахъ континента; торіямъ она напоминала времена Кромвеля, казнь Карла Перваго, уничтоженіе высокой церкви и палаты лордовъ. Старыя подозрѣнія противъ Вильгельма оживились. Миръ былъ заключенъ. Англичане не хотѣли и знать о новой войнѣ: они не понимали отдаленныхъ опасностей, на которыя указывалъ имъ Вильгельмъ, и считали все это дипломатическими тонкостями. Они были равнодушны къ его континентальной политикѣ и думали только о мирѣ и сбереженіи денегъ. Къ чему нужна Вильгельму армія? «Очевидно» говорили всѣ, «онъ стремится къ деспотической власти». Торіи и іакобиты получили теперь великолѣпный случай выступить въ роли патріотовъ и защитниковъ народной свободы. Они подняли страшный крикъ противъ Вильгельма. Съ ними соединились и многіе виги, несмотря на то, что министерство состояло тоже изъ виговъ и поддерживало короля. На требованія Вильгельма нижняя палата отвѣтила, повелѣвая огромнымъ большинствомъ голосовъ, чтобъ всѣ сухопытныя войска, набранныя съ самаго 1680 года, были немедленно распущены. Напрасно Вильгельмъ протестовалъ, умолялъ, грозилъ опять оставить Англію и удалиться въ Голландію: нижняя палата не думала уступать, и наконецъ насилу только согласилась оставить ему не болѣе семи тысячъ войска. Вильгельмъ былъ жестоко оскорбленъ. Подозрѣнія, возбужденныя противъ него, окончательно подорвали его популярность въ народѣ. Іакобиты работали неусыпно, чернили его, клеветали и возбуждали противъ него всеобщее негодованіе. Не менѣе потерпѣла и популярность тѣхъ виговъ, которые поддерживали требованія Вильгельма. Въ новоизбранномъ парламентѣ слѣдующаго года торіи явились въ гораздо-бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ въ прежнихъ, и удвоили оппозицію. Вильгельмъ просилъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ позволено было ему оставить при себѣ вѣрную голландскую гвардію. Парламентъ потребовалъ немедленнаго ея удаленія въ Голландію. Вильгельмъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, но принужденъ былъ уступить. Говорятъ, что, узнавъ о рѣшеніи палаты, онъ потерялъ свое обычное хладнокровіе и закричалъ: «О! еслибъ у меня былъ сынъ, моя гвардія не оставила бы Англіи!» Онъ убѣдился наконецъ, что невозможно ему ожидать никакой поддержки для его плановъ отъ англійскаго парламента, что нечего и думать о войнѣ. Отчаяваясь найти средства для вооруженнаго сопротивленія Лудовику, онъ обра-

тился къ дипломатіи, въ которой былъ мастеръ. Тогда-то совершено было дѣло, которое послужило образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣяній дипломатіи.

Вильгельмъ понималъ, что безъ войны невозможно было и думать о совершенномъ исключеніи Лудовика отъ испанскаго наслѣдства; оставалось только не допустить какимъ-нибудь средствомъ до того, чтобъ вся Испанская Монархія досталась въ его руки. Вильгельмъ придумалъ это средство. Не говоря ни слова даже своимъ министрамъ, онъ вступилъ въ переговоры съ старымъ врагомъ своимъ и предложилъ ему уладить дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ полюбовною сдѣлкою, дипломатическимъ порядкомъ. Лудовикъ согласился. Онъ радъ былъ случаю, чтобъ пустить пыль въ глаза Вильгельму, успокоить его на нѣкоторое время и такимъ образомъ получить свободу для интригъ своихъ при мадритскомъ дворѣ. Положено было допустить до уговора Голландію и втроемъ распорядиться испанскимъ наслѣдствомъ, то-есть раздѣлить его на бумагѣ такъ, чтобъ всѣ претенденты остались довольны. Все это задумано было безъ вѣдома не только императора Леопольда, но и самого испанскаго короля Карла II. Тѣмъ менѣе было рѣчи о тѣхъ, которые еще болѣе, чѣмъ испанскій король, были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ—о народностяхъ Испанской Монархіи. Никто и не думалъ о нихъ; никому и въ голову не приходило спрашивать, чего онѣ желаютъ; это считалось совершенно-излишнимъ. Уполномоченные Вильгельма, Лудовика и Голландіи сошлись втайнѣ и приступили къ дѣлу. Пошла длинная перетасовка областей, странъ и народностей. Комбинаціи придумывались за комбинаціями. Три дипломата вѣсили, мѣрили, соединяли, раздѣляли, рѣзали и опять склеивали разные члены Испанской Монархіи. Лудовикъ желалъ имѣть Миланъ—Вильгельмъ не хотѣлъ дать ему Милана. Лудовикъ потребовалъ Наварры—Вильгельмъ предложилъ ему взамѣнъ за то и за другое Неаполь и Сицилію. Испанія и Америка отдавались баварскому принцу, потомъ королю португальскому, потомъ снова баварскому принцу. Некуда было дѣть Бельгіи. Лудовикъ тащилъ ее къ себѣ—Вильгельмъ не хотѣлъ выпустить ея изъ горсти. Пошла рѣчь объ эрцгерцогѣ Карлѣ. Лудовикъ возмутился. Довольно же эрцгерцогу одного Милана. Дѣлать было нечего; опять кончилось баварскимъ принцемъ. Послѣ долгихъ совѣщаній подписанъ былъ, наконецъ, Вильгельмомъ, Лудовикомъ и Голландіею договоръ, по которому Испанская Монархія раздѣлялась между тремя претендентами. Зрѣлище это чрезвычайно-замѣчательно, особенно, если сравнимъ его съ тѣмъ, что происходитъ теперь въ Италіи. По образцу Вильгельма и Лудовика, постоянно дѣйствовала впослѣдствіи

европейская дипломатія. По ея понятіямъ, государства были не чѣмъ инымъ, какъ большими помѣстьями королей, и подданные королей—ихъ частною собственностью: поэтому и то и другое можно было передавать, дѣлить и даже продавать за деньги, какъ частную собственность. Потомъ система эта была усовершенствована еще болѣе. Вильгельмъ и Лудовикъ передавали изъ рукъ въ руки, по-крайней-мѣрѣ, цѣльныя народности; впослѣдствіи, при дипломатическихъ раздѣлахъ, шла рѣчь только о квадратныхъ миляхъ, числѣ душъ и количествѣ дохода; и народности разсѣкались на сколько угодно симетрическихъ частей. Явилась теорія такъ-называемыхъ округленій и компенсацій. Еще и теперь существуетъ много жаркихъ защитниковъ этихъ почтенныхъ дипломатическихъ преданій . . . . . .

. . . . . .

Можно себѣ представить, каковы были чувства несчастнаго испанскаго короля, когда онъ узналъ, что Вильгельмъ и Лудовикъ еще при его жизни и безъ его вѣдома распорядились его наслѣдствомъ. Главною заботою его было сохраненіе единства монархіи, а Вильгельмъ и Лудовикъ однимъ почеркомъ пера раздѣлили ее на части. Раздраженный до высочайшей степени, Карлъ II собралъ всю энергію, какая была еще въ его изнемогавшемъ духѣ, и принялъ окончательное рѣшеніе: онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе и назначилъ единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ владѣній баварскаго принца. Лудовикъ и Леопольдъ онѣмѣли отъ этого coup de théâtre. Вильгельмъ сомнительно качалъ головою. Вся Европа не знала, радоваться ли, горевать ли. Но вскорѣ послѣдовалъ другой coup de théâtre, еще болѣе неожиданный. Едва только засохли чернила, которыми Карлъ подписалъ завѣщаніе, какъ вдругъ всѣ узнали, что баварскій принцъ внезапно скончался. Вопросъ сталъ въ прежнее положеніе и представлялъ теперь еще бо̀льшія трудности. Вильгельмъ и Лудовикъ опять принялись рѣшать ихъ попрежнему. Опять сошлись втайнѣ ихъ дипломаты и составили новый договоръ о раздѣлѣ Испанской Монархіи. На этотъ разъ Испанія, Америка и Бельгія отдавались эрцгерцогу Карлу, а Неаполь, Сицилія, Миланъ и нѣкоторые округи на сѣверѣ Испаніи—внуку Лудовика XIV, Филиппу анжуйскому. Императоръ Леопольдъ не приступилъ къ этому договору, считая себя, послѣ смерти баварскаго принца, единственнымъ и несомнѣннымъ наслѣдникомъ всѣхъ испанскихъ владѣній.

О всѣхъ этихъ переговорахъ и договорахъ долгое время ничего не было извѣстно въ Англіи ни парламенту, ни даже министерству. Вильгельмъ велъ все дѣло самымъ неконституціоннымъ образомъ. Англій-

скій король не можетъ ничего дѣлать безъ своихъ министровъ, которые отвѣчаютъ за всѣ мѣры внутренней и внѣшней политики. Ничего нѣтъ противнѣе всѣмъ понятіямъ англичанъ, какъ личный образъ правленія. Но Вильгельмъ мало заботился о конституціи, когда дѣло шло о войнѣ или дипломатіи. Изъ Голландіи онъ потребовалъ отъ канцлера лорда Сомерса бланковъ съ государственною печатью, не говоря ни слова о томъ, чѣмъ думаетъ наполнить эти бланки. Онъ наполнилъ ихъ своими трактатами о раздѣлѣ. Когда, наконецъ, весь ходъ дѣлъ сталъ извѣстенъ въ Англіи—негодованіе было всеобщее. Опять, говорили многіе, король Вильгельмъ обнаружилъ свою неисправимую наклонность къ деспотической власти; онъ вздумалъ заключать трактаты во имя Англіи, вовсе не спрашивая Англіи. Самые трактаты подверглись строгой критикѣ. Все это дѣло послужило только къ усиленію партіи торіевъ, враждебной континентальной политикѣ Вильгельма. Не было, правда, предложено въ парламентѣ прямаго и формальнаго неодобренія трактатовъ о раздѣлѣ, но нижняя палата сдѣлала цѣлый рядъ чрезвычайно-дерзкихъ рѣшеній съ тою цѣлью, чтобъ досадить королю и виґскому министерству; она потребовала, чтобъ король взялъ назадъ всѣ помѣстья, подаренныя имъ разнымъ людямъ изъ земель, конфискованныхъ въ Ирландіи; потомъ, чтобъ онъ удалилъ отъ себя всѣхъ своихъ голландскихъ совѣтниковъ, наконецъ, чтобъ онъ отнялъ должность канцлера у лорда Сомерса. Вильгельмъ прекратилъ бурю отсрочкою парламента; но виги сдѣлались такъ непопулярны и торіи такъ сильны, что онъ принужденъ былъ пожертвовать Сомерсомъ, чтобъ удовлетворить послѣднихъ.

Критики, которымъ подвергались въ Англіи трактаты о раздѣлѣ, заключенные Вильгельмомъ, были заслуженны. Несмотря на свою дипломатическую ловкость, онъ предавался непонятному обольщенію. Лудовикъ и минуту серьёзно не думалъ объ исполненіи трактатовъ въ случаѣ смерти испанскаго короля. Онъ дѣйствовалъ съ свойственнымъ ему двуличіемъ. Съ одной стороны, онъ обѣщалъ всевозможное Вильгельму, съ другой, сейчасъ, по заключеніи втораго трактата о раздѣлѣ, самъ тайно довелъ о немъ до свѣдѣнія Карла II чрезъ посредство своего статс-секретаря.

Когда медленно-умиравшій испанскій король узналъ, что Лудовикъ и морскія державы, то-есть Англія и Голландія, вторично позволили себѣ раздѣлить на бумагѣ его монархію, изумленіе и негодованіе его не знало мѣры. Не менѣе изумлена была и вся испанская нація. Испанскій посланникъ въ Лондонѣ получилъ приказаніе сдѣлать демонстрацію англійскому правительству. Онъ сдѣлалъ ее такимъ тономъ,

что ему повелѣно было немедленно оставить Англію. Карлъ II отплатилъ за это, повелѣвъ выѣхать изъ Мадрита посланникамъ Англіи и Голландіи. Лудовикъ XIV, хотя самъ тоже авторъ трактата о раздѣлѣ, успѣлъ отклонить весь гнѣвъ Карла и испанской націи отъ себя и обратить его противъ морскихъ державъ. Морскія державы не имѣли больше никакого агента въ Мадритѣ. Ихъ вѣроломный союзникъ получилъ чрезъ это свободу безпрепятственно продолжать свои происки. Несчастный Карлъ II опутанъ былъ постоянно сѣтью противоположныхъ интригъ. Королева, духовникъ и большинство министровъ стояли за эрцгерцога Карла. Главными агентами Лудовика XIV были: посланникъ его въ Мадритѣ, графъ Гаркуръ, образецъ военнаго дипломата, и архіепископъ толедскій, кардиналъ Портокарреро, образецъ духовнаго дипломата. Гаркуръ дѣйствовалъ на дворъ и столицу своею утонченною любезностью, своею роскошью и пышностью жизни, своею щедростью и гостепріимствомъ. Портокарреро дѣйствовалъ на короля всѣми тѣми средствами, какими обыкновенно іезуиты управляли слабыми умами и больными натурами. И у того, и у другаго были многіе помощники. Карлъ II былъ постоянною игрушкою обѣихъ факцій, старавшихся побѣдить одна другую. Смѣлые и ловкіе агенты Франціи безпрестанно толковали ему, что Лудовикъ, одинъ только Лудовикъ, довольно-силенъ для того, чтобъ сохранить единство монархіи, и что императоръ не въ-состояніи будетъ защитить ее отъ раздѣла. Но никакія толкованія не могли поколебать въ Карлѣ естественнаго пристрастія къ родственному ему австрійскому дому. Тогда Портокарреро прибѣгнулъ къ мастерскому средству: онъ посовѣтовалъ Карлу обратиться къ папѣ. Какъ вѣрный сынъ католической церкви, Карлъ послѣдовалъ совѣту. Можно было знать впередъ, что̀ отвѣтитъ тогдашній папа, бывшій креатурою Лудовика XIV; онъ отвѣчалъ, увѣряя Карла, что, для спасенія его души, ему необходимо назначить наслѣдникомъ Филиппа анжуйскаго. И теперь еще Карлъ II продолжалъ колебаться. Наконецъ, онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Портокарреро удвоилъ свои усилія. Карлъ уступилъ и подписалъ роковое завѣщаніе—источникъ столькихъ бѣдствій для Европы. Завѣщаніе это хранилось втайнѣ впродолженіе короткаго времени, которое оставалось еще жить Карлу. Наконецъ случилось давно-ожидаемое событіе. 3-го ноября 1700 года послѣдній испанскій Габсбургъ скончался. Цѣлый Мадритъ поспѣшилъ во дворецъ. Испанцы горѣли нетерпѣніемъ узнать, ка̀къ распорядился ими покойникъ. Въ главной залѣ собралась толпа иностранныхъ посланниковъ, которымъ это было не менѣе любопытно. Завѣщаніе было открыто, и Испанія, а за нею Европа узна-

ли, что вся монархія передавалась въ немъ Филиппу анжуйскому. Теперь повсюду поднялся вопросъ: приметъ ли Лудовикъ это завѣщаніе во имя своего внука, или побоится новой европейской войны и исполнитъ условія втораго трактата о раздѣлѣ, заключенномъ съ Вильгельмомъ. Лудовикъ не замедлилъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ знаменитый документъ привезенъ былъ въ Версаль, онъ поздравилъ своего внука въ присутствіи всего двора его величествомъ королемъ испанскимъ. «Теперь нѣтъ больше Пиренеевъ» прибавилъ великій монархъ, обращаясь къ толпѣ придворныхъ. Вся Франція аплодировала грандіозному изреченію. Французы были въ такомъ восторгѣ, какъ-будто каждый изъ нихъ получилъ по завѣщанію богатое помѣстье. Но иныя чувства давили душу Вильгельма. Онъ былъ жестоко обманутъ своимъ противникомъ. Отчаяніе овладѣло его сердцемъ. Всѣ долголѣтнія усилія его были напрасны. Безплодными оказались и составляемыя имъ коаліціи, и двѣ длинныя и кровавыя войны, и тонкіе дипломатическіе разсчеты. Цѣль, къ которой онъ всю жизнь стремился, была теперь дальше отъ него, чѣмъ когда-нибудь. Желѣзная его натура начинала гнуться подъ тяжестью неудачи. Онъ сидѣлъ уединенный въ своемъ голландскомъ замкѣ, въ Лу, въ принужденномъ бездѣйствіи, чуждаясь людей и грустно смотря въ будущность. Мрачно начиналось для него и для Европы XVIII-ое столѣтіе. Повсюду собирались густыя тучи. Казалось, что не только не будетъ больше Пиренеевъ, но что скоро исчезнутъ и Альпы, и Рейнъ, и каналъ, отдѣляющій Францію отъ Англіи.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Два послѣдніе года царствованія Вильгельма.—Торійская реакція противъ него.—Законъ о трехлѣтнемъ срокѣ парламента.—Начало ежегоднаго бюджета.—Характеристика торійскихъ сельскихъ джентльменовъ. — Установленіе ганноверскаго престолонаслѣдія.—Положеніе дѣлъ въ Европѣ наканунѣ войны за испанское наслѣдство.—Успѣхи Лудовика XIV.—Его союзники.—Затруднительное положеніе Вильгельма вслѣдствіе равнодушія англійскаго парламента.—Процесъ канцлера Сомерса.—Реакція въ Англіи въ пользу Вильгельма и его политики.—Смерть Іакова II.—Необдуманный поступокъ Лудовика XIV.—Послѣднія минуты Вильгельма и смерть его.

Мм. гг.

Когда въ Англію пришло извѣстіе о томъ, что Карлъ II испанскій передалъ въ завѣщаніи всѣ свои обширныя владѣнія Филиппу, герцогу анжуйскому, и что Лудовикъ XIV принялъ это завѣщаніе во имя своего внука, неудовольствіе, накопившееся въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, дошло до окончательнаго взрыва. Виги были

въ министерствѣ и имѣли большинство въ парламентѣ: поэтому противъ виговъ обратился потокъ всеобщаго негодованія; на виговъ нація возложила отвѣтственность за всѣ опасности, которыя грозили теперь Европѣ и Англіи. «Они-то, виги—такъ говорили всѣ—поддерживали короля Вильгельма во всѣхъ его планахъ; они содѣйствовали ему въ заключеніи договоровъ о раздѣлѣ Испанской Монархіи, и вотъ теперь оказалось, до чего довели эти договоры, эти тонкія дипломатическія мѣры, предпринятыя втайнѣ; противъ конституціи, безъ вѣдома парламента». Среди всеобщаго неудовольствія оживились надежды павшихъ духомъ іакобитовъ; торіи увидали съ радостью, что пришло наконецъ ихъ время. Уже давно они начали-было играть роль патріотовъ и защитниковъ свободы, и придавать себѣ видъ единственныхъ, истинныхъ друзей народа; уже давно они называли виговъ царедворцами, предостерегали отъ нихъ націю, не переставали повторять, что, при помощи виговъ, Вильгельмъ стремится, къ деспотической-власти. Теперь ихъ предсказанія, ихъ мнимыя опасенія оправдались. Казалось, что обѣ партіи помѣнялись ролями. Виги хотѣли надѣлить Англію постоянною арміею; виги нарушили конституцію въ дѣлѣ внѣшней политики; виги вовлекали Англію въ безпрерывныя континентальныя войны, безъ всякой пользы истощавшія ея средства. Во имя свободы, во имя конституціи, во имя мира торіи подняли такой крикъ, возбудили такую страшную бурю, что противъ нея не могло устоять вигское министерство; оно вышло въ отставку. Вильгельмъ принужденъ былъ разстаться съ единственными людьми, на которыхъ могъ положиться въ Англіи, и поневолѣ долженъ былъ составить новое министерство изъ торіевъ. Тяжелая необходимость заставила его предаться въ руки людей, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать ни малѣйшей поддержки въ своихъ планахъ противъ Лудовика XIV. Нѣкоторые изъ его новыхъ торійскихъ министровъ находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Іаковомъ II; въ другихъ онъ видѣлъ если не явное недоброжелательство къ себѣ, то совершенное равнодушіе. Вскорѣ за этимъ Вильгельмъ испыталъ другой ударъ, еще болѣе-чувствительный. Шесть лѣтъ назадъ, послѣ долгаго сопротивленія, онъ утвердилъ неохотно билль о трехлѣтнемъ срокѣ парламента. Теперь пришлось ему горько пожалѣть объ этомъ. Въ прежнюю эпоху, при Тюдорахъ и Стюартахъ, не было вовсе опредѣлено, сколько времени парламентъ можетъ продолжаться въ одномъ и томъ же составѣ, сколько лѣтъ могли засѣдать въ немъ, въ качествѣ представителей націи, одни и тѣ же люди. Это совершенно зависѣло отъ воли короля. Король могъ распускать парламентъ и назначать новые выборы, когда

ему было угодно, хоть бы каждый годъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ также, если захотѣлъ, удержать до конца своей жизни парламентъ, избранный при восшествіи его на престолъ. И обыкновенно прежніе англійскіе короли держались этой послѣдней системы; они распускали нижнюю палату только въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ нею, когда не было другаго средства, чтобъ сломить ея оппозицію. Но если короли умѣли ладить съ парламентомъ, если палаты были покорны ихъ волѣ, то въ такомъ случаѣ они удерживали одинъ и тотъ же парламентъ по десяти, по пятнадцати лѣтъ и даже болѣе. Такъ, напримѣръ, нижняя палата, избранная во второй годъ послѣ возстановленія Карла II Стюарта, засѣдала впродолженіе цѣлыхъ восьмнадцати лѣтъ. Вредныя послѣдствія такой системы были очевидны. Въ-теченіе такого значительнаго времени измѣнялась, можно сказать, самая нація, выростало новое поколѣніе; у этого новаго поколѣнія являлись другія потребности, другія понятія, другіе интересы; а между-тѣмъ, люди, которые должны были представлять собою націю, все оставались одни и тѣ же. Представители дѣлались совершенно чужды тѣмъ, кого представляли. Они были избраны при другихъ условіяхъ, инымъ поколѣніемъ. Парламентъ переставалъ быть настоящимъ выраженіемъ народной воли. Чуждые націи, перемѣнившейся въ своемъ составѣ, члены парламента дѣлались, притомъ, вполнѣ-независимыми отъ своихъ избирателей; связь между тѣми и другими совершенно прекращалась. Членамъ парламента нечего было бояться, что избиратели когда-нибудь потребуютъ отъ нихъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ въ палатѣ и не выберутъ ихъ въ другой разъ своими представителями; они могли быть спокойны на этотъ счетъ, покамѣстъ проходило два, три десятка лѣтъ прежде чѣмъ открывались новые выборы. Находясь внѣ всякаго контроля со стороны націи, члены парламента по той же причинѣ попадали въ совершенную зависимость отъ короля. Съ званіемъ члена парламента соединено было почетное положеніе въ обществѣ и многія преимущества и привилегіи; члены парламента, между прочимъ, были освобождены отъ судебныхъ преслѣдованій со стороны заимодавцевъ. Понятно, что многимъ хотѣлось сохранить эти преимущества и привилегіи какъ-можно-подольше. Многіе члены боялись распущенія парламента и новыхъ выборовъ, потому-что при новыхъ выборахъ можно было и не попасть въ другой разъ въ палату. Особенно должны были опасаться распущенія сильно-задолжавшіе джентльмены. Какимъ же образомъ отклонить отъ себя эту опасность? Разумѣется, постоянною покорностью королю. Удерживаясь отъ всякой оппозиціи королю можно было навѣрно разсчитывать на то, что онъ

нескоро распуститъ парламентъ. Но мало того. Несдерживаемые никакою отвѣтственностью передъ своими избирателями, многіе члены парламента дѣлались доступны подкупамъ со стороны правительства. Они обращали свои мѣста въ палатѣ въ постоянный источникъ дохода и за деньги продавали свой голосъ коронѣ. При неопредѣленномъ срокѣ продолженія парламентовъ, представительная система сдѣлалась одною формою—и участіе націи въ управленіи, пустымъ звукомъ. Парламентъ былъ орудіемъ въ рукахъ короны. Многіе люди умирали, не дождавшись ни разу въ жизни случая воспользоваться своимъ правомъ выбора представителей въ палату.

До временъ самого Вильгельма парламентская система страдала еще другимъ недостаткомъ. Съ незапамятныхъ временъ считалось правиломъ въ Англіи, что король не можетъ взимать съ подданныхъ своихъ налоговъ безъ ихъ собственнаго согласія, выраженнаго законно-избраннымъ парламентомъ. Съ незапамятныхъ временъ англичане привыкли видѣть въ этомъ самое прочное основаніе, самую существенную гарантію политической свободы . . . . . .
. . . . . Они снабдили корону многими прерогативами, но въ денежныхъ дѣлахъ поставили ее въ зависимость отъ парламента. Король сильною рукою управлялъ государствомъ—и всѣ повиновались его могущественной власти; но за деньгами онъ долженъ былъ обращаться къ парламенту. Однакожь, современемъ эта гарантія свободы была искажена въ практикѣ, точно такъ же, какъ и сама представительная система, пострадавшая отъ неопредѣленнаго срока парламентовъ. При Стюартахъ вошло въ обыкновеніе, что парламентъ, созываемый въ началѣ новаго царствованія, предоставлялъ королю доходы отъ извѣстныхъ налоговъ и пошлинъ на всю жизнь. Изъ этихъ доходовъ король содержалъ свой дворъ и покрывалъ всѣ обыкновенныя издержки по государственному управленію. Только въ случаѣ какихъ-нибудь особенныхъ потребностей, напримѣръ, въ случаѣ войны, парламентъ давалъ ему чрезвычайныя денежныя субсидіи. Но если король былъ бережливъ, не дѣлалъ долговъ, не затѣвалъ войны съ сосѣдями, то онъ могъ обойтись безъ чрезвычайныхъ субсидій. Ему нечего было прибѣгать къ помощи парламента; онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Денежныя средства его увеличивались сами-собою. По мѣрѣ того, какъ возрастало народное богатство, по мѣрѣ того, какъ усиливались промышленность и торговля, возрастали и пожизненные доходы короля отъ предоставленныхъ ему налоговъ и пошлинъ. Удовольствуясь ими, онъ не нуждался въ парламентѣ, дѣлался

независимымъ отъ парламента. Оттого-то Стюарты позволяли себѣ по нѣскольку лѣтъ сряду не созывать палатъ; по нѣскольку лѣтъ сряду они управляли безъ всякаго контроля; ничто не останавливало ихъ произвола; всѣ гарантіи свободы исчезали. При Вильгельмѣ положенъ былъ конецъ этому злоупотребленію. Расходы на содержаніе королевскаго двора отдѣлены были отъ расходовъ по государственному управленію. Король получалъ разъ навсегда опредѣленную годовую сумму, изъ которой долженъ былъ содержать свой дворъ. Эта годовая сумма составила такъ-называемую *liste civile*, которая существуетъ теперь во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ. Съ другой стороны, положено было, что парламентъ будетъ давать королю средства, нужныя для управленія, для содержанія войскъ, флота и для другихъ потребностей только на одинъ годъ, а не на всю жизнь, какъ прежде. Каждый годъ министры должны были представлять парламенту на разсмотрѣніе списокъ необходимыхъ издержекъ, то-есть бюджетъ расходовъ. Парламентъ пріискивалъ средства для покрытія этихъ издержекъ, назначалъ налоги, подати, пошлины и распредѣлялъ доходы отъ нихъ по разнымъ отраслямъ администраціи. Парламентъ опредѣлялъ сколько въ этотъ годъ должно быть издержано на войско, сколько на флотъ, сколько на другія потребности. Министры не имѣли права истратить ни одного фунта стерлинга больше той суммы, которая была опредѣлена парламентомъ; точно также они не имѣли права употребить ни малѣйшей частички государственныхъ доходовъ для другихъ цѣлей, чѣмъ тѣ, которыя были указаны парламентомъ. И для того и для другаго имъ нужно было особеннаго полномочія со стороны палатъ. Послѣдствія этой системы, которая въ усовершенствованномъ видѣ существуетъ въ наши дни въ Англіи, были неоцѣненны. Вопервыхъ, король принужденъ сталъ теперь созывать парламентъ каждый годъ . . . . . вовторыхъ, парламентъ, располагая бюджетомъ, распредѣляя ежегодно доходы государства по разнымъ отраслямъ управленія, получилъ возможность производить самый дѣятельный, постоянный, даже мелочной контроль надъ всею системою администраціи. Со временъ Вильгельма, англійскій король и его министры не могутъ предпринять сами-по-себѣ ни одной сколько-нибудь важной мѣры, потому-что средства для всякой мѣры въ рукахъ парламента. Король имѣетъ право объявить войну, но онъ не въ состояніи вести ее безъ участія парламента; парламентъ можетъ отказать въ денежныхъ средствахъ, если война ему не нравится. Король можетъ остаться безъ войска и безъ флота, если парламентъ не дастъ

денегъ для содержанія ихъ. Отказывая утвердить бюдетъ, представленный министрами, парламентъ имѣетъ возможность разомъ остановить ходъ всей государственной машины . . . . . Съ-тѣхъ-поръ, какъ утвердилась при Вильгельмѣ эта система, парламентъ сдѣлался преобладающею властью въ государствѣ. Онъ сталъ уже не однимъ только законодательнымъ собраніемъ. Путемъ контроля, который онъ производитъ надъ управленіемъ, и исполнительная власть косвеннымъ образомъ перешла въ его руки. Парламентъ низвергаетъ и воздвигаетъ министерства; парламентъ даетъ направленіе всей внутренней и внѣшней политики страны. Однакожь, это чрезвычайное усиленіе его власти не могло принести никакихъ существенныхъ плодовъ для народной свободы, покамѣстъ срокъ продолженія парламентовъ не былъ ограниченъ, покамѣстъ одни и тѣ же люди по десяти и пятнадцати лѣтъ оставались представителями націи. При такихъ условіяхъ могущество парламента было даже вредно для свободы: парламентъ дѣлался безотвѣтственнымъ, неограниченнымъ въ своей власти олигархическимъ собраніемъ . . . . . Необходимо было помочь этому злу коренною реформою. Поэтому уже въ первые годы царствованія Вильгельма внесенъ былъ въ нижнюю палату билль, которымъ продолженіе парламента ограничивалось на три года и опредѣлялось, что, по истеченіи каждаго трехлѣтняго срока, король обязанъ распустить парламентъ и назначить выборы для составленія новаго. Нація, мѣняя каждые три года своихъ представителей, могла быть увѣрена въ томъ, что парламентъ всегда будетъ настоящимъ выраженіемъ ея желаній и ея интересовъ. И виги и торіи единодушно поддерживали этотъ билль. Огромнымъ большинствомъ голосовъ онъ проходилъ неоднократно въ обѣихъ палатахъ; но Вильгельмъ въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упорно сопротивлялся ему и каждый разъ отказывалъ въ своемъ утвержденіи. Онъ видѣлъ въ этомъ биллѣ самое существенное ограниченіе своей прерогативы; онъ какъ-бы предчувствовалъ, что трехлѣтній срокъ парламента будетъ имѣть современемъ самыя вредныя для него послѣдствія. Наконецъ въ одну тяжелую для него минуту Вильгельмъ уступилъ. Парламентъ исторгъ изъ рукъ его санкцію билля въ то время, когда казалось, что эта желѣзная душа сокрушена была окончательно внезапнымъ ударомъ судьбы. Жена Вильгельма, Марія, скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ, неожиданно для всѣхъ. Вильгельмъ пораженъ былъ, какъ громомъ

этою потерею. Этотъ человѣкъ, холодный и апатичный, имѣлъ, однакожъ, въ своей жизни одну привязанность, привязанность глубокую, безпредѣльную: онъ любилъ свою жену со страстью, до обожанія, но любилъ ее по-своему, молча и ничѣмъ не обнаруживая своей любви. Цѣлый мѣсяцъ послѣ ея смерти онъ былъ какъ убитый. Ни одной черты не осталось отъ человѣка, который своею хладнокровною твердостью на полѣ битвы приводилъ въ изумленіе старыхъ ветерановъ. Онъ впалъ въ совершенное оцѣпенѣніе. Министры неоднократно опасались за его умъ и за его жизнь. Больше онъ неспособенъ былъ ни къ какому сопротивленію. Парламентъ могъ сдѣлать съ нимъ что хотѣлъ. Безсильною рукою онъ подписалъ законъ о трехлѣтнемъ срокѣ, и законъ этотъ немедленно пришелъ въ исполненіе. Но незадолго послѣ этого дурныя предчувствія Вильгельма оправдались. Въ концѣ 1700 года, въ то время, когда неудовольствіе націи, возбужденное несчастнымъ исходомъ дѣла объ испанскимъ наслѣдствѣ, заставило его разстаться съ вигскими министрами и составить новый кабинетъ изъ враждебныхъ ему торіевъ, въ то время вышелъ законный срокъ парламенту. Вильгельмъ принужденъ былъ распустить палату, въ которой большинство имѣли виги, и назначить новые выборы. Можно было предвидѣть, каковъ будетъ результатъ выборовъ при тогдашнемъ состояніи умовъ. Въ цѣлой Англіи торіи получили рѣшительный перевѣсъ надъ своими противниками и въ огромномъ большинствѣ явились въ новой палатѣ. Самъ Іаковъ II могъ быть доволенъ парламентомъ, собравшимся въ Вестминстерѣ въ началѣ 1701 года. Нижняя палата наполнилась сельскими джентльменами, грубыми деревенскими сквайрами, которые составляли главную силу торійской партіи. Эти сельскіе джентльмены немного понимали толку въ континентальной политикѣ Вильгельма и всегда смотрѣли на нее съ подозрѣніемъ. Ихъ главнымъ занятіемъ была лисья охота и пирушки, на которыхъ текло потоками октябрское пиво. Всѣ знанія ихъ въ политикѣ ограничивались тѣмъ, чему научились они отъ своихъ деревенскихъ пасторовъ. Ихъ религія состояла въ томъ, чтобъ отъ души ненавидѣть диссентеровъ, а свобода существовала для нихъ тогда, когда правительство не требовало никакихъ чрезвычайныхъ податей. Они никакъ не могли помириться съ новою династіею и забыть о королѣ, который былъ за моремъ. Особенно, когда эль разгорячалъ имъ головы, старое чувство преданности къ Стюартамъ пробуждалось въ нихъ съ чрезвычайною силою. Запирая всѣ двери, они пили тогда за здоровье Іакова нескончаемые тосты. Торійскіе сельскіе джентльмены всегда смотрѣли косо на длинныя континенталь-

ныя войны Вильгельма, потому-что для нихъ эти войны влекли за собою постоянное повышеніе поземельныхъ налоговъ. Они ненавидѣли французовъ и вообще всѣхъ иностранцевъ, но имъ въ голову не могло помѣститься, отчего Вильгельмъ такъ упорно дерется съ французами, когда они еще не сдѣлали вторженія въ Англію. Внѣшняя политика Вильгельма возбуждала въ высшей степени ихъ нерасположеніе еще по другой причинѣ. Въ войнѣ съ Франціею поддерживали его виги и диссентеры, то-есть, попреимуществу городскіе классы, купцы, фабриканты, капиталисты. Война дала начало государственному долгу, облигаціямъ, рентамъ, биржевымъ спекуляціямъ, ажіотажу. Во всемъ этомъ участвовали своими капиталами главнымъ образомъ городскіе классы, то-есть виги. Государственный долгъ вызвалъ существованіе того, что англичане называютъ *monied interest*, то-есть денежныхъ интересовъ, и эти денежные интересы въ странѣ представляла собою попреимуществу партія виговъ. Напротивъ, массу торрійской партіи образовали сельскіе жители, землевладѣльцы. Торіи представляли собою интересы поземельной собственности. Между сельскимъ и городскимъ народонаселеніемъ издревле существовало соперничество и нѣкоторая антипатія. Торійскіе деревенскіе джентльмены всегда смотрѣли съ презрѣніемъ на вигскихъ торгашей и промышленниковъ; столь же враждебны они были и къ новымъ денежнымъ интересамъ, на которые опирался, которымъ покровительствовалъ король Вильгельмъ. Многіе сквайры воображали себѣ, что всѣ капиталисты, всѣ рентьеры, всѣ владѣльцы облигацій непремѣнно должны быть евреи. Государственный долгъ внушалъ имъ неизреченный ужасъ. Съ страхомъ они смотрѣли на постоянное его увеличеніе вслѣдствіе войны. Имъ казалось, что дѣло кончится непремѣнно тѣмъ, что министры должны будутъ продать Англію съ аукціона евреямъ.

Отъ парламента, въ которомъ большинство составляли такого рода люди, нечего было ожидать Вильгельму. Какое дѣло было торійскимъ джентльменамъ до этого, что Лудовикъ XIV, лордъ Бэбунъ—какъ они называли его—принялъ или не принялъ завѣщаніе короля испанскаго? Это вовсе ихъ не касалось. Политическое равновѣсіе Европы, о которомъ постоянно толковалъ имъ Вильгельмъ, было для нихъ столь же понятно, сколько и китайскій языкъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Вильгельмъ увидѣлъ, что съ торійскою палатою мало надежды на новую войну противъ Лудовика XIV. Между-тѣмъ случилось событіе, которое поставило въ опасность уже не только престолъ Вильгельма, но и самые результаты революціи 88 года, и самый протестантизмъ въ Англіи. Актомъ, по которому корона передавалась парламентомъ Виль-

гельму и Маріи было опредѣлено, что, въ случаѣ ихъ бездѣтной смерти, престолъ долженъ перейти къ сестрѣ Маріи, Аннѣ, и къ ея потомству. Анна, хотя и дочь Іакова II, осталась вѣрна протестантской религіи. Она была замужемъ за принцемъ датскимъ. У Вильгельма и Маріи дѣйствительно не было дѣтей; у Анны было ихъ много — восемь человѣкъ; но всѣ умирали одинъ за другимъ еще въ колыбели; остался только одинъ сынъ, герцогъ глостерскій. Блестящія надежды возложила нація на этого ребёнка. Ему было уже одиннадцать лѣтъ. Знаменитый лордъ Мальборо сдѣланъ былъ его воспитателемъ. Протестантское наслѣдство казалось упрочено, когда внезапно, въ началѣ 1701 года, это единственное уцѣлѣвшее дитя Анны послѣдовало за другими въ могилу. Къ кому же теперь должна была перейти корона по смерти Анны? Какимъ образомъ воспрепятствовать возвращенію католическихъ Стюартовъ? Какимъ образомъ обезпечить въ Англіи протестантскій престолъ и протестантскую религію? Вильгельму нужно было рѣшить этотъ вопросъ немедля. Онъ чувствовалъ, что немного остается ему жить на свѣтѣ. Необходимо было пріискать наслѣдника, который стоялъ бы хотя въ дальнемъ родствѣ съ царствующимъ домомъ, но прежде всего протестантскаго наслѣдника. Поэтому Вильгельмъ, не теряя времени, предложилъ парламенту на утвержденіе актъ о престолонаслѣдіи, по которому корона по смерти Анны должна была перейти къ принцесѣ Софіи, внучкѣ Іакова I Стюарта, женѣ курфирста ганнноверскаго, а потомъ къ ея сыну Георгу ганноверскому и его потомству. Смерть герцога глостерскаго и предложеніе Вильгельма застигли врасплохъ торійское большинство нижней палаты. Торіи, изъ которыхъ многіе обращали тоскливые взоры къ сенжерменскому двору и мечтали о возстановленіи Стюартовъ, не смѣли сопротивиться требованію Вильгельма и открыто высказать свои задушевныя желанія. На нихъ устремлены были взоры всей націи. Такія слова, какъ протестантизмъ, протестантское наслѣдство производили магическое дѣйствіе на всѣ умы въ Англіи. Англичане всею душею привязаны были къ протестантской религіи и боялись католицизма пуще смертнаго грѣха. Всѣ партіи, всѣ антипатіи, всѣ раздоры исчезали, когда дѣло шло о народной вѣрѣ. Даже во многихъ открытыхъ іакобитахъ привязанность къ Стюартамъ боролась съ привязанностью къ протестантизму. Очевидно было, что вся нація будетъ стоять за Вильгельма въ этомъ дѣлѣ. Поэтому предложенный имъ актъ о престолонаслѣдіи, актъ, извѣстный въ англійской конституціи подъ именемъ протестантскаго установленія, прошелъ единодушно въ обѣихъ палатахъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Вильгельмъ

опять попытался напомнить парламенту о томъ, что̀ занимало всѣ его мысли. Онъ представилъ опасное положеніе дѣлъ въ Европѣ и старался убѣдить палату въ необходимости остановить Лудовика XIV на пути къ универсальной монархіи. Но всѣ усилія его были напрасны. Торіи не хотѣли и слышать о новой войнѣ. Палата осталась глуха на всѣ его увѣщанія и заботилась только о томъ, ка̀къ-бы уменьшить расходы на войско и флотъ и облегчить тяжесть налоговъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ Вильгельмъ, вслѣдствіе равнодушія торійскаго парламента, осужденъ былъ на совершенное бездѣйствіе, Лудовикъ XIV, развивалъ дѣятельность необыкновенную. Онъ немедленно отправилъ своего внука въ Испанію и приступилъ къ военной оккупаціи всѣхъ прочихъ владѣній Испанской Монархіи. Имя его внушало такой страхъ, что повсюду новый монархъ былъ признанъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Прежде всего французская армія бросилась на Испанскія Нидерланды, т. е. на Бельгію. Это былъ самый важный постъ для Лудовика XIV. Вся Бельгія усѣяна была крѣпостями и представляла собою какъ бы одну огромную крѣпость на рубежѣ между Франціею и Европою. Давно уже Лудовикъ протягивалъ къ ней руку. Три европейскія войны онъ поднималъ для того, чтобъ захватить этотъ ключъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Каждый разъ европейская коалиція вырывала ему изъ рукъ похищенную добычу. Но теперь во всѣ бельгійскія крѣпости взошли безпрепятственно французскіе гарнизоны и провозгласили повсюду Филиппа анжуійскаго. Столь же легко достался Лудовику и другой важный постъ, обращенный на югъ Европы. Герцогъ савойскій, сторожъ Альпъ, былъ въ родствѣ съ великимъ монархомъ. Онъ пропустилъ французовъ въ Италію. Французская армія вступила въ Миланъ и выставила на стѣнахъ его знамя Бурбоновъ. Между-тѣмъ анжуйскій герцогъ торжественно въѣхалъ въ Мардитъ и былъ коронованъ подъ именемъ Филиппа V. Примѣру Испаніи послѣдовали немедленно Сардинія, Неаполь и Сицилія. Даже самыя отдаленныя колоніи испанской короны въ Америкѣ, Вест- и Остиндіи поспѣшили прислать изъявленія своей преданности бурбонскому монарху. При бездѣйствіи Вильгельма Лудовику XIV нечего было бояться нѣмецкаго императора Леопольда, который готовился къ войнѣ. У французскаго короля были союзники въ самой Германіи. Уже тогда, какъ и въ настоящее время, нѣмцы толковали много о единствѣ Германіи; но какъ-скоро начиналась война съ Имперіею, каждый разъ нѣсколько нѣмецкихъ князей стояло на сторонѣ непріятеля, и нѣмцы дрались съ нѣмцами. И теперь повторилось обычное зрѣлище. Оказалось въ десятый разъ, что нѣмецкіе князья гораздо-больше любили

французское золото, чѣмъ нѣмецкое отечество. Курфюрстъ Баварскій, слѣдуя старой традиціи своего дома, вступилъ въ союзъ съ Лудовикомъ XIV. За нѣсколько мильйоновъ французскихъ субсидій онъ обѣщалъ остановить императора, пропустить въ Германію французскую армію и соединить съ нею свое собственное войско противъ австрійскаго дома. Примѣру его послѣдовалъ братъ его, курфюрстъ кёльнскій, и открылъ Лудовику окрестности Нижняго Рейна. Еще другіе союзники были у великаго монарха. Онъ могъ разсчитывать на савойскаго герцога Виктора Амедея, отличнаго генерала, и на его небольшую, но храбрую и превосходно-дисциплинированную пьемонтскую армію. Даже Португалія, видя, что Филиппъ анжуйскій признанъ былъ единодушно ея испанскими сосѣдями, приняла сторону Франціи. Съ громадными силами Лудовикъ XIV готовился защитить завѣщаніе Карла II. Никогда еще Европа не видала такого могущества. Ни Карлъ Великій, ни Карлъ V, ни Филиппъ II не могли идти въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ былъ Лудовикъ XIV въ началѣ XVIII столѣтія. Франція, Испанія и Италія составили одну крѣпкую лигу. Ихъ природныя силы поддерживались золотомъ Америки и сокровищами обѣихъ Индій. Бельгія съ тройною цѣпью своихъ крѣпостей, вмѣсто того, чтобъ быть оплотомъ Европы противъ Франціи, сдѣлалась внѣшнимъ веркомъ Франціи противъ Европы. Баварія стала аванпостомъ для входа французскихъ армій въ самый центръ Германіи. На все это съ равнодушіемъ смотрѣлъ въ Англіи торійскій парламентъ. Ближайшая опасность грозила Голландіи. Врагъ былъ у воротъ ея. Бѣлый флагъ съ тремя лиліями развѣвался на бастіонахъ Антверпена. Могло повториться то, что̀ случилось тридцать лѣтъ назадъ, когда съ башенъ Амстердама видны были уже французскія палатки, и голландцы, спасаясь отъ порабощенія, принуждены были прорвать плотины и обратить всю страну въ огромное озеро. Голландскіе генеральные штаты обратились, чрезъ Вильгельма, къ англійскому парламенту съ просьбою о помощи. На это парламентъ отвѣтилъ Вильгельму, совѣтуя ему, какъ бы въ насмѣшку, открыть переговоры съ Лудовикомъ XIV и мирнымъ путемъ склонить его къ уступкамъ. Душевное состояніе Вильгельма было ужасно. Въ то время, когда заклятой врагъ его достигъ до апогея величія и сталъ говорить языкомъ властелина міра, Вильгельмъ чувствовалъ свое совершенное безсиліе и видѣлъ, ка̀къ безплодна была вся многотрудная его жизнь. Даже физическія силы его пострадали отъ невыносимаго душевнаго мученія. Онъ не былъ одаренъ отъ природы крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Здоровье его было чрезвычайно-слабо; всю жизнь свою онъ страдалъ нѣсколькими хроническими болѣзнями вмѣ-

стѣ; всегда былъ блѣденъ, хилъ и, казалось, едва держался на ногахъ. Особенно со смерти Маріи онъ похожъ былъ постоянно на умирающаго человѣка. Всякій, кто видѣлъ его вблизи, былъ внѣ себя отъ удивленія, какимъ образомъ столько энергіи, столько душевной силы могло помѣститься въ этомъ слабомъ, ничтожномъ организмѣ. Теперь здоровье его было окончательно подорвано. Оно не могло выдержать столькихъ тяжелыхъ ударовъ судьбы. Можно было ожидать, что нѣсколкихъ мѣсяцевъ будетъ довольно для того, чтобъ разорвать слабый узелъ, который связывалъ еще это изнуренное тѣло съ этимъ непобѣдимымъ духомъ. Вильгельмъ самъ чувствовалъ приближеніе смерти и, при мысли о ней, холодное отчаяніе овладѣвало его сердцемъ. Онъ зналъ, какъ ликовать будетъ Лудовикъ XIV о его кончинѣ. Онъ зналъ, что всѣ планы честолюбиваго монарха осуществятся безпрепятственно, какъ-скоро его не станетъ на свѣтѣ. Однакожь дѣлать было нечего. Чтобъ отклонить опасность отъ любимой своей Голландіи, Вильгельмъ принужденъ былъ признать Филиппа V отъ имени голландскихъ генеральныхъ штатовъ. Но онъ медлилъ еще офиціальнымъ признаніемъ его со стороны Англіи. Какъ утопающій, онъ ухватывался за всякій призракъ надежды.

Въ это время другаго рода заботы занимали англійскій парламентъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія, торіи достигли господства. По обычаю старыхъ временъ, первымъ желаніемъ ихъ было—дать почувствовать это господство противникамъ своимъ, вигамъ. До-сихъ-поръ торжество одной партіи всегда сопровождалось жестокимъ преслѣдованіемъ другой. Павшихъ министровъ всегда ожидала тюрьма, конфискація или смерть на эшафотѣ. Торійскимъ джентльменамъ захотѣлось еще разъ возобновить эту старую традицію. Они не удовольствовались отставкою вигскаго кабинета. Издревле нижняя палата имѣла право преслѣдовать судебнымъ порядкомъ министровъ, нарушившихъ конституцію. Вся исторія Англіи до XVIII вѣка исполнена политическими процесами такого рода. Когда парламентъ предавалъ суду министровъ, то нижняя палата играла роль обвинителя, а палата лордовъ—роль судьи. Нижняя палата составляла обвинительный актъ, потомъ депутація изъ ея членовъ несла этотъ актъ въ палату лордовъ; палата лордовъ, въ качествѣ высшаго судилища въ королевствѣ, начинала процесъ. Въ назначенный день въ особенной залѣ Вестминстера собирались всѣ перы; обвиненные министры становились у рѣшетки; депутація членовъ нижней палаты поддерживала обвиненіе; перы слушали свидѣтелей и адвокатовъ и потомъ произносили приговоръ, т. е. или оправдывали министровъ, или осуждали ихъ на тюремное заключеніе, де-

нежную пеню и даже на смертную казнь. Торійская палата, засѣдавшая въ 1701 году рѣшилась сдѣлать процесъ вигскимъ министрамъ, вышедшимъ въ отставку. Предлогомъ для обвиненія ихъ послужили роковые договоры Вильгельма о раздѣлѣ Испанской Монархіи. Вильгельмъ, правда, заключилъ ихъ, не спрашивая мнѣнія своего кабинета; но, по духу англійской конституціи, король не могъ предпринимать ничего важнаго безъ совѣта своихъ министровъ. На министрахъ лежала отвѣтственность за всѣ его мѣры. Предполагалось, что министры посовѣтовали ему эти договоры или, по-крайней-мѣрѣ, одобряли ихъ заключеніе. Они должны были отвѣчать за всѣ послѣдствія. Особенную ненависть торіевъ возбуждалъ экс-канцлеръ лордъ Сомерсъ. На него направлены были первые удары. Сомерсъ былъ однимъ изъ главныхъ предводителей партіи виговъ. Это была благородная, въ высшей степени почтенная личность. Знаменитый юристъ, великій ораторъ, отличный писатель, онъ далеко превосходилъ современниковъ своимъ возвышеннымъ образомъ мыслей, своею гуманностью, своею просвѣщенною вѣротерпимостью, своимъ истиннымъ либерилизмомъ. Посреди глубокоиспорченныхъ государственныхъ людей этого смутнаго времени, онъ одинъ остался чистъ, незапятнанъ и до конца жизни непоколебимо вѣренъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Не было во всей Англіи болѣе-ревностнаго, болѣе-постояннаго вига. Одно обстоятельство говоритъ особенно въ его пользу. Сомерсъ былъ единственнымъ англичаниномъ, къ которому Вильгельмъ чувствовалъ нѣчто похоже на дружбу. Съ своей стороны, Сомерсъ питалъ къ Вильгельму самое глубокое уваженіе; онъ видѣлъ въ немъ оплотъ политической и религіозной свободы и въ Европѣ, и въ Англіи; онъ имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе во всемъ. Это довѣріе и увлекло его къ неосторожному, противозаконному поступку. Вильгельмъ въ простомъ письмѣ изъ Голландіи потребовалъ отъ него бланковъ съ государственною канцлерскою печатью. Сомерсъ немедленно послалъ ему бланки, немного зная о содержаніи трактатовъ, которыми Вильгельмъ хотѣлъ наполнить ихъ, и не говоря объ этомъ ни слова другимъ министрамъ. Именно изъ этого нижняя палата сдѣлала главный пунктъ обвиненія и рѣшила начать противъ лорда Сомерса уголовный процесъ за явное нарушеніе конституціи. Лордъ Сомерсъ просилъ, чтобъ ему позволено было явиться въ палатѣ и лично защищать себя противъ обвиненія. Получивъ позволеніе, эксканцлеръ и перъ Англіи сталъ у рѣшетки нижней палаты и въ длинной рѣчи старался оправдывать себя тѣмъ, что, какъ членъ тайнаго совѣта, онъ повиновался именному приказанію своего государя. Такого

оправданія не можетъ допускать англійская конституція. Еслибъ каждому изъ министровъ возможно было ссылаться всегда на королевское приказаніе, то этимъ была бы совершенно уничтожена ихъ отвѣтственность, отвѣтственность, которая составляетъ одно изъ главныхъ основаній парламентской системы. Это повело бы къ личному образу правленія, внесло бы абсолютизмъ и во внутреннюю, и во внѣшнюю политику. По смыслу англійской конституціи, если король повелѣваетъ что-нибудь противозаконное, министръ не долженъ повиноваться; онъ обязанъ выйдти въ отставку, иначе онъ принимаетъ на себя отвѣтственность и подвергается опасности уголовнаго процеса. Ничѣмъ лучше не можетъ быть ограниченъ произволъ, какъ этимъ правиломъ. Если каждый сановникъ, отъ котораго король потребуетъ противозаконнаго дѣла, сочтетъ своимъ долгомъ выйдти въ отставку, то король поневолѣ принужденъ будетъ отказаться отъ своего намѣренія; онъ не найдетъ человѣка, который бы взялся быть исполнителемъ его воли и рисковалъ бы черезъ это попасть въ судъ. Лордъ Сомерсъ нарушилъ это правило. Онъ былъ несомнѣнно виноватъ. Нижняя палата не приняла его оправданія. Рѣчь его не поколебала ея рѣшенія, а, напротивъ, еще болѣе воспламенила гнѣвъ торіевъ. Палата приступила къ составленію обвинительнаго акта, но, увлеченная ненавистью и жаждою преслѣдованія, она сама испортила свое дѣло. Она прибавила къ главному пункту обвиненія противъ Сомерса еще тринадцать иныхъ пунктовъ, самыхъ нелѣпыхъ, преувеличенныхъ и внушенныхъ одной клеветою. Тутъ же обвинены были вмѣстѣ съ Сомерсомъ въ нарушеніи конституціи еще три лорда; два изъ нихъ, Галифаксъ и Орфордъ, были товарищи его по министерству; они даже не знали ничего о трактатахъ раздѣла; третьимъ былъ любимецъ Вильгельма, голландецъ Бентинкъ, лордъ Портландъ, который, по порученію его, заключилъ съ Лудовикомъ XIV эти трактаты. Депутація нижней палаты понесла четыре обвинительные акта въ палату лордовъ. До-сихъ-поръ дѣло шло по-крайней-мѣрѣ по законнымъ формамъ. Но ожесточеніе торійскихъ джентльменовъ противъ виговъ не знало мѣры. Формы судебнаго процеса казались имъ слишкомъ длинны. Не дожидаясь приговора перовъ, нижняя палата составила адресъ къ Вильгельму, въ которомъ потребовала, чтобъ онъ немедленно удалился навсегда отъ своей особы и исключилъ изъ государственнаго совѣта четырехъ обвиненныхъ лордовъ и объявилъ ихъ неспособными занимать впередъ какія бы то ни было должности. Огромной силы души нужно было Вильгельму, чтобъ сохранить хладнокровіе и власть надъ собою при такомъ требованіи. Но въ помощь

ему пришла палата лордовъ. И по составу своему, и по духу верхняя палата значительно отличилась отъ нижней. Въ ней преобладали виги. Въ ней засѣдали всѣ тѣ лорды, которые призвали Вильгельма и сдѣлали революцію 88 года; они остались вѣрны ея началамъ. Новыхъ перовъ Вильгельмъ по-преимуществу назначалъ изъ благосклонныхъ къ нему виговъ. Въ палатѣ лордовъ были всѣ его прежніе вигскіе министры. Въ нее поступали судьи, назначаемые Вильгельмомъ изъ вигскихъ юристовъ и адвокатовъ. Верхняя палата представляла собою elite англійской аристократіи. Въ ней соединялись всѣ люди, которые блистали посреди націи своими талантами, заслугами, знаменитостью рода, богатствомъ или знаніемъ. Она въ нѣсколько разъ превосходила образованіемъ, политическимъ смысломъ, чувствомъ свободы нижнюю палату, въ которой главную массу составляли грубые деревенскіе сквайры; и это превосходство палата лордовъ сохраняла до самой половины XVIII столѣтія. Посягательство нижней палаты, которая вздумала осудить обвиненныхъ министровъ еще до начала процеса, произвело сильное негодованіе въ лордахъ. Съ своей стороны, верхняя палата составила адресъ къ Вильгельму, въ которомъ просила его не принимать никакого рѣшенія относительно обвиненныхъ министровъ, покамѣстъ они не будутъ осуждены законнымъ порядкомъ своими перами. Нижняя палата запылала гнѣвомъ. Она выступила съ неслыханными притязаніями. Такъ-какъ процесъ Сомерса долженъ былъ идти первый, то она потребовала, чтобъ тремъ другимъ обвиненнымъ лордамъ запрещено было засѣдать въ качествѣ судей въ дѣлѣ экс-канцлера и чтобъ перы не назначали дня суда безъ предварительнаго совѣщанія и согласія съ нею. Верхняя палата протестовала противъ такихъ небывалыхъ притязаній и немедленно назначила день для начала процеса. Между обѣими палатами послѣдовало сильное столкновеніе. Чтобъ уладить дѣло, назначена была конференція между ними; но эта конференція еще болѣе усилила раздоръ. Между лордами и коммонерами чуть не дошло до драки. Несмотря на всѣ протесты нижней палаты, въ назначенный день лорды приступили къ суду надъ Сомерсомъ; но никто не явился изъ другой палаты, чтобъ поддерживать обвиненіе, и Сомерсъ былъ объявленъ невиновнымъ. Вслѣдъ за этимъ перы оправдали и трехъ другихъ министровъ. Нижняя палата была внѣ себя отъ ярости, увидя такой исходъ дѣла. Она подняла противъ лордовъ неистовые крики и грозила отказать въ утвержденіи бюджета, если не будетъ удовлетворено ея жалобамъ. Но между-тѣмъ въ странѣ начался сильный поворотъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе отступилось отъ

нижней палаты. Неумѣренность торійскихъ джентльменовъ возбудила всеобщее неудовольствіе. Масса народа рѣшительно приняла сторону лордовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу открылись націи глаза на опасности, которыя угрожали Европѣ и Англіи отъ Лудовика XIV. Здравый смыслъ ея пробудился. Отвсюду поднялись жалобы и нареканія на равнодушіе торіевъ къ интересамъ страны. Торійская палата сдѣлалась въ высшей степени непопулярною. Противъ нея началась агитація, какой еще доселѣ не бывало въ Англіи. . . . . : Появились безчисленныя брошюры, памфлеты и журналы, въ которыхъ поведеніе нижней палаты осуждалось самымъ рѣзкимъ образомъ. Повсюду собирались митинги, составлялись адресы, петиціи, ремонстраціи къ парламенту. Особенно-энергическій адресъ составили жители кентскаго графства; они умоляли въ немъ нижнюю палату услышать наконецъ голосъ націи и соединиться съ королемъ Вильгельмомъ для борьбы за протестантизмъ и свободу въ Европѣ. Депутація, состоявшая изъ многихъ почтенныхъ джентльменовъ, поднесла этотъ адресъ нижней палатѣ. Но торіи вели себя какъ безотвѣтственные, полновластные олигархи, а не какъ представители народа. Палата велѣла арестовать депутатовъ, бросить ихъ въ тюрьму и объявила адресъ, поданный ими, дерзкимъ, преступнымъ, мятежнымъ и нарушающимъ права и привилегіи парламента. Поступокъ этотъ вызвалъ въ цѣлой Англіи бурю негодованія. Журнальная война возгорѣлась съ небывалою силою. Общественное мнѣніе энергически возстало противъ палаты, которая попирала священное право петиціи. Не длятого — говорилось повсюду — англійская нація свергла иго своихъ королей-деспотовъ, чтобъ сдѣлаться рабынею парламента!

Въ то время, когда умы въ Англіи были въ такомъ волненіи, Лудовикъ XIV рѣшился на дѣло, которое ускорило кризисъ. Успѣхъ вскружилъ ему голову. Упоенный своимъ величіемъ, онъ считалъ все возможнымъ и все позволительнымъ. Безумная гордость повела его къ поступку, который разрушилъ зданіе, воздвигаемое имъ сорокъ лѣтъ, повергъ Европу въ многолѣтнюю войну и навлекъ на Францію несказанныя бѣдствія, разореніе, голодъ и банкротство.—Въ половинѣ сентября 1701 года въ с.-жерменскомъ дворцѣ всѣ погружены были въ печаль. Старый грѣшникъ, Іаковъ II, разставался съ жизнью, окруженный монахами и іезуитами. Лудовикъ XIV посѣтилъ въ этотъ часъ своего кліента. У смертнаго одра послѣдовала величественная сцена прощанія. Великій монархъ былъ тронутъ зрѣлищемъ, которое видѣлъ передъ собою. Онъ поклялся умирающему Іакову, что приметъ въ свои

руки защиту правъ его сына. Онъ сдержалъ немедленно свое слово. Какъ-только Іаковъ II закрылъ глаза, Лудовикъ XIV, издѣваясь надъ рисвикскимъ трактатомъ, надъ Вильгельмомъ и всею англійскою націею, провозгласилъ Іакова III королемъ великой Британіи и Ирландіи. Когда извѣстіе объ этомъ неслыханномъ дѣлѣ пришло въ Англію, вся страна отъ одного моря до другаго взволновалась страшнымъ взрывомъ народнаго гнѣва. Опять тори и виги забыли вражду и соединились въ одномъ чувствѣ ненависти противъ надменнаго монарха, который дерзнулъ распорядиться англійскимъ престоломъ. Вся нація возстала, какъ одинъ человѣкъ, и потребовала мести за нанесенную обиду, потребовала войны съ Франціею, войны на жизнь и смерть.

Теперь пришло время для Вильгельма. Онъ собралъ послѣднія силы своего духа. Больное, изнуренное его тѣло уже изнемогало и едва двигалось; но въ этомъ разсыпавшемся тѣлѣ пробудилась и закипѣла изумительная энергія. Сейчасъ же онъ заключилъ договоры съ императоромъ, съ королемъ прусскимъ, съ Даніею, съ Швеціею, и третій разъ въ своей жизни составилъ европейскую коалицію противъ Франціи. Потомъ, уже полуумирающій, онъ оставилъ Голландію и отправился въ Англію. Онъ спѣшилъ; спѣшилъ принести послѣднее дыханіе великому дѣлу. Жизнь уходила такъ скоро, а оставалось дѣлать такъ много. «Я очень-слабъ (сказалъ онъ Бентинку), я не доживу до лѣта; но не говорите объ этомъ никому». Онъ не хотѣлъ, чтобъ враги его знали, что онъ такъ близокъ къ смерти. Въ Англіи вся нація встрѣтила его съ энтузіазмомъ. Она приготовили ему такой же пріемъ, какъ послѣ рисвикскаго мира. Вильгельмъ немедленно распустилъ торійскій парламентъ и назначилъ новые выборы. Онъ перемѣнилъ министерство и опять сблизился съ вигами. Лордъ Сомерсъ сталъ главнымъ министромъ. Въ январѣ 1702 г. Вильгельмъ открылъ засѣданія новой палаты. Виги имѣли теперь большинство; но на этотъ разъ и виги и тори одинаково были готовы поддерживать короля всѣми силами. Палата утвердила договоры, заключенные Вильгельмомъ, единодушно вотировала огромныя суммы на армію и флотъ, объявила въ опалѣ претендента Іакова III, наконецъ, повелѣла, чтобъ всѣ должностныя и духовныя лица принесли клятву отреченія отъ Стюартовъ и присягнули въ томъ, что будутъ всѣми силами защищать короля Вильгельма и протестантское престолонаслѣдіе. Вильгельмъ днемъ и ночью занимался громадными приготовленіями къ войнѣ; но не суждено было ему видѣть ея начала. Рука судьбы распорядилась иначе. Новые дѣятели готовы были вступить на сцену міра. Въ мартѣ 1702 г. Вильгельмъ упалъ съ лошади и это ускорило его кончину. На смерт-

номъ одрѣ онъ продолжалъ еще свою лихорадочную дѣятельность, подписывалъ приказы, диктовалъ планъ кампаніи. Тяжело было ему умирать въ такую минуту. Онъ боролся со смертью упорно и долго. Ему хотѣлось воспользоваться каждымъ мигомъ ускользающей жизни; Ни на минуту не оставляла его мысль о томъ, что̀ приготовлялось въ Европѣ. Наконецъ, устроивъ все, великій борецъ, Ганнибалъ новаго времени, скончался. При первомъ извѣстіи о его кончинѣ въ Парижѣ были иллюминаціи и фейерверки. Въ Англіи началось новое царствованіе. На престолъ вступила принцесса Анна, и въ то же время въ Европѣ загорѣлась огромная десятилѣтняя война, которая обхватила все пространство отъ Вислы до Атлантическаго Океана.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Царствованіе королевы Анны.—Нѣсколько словъ вообще объ исторіи XVIII столѣтія въ Англіи.—Характеристика Анны и государственныхъ людей, окружавшихъ ее.—Ноттингемъ.—Рочестеръ.—Обычаи этой эпохи.—Кларендонъ.—Бокингемъ.—Норменби.— Мальборо. — Годольфинъ.

Мм. гг.

Мы вступаемъ теперь въ эпоху полнаго развитія конституціонной жизни въ Англіи . . . . . .
. . . . . Съ началомъ XVIII вѣка парламентъ дѣлается не только центромъ всей политической жизни англійской націи; въ ней соединяются всѣ нити общеевропейской политики . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ни въ одной странѣ человѣческая личность не достигала такой свободы развитія, какъ въ Англіи; оттого ни въ одной странѣ мы не видимъ такого разнообразія и такой оригинальности характеровъ. Ни одна страна, кромѣ Англіи, не производила и не производитъ столько замѣчательныхъ людей во всѣхъ родахъ дѣятельности и особенно въ сферѣ политической жизни. Довольно взглянуть поспѣшно на послѣднія полтора столѣтія ея исторіи, чтобъ придти въ изумленіе— такая огромная масса значительныхъ политическихъ дѣятелей, представляетъ нашимъ взорамъ въ-теченіе всего этого времени.

Покамѣстъ на престолѣ былъ король Вильгельмъ, могущественная его личность заслоняла собою всѣ другія личности, ставила въ тѣнь государственныхъ людей и предводителей торіевъ и виговъ. Оттого мы и не упоминали о нихъ, обозрѣвая царствованіе Вильгельма. Но

когда, по смерти его, на престолъ вступила женщина, эти люди вышли на первый планъ и приняли въ свои руки судьбы страны. Правленіе королевы Анны было для Англіи эпохою величія и славы; по этимъ Англія обязана единственно талантамъ государственныхъ людей того времени, а вовсе не самой королевѣ. Исторія рѣдко представляетъ болѣе-разительный контрастъ между двумя государями, слѣдующими другъ за другомъ, чѣмъ контрастъ между Вильгельмомъ и принцессою Анною, дочерью Іакова II. Послѣ знаменитаго полководца, глубокаго политика, энергическаго правителя, на престолъ вступила женщина слабаго характера, узкаго, ограниченнаго ума, лишенная всякой самостоятельности, исполненная предразсудковъ. Въ ней было мало рѣшительныхъ пороковъ, но еще менѣе благородныхъ, возвышенныхъ качествъ. Добрая мать, вѣрная супруга, Анна имѣла всѣ тѣ добродѣтели, которыя необходимы въ тѣсномъ кругу частной жизни, но которыхъ мало для того, чтобъ быть правительницею великаго государства. Не только въ натурѣ ея, но даже во внѣшности, въ манерахъ не было ничего царственнаго. Великія государственныя отношенія, важные вопросы политики были недоступны ея понятію. Въ дѣйствіяхъ своихъ она руководилась не убѣжденіями, а слѣпыми, закоренѣлыми предразсудками; не начала имѣли на нее вліяніе, а лица, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Лишенная всякой логики, Анна слѣдовала всегда въ рѣшеніяхъ своихъ первому впечатлѣнію, безсознательному порыву чувства; была наклонна къ перемѣнамъ не по разумной причинѣ, а ради одной новости. Умъ и вниманіе ея постоянно обращены были на мелочи. Всю жизнь свою она не могла простить одному изъ своихъ министровъ того, что онъ дерзнулъ однажды явиться передъ нею въ простомъ, ежедневномъ парикѣ, а не въ большомъ, офиціальномъ, съ шестью свитками. Нѣкоторыя наслѣдственныя черты Стюартовъ были замѣтны и въ Аннѣ: она напоминала своихъ предковъ тупымъ упрямствомъ, скрытностью, притворствомъ, своенравіемъ; но въ ней не было ни тѣни собственной воли. Она находилась постоянно въ совершенной зависимости отъ своего окруженія. Фаворитовъ у нея никогда не было; за то она не могла жить безъ фаворитовъ и привязывалась къ нимъ какою-то слѣпою, безумною, рабскою любовью. Но ея узкое сердце никогда за разъ не могло помѣстить въ себѣ больше одной привязанности. Время отъ времени то одна, то другая придворная дама дѣлалась исключительнымъ предметомъ ея нѣжности, ея неотступною конфиденткою. Всякій разъ такая конфидентка бывала всемогущимъ лицомъ при дворѣ и въ государствѣ, овладѣвала вполнѣ умомъ и сердцемъ королевы и господ-

ствовала надъ нею неограниченно. И нетрудно было пріобрѣсть власть надъ Анною, особенно женщинамъ ловкимъ и хитрымъ. Анна была чрезвычайно доступна лести и въ высшей степени легковѣрна. Нелюбезная, капризная и придирчивая въ обращеніи съ людьми, ей равнодушными, она дѣлалась необыкновенно-мягка и покорна въ отношеніи къ своимъ фавориткамъ. Обыкновенно молчаливая и неразвязная, она проводила съ ними цѣлыя ночи въ спальнѣ en-tête à-tête, болтая до безконечности, разсказывая и слушая придворныя сплетни. Вообще, Анна принадлежала къ числу тѣхъ дамъ, для которыхъ дѣла ихъ горничныхъ составляютъ главный интересъ жизни. Вмѣстѣ съ кровью Стюартовъ она получила нѣкоторую наклонность къ деспотизму и ревниво заботилась о своей власти; но таково было безсиліе ея воли и вмѣстѣ съ этимъ такова скрытность ея характера, что по нѣскольку лѣтъ сряду она выносила власть самыхъ ненавистныхъ ей министровъ, покорялась имъ наружнымъ образомъ, а междутѣмъ въ тайнѣ интриговала противъ нихъ съ своими конфидентками. Одно чувство было въ ней особенно-сильно и живо — преданность къ высокой церкви и ея догматамъ. Преданность эта была въ ней непреклонна и доходила до какого-то суевѣрнаго благоговѣнія, до фанатическаго биготизма. Анна была привязана къ высокой церкви съ такимъ ревностнымъ постоянствомъ, съ такимъ тупымъ упорствомъ, съ какимъ Іаковъ II держался католицизма. Для высокой церкви она измѣнила отцу своему, отступилась отъ него и соединилась съ Вильгельмомъ оранскимъ и предводителями революціи 88 года; для высокой церкви она готова была пожертвовать своимъ собственнымъ престоломъ. Но видя въ революціи 88 года необходимое, единственно-возможное средство для спасенія протестантизма, она не хотѣла, однакожъ, признать ея политическихъ результатовъ. Достойная дочь Стюартовъ, Анна, по примѣру ихъ, вѣровала непреклонно въ сверхъестественное начало монархіи, считала монархію божественнымъ учрежденіемъ и видѣла въ королевской прерогативѣ что-то священное, неотъемлемое, неограниченное, высшее, чѣмъ всѣ человѣческіе законы. Она не любила короля Вильгельма. Въ Вильгельмѣ не было рѣшительно ничего, что̆ могло бы понравиться женщинамъ. Тѣмъ болѣе антипатіи онъ долженъ былъ возбуждать въ такой капризной, мелочной, исполненной предубѣжденій женщинѣ, какова была Анна. Вильгельмъ платилъ ей равнымъ за равное. Они жили въ постоянномъ разладѣ между собою. Однажды даже Анна принуждена была удалиться отъ двора и въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жила отдѣльно, въ явномъ разрывѣ съ своимъ шуриномъ и съ женою его, своею сестрою Маріею.

Ненавидя Вильгельма, она еще сильнѣе ненавидѣла виговъ и диссентеровъ. Она видѣла въ вигахъ республиканцевъ, враговъ монархіи; въ диссентерахъ—безбожныхъ еретиковъ, атеистовъ и святотатцевъ. Вѣротерпимость казалась ей непростительною слабостью и чуть не смертнымъ грѣхомъ. Всѣ симпатіи ея были на сторонѣ торіевъ. Торіи видѣли въ ней дочь законнаго короля. Они поддерживали ее въ раздорѣ съ Вильгельмомъ. Она служила для нихъ центромъ соединенія. Анна слѣпо предана была торіямъ, которыхъ считала сильнѣйшими опорами монархіи и высокой церкви.

О мужѣ Анны, Георгѣ, принцѣ датскомъ, мало упоминается въ исторіи. Это былъ человѣкъ приводящаго въ отчаяніе ничтожества, безнадежно-тупой и до такой степени скучный, что навлекалъ уныніе на всѣхъ окружавшихъ. Даже король Вильгельмъ, который никакъ не былъ веселъ, находилъ общество его скучнымъ и избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Кромѣ бутылки и обильнаго стола, у принца датскаго не было никакихъ другихъ интересовъ. Онъ оставался невозмутимо-равнодушенъ ко всему, что происходило вокругъ него, при дворѣ и въ государствѣ. Если случалось что-нибудь новое и важное, онъ произносилъ механически: est-il possible? и впадалъ опять въ свое обычное отупѣніе. Народъ и не называлъ его иначе, какъ принцомъ Is it possible?

Какъ только Анна вступила на престолъ, первою заботою ея было составить министерство изъ людей, которымъ единственно она довѣряла, т. е. изъ торіевъ. Вигскіе министры Вильгельма, только-что возвратившіеся къ власти за три мѣсяца до его смерти, принуждены были выйти въ отставку и въ должность вступили главы торрійской партіи лорды: Ноттингемъ, Рочестеръ, Кларендонъ, Бокингемъ и другіе. Первый изъ нихъ Даніэль Финчъ, графъ Ноттингемъ, занималъ между торіями такое мѣсто, какое между вигами принадлежало уже извѣстному намъ лорду Сомерсу. Онъ составлялъ украшеніе торійской партіи. Ноттингемъ былъ человѣкъ высокаго благородства и неподкупной честности. Въ то время, когда другіе государственные люди этой смутной эпохи переходили постоянно изъ лагеря въ лагерь и отъ измѣны къ измѣнѣ, мѣняли убѣжденія, какъ платье, презирали честь и нравственность и думали только о самосохраненіи или о личныхъ выгодахъ, Ноттингемъ оставался непреклонно-вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, своему знамени, своей партіи. Онъ былъ ревностный приверженецъ монархической власти, ставилъ высоко королевскую прерогативу; но ему чужды были рабскія теоріи Стюартовъ о безграничномъ повиновеніи. Онъ уважалъ вѣковую конституцію своей стра-

пы и, самъ глубокій юристъ, чувствовалъ благоговѣніе къ старымъ ея законамъ; онъ боялся только новыхъ измѣненій въ конституціи, и считая ее совершенною, былъ враждебенъ всякимъ реформамъ, особенно, если предлагали ихъ виги. Хотя во многомъ недовольный королемъ Вильгельмомъ, Ноттингемъ рѣшительно сталъ на сторонѣ новой династіи и былъ чистъ отъ всякаго подозрѣнія въ іакобитизмѣ. Преданный коронѣ, онъ также преданъ былъ и высокой церкви. Высокая церковь видѣла въ немъ свою надежду, свою опору, своего старшаго, любимаго сына. Но и въ этомъ отношеніи онъ вовсе не былъ слѣпымъ, нетерпимымъ ревнителемъ; напротивъ, по внушенію Вильгельма, онъ самъ предложилъ въ парламентѣ проектъ акта о терпимости, которымъ въ первый разъ дана была нѣкоторая свобода вѣроисповѣданія диссентерамъ. Дальше этого онъ, однакожь, не пошелъ и всегда былъ противъ допущенія диссентеровъ къ государственнымъ должностямъ. Ноттингемъ пользовался именемъ одного изъ первыхъ ораторовъ тогдашняго времени; но современники упрекали его въ излишней напыщенности и постоянной, монотонной торжественности рѣчи. Личность оратора находилась въ совершенной гармоніи съ этимъ свойствомъ его краснорѣчія. Во внѣшности его всегда было что-то принужденно-величественное и недоступно-гордое. Манеры его были жостки и угловаты. Суровыя черты его смуглаго лица имѣли всегда серьёзное и даже угрюмое выраженіе. Насмѣшники находили, что у него постоянно была такая мина, какую на похоронахъ принимаетъ *chef-mourner*, т. е. наемный человѣкъ, ведущій погребальное шествіе. Вообще, онъ болѣе похожъ былъ на испанскаго гранда, чѣмъ на англійскаго лорда. Оттого англичане дали ему прозвище *Don Dismallo*, отъ слова *dismal* — угрюмый, пасмурный.

По лѣтамъ, по имени и положенію чрезвычайно-важное мѣсто между торіями занималъ Лоренсъ Гайдъ, графъ Рочестеръ, сынъ знаменитаго канцлера Кларендона. Рочестеръ былъ дядею королевы Анны и уже это одно дѣлало его первымъ лицомъ при ея правленіи. Давно уже началась его политическая дѣятельность. Еще при Карлѣ II онъ былъ министромъ. Человѣкъ чрезвычайно-страстный, вспыльчивый, наклонный къ гнѣву, честолюбивый, но узкій умомъ, Рочестеръ любилъ власть, но еще больше любилъ деньги, доходы, которые даетъ власть, и для сохраненія ихъ готовъ былъ на всякую низость. О совѣсти и нравственности онъ заботился мало. Чтобъ не потерять должности министра, Рочестеръ, гордый по природѣ, унижался передъ Іаковомъ II, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ его деспотизма, дошелъ до послѣднихъ предѣловъ рабства; передъ однимъ только онъ остано-

вился—передъ измѣною своей религіи. Когда Іаковъ потребовалъ отъ него обращенія въ католицизмъ, онъ пожертвовалъ своимъ мѣстомъ и доходами. Рочестеръ былъ преданъ всею душою высокой церкви; онъ былъ ультра-тори. Многое напоминало въ немъ самаго отъявленнаго кавальера старыхъ временъ. Ненависть его къ вигамъ и диссентерамъ доходила до свирѣпости. Всегда желавшій играть первую роль въ государствѣ, онъ не имѣлъ для этого довольно талантовъ; притомъ его неумѣнье сдерживать себя, дикіе порывы его страстей постоянно вредили его авторитету. Природную вспыльчивость поддерживало и увеличивало въ немъ неумѣренное употребленіе горячительныхъ напитковъ. Пороку этому предавались, впрочемъ, почти безъ исключенія всѣ англійскіе государственные люди того времени. Пьянство господствовало тогда во всѣхъ слояхъ народа и особенно въ высшемъ обществѣ, и вовсе не считалось позоромъ, а самымъ невиннымъ ежедневнымъ обыкновеніемъ. Способность пить крѣпко принадлежала даже къ числу свойствъ, необходимыхъ для хорошаго джентльмена. Министры только до обѣда были способны заниматься государственными дѣлами. Застольные ихъ подвиги показались бы невѣроятными людямъ теперешняго поколѣнія. Нѣкоторые изъ государственныхъ людей доходили до истинной виртуозности въ этомъ дѣлѣ. Когда Петръ Великій во время короля Вильгельма былъ въ Лондонѣ, тогдашній первый министръ, маркизъ Кармарѳенъ, угощалъ его достойнымъ образомъ въ-теченіе многихъ дней; и нельзя не придти въ ужасъ, читая о томъ, сколько они выпивали вмѣстѣ. Но то, что̀ сильно дѣйствовало на Петра, то̀ вовсе не вредило маркизу Кармарѳену; послѣ каждой попойки онъ даже чувствовалъ себя гораздо-здоровѣе. Далеко, однакожь, оставилъ за собою всѣхъ министровъ въ этомъ искусствѣ принцъ датскій; это была его спеціальность, и въ ней онъ былъ недосягаемый мастеръ. Странно сказать, что даже сама королева Анна не была свободна отъ сильной наклонности къ напиткамъ, чуждымъ ея полу, и особенно подъ конецъ своей жизни вовсе не считала нужнымъ отказывать себѣ въ частомъ удовлетвореніи этой наклонности. Послѣ того, какъ заключенъ былъ между Франціею и Англіею утрехтскій миръ, Лудовикъ XIV, желая оказать любезность англійской королевѣ, прислалъ ей въ подарокъ 2500 бутылокъ шампанскаго. Королева прожила послѣ мира только полтора года, но исторія не упоминаетъ вовсе, сколько изъ этого запаса осталось ея наслѣднику. Излишество въ напиткахъ до такой степени вошло тогда въ Англіи во всеобщій обычай, что съ этимъ принуждено было сообразоваться даже само законодательство. Когда, при Вильгельмѣ, парламентъ въ первый разъ составилъ еже-

годно-возобновляемый актъ о дисциплинѣ войска (mutiny bill), то при этомъ положено было, что военный судъ можетъ произносить смертные приговоры только съ шести часовъ утра до двухъ пополудни. Опасно было ввѣрять жизнь человѣка отобѣдавшимъ джентльменамъ.

За Ноттингемомъ и Рочестеромъ слѣдовалъ въ рядахъ торійской партіи племянникъ Рочестера графъ Кларендонъ, который, впрочемъ, былъ обязанъ своимъ значеніемъ только своему имени и родству съ королевою, а не талантамъ. Это былъ человѣкъ незначительный, но нелишенный оригинальности. Когда Анна назначила его своимъ намѣстникомъ въ американскихъ колоніяхъ, онъ вообразилъ себѣ, что для того, чтобъ представлять собою королеву, ему необходимо надѣвать во время исправленія должности женское платье. И дѣйствительно, во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ онъ являлся въ юбкѣ.—Герцогъ Бокингемъ занималъ видное мѣсто между торіями своимъ колоссальнымъ богатствомъ. Это былъ пышный вельможа, одинъ изъ первыхъ землевладѣльцевъ въ странѣ. Четыре названные торійскіе лорда вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, незначительными, составили новое министерство Анны. Она дала въ немъ мѣсто даже одному открытому іакобисту, лорду Норменби. Замѣчательно, что съ этимъ именемъ всегда связаны какія-то реставраціонныя стремленія. Лордъ Норменби во время Анны желалъ возстановленія Стюартовъ. И въ теперешней верхней палатѣ, въ Англіи, есть также лордъ Норменби, который пламенно желаетъ возстановленія тосканскаго и моденскаго герцоговъ въ Италіи и надоѣлъ уже всѣмъ своими ежедневными возгласами. Но настоящимъ главою новаго министерства сдѣлался самый замѣчательный человѣкъ этого времени—лордъ Мальборо. Жена его съ давняго времени была фавориткою королевы Анны, поэтому естественно, что онъ сталъ теперь первымъ лицомъ въ государствѣ и всемогущимъ человѣкомъ. Нельзя намъ не остановиться нѣкоторое время передъ этою личностью.

Лордъ Мальборо принадлежитъ къ числу первыхъ европейскихъ знаменитостей всѣхъ временъ. Начало XVIII столѣтія наполнено его именемъ и его дѣйствіями. Рѣдкому человѣку приходилось играть такую огромную роль въ Англіи и въ Европѣ. Онъ сталъ на мѣсто короля Вильгельма въ европейской политикѣ и достойнымъ образомъ замѣнилъ его собою. Во многомъ онъ даже значительно превзошелъ Вильгельма. Въ-теченіе десяти лѣтъ онъ былъ душою европейской коалиціи противъ Франціи и Лудовика XIV, руководилъ колоссальною войною, которая въ одно время происходила въ пяти странахъ, на пяти отдѣльныхъ театрахъ; наполнялъ Европу славою своихъ побѣдъ, яв-

лялся посредникомъ между государями, успѣвалъ въ самыхъ трудныхъ дипломатическихъ предпріятіяхъ, а въ Англіи управлялъ безусловно королевою, дворомъ, министерствомъ, парламентомъ и страною. Среди этихъ великихъ дѣяній онъ достигъ высшей точки славы, могущества и богатства; сдѣланъ былъ герцогомъ Англіи и княземъ священной Римской Имперіи. Европейскіе дворы осыпали его почестями, подарками, пансіонами. И онъ былъ вполнѣ созданъ для такой великой роли. Природа надѣлила его самыми блестящими и самыми разнообразными свойствами и дарованіями. Успѣхи его во всемъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ не получилъ никакого образованія, едва умѣлъ читать и писать и научился всему самъ въ лагерѣ, при дворѣ, въ кабинетѣ, въ парламентѣ, на конгресахъ. Онъ былъ геніальный полководецъ. Онъ стоитъ на ряду съ величайшими генералами новыхъ временъ, на ряду съ принцемъ Евгеніемъ, Фридрихомъ-Великимъ, Наполеономъ и Веллингтономъ. Въ немъ соединялись военныя качества, повидимому, самыя противоположныя—предпріимчивость и осмотрительность, смѣлость и осторожность, способность къ сложнымъ стратегическимъ комбинаціямъ и къ внезапнымъ оригинальнымъ помысламъ, задуманнымъ противъ всѣхъ правилъ военнаго искусства. Онъ составлялъ иногда такіе смѣлые планы, что всѣ считали ихъ верхомъ сумасшествія, но приводилъ ихъ въ исполненіе съ такою предусмотрительностью и съ такимъ благоразуміемъ, что потомъ эти планы казались произведеніемъ самой глубокой науки. Не было полководца болѣе-счастливаго въ своихъ предпріятіяхъ. Мальборо не испыталъ ни одной серьёзной неудачи; всѣ сраженія кончались для него побѣдою. Это постоянное счастіе внушало солдатамъ неограниченное къ нему довѣріе и нагоняло страхъ на непріятелей. Еще сегодня le grand Malbrough живетъ въ пѣсняхъ французскихъ солдатъ. Но едва-ли не выше его военныхъ дарованій стояли его дипломатическія способности. Онъ былъ дипломатъ первой степени, и до-сихъ-поръ никто еще не превзошелъ его въ этомъ отношеніи. Природа и жизнь надѣлили его всѣми свойствами, нужными для блестящаго дипломата. Онъ одаренъ былъ чрезвычайно-красивою и пріятною, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественною, импонирующею наружностью. Манеры его были очаровательны. Никто не могъ устоять противъ него, ни мужчины, ни женщины. Онъ приводилъ въ восторгъ своею любезностью, своею утонченною вѣжливостью всѣхъ подчиненныхъ. Другіе не умѣли дарить съ такою граціею, съ какою онъ отказывалъ. Съ этими внѣшними преимуществами онъ соединялъ умъ чрезвычайно-тонкій, проницательный и изворотливый, изумительную ловкость въ интригѣ, тер-

пѣніе, мягкость, уступчивость. Онъ умѣлъ ужиться со всякимъ, умѣлъ подладиться подъ каждый тонъ; прибѣгалъ по-очереди то къ хитрости, то къ лести, то къ смѣлости. Необыкновенно-мягкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно-рѣшительный, онъ всегда настаивалъ на-своемъ и успѣшно доводилъ до конца самые запутанные и трудные переговоры. Его дипломатическимъ талантамъ еще болѣе, чѣмъ военнымъ подвигамъ, Европа обязана была успѣшнымъ исходомъ войны за испанское наслѣдство. Онъ стоялъ въ главѣ коалиціи, составленной изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, и начальствовалъ надъ арміею, въ которой были войска десяти разныхъ націй. Въ такой сложной коалиціи было множество другъ другу противоположныхъ интересовъ. Каждая держава имѣла свои эгоистическія цѣли. Между союзниками господствовали зависть и раздоры. Постоянно грозила опасность распаденія великаго союза. Нужны были Милоборо необыкновенныя усилія, чтобъ сдерживать все это вмѣстѣ. Онъ принужденъ былъ возбуждать однихъ, умѣрять другихъ, соглашать противоположныя притязанія, мирить несогласія. Онъ развивалъ въ-теченіе десяти лѣтъ дѣятельность изумительную. Послѣ каждой лѣтней кампаніи, онъ или отправлялся зимою въ Англію, руководилъ совѣщаніями министерства и участвовалъ въ дебатахъ верхней палаты, или же начиналъ кампанію другаго рода, гораздо-болѣе трудную, чѣмъ лѣтняя. Онъ объѣзжалъ поочереди всѣ дворы, являлся въ Берлинѣ, потомъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Ганноверѣ, потомъ въ резиденціяхъ мелкихъ нѣмецкихъ князей, возбуждалъ повсюду членовъ коалиціи къ новымъ усиліямъ, поддерживалъ между ними единство. Въ этихъ-то дипломатическихъ поѣздкахъ обнаруживалась во всемъ блескѣ его необыкновенная ловкость. Онъ былъ образцомъ царедворца, зналъ всѣ мелочи придворной жизни, всѣ тонкости этикета. Для нѣмецкихъ князей этикетъ стоялъ выше всѣхъ дѣлъ государственныхъ. Мальборо льстилъ ихъ мелкой суетности, соблюдалъ всѣ формы, выносилъ всѣ капризы, разсыпаясь въ комплиментахъ; въ одномъ мѣстѣ сравнивалъ шестидесятилѣтнюю нѣмецкую герцогиню съ Венерою, въ другомъ принца, никогда-невидавшаго поля битвы — съ Александромъ Македонскимъ. Всѣ были отъ него въ восторгѣ, и всегда онъ достигалъ цѣли. Ему удалось даже обольстить Карла XII шведскаго, что̀ было вовсе нелегкимъ дѣломъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ также долженъ былъ бороться съ множествомъ затрудненій. Голландскіе генеральные штаты присылали ему въ лагеръ коммиссаровъ, которые ставили ему препятствія, вмѣшивались во все, запутывали все. Союзные генералы хотѣли быть умнѣе его, критиковали его планы, даже иногда дѣйст-

вовали въ противоположность съ его распоряженіями. Малоборо покорялся голландскимъ коммиссарамъ, съ уваженіемъ выслушивалъ всѣ совѣты и планы союзныхъ генераловъ, превозносилъ ихъ заслуги, ладилъ со всѣми, жилъ въ дружбѣ не только съ принцемъ Евгеніемъ, но даже съ неуживчивымъ Лудовикомъ баденскимъ. Коалиція и союзная армія держались преимущественно его неутомимыми усиліями и его удивительными дарованіями. Но въ этомъ человѣкѣ рядомъ съ свѣтлыми сторонами, было еще болѣе мрачныхъ, рядомъ съ достоинствами гнусные пороки. Вся жизнь его была поразительнымъ соединеніемъ славы и позора, величія и низости, черныхъ измѣнъ и высокихъ подвиговъ. Онъ представлялъ собою обращикъ людей, воспитанныхъ среди постоянныхъ революцій. Мы уже упоминали, какого рода безнравственность вносятъ съ собою частые политическіе перевороты. Вслѣдствіе ихъ возникаетъ порода государственныхъ людей, которые считаютъ вѣрность убѣжденіямъ признакомъ тупоумія, честность — вздоромъ, патріотизмъ—пустымъ звукомъ. Для нихъ не существуетъ ничего другаго, кромѣ низкихъ эгоистическихъ интересовъ. Продажность, вѣроломство, измѣну они считаютъ самыми обыкновенными, ежедневными средствами для достиженія цѣли. Они готовы служить всякому дѣлу и оставить его на другой день, если находятъ въ этомъ личную выгоду. Они видятъ въ политикѣ возбуждающую азартную игру ловкости и случая, игру, въ которой проворный и счастливый игрокъ можетъ добыть себѣ значеніе, славу, титулъ, богатство, но въ которой одно неосторожное движеніе можетъ стоить имущества и жизни. Мальборо превосходилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ государственныхъ людей своего времени. Это была глубоко-испорченная натура, испорченная съ самой ранней юности. Убѣжденія, нравственность, честь, совѣсть, святость присяги, дружба — все это было ему совершенно чуждо. Онъ не подозрѣвалъ даже, что существуетъ что-нибудь подобное. Основаніемъ его характера былъ эгоизмъ, эгоизмъ закоренѣлый, безпощадный, непреклонный. Сердце онъ имѣлъ совершенно-холодное и безстрастное, и едва-ли даже было въ немъ сердце. Одна страсть наполняла его душу — страсть самая низкая, самая гнусная — жадность, жадность къ деньгамъ, грязное корыстолюбіе. Деньги онъ ставилъ выше всего въ мірѣ. Самое честолюбіе, самая слава, власть и значеніе служили ему только какъ средство для накопленія денегъ. Для удовлетворенія своей алчной, ненасытной жадности онъ готовъ былъ на всякую низость. Онъ тянулъ нарочно войну, чтобъ дольше пользовать доходами, которые давала ему война, сокращалъ жалованье своимъ солдатамъ, морилъ ихъ голодомъ, входилъ въ союзъ съ откуп-

щиками по арміи и раздѣлялъ съ ними барыши. Получая огромное жалованье въ Англіи, пансіоны отъ иностранныхъ дворовъ, большіе доходы отъ своихъ имѣній, онъ хранилъ ненарушимо въ шкатулкахъ цѣлыя груды золота, былъ богатѣйшимъ подданнымъ въ Европѣ, и однакожъ, всего этого еще было ему мало. Одна черта была особенно-поразительна въ этомъ человѣкѣ: съ глубокою безнравственностью онъ соединялъ удивительное самообладаніе, рѣдкое хладнокровіе, всегдашнее, невозмутимое, олимпійское спокойствіе, постоянную ясность и ровность духа. Въ виду опасности, послѣ пораженія, послѣ побѣды, въ радости, въ печали, больной, здоровый—онъ сохранялъ всегда одинаковое расположеніе, былъ такъ же спокоенъ и увѣренъ въ себя на полѣ битвы, противъ жерла пушки, какъ и въ пріемной залѣ дворца, въ обществѣ дамъ. Передъ величайшимъ препятствіемъ и во время самой пустой церемоніи, передъ сотнею тысячъ солдатъ, вытянутыхъ въ боевой строй, или передъ тѣломъ бѣднаго крестьянина, убитаго у порога сгорѣвшей хижины, посреди оргій пьяныхъ нѣмецкихъ генераловъ, или во дворцѣ блестящаго монарха, у стола, на которомъ лежали военные планы или въ виду непріятельской батереи, извергавшей огонь и смерть и устилавшей трупами все пространство вокругъ него—онъ оставался неподвиженъ, холоденъ, невозмутимо-спокоенъ и рѣшителенъ, какъ сама судьба. Онъ смотрѣлъ одинаково на павшаго у ногъ его героя и на застрѣленнаго воробья и чувствовалъ столько же симпатіи къ одному, сколько и къ другому. Онъ былъ способенъ на все. Натура его была широка въ своей безнравственности. Онъ совершалъ величайшіе подвиги смѣлости и отваги, приводилъ въ исполненіе самыя глубокія комбинаціи мысли съ такою же ловкостью, свободою и увѣренностью, какъ и самыя низкія дѣла и мелко-гнусные поступки. Онъ говорилъ ложь, обманывалъ женщину, отымалъ у бѣдняка послѣднюю копейку съ такою же невозмутимою ясностью духа, съ какою самые честные люди совершаютъ высокія дѣянія добродѣтели. Самую страшную измѣну онъ дѣлалъ такъ же легко, какъ и придворный поклонъ; ложь черную, какъ Стиксъ, онъ произносилъ такимъ тономъ, какимъ говорилъ комплиментъ или мнѣніе о погодѣ. Онъ бралъ любовницу и оставлялъ ее, продавалъ своего благодѣтеля или опять поддерживалъ его и былъ способенъ зарѣзать его съ такимъ же спокойствіемъ и безъ всякаго угрызенія совѣсти. Сердце его не знало ни любви, ни ненависти, ни боязни, ни состраданія. Оно не было доступно никакому чувству. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ у него не было слезъ. Онъ имѣлъ ихъ на-готовѣ для всякаго удобнаго случая; смѣялся или плакалъ, смотря по надобности. Онъ готовъ былъ

ползать передъ самымъ ничтожнымъ изъ смертныхъ точно такъ же, какъ льстить великому монарху или всемогущему министру; бывалъ гордъ или покоренъ, грозилъ, умолялъ, раскаявался, проливалъ слезы, обнималъ человѣка или топталъ его ногами, смотря по обстоятельствамъ. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ людей, и малыхъ и большихъ, какъ на орудія, какъ на предметы, которыми можно было пользоваться. И онъ пользовался всѣмъ: и людьми, и вещами, извлекалъ выгоду изъ всего, эксплуатировалъ все; цѣлый міръ былъ для него богатымъ рудникомъ. Онъ бралъ съ людей все, что̀ только можно было взять — и свойства ихъ и имущество ихъ; бралъ кровь солдата и его скудную пищу; сто тысячъ фунтовъ отъ иностраннаго монарха и одинъ пенни изъ жалованья голодающаго англійскаго рядоваго; поцалуй отъ женщины и золотую цѣпь съ ея шеи; признаніе въ любви и секретъ, отъ котораго зависѣла судьба цѣлой страны. Служа всѣмъ въ одно время: и Вильгельму, и Іакову, и Лудовику XIV, и принцессѣ Аннѣ, наслѣдницѣ престола, и измѣняя всѣмъ по нѣскольку разъ, онъ служилъ только самому себѣ, своему величію, своей славѣ, и прежде всего своему мѣшку съ деньгами. Таковъ былъ герцогъ Мальборо, личность котораго занимать насъ будетъ въ теченіе нѣсколькихъ лекцій. Онъ не принадлежалъ собственно ни къ какой партіи; онъ былъ выше всякихъ партій и готовъ былъ соединиться съ тою изъ нихъ, которыя лучше служила его интресамъ. Анна, сейчасъ по вступленіи на престолъ, сдѣлала его предводителемъ всѣхъ сухопытныхъ силъ въ открывшейся войнѣ на континентѣ и поручила ему руководство всей внѣшней политики. Такимъ-образомъ онъ сталъ вмѣстѣ и главнокомандующимъ генераломъ въ арміи и министромъ войны и иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ.

Генералъ, ведущій войну, зависитъ во многомъ отъ министра финансовъ, въ рукахъ котораго находится нервъ войны, то-есть денежныя средства. Поэтому очень-важно было для Мальборо имѣть по этой части въ кабинетѣ надежнаго человѣка, на котораго онъ могъ бы вполнѣ положиться. Такимъ человѣкомъ могъ быть для него только лордъ Годольфинъ, старый его — не скажемъ другъ, потому-что Мальборо былъ выше всякой дружбы и считалъ ее предразсудкомъ ограниченныхъ головъ—но старый его товарищъ и сослуживецъ. Давно уже оба они шли вмѣстѣ по скользкой дорогѣ политической жизни и играли одну игру; и не было двухъ людей, которые бы лучше гармонировали другъ съ другомъ. Теперь они даже находились въ родствѣ: дочь Мильборо вышла за сына Годольфина. Годольфинъ былъ человѣкъ холодный, но безобидный, въ высшей степени практическій,

положительный и осторожный, съ ясною головою, всегда серьёзный, всегда сдержанный и молчаливый. Дарованія онъ имѣлъ небольшія, но силенъ былъ сужденіемъ и отличался колоссальнымъ трудолюбіемъ. Первый финансистъ своего времени, онъ зналъ свое дѣло до малѣйшихъ мелочей и занимался имъ съ любовью. По темпераменту наклонный къ покою, онъ не любилъ революцій и по той же причинѣ не любилъ контрреволюцій, и готовъ былъ поддерживать всякій существующій порядокъ вещей. Онъ не раздѣлялъ страстей и предразсудковъ ни одной партіи, и въ разныя времена бывалъ съ разными партіями, а чаще всего сохранялъ нейтральное положеніе. Ни одно изъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ правительствъ не имѣло въ немъ ревностнаго и горячаго приверженца, но каждые находили въ немъ полезнаго служителя. Онъ служилъ съ одинаковымъ прилежаніемъ и Карлу II, и Іакову II, и Вильгельму, и Аннѣ, и измѣнялъ имъ только въ случаѣ крайней необходимости, когда дѣло шло о самосохраненіи. Каждое правительство нуждалось въ его долголѣтнемъ опытѣ и глубокихъ финансовыхъ познаніяхъ. Онъ сталъ непремѣннымъ членомъ всякаго министерства и какъ-бы необходимою пружиною самой государственной машины. Но въ этомъ человѣкѣ не было ничего возвышеннаго, никакихъ высшихъ стремленій. Натура его была трезвая и прозаическая; вкусы грубые и низкіе. О литературѣ и искусствѣ онъ не имѣлъ даже подозрѣнія. Онъ былъ дѣлецъ—и только. Кромѣ финансовъ, онъ не зналъ ничего другаго. Все время, свободное отъ офиціальныхъ занятій, онъ посвящалъ игрѣ въ карты, скачкамъ, пѣтушьему бою и застольнымъ удовольствіямъ. Къ лорду Мальборо онъ чувствовалъ чрезвычайное уваженіе, какъ къ недосягаемому мастеру во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ; Мальборо видѣлъ въ немъ самаго полезнаго для себя человѣка. По требованію Мальборо, Анна сдѣлала Годольфина первымъ лордомъ казначейства, то-есть министромъ финансовъ въ своемъ кабинетѣ. Нельзя забыть еще объ одномъ членѣ новаго министерства. Первымъ лордомъ адмиралтейства и великимъ адмираломъ сдѣланъ былъ принцъ датскій: ради какихъ особенныхъ дарованій—сказать трудно. По морской части, какъ извѣстно, онъ зналъ только одно: онъ могъ устыдить самыхъ старыхъ моряковъ во всемъ, что̀ касалось бутылки. Вѣроятно, это и было поводомъ его назначенія. Таковы были люди, съ которыми Анна начала свое царствованіе.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Надежды торіевъ при вступленіи на престолъ королевы Анны. — Отношенія къ Аннѣ леди и лорда Мальборо. — Прежняя жизнь лорда Мальборо; его молодость; начало его военной карьеры; успѣхи его при дворѣ; его бракъ. — Характеръ леди Мальборо; дружба ея съ принцессою Анною. — Значеніе лорда Мальборо при Іаковѣ II; его измѣна Іакову. — Дѣятельность супруговъ Мальборо при Вильгельмѣ; положеніе ихъ при началѣ новаго царствованія. — Объявленіе войны Лудовику XIV.

Мм. гг.!

Вступленіе на престолъ принцессы Анны наполнило сердца торіевъ радостью и надеждою. Королева была слѣпо привязана къ нимъ; ее окружали самые ревностные защитники прерогативы и высокой церкви. Всѣ знаменитости торійской партіи засѣдали въ ея кабинетѣ. Казалось, что насталъ послѣдній часъ для виговъ; казалось, что никогда больше они не поднимутся послѣ своего паденія; даже якобиты были въ восторгѣ. На престолъ вступила дочь Іакова II; они привѣтствовали ее радостными кликами: они были увѣрены, что царствованіе ея пройдетъ тихо и благополучно и потомъ корона перейдетъ къ ея брату, претенденту, Іакову III. Протестантское установленіе, то-есть наслѣдство ганноверскаго дома, они считали фарсою. Торійскіе сельскіе джентльмены и сельскіе пасторы упивались сладкою надеждою, что политика новаго правительства будетъ прямо противоположна той, которой постоянно слѣдовалъ король Вильгельмъ; что новые министры будутъ покровительствовать интересамъ поземельной собственности и предоставятъ денежные и торговые интересы ихъ собственной участи; что государственный долгъ не будетъ больше увеличенъ ни однимъ фунтомъ; что уступки, сдѣланныя покойнымъ королемъ диссентерамъ, будутъ уменьшены и, пожалуй, даже взяты назадъ; что война съ Франціею, война, къ-несчастію, неизбѣжная, ограничится одними только морскими дѣйствіями и не будетъ стоить дорого, и что правительство избѣгать будетъ тѣсныхъ союзовъ съ континентальными державами, и особенно съ Голландіею; но сельскіе джентльмены и сельскіе пасторы скоро обмануты были въ своихъ надеждахъ. Королева Анна была предана торіямъ, но еще болѣе она предана была своей фавориткѣ леди Мальборо и ея мужу; а у леди и лорда Мальборо были совершенно другіе планы, чѣмъ тѣ, о которыхъ мечтали торіи; ни лордъ Мальборо, ни его жена не раздѣляли тѣхъ предразсудковъ и страстей, которыя бушевали въ сельскихъ приходахъ и викарствахъ, и въ дворахъ деревенскихъ сквайровъ, напивавшихся октябрскимъ элемъ и охотившихся

за лисицами. У обоихъ супруговъ были другаго рода стремленія; а такъ-какъ воля королевы Анны безусловно подчинена была ихъ господству, то направленіе политики новаго правительства совершенно зависѣло отъ того, что̀ захочетъ лордъ Мальборо и его жена. Сердечныя отношенія обоихъ къ королевѣ Аннѣ составляютъ ключъ къ понятію всего ея царствованія. Намъ слѣдуетъ прежде всего заняться этими отношеніями; но для этого нужно бросить взглядъ на прошедшую жизнь лорда Мальборо, котораго характеръ мы описывали въ послѣдній разъ, познакомиться при этомъ случаѣ съ его женою и разсказать исторію той знаменитой связи трехъ лицъ, связи, имѣвшей вліяніе на судьбы всей Европы.

Джонъ Чорчилль, впослѣдствіи лордъ и герцогъ Мальборо, не блисталъ особенною знаменитостью рода; отецъ его былъ старый кавалеръ, который, разорившись въ войнѣ за Стюартовъ, промѣнялъ, подъ конецъ своей жизни, саблю на перо и написалъ двѣнадцать томовъ in-folio въ защиту монарховъ и монархіи, сочиненіе, котораго, впрочемъ, не читалъ никто другой, кромѣ самого автора. Начало карьеры молодаго Чорчилля соотвѣтствовало дальнѣйшей его жизни, жизни, представляющей рѣдкую смѣсь славы и позора; онъ купилъ первые свои успѣхи безчестіемъ своей сестры. Арабелла Чорчилль принята была къ двору въ качествѣ фрейлины первой жены Іакова II, тогда герцога йоркскаго и наслѣдника престола; она обратила на себя вниманіе Іакова и скоро сдѣлалась его офиціальною любовницею. Замѣтимъ, что слѣдствіемъ этой связи былъ сынъ, знаменитый потомъ маршалъ Бервикъ, котораго придется намъ встрѣтить дальше. Возвышеніе Арабеллы доставило много выгодъ ея роднымъ и особенно ея старшему брату Джону. Джонъ Чорчилль, необыкновенно-красивый молодой человѣкъ, принятъ былъ въ королевскую гвардію, шелъ быстро и по службѣ, и при дворѣ рано сталъ извѣстенъ, какъ человѣкъ съ изящными манерами и наклонностью къ удовольствіямъ. Въ такой школѣ разврата, какою былъ дворъ Карла II, онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ; уже съ молодыхъ лѣтъ онъ соединялъ съ красотою и чрезвычайною привѣтливостью такое внѣшнее достоинство, что самые отчаянные наглецы не позволяли себѣ, въ-отношеніи къ нему, никакой невѣжливости; уже тогда онъ обнаруживалъ, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, удивительное самообладаніе и невозмутимое спокойствіе духа. Онъ не получилъ никакого воспитанія; но его проницательный и быстрый умъ вполнѣ замѣнялъ научное образованіе; онъ не былъ говоруномъ, но если ему случалось говорить публично, то природное краснорѣчіе его возбуждало зависть въ са-

мыхъ записныхъ ораторахъ. Военное его поприще началось въ дни униженія для Англіи, въ то время, когда Карлъ II помогалъ за деньги Лудовику XIV въ порабощеніи Голландіи. Чорчилль на 23-мъ году посланъ былъ съ полкомъ на континентъ для содѣйствія французскимъ войскамъ, воевавшимъ противъ Голландской Республики. По странной игрѣ случая, будущій побѣдитель Бурбоновъ бралъ первые уроки военнаго искусства у величайшихъ полководцевъ французскаго монарха — у Конде, у Тюренія, у Вобана. Уже съ первой кампаніи онъ обнаружилъ блестящія качества; его холодная неустрашимость отличала его между тысячами храбрыхъ солдатъ. Самые заслуженные генералы удивлялись его ранней зрѣлости; онъ выслушивалъ неоднократно изъявленіе признательности въ виду цѣлой арміи и получалъ доказательства уваженія и довѣренности отъ Тюренія, который находился тогда въ апогеѣ военной славы.

По возвращеніи своемъ съ континента, полковникъ Чорчилль, молодой, прекрасный, любезный, краснорѣчивый и храбрый, сдѣлался идоломъ всего двора. Блестящая военная репутація возвысила еще болѣе его природныя преимущества. Король оказывалъ ему чрезвычайную благосклонность; главный протекторъ его, Іаковъ, герцогъ йоркскій, не могъ жить безъ него; первые вельможи страны спѣшили знакомиться съ нимъ и гордились его дружбою; онъ сталъ львомъ всего высшаго общества; всѣ смотрѣли на него, какъ на идеалъ самаго утонченнаго, самаго изящнаго и совершеннаго джентльмена; придворные франты наперерывъ подражали его манерамъ, одѣвались, какъ онъ и старались усвоить себѣ хотя частичку той граціи, съ которой онъ носилъ шпагу, укладывалъ свой парикъ и дѣлалъ легкій поклонъ. Нигдѣ, однако, молодой герой не имѣлъ такихъ успѣховъ, какъ между прекраснымъ поломъ; онъ вскружилъ голову всѣмъ придворнымъ красавицамъ. Первыя дамы соперничали между собою, чтобъ пріобрѣсть его расположеніе; конца не было то смѣлымъ, то робкимъ любовнымъ признаніямъ; но холодное сердце этого человѣка не было создано для любви. Уже тогда, въ молодости, онъ обнаруживалъ ту ненасытную жадность до денегъ, которая впослѣдствіи сдѣлалась его единственною, господствующею страстью. Деньги были дороже для него, чѣмъ всѣ любовныя признанія; онъ велъ по десяти интригъ вмѣстѣ и каждый день имѣлъ по нѣскольку свиданій; но не отъ одной только природной наклонности къ волокитству. Онъ извлекалъ выгоды изъ самыхъ пороковъ своихъ и собиралъ обильную дань съ женщинъ, которыя сгарали къ нему любовью. У одной онъ бралъ драгоцѣнное кольцо съ ея пальца, у другой — золотую цѣпь съ ея

шей, у третьей — даже свитокъ съ гинеями. Нѣкоторое время онъ былъ предметомъ сильной, хотя и измѣнчивой нѣжности герцогини Клевеландъ, всемогущей султанши Карла II. Однажды король засталъ ихъ внезапно, и молодой человѣкъ принужденъ былъ выпрыгнуть въ окно; герцогиня наградила этотъ опасный подвигъ героя подаркомъ въ пять тысячъ фунтовъ. Разсчетливый молодой человѣкъ сейчасъ же отдалъ эту сумму въ займы, подъ вѣрный залогъ, и сталъ получать съ нея по пятисотъ фунтовъ ежегодно. Уже тогда въ шкатулкахъ его хранились груды денегъ, которыя, и пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда онъ сталъ первою знаменитостью въ Европѣ, оставались нетронутыми.

Однакожь, въ человѣческой природѣ бываютъ нерѣдко странныя аномаліи. Тотъ же самый Чорчилль, сердце котораго не было доступно никакому чувству, не знало ни любви, ни ненависти, ни болѣзни, ни состраданія, имѣлъ въ жизни своей одну привязанность, глубокую и искреннюю, и остался ей вѣренъ до самой могилы. Подъ конецъ царствованія Карла II при дворѣ находилась, между фрейлинами, одна молодая женщина, по имени Сара Дженнингсъ; она отличалась безукоризненною красотою, была очень-стройна, лицо имѣла чрезвычайно-выразительное, а густые и длинные ея волосы, еще тогда необезображенные пудрою, приводили въ восхищеніе многочисленныхъ ея поклонниковъ. Въ ряду этихъ поклонниковъ находился полковникъ Чорчилль. Какъ ни странно это было съ его стороны, онъ влюбился не на шутку. Сара тоже не была къ нему равнодушна, и Чорчилль женился на ней, женился по страсти. Сара была бѣдна; ему предлагали невѣсту съ большимъ состояніемъ. Послѣ нѣкоторой борьбы, любовь взяла верхъ надъ жадностью и женитьба только усилила его страсть. Странное явленіе! человѣкъ этотъ, который не подозрѣвалъ даже, что существуетъ вѣрность, преданность, дружба, котораго жизнь была рядомъ черныхъ измѣнъ, оставался вѣренъ до самой смерти одному существу — женѣ своей. Онъ продолжалъ любить ее попрежнему и въ то время, когда сталъ могущественнымъ человѣкомъ, лордомъ и герцогомъ, всесильнымъ министромъ и главнокомандующимъ. До самой старости чувство его сохранило, даже въ высшей степени, романтическій характеръ. Каждый разъ, какъ шестидесятилѣтній лордъ Мальборо отправлялся на континентъ для открытія новой кампаніи, между нимъ и женою его, которая тоже перешагнула пятый десятокъ, происходила раздиравшая сцена прощанія. Двое молодыхъ любовниковъ не разставались никогда съ такимъ отчаяніемъ. Съ поля битвы, вмѣстѣ съ депешами, сѣдой генералъ посылалъ въ Англію письма къ женѣ, исполненныя такихъ пламенныхъ изъявленій любви, что могъ

бы завидовать ему молодой человѣкъ, пишущій къ своей невѣстѣ; но мало того, человѣкъ этотъ, на котораго никто не могъ имѣть ни малѣйшаго вліянія, подчинялся нерѣдко вліянію жены. Его храбрость, которая въ опаснѣйшія минуты битвъ, казалось, только крѣпнетъ, измѣняла ему, когда жена встрѣчала его со слезами и упреками, съ наморщенными бровями, покачивая головою. «Сара до послѣдней минуты его жизни гордилась и была счастлива тѣмъ, что была единственнымъ существомъ, которое могло управлять этимъ проницательнымъ и твердымъ умомъ, которое было любимо этимъ холоднымъ сердцемъ и котораго страшился этотъ неустрашимый духъ». И недаромъ она имѣла такое вліяніе на своего мужа. Леди Мальборо была въ высшей степени замѣчательная женщина; она пережила мужа слишкомъ двадцатью годами и почти до самой половины XVIII столѣтія продолжала играть важную роль въ Англіи. Это была дама чрезвычайно-энергическаго и рѣзкаго характера, одаренная большимъ умомъ, твердою волею и пылкими страстями. Смѣлость, гордость и безграничное честолюбіе были отличительными свойствами ея духа. Она жаждала власти и значенія для себя и для своего мужа, и готова была рѣшиться на все для достиженія ихъ. Манеры ея были надменны и повелительны; она не выносила никакого противорѣчія; съ лѣтами увеличивались ея капризность и неуживчивость; она раздѣляла съ мужемъ любовь къ деньгамъ, но, между-тѣмъ, какъ онъ копилъ, она проматывала. Одною поразительною чертою она рѣзко отличалась отъ мужа: у ней были страсти, отъ которыхъ онъ былъ совершенно свободенъ. При всей своей глубокой безнравственности, Мальборо не былъ золъ по характеру, и вовсе не зналъ ненависти. Въ женѣ его, напротивъ, злости было больше, чѣмъ всего другаго; ненависть пробуждалась въ ней легко, и она ненавидѣла всѣмъ сердцемъ, безгранично, непримиримо. Она ненавидѣла всякаго, кто влѣзалъ въ дорогу ея мужу и препятствовалъ его карьерѣ, а по смерти мужа—всякаго, кто только достигалъ величія, славы и значенія. Эта злость росла въ ней вмѣстѣ съ лѣтами. «Она дожила до того, что сдѣлалась самымъ несноснымъ и жалкимъ созданіемъ, и дряхлою старухою была во враждѣ съ цѣлымъ міромъ, даже съ родными, даже съ дѣтьми и внуками; достигнувъ величія и богатства, она дорожила ими преимущественно потому, что они доставляли ей возможность презирать общественное мнѣніе и развивать въ душѣ своей ненависть и къ живымъ, и къ мертвымъ». Леди Мальборо умерла, оставивъ послѣ себя имя величайшей ненавистницы своего времени; но въ то время, когда на ней женился Чорчилль, характеръ ея еще не сложился; «она не была еще тѣмъ, чѣмъ

сдѣлалась впослѣдствіи, когда могущество и счастливая жизнь развили въ ней одинъ родъ пороковъ, а несчастія — другой; когда голова ея была вскружена успѣхами и лестью, когда ея сердце разрывалось отъ бѣдствій и огорченій....» «Подъ конецъ жизни Карла II и въ царствованіе Іакова она считалась просто прекрасной, умной молодой женщиной, которая время отъ времени могла сердиться и самовластвовать, но порывы гнѣва, которой можно было прощать изъ уваженія къ ея красотѣ».

Полковникъ Чорчилль былъ человѣкъ, родившійся подъ счастливою звѣздою. Онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ; но еслибъ онъ даже получилъ руку богатѣйшей наслѣдницы въ цѣлой Англіи, то это не доставило бы такихъ выгодъ его алчности и честолюбію, какъ бракъ съ Сарою Дженнингсъ. «Его жена, очень небогатая, принесла ему приданое, которое сдѣлало его герцогомъ Англіи, княземъ Нѣмецкой Имперіи, главою великой европейской коалиціи, посредникомъ между могущественными государями и—что̀ было ему всего дороже—богатѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ». Съ самаго ранняго дѣтства Сара Дженнингсъ воспитывалась вмѣстѣ съ принцессою Анною, и между дѣвочками образовалась тѣсная дружба. Характерами онѣ очень мало походили другъ на друга. Анна была флегматична, неразвязна и молчалива. Сара, напротивъ, имѣла чрезвычайно-живой темпераментъ и была бойкая говорунья. Анна охотно подчинялась тѣмъ, кого любила. Сара господствовала надъ всякимъ, кого удостоивала своимъ расположеніемъ. У Анны гнѣвъ принималъ видъ упрямой и безгласной пасмурности. У Сары гнѣвъ изливался цѣлымъ потокомъ слезъ, воплей, упрековъ и бранныхъ словъ. Анна была очень-набожна и до биготизма привязана къ обрядамъ и формамъ высокой церкви. Сара немного заботилась о религіи и на святость не имѣла никакихъ притязаній. Давно уже замѣчено, что различіе вкусовъ, понятій и характеровъ вовсе не бываетъ препятствіемъ къ дружбѣ. Анна не только любила леди Чорчилль, но, можно сказать, обожала ее. Принцесса не могла жить безъ предмета своей романтической нѣжности. Простой народъ приписывалъ даже эту необыкновенную привязанность какому-нибудь талисману или волшебному эликсиру. «Вышедши замужъ, Анна была вѣрною и даже любящею женою; но принцъ датскій (о котораго скукѣ и спеціальныхъ дарованіяхъ мы распространялись въ прошлый разъ) не пріобрѣлъ надъ нею того вліянія, которое имѣла ея подруга, и первая статс-дама. Скоро и онъ самъ съ тупымъ терпѣніемъ подчинился господству пылкаго и повелительнаго духа, управлявшаго его женой. Родились дѣти—и Анна была доброй матерью; но нѣжность, которую она чув-

ствовала къ дѣтямъ, была слаба въ сравненіи съ преданностью подругѣ дѣтства. Этикетъ, стѣснявшій эту дружбу, сдѣлался для принцессы невыносимымъ; она не могла слышать такихъ словъ, какъ: «государыня, ея величество» отъ той, которая была для нея больше, чѣмъ сестрою; эти слова были неизбѣжны въ пріемной залѣ, но въ спальнѣ и кабинетѣ совсѣмъ не употреблялись. Анна и ея фаворитка въ дружескихъ бесѣдахъ отлагали всякій этикетъ, всѣ титулы; Анна называлась просто мистриссъ Морли, а леди Чорчилль — мистрисъ Фриманъ. Даже принцъ датскій, который заботился объ этикетѣ на столько, на сколько могъ заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ ѣды и питья, соглашался быть просто мистеромъ Морли. Подъ этими именами въ-теченіе двадцати лѣтъ велась между подругами переписка, отъ которой впослѣдствіи зависѣла судьба министровъ и династій. Леди Чорчилль хвалилась, что выбрала имя Фриманъ собственно потому, что оно соотвѣтствовало прямотѣ и откровенности ея характера; и надобно отдать ей справедливость: она пріобрѣла и долго сохраняла деспотическую власть надъ слабымъ умомъ Анны вовсе не тѣми средствами, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ придворные. Въ ней было мало женскаго такта; по рѣзкости своего характера, она не могла ни льстить, ни притворяться. Но характеръ ея подруги былъ такого рода, что именно рѣшительная, неуступчивая воля производила на нея магическое дѣйствіе. Въ этой странной дружбѣ преданность, терпѣливость, самопожертвованіе было на сторонѣ госпожи; капризы, высокомѣріе, обидчивость на сторонѣ подчиненной.

При Карлѣ и Іаковѣ Анна, покамѣстъ не имѣла еще никакой политической власти, но дружба ея была залогомъ величія Чорчиллей въ будущемъ; однакожь, даже и въ это время Чорчилль успѣлъ удовлетворять своей жадности къ деньгамъ черезъ вліяніе своей жены. На расположеніе принцессы онъ смотрѣлъ, какъ на рудникъ. Анна отъ природы была наклонна къ скупости, и даже, когда сдѣлалась королевою, ни столъ ея, ни экипажи не отличались роскошью; но фавориткѣ своей она не могла отказать ни въ чемъ, и была такъ щедра къ ней, что, несмотря на большіе свои доходы, нѣсколько разъ входила въ долги, которые каждый разъ уплачивалъ Іаковъ, и сердясь и удивляясь. Онъ и не подозрѣвалъ, на что тратитъ дочь его такія огромныя суммы. Между-тѣмъ военная и придворная карьера полковника Чорчилля шла быстро. Іаковъ привязывался къ нему все болѣе-и-болѣе и почти не разставался съ нимъ. Послѣ вступленія своего на престолъ Іаковъ сейчасъ сдѣлалъ своего *protegé* генераломъ и шотландскимъ перомъ и отправилъ его съ важными дипломатическими

миссіями во Францію и въ Голландію. Когда вспыхнуло возстаніе Монмоута, Чорчиллю представился новый случай къ отличію. Его дѣятельности его храбрости, его военнымъ дарованіямъ Іаковъ главнымъ образомъ обязанъ былъ подавленіемъ этого возстанія. Взаимная связь ихъ укрѣпилась послѣ этого еще болѣе; казалось, ничто не будетъ въ состояніи расторгнуть ихъ дружбы. Іакова видѣлъ въ Чорчиллѣ самаго вѣрнаго, самого надежнаго своего служителя. Чорчилль долженъ былъ видѣть въ Іаковѣ не только своего государя, но и личнаго своего благодѣтеля. Привязанность его къ Іакову должна была основываться не на одномъ только чувствѣ вѣрноподданства; Іакову онъ обязанъ былъ всѣмъ: Іаковъ вывелъ его въ люди; съ Іаковомъ должно было связывать его чувство военной чести, чувство личной благодарности и даже крѣпчайшія узы интереса. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думали профаны. Но Чорчилль былъ выше всѣхъ такого рода соображеній. О благодарности онъ имѣлъ немного понятій и предоставлялъ это чувство недальновиднымъ, ограниченнымъ людямъ; но выгоды свои онъ понималъ отлично. Какъ-скоро онъ замѣтилъ, что Іаковъ вступилъ на опасную дорогу и сталъ работать надъ собственною погибелью, сейчасъ же, не медля, онъ принялъ свои мѣры и первый между англичанами вступилъ въ тайныя сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ; между тѣмъ жена его работала надъ принцессею Анною и приготовляла ея слабый умъ къ такому же поступку. Игра, которую теперь сталъ играть Чорчилль, не имѣетъ себѣ подобной въ исторіи. Предавшись принцу оранскому, онъ все-таки остался при Іаковѣ, продолжалъ притворяться его преданнѣйшимъ слугою, всѣми силами поддерживалъ его опасную политику и нарочно внушалъ ему самыя безумныя мѣры, чтобъ тѣмъ скорѣе довести его до погибели. Іаковъ, никакъ не подозрѣвая его измѣны, во всемъ довѣрялъ ему слѣпо. Наконецъ наступилъ кризисъ. Принцъ Оранскій высадился и началъ медленно подвигаться къ Лондону. Тогда Чорчилль совершилъ дѣло, въ сравненіи съ которымъ измѣна маршала Нея Лудовику XVIII можетъ показаться высочайшимъ подвигомъ античной доблести. Іаковъ поручилъ ему начальство надъ значительнымъ отрядомъ войска, которое должно было остановить на пути Вильгельма. Чорчилль привлекъ Іакова въ лагерь въ Сальсбёри и настаивалъ на томъ, чтобъ какъ-можно-поскорѣе дать битву Вильгельму: на это у него были важныя причины. Онъ составилъ обширный заговоръ въ арміи и положилъ перейдти со всѣмъ своимъ отрядомъ на сторону принца оранскаго и передать ему въ руки Іакова, своего благодѣтеля. Непредвидѣнный случай помѣшалъ Чорчиллѣ исполнить эту послѣднюю часть задуманнаго плана. Онъ дезертировалъ ночью въ лагерѣ Вильг-

гельма одинъ, съ нѣсколькими офицерами; но еще въ тотъ же день вечеромъ онъ дружески ужиналъ съ Іаковомъ; лицо его сохраняло свою обычную, любезную и невозмутимую ясность; съ лицемѣрнымъ энтузіазмомъ онъ разсыпался въ клятвахъ, что прольетъ послѣднюю каплю крови на службѣ своего милостиваго государя. На другой день послѣ бѣгства Чорчилля, все войско Іакова или перешло къ непріятелю, или разбѣжалось.

Вступленіе на престолъ Вильгельма и Маріи открыло Чорчилю новый, блестящій горизонтъ. Вильгельмъ, награждая его услуги, произвелъ его въ англійскіе перы съ титуломъ лорда Мальборо и поручилъ ему главное начальство англійскихъ силъ въ Нидерландахъ въ открывшейся войнѣ противъ Лудовика XIV. Съ каждымъ годомъ увеличивалась его военная репутація; покрывшись славою въ Нидерландахъ, онъ пожиналъ новые лавры въ Ирландіи и нанесъ послѣдній ударъ тамошнему возстанію. Вмѣстѣ съ военною славою открылась для Мальборо новая и безграничная перспектива обогащенія. Принцесса Анна сдѣлалась теперь чрезвычайно-важнымъ лицомъ въ государствѣ. Она должна была наслѣдовать корону послѣ Вильгельма. При такомъ положеніи дѣлъ, значеніе ея конфидентки леди Мальборо возросло необыкновенно. «Всѣ поступки принцессы во время революціи 88-го года показывали, что у ней самой нѣтъ ни воли, ни мнѣнія. Все это влагалось въ нее единственно внушеніями Чорчиллей. Для нихъ пожертвовала она узами родства, предразсудками, привычками, выгодами. Повинуясь имъ, она вошла въ заговоръ противъ отца, бѣжала изъ Вайтголля, передалась инсургентамъ, согласилась уступить свое мѣсто въ порядкѣ престолонаслѣдія принцу оранскому. Теперь они съ удовольствіемъ увидѣли, что Анна, безусловно подчиненная ихъ вліянію, сама имѣетъ огромное вліяніе на другихъ. Едва совершился переворотъ, какъ многіе торіи, равно не любя ни Іакова, ни Вильгельма, равно опасаясь и іезуитовъ, и диссентеровъ, обнаружили сильное расположеніе соединиться вокругъ Анны. Она непреклонно была привязана къ высокой церкви... Эта неприклонность дала ей важность въ государствѣ... Она сдѣлалась идоломъ всей торійской партіи. Лордъ и леди Мальборо понимали, что при этомъ Анна можетъ быть опасна правительству, и рѣшилась воспользоваться такимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобъ истребовать денегъ, на словахъ—для нея, на дѣлѣ—для себя». Король Вильгельмъ продолжалъ выплачивать Аннѣ изъ своей liste civile доходъ, которымъ она пользовалась при Іаковѣ, именно 30,000 фунтовъ въ годъ. Этого было мало супругамъ Мальборо. Они посовѣтовали принцессѣ, не гово-

ря ни слова королю, обратиться къ парламенту и потребовать, чтобъ доходы ея были увеличены парламентскимъ актомъ и, притомъ, сдѣланы независимыми отъ короны. Леди Мальборо занялась этимъ дѣломъ. Она начала интриги съ торійскими членами нижней палаты съ тѣмъ, чтобъ склонить ихъ сдѣлать предложеніе въ такомъ смыслѣ. Король Вильгельмъ былъ оскорбленъ этимъ поступкомъ. Онъ предложилъ Аннѣ, что добровольно увеличитъ изъ своей liste civile ея доходы до пятидесяти тысячъ фунтовъ, если она откажется дѣйствовать чрезъ парламентъ. Но супруги Мальборо надѣялись получить отъ парламента сумму болѣе-значительную: они желали никакъ не менѣе семидесяти тысячъ, и уговорили Анну настоять на своемъ требованіи. Однакожъ излишняя жадность повредила имъ. Нижняя палата нашла, что, при дурномъ состояніи финансовъ, семидесяти тысячъ слишкомъ-много, и что очень достаточно той суммы, которую предлагалъ король. Мало-по-малу съ обѣихъ сторонъ согласились на уступки. Принцесса должна была удовольствоваться 50,000 тысячами, а Вильгельмъ согласился, чтобъ эта сумма была назначена ей не просто по волѣ короля изъ liste civile, а по парламентскому акту изъ однихъ государственныхъ доходовъ. Принцесса наградила леди Мальборо пенсіею въ тысячу фунтовъ; но это было, вѣроятно, только ничтожною частью выгодъ, полученныхъ обоими супругами отъ увеличенія доходовъ Анны. Слѣдствіемъ всего этого было, однакожъ, совершенное охлажденіе отношеній между Вильгельмомъ и Анною, которые и до этого не питали другъ къ другу особенной симпатіи. Время и новыя столкновенія увеличивали постоянно разладъ между ними, и причиною этого въ большой мѣрѣ была леди Мальборо. Вильгельмъ не могъ выносить высокомѣрной дамы, которая путалась во все, хотѣла управлять дворомъ, интриговала съ членами парламента. Даже кроткая Марія, жена Вильгельма, чувствовала противъ леди Мальборо досаду, на сколько доступно было досадѣ ея доброе сердце. Съ своей стороны, леди Мальборо ненавидѣла Вильгельма всею ненавистью, на какую только способна была ея злобная натура. Дошло до того, что дерзкая статсдама позволяла себѣ оскорблять публично короля и королеву. Вильгельмъ и Марія неоднократно жаловались Аннѣ; но Анна слѣпо стояла во всемъ за свою фаворитку. Наконецъ Вильгельмъ вышелъ изъ терпѣнія и потребовалъ, чтобъ леди Мальборо немедленно оставила кенсингтонскій дворецъ. Анна залилась слезами и умоляла короля и королеву не настаивать на такой печальной для нея разлукѣ. «Нѣтъ такого бѣдствія» сказала она, «котораго я не согласилась бы вытерпѣть скорѣе, чѣмъ одну мысль о разлукѣ съ

моею возлюбленною Сарою». Но Вильгельмъ былъ непреклоненъ. Единственнымъ его отвѣтомъ была бумага, присланная леди Мальборо, въ которой она увольнялась отъ должности статсдамы и получила приказаніе въ 24 часа удалиться изъ Кенсингтона. Тогда въ королевской семьѣ дошло до окончательнаго разрыва. Анна, скорѣе, чѣмъ пожертвовать своею подругою, рѣшилась тоже оставить дворецъ. Она переѣхала въ Лондонъ, взявши съ собою всѣхъ дѣтей и принца датскаго, который немного заботился о перемѣнѣ мѣста и вездѣ чувствовалъ себя отлично. Съ-тѣхъ-поръ домъ Анны сдѣлался пристанищемъ всѣхъ недовольныхъ Вильгельмомъ и сборнымъ пунктомъ оппозиціи. Леди Мальборо давала полный просторъ своей ненависти; отъ нея выходили самыя черныя клеветы на короля и королеву. Междутѣмъ Вильгельмъ давно уже охладѣлъ и къ ея мужу, и имѣлъ для этого важныя причины. Лордъ Мальборо, какъ-будто не принимая никакого участія въ интригахъ своей жены, все время соблюдалъ обычное свое приличіе и свое неподражаемое достойное спокойствіе; но подъ рукою онъ развивалъ дѣятельность, которая была гораздо-опаснѣе для Вильгельма, чѣмъ всѣ порывы, клеветы и дерзости гордой и мстительной леди. Казалось, что человѣкъ этотъ, такимъ страшнымъ образомъ измѣнившій Іакову, будетъ преданнѣйшимъ слугою и опорой новой династіи. Казалось, что эта постыдная ночь, ночь сальсбёрійская навсегда раздѣлила вѣроломнаго бѣглеца и государя, котораго онъ погубилъ. Дѣйствительно, у всѣхъ іакобитовъ имя Мальборо произносилось съ омерзѣніемъ, и Іаковъ объявилъ, что никогда въ жизни не проститъ ему его черной неблагодарности. Въ случаѣ контрреволюціи, въ случаѣ возвращенія Стюартовъ, для Мальборо одно только представлялось въ перспективѣ: или висѣлица въ Товер-Гиллѣ, или бѣгство и жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, гдѣ-нибудь на чердакѣ, въ Голландіи. Поэтому можно было ожидать, что онъ будетъ служить своему новому господину съ вѣрностью непреклонною, съ вѣрностью отчаянія. Но тѣ, которые думали такъ, мало знали Мальборо. Онъ видѣлъ, какъ престолъ Вильгельма былъ непроченъ; онъ видѣлъ, что опасно было бы связываться съ нимъ навсегда и безвозвратно. Іаковъ, правда, грозилъ ему вѣчнымъ гнѣвомъ, но Мальборо не имѣлъ обыкновенія отчаяваться въ чемъ бы то ни было; онъ былъ увѣренъ въ своихъ силахъ; онъ былъ увѣренъ, что съумѣетъ повести дѣла свои такъ, что не висѣлица ожидать его будетъ на случай реставраціи, а прежнее величіе, богатство и значеніе. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ сальсбёрійской ночи, и уже Мальборо писалъ письмо за письмомъ въ С. Жерменъ къ Іакову, изъявляя

въ раздирающихъ выраженіяхъ свое глубокое раскаяніе, изображая страшными красками мученія своей совѣсти. «Мои преступленія (говорилъ онъ) являются мнѣ теперь въ ихъ настоящемъ видѣ, и я содрогаюсь отъ ужаса при созерцаніи ихъ. Мысль о нихъ живетъ со мною день и ночь. Я сажусь за столъ, но кусокъ не идетъ въ мое горло; я кидаюсь на кровать, но сонъ бѣжитъ отъ меня. Я готовъ пожертвовать всѣмъ возможнымъ, пренебречь всѣмъ дорогимъ, обратить въ щепки мои богатства, лишь бы только избавиться отъ гнёта больной души». Но въ то время, какъ онъ увѣрялъ Іакова, что сознаніе вины мѣшаетъ ему глотать пищу днемъ и отдыхать ночью, втайнѣ онъ насмѣхался надъ нимъ. Потеря полгинеи была болѣе способна испортить его аппетитъ и разстроить его сонъ, чѣмъ всѣ ужасы встревоженной совѣсти. Ему хотѣлось только исторгнуть изъ рукъ Іакова маленькій документъ, въ которомъ было бы написано только два слова, именно, что Іаковъ прощаетъ Мальборо. Этимъ документомъ можно было бы воспользоваться на случай реставраціи; этотъ документъ открылъ бы Мальборо дорогу къ новой карьерѣ при возстановленныхъ Стюартахъ. Но Іаковъ не могъ вѣрить архиизмѣннику; онъ требовалъ поруки, большой поруки, требовалъ доказательства въ его расканіи, доказательства самаго сильнаго и убѣдительнаго. Чтобъ убѣдить Іакова, нужно было Мальборо совершить что-нибудь необыкновенное, блестящее, поразительно-краснорѣчивое. «Прежняя его измѣна, снабженная всѣмъ, что̀ могло сдѣлать ее неподражаемою, поставила его въ то неловкое и затруднительное положеніе, въ которомъ находится всякій артистъ послѣ того, какъ создастъ свое chef d'œuvre. Нужно было теперь Мальборо превзойти самого себя, затмить прежній блескъ новымъ, еще болѣе-яркимъ. И дѣйствительно, второе его мастерское дѣло въ искусствѣ измѣны могло возбудить удивленіе даже въ тѣхъ, которые вполнѣ оцѣнивали достоинство перваго. Чтобъ почитатели его талантовъ не могли сказать, что во время революціи онъ измѣнилъ своему королю по другимъ, а не эгоистическимъ мотивамъ, онъ рѣшился измѣнить теперь своему отечеству. Онъ послалъ въ С. Жерменъ планъ тайной эспедиціи, приготовляемый Вильгельмомъ противъ Бреста, и Іаковъ передалъ этотъ планъ Лудовику XIV. Слѣдствіе было таково, что экспедиція получила печальный исходъ, и болѣе тысячи англійскихъ солдатъ положили свои головы на французскомъ берегу для того, чтобъ удостовѣрить Іакова въ раскаяніи лорда Мальборо. Мальборо предлагалъ Іакову даже болѣе: онъ предлагалъ ему, конечно, не серьёзно, повторить сальсбёрійское дѣло еще въ болѣе-громадныхъ размѣрахъ,

именно, перейти съ цѣлымъ корпусомъ своимъ къ французамъ въ Нидерландахъ. Король Вильгельмъ не зналъ въ точности всѣхъ подробностей измѣны Мальборо. Дѣло это разъяснилось и стало извѣстно только въ наше столѣтіе, когда открыты были всѣ тайныя бумаги Стюартовъ. Но до Вильгельма постоянно доходили слухи, намеки и даже положительныя указанія о сношеніяхъ Мальборо съ с.-жерменскимъ дворомъ. Вильгельмъ былъ человѣкъ рѣшительный; его нельзя было обольстить такъ, какъ Іакова; онъ видѣлъ, что никто для него не можетъ быть опаснѣе лорда Мальборо; онъ долго молчалъ, но наконецъ рѣшился покончить все однимъ внезапнымъ ударомъ. Въ одинъ день весь Лондонъ пораженъ былъ неожиданнымъ и для всѣхъ непонятнымъ событіемъ. Стало извѣстно, что лордъ Мальборо былъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей, арестованъ и посаженъ въ Товеръ. Вильгельмъ не имѣлъ, однако, въ рукахъ довольно-положительныхъ доказательствъ, чтобъ можно было начать противъ него политическій процесъ, и чрезъ нѣсколько времени Мальборо былъ выпущенъ изъ тюрьмы, но попалъ въ совершенную немилость у короля. Онъ остался безъ должности и повидимому жилъ въ строгомъ уединеніи, удаленный отъ всякаго участія въ политикѣ, но втайнѣ продолжалъ интриги съ с.-жерменскимъ дворомъ. Принцесса Анна утѣшила его въ несчастіи: дала ему мѣсто въ своемъ придворномъ штатѣ и наградила пенсіономъ въ тысячу фунтовъ. Между-тѣмъ умерла королева Марія; Вильгельмъ и Анна помирились, и это облегчило для Мальборо возвращенія королевской милости и прежняго значенія. Затрудненія по испанскому наслѣдству указывали Вильгельму въ перспективѣ новую войну на континентѣ; а въ случаѣ войны, ему трудно было обойтись безъ таланта Мальбора. Мало-по-малу между ними возстановилось согласіе. Мальборо назначенъ былъ воспитателемъ молодаго принца глостерскаго, но должность эта прервана была внезапно смертью принца. Въ это время давно-предвидѣнная война съ Лудовикомъ XIV приблизилась. Вильгельмъ составилъ новую европейскую коалицію. Чувствуя слабость своихъ силъ, онъ думалъ назначить Мальборо главнокомандующимъ войскъ, посылаемыхъ противъ Франціи; но смерть остановила его среди военныхъ приготовленій. Тогда послѣдовало наконецъ событіе, котораго лордъ и леди Мальборо ожидали съ нетерпѣніемъ, какъ манны съ неба. На престолъ вступила ихъ принцесса и для нихъ открылась необозримая перспектива величія и всемогущества. Началось царствованіе собственно не Анны, а царствованіе супруговъ Мальборо. Такъ смотрѣли во всей Европѣ; но въ Европѣ не понимали хорошо взаимнаго

отношенія этихъ трехъ личностей. За границею извѣстно было вообще, что Анною управляютъ Чорчилли. Извѣстно было также, что человѣкъ, пользовавшійся ея милостью, не только великій полководецъ и политикъ, но также одинъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени: естественно было полагать, что онъ любовникъ Анны — такъ и называли его французскіе пасквили. Но въ Англіи этому никто никогда не вѣрилъ. Для Анны Мальборо былъ только мистеромъ Фриманомъ, мужемъ ея подруги. Онъ не имѣлъ прямой власти надъ королевой; онъ могъ управлять ею только посредствомъ своей жены; а его жена, какъ знаемъ, не была страдательнымъ орудіемъ его воли. Когда страсть возгоралась въ ней, она была готова даже забыть объ интересахъ, о величіи своего мужа, и ей суждено было, какъ увидимъ впослѣдствіи, сдѣлаться главною причиною его паденія. «Мало въ исторіи случаевъ болѣе-интересныхъ, нежели тѣ отношенія, когда великій и умный человѣкъ, задумавъ обширные и глубокіе политическіе планы, могъ исполнять ихъ только тѣмъ, что уговаривалъ женщину, часто непринимавшую никакихъ убѣжденій, приказывать другой женщинѣ».

Теперь намъ становится ясно, что политика новаго правительства зависѣла отъ того, чего пожелаетъ лордъ Мальборо и еще болѣе отъ того, чего пожелаетъ его жена. Торіямъ не хотѣлось войны съ Франціею; торійскіе министры Анны охотно ограничились бы одними морскими дѣйствіями. Но другаго рода планы были въ головѣ супруговъ Мальборо. Могущественная леди не любила торіевъ и смѣялась надъ высокой церковью. Особенную ненависть возбуждалъ въ ней дядя королевы, свирѣпый Рочестеръ, номинальный глава торійскаго кабинета; а надменность грандіознаго Ноттингема, который никакъ не думалъ преклоняться передъ властолюбивою дамою, раздражила ее въ высшей степени. Леди Мальборо желала войны, самой энергичной, потому-что не желали ея торіи, и потому, что война открывала поприще для величія ея мужа. Лордъ Мальборо тоже желалъ войны, войны длинной и громадной, потому-что видѣлъ въ ней лучшее средство обогащенія; притомъ, въ немъ заиграло честолюбіе. Онъ чувствовалъ свои дарованія; онъ зналъ, что, по смерти Вильгельма, во главѣ европейской коалиціи онъ можетъ сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ Европѣ. Поэтому въ первомъ же совѣтѣ министровъ, созванномъ Анною, рѣшена была война и продолженіе политики Вильгельма. Торійскія члены кабинета оказали весьма-робкое сопротивленіе и уступили твердо-высказанной волѣ королевы. Даже принцъ датскій, бывшій членомъ министерства въ качествѣ великаго адмирала, воспла-

менился военнымъ энтузіазмомъ и, поддерживая лорда Мальборо, обнаружилъ необыкновенное краснорѣчіе. Принцъ датскій чувствовалъ къ Мальборо глубокое уваженіе. Они пивали вмѣстѣ, и Мальборо который умѣлъ ладить со всѣми и уживаться со всѣми, находилъ даже, что принцъ—самый любезный человѣкъ въ мірѣ. Парламентъ, созванный еще Вильгельмомъ, и въ которомъ большинство имѣли виги, охотно далъ для войны большія денежныя субсидіи. Договоры, заключенные Вильгельмомъ съ Голландіею, императоромъ Леопольдомъ, Пруссіею, Швеціею и Даніею были утверждены Анною. Въ половинѣ мая 1702 послѣдовало объявленіе войны противъ Франціи въ одинъ день и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ и въ Гагѣ. Англійскія войска отправились въ Нидерланды. Между супругами Мальборо произошла чувствительная сцена разлуки. Послѣ многихъ слезъ и нѣсколькихъ обмороковъ, леди простилась съ мужемъ и онъ отплылъ на континентъ вслѣдъ за арміею.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Война за наслѣдство испанскаго престола.—Положеніе Франціи при началѣ ея.—Положеніе коалиціи. — Признаки паденія системы Лудовика XIV. — Тріумвиратъ, стоявшій во главѣ коалиціи.—Характеристика принца Евгенія Савойскаго. — Катина.—Вилльруа.—Вандомъ.—Кампанія въ Бельгіи.—Кампанія въ Испаніи.—Герцогъ Ормондъ.—Кампанія въ Германіи.—Лудовикъ Баденскій.—Вилляръ.—Первый парламентъ королевы Анны.—Характеристика Гарли и Болинброка.

Мм. гг.

Когда, лѣтомъ 1702 года, началась война за испанское наслѣдство, все предвѣщало, что это будетъ война упорная, продолжительная, превосходящая громадностью все, что до-сихъ-поръ видѣла Европа; но много было вѣроятія, что Лудовикъ XIV и на этотъ разъ останется побѣдителемъ. Франція занимала великолѣпное оборонительное положеніе. Всѣ границы ея были недоступны. Лудовикъ XIV со всѣхъ сторонъ обставилъ ее могущественными загородами. Чтобъ проникнуть во Францію съ сѣвера, по пути, по которому вступили въ нее впослѣдствіи Веллингтонъ и Блюхеръ послѣ ватерлооскаго сраженія, нужно было прорвать поочереди три желѣзныя цѣпи крѣпостей Бельгіи. Сѣверо-восточная граница, Шампанія, заслонена была курфирстомъ кёльнскимъ, который вступилъ въ союзъ съ французскимъ монархомъ противъ своего отечества и передалъ ему въ руки важные военные посты прирейнской области. Столь же хорошо защищены были отъ вторженія Франш-Конте, Дофине и Провансъ. Лудовикъ XIV стоялъ въ дружественномъ отношеніи къ швейцарскимъ кантонамъ

полки которыхъ служили въ его арміи, и къ герцогу савойскому, который былъ съ нимъ въ родствѣ и въ союзѣ. Вслѣдствіе этого оба склона Альповъ находились въ его власти. Оборонительная его линія простиралась еще дальше. Французы стояли въ Миланѣ. Въ рукахъ ихъ была одна половина знаменитаго сѣверо-итальянскаго четвероугольника, который игралъ такую важную роль въ прошлогоднюю войну въ Италіи. Въ Марсели собранъ былъ сильный флотъ, который могъ господствовать на Средиземномъ Морѣ. Со стороны Пиреней не существовало никакой опасности. Внукъ Лудовика царствовалъ въ Мадритѣ. Для защиты такой могущественной позиціи 200 тысячъ отборнаго войска разставлено было въ разныхъ пунктахъ. Въ то же время часть этой арміи могла ворваться наступательнымъ дѣйствіемъ въ самый центръ Германіи, подавая руку курфирсту баварскому, второму нѣмецкому союзнику французскаго монарха. Противъ такого съ ногъ до головы вооруженнаго противника двинулась со всѣхъ сторонъ европейская коалиція. Прежде всего ей нужно было исторгнуть изъ рукъ Лудовика всѣ тѣ загороды, которые заслоняли собою предѣлы Франціи—Бельгію, Миланъ, Испанію. Но силы коалиціи, хотя большія, далеко не имѣли того единства, той сосредоточенности, какою отличались силы Лудовика. Интересы и цѣли союзныхъ державъ были такъ различны, какъ и территоріи ихъ раздѣлены большими пространствами. Англія твердо желала воспрепятствовать соединенію Франціи и Испаніи, потому-что это угрожало ея собственной независимости; но другія державы дѣйствовали по различнымъ мотивамъ. Австріи хотѣлось всего богатаго наслѣдія испанской короны для эрцгерцога Карла. Голландія думала только о томъ, какъ бы пріобрѣсть барьеру бельгійскихъ крѣпостей, которая могла бы навсегда обезпечить ее противъ нападеній Франціи. Мелкіе нѣмецкіе князья неохотно слѣдовали за Австріею, не видя для себя никакой прямой выгоды отъ войны за чужіе интересы. Данія и Швеція слишкомъ удалены были отъ опасности со стороны Франціи, и потому не считали нужнымъ дѣлать большія усилія; притомъ вниманіе ихъ гораздо-болѣе поглощено было происходившею тогда великою сѣверною войною. Одна только Пруссія оказывала болѣе рвенія помогать Австріи; именно, въ это время Пруссія перестала быть Курфиршествомъ Бранденбургскимъ и сдѣлалась королевствомъ. Въ ней царствовалъ Фридрихъ I, великій человѣкъ для малыхъ дѣлъ, главнымъ интересомъ котораго былъ придворный этикетъ, церемоніи и наряды. Одного только не доставало ему — короны. Онъ страстно желалъ королевскаго титула, и давно уже мучилъ объ этомъ императора Леопольда. Наконецъ удобный

случай представился. Императоръ нуждался въ его помощи, далъ ему вожделѣнный титулъ, и Фридрихъ, взамѣнъ за этотъ подарокъ, обязался поддерживать его въ войнѣ противъ Франціи. Столь разнородной коалиціи соотвѣтствовала и разноцвѣтная армія, составленная изъ многочисленныхъ, другъ другу чуждыхъ элементовъ. Нельзя было и думать о единствѣ начальства, о подчиненіи всѣхъ союзныхъ генераловъ одному главнокомандующему. Этому препятствовала взаимная зависть членовъ коалиціи; этому препятствовала и суетность союзныхъ генераловъ, особенно нѣмецкихъ, для которыхъ вопросы этикета, старшинства, ранга и предсѣдательство всегда есть и были существенными вопросами жизни.

Внѣшняя обстановка дѣлъ, повидимому, клонилась не къ выгодѣ коалиціи; перевѣсъ былъ явно на сторонѣ Франціи; но подъ внѣшней обстановкою скрывались симптомы совершенно-противоположнаго характера. Лудовикъ XIV не былъ уже тотъ Лудовикъ, который побѣждалъ одну за другою три коалиціи, и Франція не была уже той Франціею, которая съ восторгомъ слѣдовала за своимъ монархомъ. Великій монархъ сталъ старъ; уже пятьдесятъ лѣтъ онъ управлялъ Франціею; въ-теченіе тридцати лѣтъ онъ самъ былъ своимъ первымъ министромъ, работалъ по восьми часовъ въ день, соединялъ государственныя дѣла съ удовольствіями, слушая всѣхъ, совѣтуясь со всѣми, но рѣшая все самъ. Его министры мѣнялись, умирали; онъ одинъ оставался, всегда одинаковый, совершая обязанности, церемоніи и празднества монархіи съ правильностью солнца, которое онъ избралъ своею эмблемою. Но теперь ему было уже подъ семьдесятъ лѣтъ; дѣятельность его духа ослабѣла, ясный умъ его помрачился биготизмомъ. Надъ этимъ умомъ, прежде столь независимымъ, господствовала мадамъ де-Мэнтенонъ. Вмѣстѣ съ королемъ состарѣлась и самая абсолютная монархія. У Лудовика XIV не было больше великихъ людей, съ которыми онъ совершалъ великія дѣла. Не стало Кольбера, не стало желѣзнаго Лювуа; всѣ знаменитые генералы — и Конде, и Тюреннь, и Люксембургъ, и Вобанъ давно сошли въ могилу. Испорченная атмосфера Версаля не благопріятствовала воспитанію новыхъ личностей, способныхъ стать на мѣсто умершихъ великихъ. Великаго монарха окружали мелкіе, посредственные люди, commis, а не министры, солдаты, а не полководцы. Воинственная Франція никогда, правда, не имѣла недостатка въ хорошихъ генералахъ, но второе поколѣніе генераловъ Лудовика XIV далеко не похоже было на первое. Имъ недоставало той искры генія, которая оживляла ихъ предшественниковъ, и притомъ лучшіе изъ нихъ подвигались медленно

въ своей карьерѣ; о нихъ забывали, ихъ отодвигали на второй планъ. Первыя мѣста, главныя начальства получали тѣ генералы, которые были лучшими царедворцами, которые нравились больше мадамъ де-Мэнтенонъ. Полководцы не знали теперь, что̀ такое carte blanche. Дворъ путался во все, даже въ военныя дѣйствія. Придворные курьеры постоянно разъѣзжали между Версалемъ и разными арміями, принося инструкціи за инструкціями, приказы за приказами, часто противоположные, нерѣдко вовсе-неисполнимые. Слѣдствія такого образа дѣйствій были неизбѣжны. Мы знаемъ, что̀ выходитъ, когда дворъ самъ хочетъ вести войну и управлять генералами. Между-тѣмъ въ-теченіе пятидесятилѣтнихъ напряженій истощились и матеріальныя силы Франціи. Народъ стоналъ подъ огромною тяжестью налоговъ. Финансы были въ разстройствѣ. Всѣ бѣднѣли; богатѣли только откупщики и интенданты. Страшная нищета распространялась въ сельскомъ народонаселеніи. Лудовикъ выставилъ 200-тысячную армію; но это были послѣдніе солдаты Франціи — это было отчаянное усиліе. Скоро оказался даже недостатокъ въ людяхъ. Перемѣнилось и само общество; выросло новое поколѣніе. Это новое поколѣніе лишено было уже того восторженнаго чувства, того наивнаго энтузіазма, съ которымъ предшествующее слѣдовало за великимъ монархомъ, бросалось на завоеванія. Франція сыта была военной славы. Люди новаго поколѣнія имѣли болѣе холоднаго разсудка, менѣе воспламенялись, были наклонны къ скептицизму, критиковали много. Они испытывали гнетъ господствующей системы и начинали быть равнодушны къ ея блеску, къ ея величію. Неопредѣленное желаніе перемѣны овладѣвало умами всѣхъ. Для Франціи наступало то время, когда въ воздухѣ носится что-то такое, что̀ пахнетъ и гнилью прошедшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣяніемъ новой эпохи; время перехода, время безплодное, когда образованные классы находятся въ глухой пассивной оппозиціи противъ правительства, когда общество живетъ намеками, когда въ театрѣ каждая фраза, напоминающая существующій порядокъ вещей, покрывается громкими рукоплесканіями, когда въ каждой напечатанной строчкѣ люди ищутъ затаеннаго смысла, когда сатирическіе стихи переходятъ изъ устъ въ уста, когда неясный либерализмъ дѣлается модою въ высшихъ гостиныхъ, когда все подвергается вопросу и сомнѣнію, но не сознается ничего положительнаго, опредѣленнаго; когда все предвѣщаетъ въ будущемъ наступленіе новой, лучшей эпохи, но это будущее представляется темно, смутно, тревожно.

При такихъ предзнаменованіяхъ завоевательный абсолютизмъ вызывалъ на послѣдній, рѣшительный бой европейскую коалицію. Въ этой

коалиціи, повидимому, столь разъединенной цѣлями и интересами, столь разнородной по составу, былъ, однакожь, одинъ залогъ силы и успѣха, залогъ вполнѣ-надежный. Въ главѣ ея находились три великія личности, которыя стояли дружно, дѣйствовали заодно и дополняли другъ друга. Мальборо, Гейнзіусъ и принцъ Евгеній составляли этотъ знаменитый тріумвиратъ. Первый изъ нихъ, Мальборо, уже хорошо извѣстенъ намъ. Второй, Гейнзіусъ, великій пенсіонаръ, то-есть главный министръ Голландской Республики, былъ старый другъ короля Вильгельма и продолжатель его политики въ Голландіи. Это былъ человѣкъ такой же холодный, какъ и Вильгельмъ, такой же рѣшительный, глубокій и дальновидный политикъ, и такъ же сильно ненавидѣвшій Францію. Третій, принцъ Евгеній, главнокомандующій австрійскихъ войскъ, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу пяти величайшихъ генераловъ новаго времени. Странна судьба этого человѣка. По происхожденію своему, онъ принадлежалъ къ савойскому дому, къ тому древнему и знаменитому дому, которому предстоитъ теперь такая великая будущность, котораго историческая задача лежитъ въ упорномъ антагонизмѣ съ Австріею. Однакожь, никто не сдѣлалъ для Австріи такъ много, никто не поставилъ ее такъ высоко въ Европѣ, какъ именно одинъ изъ знаменитѣйшихъ членовъ этого дома—принцъ Евгеній савойскій. Онъ освободилъ ее отъ опасности турецкаго владычества; онъ побѣдилъ вѣковыхъ соперниковъ ея, Бурбоновъ; онъ доставилъ ей господство надъ Бельгіею и Неаполемъ; онъ завоевалъ для нея тотъ Миланъ, который, послѣ полуторастолѣтняго гнёта, исторгнутъ наконецъ изъ ея рукъ теперешнимъ рыцарскимъ представителемъ савойскаго дома. Родственникъ савойской династіи, принцъ Евгеній родился, однакожь, въ Парижѣ, воспитался вблизи французскаго двора и былъ совершенный французъ. Его предназначали къ духовному званію и потому въ Версалѣ онъ слылъ подъ именемъ l'abbé de Savoie. Но молодой человѣкъ чувствовалъ отвращеніе къ богословскимъ наукамъ; горячая голова его мечтала о великихъ военныхъ дѣлахъ; вмѣсто молитвенника, онъ днемъ и ночью пожиралъ жизнеописанія Плутарха. По природѣ чрезвычайно-слабаго тѣлосложенія и необѣщающей наружности, онъ чувствовалъ, однакожь, неодолимое влеченіе къ военному ремеслу и осмѣлился просить для себя полкъ у Лудовика XIV. Великій монархъ изумленъ былъ такимъ требованіемъ, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на ничтожную фигуру молодаго человѣка и отказалъ наотрѣзъ, говоря, что считаетъ его вовсе-неспособнымъ къ такого рода должности. Съ ненавистью съ сердцѣ принцъ Евгеній оставилъ навсегда Францію, поѣхалъ въ Австрію и вступилъ въ службу импера-

тора Леопольда. Карьера его шла быстро; побѣдами своими надъ турками онъ пріобрѣлъ себѣ громкую славу, и, назначенный наконецъ главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Франціи, онъ получилъ возможность убѣдительно доказать Лудовику XIV, что онъ весьма-способенъ къ военному дѣлу. Геніемъ своимъ онъ приближался наиболѣе къ Наполеону: мало заботился о завѣтныхъ правилахъ военной науки, слѣдовалъ вдохновенію минуты, дѣйствовалъ большими массами; удары его были внезапны и стремительны; coup-d'oeil быстрый и чрезвычайно-вѣрный; дѣятельность неутомимая. Рѣдкій генералъ былъ такъ наклоненъ къ риску. Смѣлость его граничила съ опрометчивостью, быстрота съ поспѣшностью. Онъ подвергалъ иногда свою армію огромнымъ опасностямъ, ставилъ ее на краю погибели, но никто лучше его не умѣлъ выпутаться изъ самаго затруднительнаго положенія. Крови солдатъ онъ не щадилъ вовсе, и самыя блистательныя свои побѣды достигалъ огромнымъ пожертвованіемъ человѣческой жизни; но отъ Наполеона онъ отличался тѣмъ, что не щадилъ и самого себя. Личная его храбрость доходила до безумія. Съ самаго начала битвы онъ уже былъ въ огнѣ, рвался вести лично первую атаку гренадеровъ и первую шаржу кавалеріи, и едва было возможно удержать его отъ этого. Тринадцать рѣшительныхъ сраженій онъ давалъ въ своей жизни, и въ каждомъ дрался какъ простой солдатъ. Цѣлыми десятками ранъ покрыто было его тѣло. Однакожь, никто не узналъ бы этого геніальнаго генерала и солдата храбрѣйшаго изъ храбрыхъ въ частной жизни; никто не повѣрилъ бы, что этотъ человѣкъ, скромный, тихій, простой, методичный во всѣхъ своихъ привычкахъ до педантизма, способенъ былъ на военныя дѣла смѣлости безпримѣрной. Внѣ лагеря онъ казался незначительною личностью, не блисталъ ни умомъ, ни знаніями; война была единственнымъ призваніемъ и цѣлью его жизни.

На итальянской почвѣ открылись первыя дѣйствія коалиціи. Французы занимали Ломбардію. Принцу Евгенію поручено было вытѣснить ихъ оттуда. Дѣло было нелегкое: французы защищали всѣ главные проходы со стороны Тироля и съ тыла опирались на недоступную уже тогда крѣпость Мантую. Но Евгеній, при помощи тирольскихъ горцевъ, всегда преданныхъ австрійскому дому, проложилъ себѣ дорогу черезъ мѣстность, которую всѣ считали непроходимою, и внезапно явился въ Веронской Области. Французскою арміею командовалъ маршалъ Катина. Это былъ человѣкъ благороднаго, независимаго характера, античной доблести, Катонъ рабскаго и испорченнаго времени. Но онъ былъ плебейскаго происхожденія, презиралъ придворную лесть,

не кланялся никому, потому его не любили при дворѣ, забывали его заслуги, награждали плохо; и король, и министры всегда были къ нему неблагодарны. Осторожный и медлительный генералъ, Катина не могъ равняться съ быстрымъ въ движеніяхъ Евгеніемъ, не рѣшался дать ему битву и, опутанный его маневрами, оставилъ и линію Манчіо, и линію Оліо и ограничился защитою Мантуи и Милана. Дворъ пришелъ въ негодованіе. Великому монарху хотѣлось непремѣнно рѣшительнаго сраженія, чтобъ при самомъ началѣ войны поразить міръ сильнымъ ударомъ. Катина былъ отставленъ и на мѣсто его посланъ маршалъ Вилльруа, человѣкъ совершенно другаго рода. Аристократическаго происхожденія, образцовый царедворецъ, онъ былъ любимцемъ Лудовика и еще болѣе нравился мадамъ де-Мэнтенонъ. Кромѣ личной храбрости, онъ не имѣлъ никакихъ военныхъ способностей, годился скорѣе къ тому, чтобъ блистать на турнирѣ, а не командовать арміею. Но въ глазахъ Лудовика онъ имѣлъ одно неоцѣненное свойство: былъ слѣпо послушенъ его волѣ и не показывалъ ни тѣни независимости въ характерѣ. Лудовикъ приказалъ ему дать сраженіе Евгенію; Вилльруа далъ сраженіе, былъ побитъ и въ самомъ началѣ дѣла попалъ въ плѣнъ. Французы могли, однакожь, считать это пораженіе успѣхомъ, потому-что оно освободило ихъ отъ плохаго генерала. На этотъ разъ Лудовикъ сдѣлалъ болѣе счастливый выборъ, послалъ въ Италію Вандома. Вандомъ принадлежалъ къ старой школѣ генераловъ Лудовика и могъ быть достойнымъ противникомъ Евгенія. Это была престранная личность. Аристократъ по происхожденію, внукъ Генриха IV отъ Габріеллы д'Этре́, онъ поражалъ всѣхъ грязностью своей наружности и своимъ всегда оборваннымъ платьемъ. Манеры его отличались неслыханною грубостью. Разговоръ его состоялъ изъ смѣси площаднаго буфонства съ неисчерпаемымъ запасомъ ругательствъ и проклятій. Пьянствомъ своимъ онъ приводилъ въ изумленіе первыхъ мастеровъ въ этомъ искусствѣ. При всемъ этомъ онъ предавался самому гнусному пороку—лѣни, лѣни почти невѣроятной. Посреди самыхъ жаркихъ кампаній онъ по нѣскольку дней сряду не подымался съ постели оттого только, что не хотѣлось ему одѣться. Но когда что-нибудь важное, когда какая-нибудь внезапная опасность взрывала его изъ обычной безпечности, тогда огонь горѣлъ въ этомъ человѣкѣ. Онъ развивалъ дѣятельность, обнаруживалъ энергію, присутствіе духа и дарованія, какихъ не бывало ни въ одномъ французкомъ генералѣ со временъ смерти Люксембурга. Непріятель часто застигалъ его врасплохъ, но никогда онъ не испытывалъ пораженія. Солдаты обожали его. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на дисциплину

Въ арміи его не было порядка, господствовалъ кутежъ и безумная веселость; но въ битвѣ не было солдатъ болѣе-храбрыхъ, болѣе-готовыхъ на смерть, чѣмъ солдаты Вандома. Когда онъ пріѣхалъ въ Италію, дѣла французовъ находились въ дурномъ положеніи. Принцъ Евгеній сбилъ ихъ со всѣхъ важныхъ позицій и дѣятельно осаждалъ Мантую. Въ три мѣсяца Вандомъ возстановилъ перевѣсъ французскаго оружія, выручилъ Мантую, оттѣснилъ Евгенія назадъ за Минчіо и даже побилъ его въ одномъ сраженіи. Кампанія этого года оказалась безплодною для Евгенія. Французы удержались въ Ломбардіи.

Счастливѣе была коалиція на другомъ театрѣ войны, въ Бельгіи. Здѣсь лордъ Мальборо командовалъ арміею, составленною изъ войскъ англійскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ на англійскомъ жалованіи. Ему досталась на долю трудная задача. Бельгія была неблагодарнымъ поприщемъ для его талантовъ. Въ ней находилось по-крайней-мѣрѣ, двадцать крѣпостей, одна другой сильнѣе, одна отъ другой на разстояніи трехъ-четырехъ миль. Всѣ эти крѣпости нужно было брать поочереди; притомъ Лудовикъ сосредоточилъ здѣсь главную массу своихъ силъ. Мальборо осужденъ былъ на длинную, тяжелую войну осадъ, траншей, блокадъ, штурмовъ, войну, сопряженную съ огромнымъ пролитіемъ крови и незначительными результатами. Но уже въ первый годъ удалось ему прорвать первую цѣпь крѣпостей Бельгіи. Онъ взялъ Венлоо, Роермондъ, Льежъ и готовился осаждать Антверпенъ.

Военныя дѣйствія открылись и на третьемъ театрѣ, въ Испаніи. Вооружена была англичанами сильная морская экспедиція. Цѣлью ея было взять Кадиксъ и занять Андалузію для эрцгерцога Карла, котораго Англія признала наслѣдникомъ Испанской Монархіи. Главное начальство надъ флотомъ и войскомъ, посаженнымъ на бортъ кораблей, получилъ герцогъ Ормондъ. Это былъ пышный вельможа, якобитъ въ душѣ и даже заподозрѣнный въ католицизмѣ. Съ блестящею храбростью, съ рыцарскимъ духомъ онъ соединялъ чрезвычайное легкомысліе, вѣтренность, хвастовство и совершенное отсутствіе военныхъ талантовъ. Съ такимъ полководцемъ экспедиція получила самый позорный исходъ. Англичане высадились у Кадикса, но были отбиты и прогнаны даже не войскомъ, а толпою нà-скоро собранныхъ и плохо-вооруженныхъ испанскихъ крестьянъ. Замѣчательно, что всѣ войны, предпринимаемыя англичанами, начинаются для нихъ несчастно. Въ первые годы они испытываютъ однѣ неудачи. Такъ было въ-теченіе всего XVIII и XIX столѣтій. Еще недавно мы сами видѣли этому новые примѣры. Англичане — нація по природѣ мирная. Въ мирное время они отвыкаютъ совершенно отъ военнаго ремесла; но никогда

они не отчаяваются и всегда берутъ верхъ стойкостью своего характера. Они крѣпнутъ по мѣрѣ того, какъ противникъ ослабѣваетъ и истощается. Еще не было такой войны, изъ которой Англія вышла бы побѣжденною.

На четвертомъ театрѣ со стороны Германіи война шла вяло, по старому нѣмецкому обычаю. Контингентами имперіи командовалъ принцъ Лудовикъ Баденскій, систематическій генералъ, человѣкъ непріятнаго, неуживчиваго характера. Но онъ по рукамъ и по ногамъ былъ связанъ завѣтнымъ педантизмомъ и рутиною, безалаберностью и суматохою нѣмецкой многоголовой администраціи. Приходилось ему горько отъ сотни нѣмецкихъ дворовъ, тысячи канцелярій и цѣлыхъ армій юристовъ, дипломатовъ, гофратовъ и штатсратовъ, которые всѣ вмѣстѣ управляли военными дѣйствіями. Нѣмецкіе князья и ихъ министры, резиденты и дипломаты постоянно суетились, переѣзжали съ мѣста на мѣсто, собирались, совѣщались, составляли планы кампаніи, исписывали огромныя кипы бумаги, опредѣляли съ точностью количество контингента каждой державы, сумму денегъ для взноса, число пушекъ и даже длину и ширину каждой пушки. Но когда дѣло доходило до исполненія, то не являлось и пятой части назначенныхъ контингентовъ; оказывалось, что кавалерія была безъ лошадей, пушки безъ лафетовъ, а о деньгахъ не было даже и слуху. Противъ Лудовика Баденскаго стоялъ со стороны Франціи Виллярь, чистѣйшій обращикъ гасконца, посредственный генералъ, но превосходный солдатъ. Его красивая марціальная фигура рисовалась великолѣпно на полѣ битвы. Онъ удивлялъ всѣхъ своею безпримѣрною отвагою, но еще болѣе приводилъ въ изумленіе своимъ безпримѣрнымъ хвастовствомъ. Для солдата онъ былъ идоломъ, воевалъ всегда успѣшно, особенно противъ неуклюжихъ нѣмецкихъ генераловъ, противъ которыхъ нужно было не столько талантовъ, сколько смѣлости, быстроты и энергіи. Лудовикъ Баденскій долженъ былъ воспрепятствовать соединенію Вилляра съ курфирстомъ баварскимъ, союзникомъ Франціи и съ трудомъ успѣвалъ въ этомъ. Чтобъ показать примѣромъ, какимъ образомъ велась тогда война въ Германіи и что̀ такое были дворы въ это время, приведу одинъ фактъ, весьма-характеристичный. Лудовикъ Баденскій осаждалъ крѣпость Ландау. Наслѣдникъ австрійскаго престола, эрцгерцогъ Іосифъ, отправился изъ Вѣны на театръ войны, чтобъ повидимому лично вести осаду. Кромѣ многочисленныхъ генерал-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ и ординарцевъ, его сопровождала въ лагерь свита, состоявшая изъ двухсоттридцатидвухъ такого рода людей, что рѣшительно невозможно понять, на

что они годились въ походѣ. Не считая обер-гофмейстеровъ, обер-кухельмейстеровъ, каммергеровъ, егермейстеровъ, шталмейстеровъ, церемоніймейстеровъ, форшнейдеровъ и мундшенковъ, въ этой свитѣ находились, между-прочимъ, слѣдующія личности: четыре тафельдекера, шесть истопниковъ, три келлермейстера, одинъ мундбекеръ съ помощниками, одинъ обермундкохъ, одинъ вицемундкохъ въ двадцатью унтер-кохами; два фишмейстера, три садовника съ помощниками, одинъ оранжерейникъ, одинъ сокольникъ, капельмейстеръ съ музыкантами, духовникъ съ своимъ товарищемъ, два гофкапеллана съ прислугою, танцмейстеръ, придворный проповѣдникъ, первый скрипачъ двора его величества, первый сопрано и basso bouffo. Эрцгерцогиня сопровождала своего мужа со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ; свита ея состояла изъ ста-семидесяти особъ прекраснаго пола, званія и должности которыхъ, неслишкомъ-легкія для произношенія, мы пропускаемъ. Для переѣзда этого огромнаго обоза изъ Вѣны въ окрестности Рейна нужно было болѣе двухсотъ каретъ, колясокъ, телегъ и повозокъ разнаго рода и до тысячи лошадей на каждой станціи. Замѣтимъ мимоходомъ, что доходы государствъ въ тогдашнее время были по-крайней-мѣрѣ впятеро меньше теперешнихъ: изъ этого можно заключить, сколько стоили вѣрнымъ подданнымъ поѣздки ихъ государей.

Итакъ на всѣхъ четырехъ пунктахъ начало войны не принесло ни съ одной, ни съ другой стороны никакихъ положительныхъ результатовъ. Франція держалась покамѣстъ крѣпко. Пора было коалиціи подумать о болѣе-рѣшительныхъ мѣрахъ.

Между-тѣмъ, какъ событія эти происходили на континентѣ, въ Англіи собрался первый парламентъ, избранный при королевѣ Аннѣ. Выборы происходили въ то время, когда со всею силою поднялось въ странѣ торійское чувство, возбужденное вступленіемъ на престолъ принцессы, преданной высокой церкви. Оттого выборы выпали въ пользу торіевъ. Въ огромномъ большинствѣ они явились въ новой палатѣ. Нижняя палата представляла опять такой же видъ, какъ та, которая, два года назадъ, такъ мучила короля Вильгельма. Сейчасъ же, немедля, торіи съ необычайнымъ рвеніемъ принялись за дѣло, котораго не позволило имъ начать при Вильгельмѣ внезапное распущеніе парламента. Они рѣшили произвести генеральную атаку противъ диссентеровъ и лишить ихъ той слабой тѣни свободы вѣроисповѣданія, которую доставилъ имъ актъ терпимости. Въ это время въ рядахъ торійской партіи явились двѣ знаменитыя личности, которыя приняли на себя начальство въ этой кампаніи за высокую церковь и противъ религіозной свободы. Первою изъ нихъ былъ Робертъ Гарли, впо-

слѣдствіи графъ Оксфордъ, второю — Генри Сент-Джонъ, позднѣйшій лордъ Вискунтъ Болинброкъ. Обоимъ суждено было играть огромную роль въ это царствованіе; оба были первыми министрами своей страны. Прежде чѣмъ идти дальше, намъ нужно остановиться передъ ними.

Мѣсто, которое Робертъ Гарли, графъ Оксфордъ, занимаетъ въ исторіи Англіи, его возвышеніе, его трагическое паденіе, вліяніе, которое онъ имѣлъ на политику Европы во время великаго кризиса, близость его съ первыми поэтами и писателями временъ Анны, со Свифтомъ, Аддисономъ, Попомъ, Прайоромъ — все это дѣлаетъ его предметомъ большаго интереса. Но самъ онъ наименѣе интересенъ. Странный контрастъ существуетъ между очень-обыкновенными свойствами его духа и весьма-необыкновенными судьбами его жизни. Во время, о которомъ идетъ рѣчь, Гарли былъ человѣкъ вовсе не новый, но онъ явился новымъ гостемъ въ торійскомъ лагерѣ. Это былъ политическій хамелеонъ, или, какъ англичане называютъ, *trimmer*, то-есть, человѣкъ постоянно-мѣняющій партіи. Онъ происходилъ изъ пуританскаго семейства и былъ диссентеръ вначалѣ. Съ самой революціи 88 года онъ началъ свое поприще вигомъ, нетерпимымъ, и мстительнымъ вигомъ. Казалось, его могло удовлетворить только совершенное истребленіе торіевъ. Всѣ считали его смертельнымъ врагомъ высокой церкви. Не прошло, однакожь, десяти лѣтъ, и тотъ же человѣкъ сдѣлался нетерпимымъ ревнителемъ высокой церкви и опорою партіи торіевъ. Уже при королѣ Вильгельмѣ Гарли пріобрѣлъ огромный авторитетъ въ парламентѣ и цѣлыя сотни членовъ палаты слѣдовали за нимъ во всемъ, и подчинялись его вліянію. Но вліянію этому вовсе не соотвѣтствовали его способности. Умъ его былъ узкій и тяжелый. Онъ не былъ въ-состояніи взглянуть на предметъ въ высшей точки зрѣнія, и никогда не могъ дойдти до того, чтобъ выражать свои мысли плавно и ясно. До конца жизни онъ остался скучнымъ и запутаннымъ ораторомъ. Въ немъ не было и внѣшнихъ преимуществъ оратора. Фигура его была тяжелая и безобразная, манеры неуклюжія. Однакожь въ палатѣ всѣ слушали его внимательно и охотно. Онъ импонировалъ своимъ знаніемъ. Умъ его снабженъ былъ массою свѣдѣній. Одаренный наклонностями антикварія и педантъ въ занятіяхъ, онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей всѣ прецеденты, традиціи, старые обычаи, права и привилегіи парламента и сдѣлался оракуломъ во всѣхъ вопросахъ этого рода. Оттого его постоянно избирали президентомъ нижней палаты. При всемъ своемъ педантизмѣ, онъ имѣлъ притязанія на остроуміе и стихотворство, вращался всегда въ обществѣ ученыхъ писателей, поэтовъ и сочинялъ массу прескверъ-

ныхъ стиховъ. Нравственный характеръ Гарли не прибавлялъ вовсе ничего къ его авторитету. Въ немъ, правда, не было поразительныхъ пороковъ. Онъ былъ недоступенъ подкупу. Частная жизнь его была безукоризненна. Его обыкновеніе напиваться ежедневно кларетомъ едва-ли считалось порокомъ въ глазахъ современниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было тоже ни одного сколько-нибудь возвышеннаго нравственнаго свойства. Онъ олицетворялъ собою умственную и нравственную посредственность. Чему же обязанъ былъ этотъ человѣкъ своими успѣхами? Онъ обязанъ былъ ими единственно своей необыкновенной ловкости въ малыхъ дѣлахъ, гибкости своего характера и той мелкой хитрости, которою часто отличаются посредственные, но честолюбивые и безпокойные люди. Онъ былъ недосягаемъ въ искусствѣ пускать пыль въ глаза своимъ ближнимъ. Пустой и мелкій въ душѣ, онъ умѣлъ всегда придать себѣ видъ необыкновенной важности, глубины и степенности. Даже съ лучшими своими друзьями онъ принималъ всегда таинственную, непроницаемую мину для-того, чтобъ всѣ думали, что онъ носится съ какимъ-нибудь преважнымъ секретомъ, или что голова его работаетъ надъ широкими планами. Разными такого рода средствами онъ умѣлъ составить себѣ репутацію премудрости. Въ его неясныхъ, запутанныхъ рѣчахъ всѣ искали глубокаго смысла. Особенное мастерство онъ показывалъ въ парламентской дипломатіи, въ искусствѣ пріобрѣтать себѣ приверженцевъ въ разныхъ партіяхъ и удерживать ихъ подъ своимъ вліяніемъ. Всѣ считали его великимъ государственнымъ человѣкомъ, способнымъ, какъ никто другой, управлять страною. Цѣлую жизнь свою играя комедію, онъ до того привыкъ къ притворству, къ интригѣ, къ кривымъ дорогамъ, что, наконецъ, самой бездѣлицы не умѣлъ сдѣлать прямо и открыто и прибѣгалъ къ хитрости, къ уловкамъ, къ крючкамъ даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе было ненужно; просто для-того, чтобъ похвастаться передъ самимъ собою своею тонкостью. Такими кривыми дорогами, интригами, обольщеніемъ людей онъ дошелъ до званія перваго министра, графа и кавалера подвязки, и тогда только, когда онъ сталъ на вершинѣ, обнаружилось все внутреннее его ничтожество; тогда, наконецъ, почитатели Гарли увидѣли, что въ-сущности онъ былъ безтолковымъ, ограниченнымъ человѣкомъ. Не могло быть болѣе-безпомощнаго, неспобнаго, мѣшкотнаго, лѣниваго министра. Онъ постоянно медлилъ, колебался, все откладывалъ, тянулъ всякое дѣло и не былъ въ-состояніи принять никакого рѣшенія.

Совершенно другаго рода человѣкъ былъ Генри Сент-Джонъ, лордъ Вискунтъ Болинброкъ. Мало въ исторіи людей, которые при жизни

занимали бы такое блестящее положеніе въ глазахъ всего міра и оставили бы послѣ себя такую огромную и такую многостороннюю славу, какъ Болинброкъ. Природа съ преизбыткомъ одарила его самыми разнообразными дарованіями; воспитаніе и жизнь усовершенствовали его природныя преимущества. Потомокъ одного изъ самыхъ древнихъ и знаменитыхъ аристократическихъ родовъ Англіи, Болинброкъ отличался чрезвычайно-красивою наружностью; выразительное лицо его сіяло геніальностью; въ манерахъ его благородство и достоинство соединялись съ очаровательною граціею. Могущественный умъ, глубина мысли, тонкая наблюдательность, живость впечатлѣній — все было въ этомъ человѣкѣ. Никто не могъ сравняться съ нимъ въ остроуміи; его bons mots повторялись всѣмъ высшимъ обществомъ Англіи и Франціи. Онъ обнаружилъ свои блестящія дарованія въ одинаковой мѣрѣ въ разныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Не только англійская литература гордится имъ, какъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ писателей своихъ, онъ занимаетъ важное мѣсто въ общемъ ходу развитія европейской цивилизаціи. Онъ былъ учителемъ Вольтера и однимъ изъ первыхъ вождей того умственнаго направленія, которое преобладало въ Европѣ въ XVII столѣтіи и котораго крайнимъ выраженіемъ были французскіе энциклопедисты. Какъ государственный человѣкъ, Болинброкъ блисталъ смѣлостью, рѣшительностью, энергіею и неутомимою дѣятельностью. Какъ ораторъ, онъ стоялъ на недосягаемой высотѣ. Чудеса разсказываютъ современники о его необыкновенномъ дарѣ слова. Одинъ органъ его голоса производилъ обаятельное дѣйствіе. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ первымъ свѣтскимъ человѣкомъ, первымъ дэнди своего времени, неподражаемымъ салоннымъ говоруномъ, украшеніемъ высокаго общества, оракуломъ гостиныхъ Лондона и Парижа— словомъ, онъ соединялъ въ себѣ всѣ тѣ счастливыя свойства, которыя плѣняютъ дворы, увлекаютъ политическія собранія и часто даже обманываютъ самое потомство. Но этого послѣдняго успѣха недоставало Болинброку. Этотъ геніальный человѣкъ въ нравственномъ отношеніи стоялъ очень-низко. Въ немъ было много талантовъ, но ни одной добродѣтели. Подъ блестящею оболочкою скрывалась негодная, глубоко-безнравственная натура. Широкій его умъ понималъ все, но не понималъ вовсе различія между добромъ и зломъ. Ни подозрѣнія совѣсти, ни тѣни убѣжденій не было въ этомъ человѣкѣ. Низкій эгоизмъ и ненасытное честолюбіе руководили всѣми его дѣйствіями. Съ геніальною безбожностью онъ издѣвался надъ всѣмъ, что̀ другіе люди считали священнымъ, надъ религіею, надъ патріотизмомъ, надъ политическими

принципами, надъ нравственными началами. Подъ видомъ откровенности и прямодушія скрывалось въ немъ двуличіе, фальшивость, коварство. Нельзя вообразить себѣ болѣе-смѣлаго и болѣе-безсовѣстнаго интригана. Для славы, значенія, титуловъ и высокихъ должностей онъ готовъ былъ служить всякому дѣлу. Скептикъ въ религіи и даже открытый атеистъ, онъ сдѣлался ревнителемъ высокой церкви той высокой церкви, которую до самой смерти онъ не переставалъ поражать своими колкими сарказмами. Онъ поддерживалъ самыя нетерпимыя и фанатическія ея мѣры и готовъ былъ съ такимъ же рвеніемъ поддерживать самое мухаммеданство, еслибъ это лежало въ его интересѣ. Писатель и журналистъ, онъ преслѣдовалъ съ ожесточеніемъ свободу печати, когда журналы стали осуждать его дѣйствія. Защищая въ сочиненіяхъ своихъ начало 88 года и презирая въ душѣ ученія и предразсудки торіевъ, онъ присталъ, однакожь, къ торіямъ, когда увидѣлъ, что перевѣсъ на сторонѣ ихъ партіи, потомъ внезапно сдѣлался якобитомъ и работалъ надъ возстановленіемъ Стюартовъ. Принужденный бѣжать изъ Англіи, онъ вступилъ въ службу претендента, надъ которымъ открыто смѣялся; потомъ опять бросилъ его и сдѣлался патріотомъ и либераломъ. Вся политическая карьера его была безплодна. Человѣкъ этотъ, который по талантамъ своимъ могъ быть величайшимъ государственнымъ мужемъ Англіи, еслибъ въ немъ была хоть капля обыковенной честности, не принесъ ничего другаго, кромѣ вреда, своему отечеству. Одна черта особенно замѣчательна въ его характерѣ: мелкое самолюбіе, суетность и постоянная аффектація. Онъ хотѣлъ играть роль Алкивіада новыхъ временъ; велъ жизнь самую развратную не столько по врожденной наклонности, сколько по аффектаціи. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ видѣли въ немъ человѣка, преданнаго удовольствіямъ, легкомысленнаго, вѣтреннаго франта и вмѣстѣ съ тѣмъ серьёзнаго дѣловаго человѣка. Онъ добивался славы геніальнаго roué и геніальнаго государственнаго мужа, министра, который одну ночь проводитъ въ оргіи, а въ другую составляетъ депешу, рѣшающую судьбу Европы; который утромъ наполняетъ парламентъ громами своего краснорѣчія, а вечеромъ шепчетъ сладкія слова на ухо уступчивой красавицы. «Когда майлордъ Болинброкъ (пишетъ другъ его, Вольтеръ) сдѣланъ былъ членомъ кабинета, всѣ веселыя дамы Лондона были въ восторгѣ: «Радуйтесь Дженни, Фанни, Бетти», говорили онѣ между собою: «Сент-Джонъ назначенъ статс-секретаремъ. Восемь тысячъ фунтовъ жалованья! Все это для насъ!» Жадный до власти, титуловъ и почестей Болинброкъ всегда, однакожь, игралъ роль философа и постояно говорилъ съ аффектаціею о сует-

ности земныхъ благъ и о своемъ презрѣніи къ нимъ. Друзьямъ своимъ онъ не переставалъ жаловаться на тяжесть дѣлъ государственныхъ и расхваливать прелесть уединенія и спокойной сельской жизни. Но не существовало человѣка, которому было бы болѣе неловко и несносно въ бездѣйствіи и уединеніи. Его страстной, пылкой и безпокойной натурѣ дѣятельность была такъ необходима, какъ другимъ воздухъ. Удаленный насильно отъ политической жизни, онъ прибѣгалъ въ-теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ къ самымъ низкимъ интригамъ, чтобъ возвратиться къ ней. Между-тѣмъ всѣ сочиненія его дышатъ духомъ самой возвышенной и благородной независимости. Примѣръ Болинброка показываетъ разительнымъ образомъ, что безъ убѣжденій и нравственныхъ началъ ни на что не годятся умъ, геній и таланты, и что нѣтъ людей опаснѣе для свободы, какъ громкіе либералы и блестящіе вольнодумцы, у которыхъ нѣтъ ни правилъ, ни честности, ни характера.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Дѣйствія перваго парламента королевы Анны.—Нападеніе торійской и высокоцерковной партіи на диссентеровъ.—Билль противъ occasional conformity. — Вторая кампанія войны за испанское наслѣдство.—Раздвоеніе и кризисъ въ англійскомъ министерствѣ.—Неумѣренность торіевъ; реакція противъ нихъ въ странѣ. — Кампанія 1704 года. — Курфирстъ баварскій; походъ его въ Тироль. — Измѣна герцога савойскаго; послѣдствія ея. — Планъ Мальборо и принца Евгенія. — Бленгеймская битва.—Торжество виговъ въ Англіи.

Мм. гг.

Въ то время, когда на континентѣ кончилась первая кампанія войны за испанское наслѣдство и предстояла вторая, въ англійскомъ парламентѣ началась кампанія другаго рода. Ультра-торійское большинство нижней палаты открыло огонь противъ диссентеровъ и религіозной свободы. Актъ терпимости, изданный при Вильгельмѣ, доставилъ дессентерамъ гражданскія права и нѣкоторую, весьма, впрочемъ, ограниченную свободу вѣроисповѣданія; но попрежнему они не пользовались никакими политическими правами и были исключены изъ всѣхъ государственныхъ должностей. Въ силу статута, изданнаго еще при Карлѣ II и извѣстнаго въ англійской конституціи подъ именемъ тестъ-акта, то-есть акта испытанія, до государственныхъ должностей могъ быть допущенъ только тотъ, кто пріобщался святыхъ тайнъ по обряду англиканской, то-есть высокой церкви. Даже членомъ муниципальной корпораціи и, слѣдовательно, избирателемъ по городамъ и мѣстечкамъ могъ быть только тотъ, кто подчинялся этому условію.

Такимъ-образомъ, посредствомъ тестъ-акта всѣ офиціальныя мѣста въ государствѣ и всѣ политическія права сдѣланы были монополіею однихъ только высокоцерковныхъ, а диссентеры, которые составляли треть всего народонаселенія, лишены были всякаго участія въ политической жизни страны. Современемъ, однакожь, постановленія тестъ-акта, относительно святыхъ таинствъ сдѣлалось простою, ни къ чему неведущею формальностью. Многіе диссентеры, то-есть пресвитеріянцы, квакеры, индепенденты и другіе сектанты, которыхъ совѣсть не была слишкомъ щекотлива, нашли средство обойти строгость закона. Они подвергались наружнымъ образомъ испытанію тестъ-акта, причащались одинъ разъ по англиканскому обряду, получали должность и, по вступленіи въ нее, преспокойно возвращались къ обрядамъ своего вѣроисповѣданія. Люди, прибѣгавшіе къ такому средству, назывались *occasional conformers*, то-есть конформистами по нуждѣ, по случаю. Къ ужасу всѣхъ высоко-церковныхъ даже на высшія мѣста въ государствѣ взбирались диссентеры при помощи этой, такъ-называемой *occasional conformity*, то-есть формальнаго исполненія тестъ-акта. Между-прочимъ, и самъ принцъ датскій, великій адмиралъ, бывшій лютераниномъ, принадлежалъ къ числу такихъ вынужденныхъ, случайныхъ конформистовъ. Давно уже пасторы высокой церкви гремѣли ежедневно съ десяти тысячъ каѳедръ противъ этой практики, называли ее безбожнымъ дѣломъ, святотатствомъ, воспламеняли противъ диссентеровъ страсти всегда слѣпой, всегда покорной вліянію духовенства массы. Наконецъ, для торіевъ и высоко-церковныхъ насталъ часъ господства. Ультра-торійское большинство нижней палаты еще покамѣстъ не смѣло посягнуть на актъ терпимости, но рѣшилось положить конецъ тому, что̀ въ глазахъ его было скандаломъ, осмѣяніемъ закона, безстыднымъ лицемѣріемъ. Въ нижнюю палату внесенъ былъ билль противъ *occasional conformity*, которымъ опредѣлялось, что всякій, кто для полученія должности пріобщится святыхъ тайнъ по англиканскому обряду и потомъ посѣщать будетъ диссентерское богослуженіе, подвергнется большому денежному штрафу. Штрафъ удвоивался въ случаѣ вторичнаго нарушенія закона, а въ третій разъ провинившихся ожидала ссылка въ колоніи. Но самое важное постановленіе билля заключалось въ томъ, что всѣ *occasional conformers*, всѣ случайные конформисты объявлялись впредь неспособными занимать государственныя должности и быть членами муниципальныхъ корпорацій и, слѣдственно, избирателями по городамъ и мѣстечкамъ. Этимъ биллемъ торіи думали не только укрѣпить и возвысить свою церковь, не только уничтожить всякаго, кто отличался отъ нея вѣроисповѣданіемъ: у нихъ была еще другая

цѣль—чисто-политическая. Диссентеры были виги; диссентерскіе избиратели посылали въ парламентъ виговъ. Поражая диссентеровъ, торіи поражали политическихъ своихъ противниковъ—виговъ; закрывая навсегда диссентерамъ доступъ къ должностямъ, исключая ихъ изъ городскихъ избирательныхъ корпорацій, они наносили рѣшительный ударъ партіи виговъ, обезсиливали ее и утверждали окончательно свое собственное господсто въ парламентѣ и министерствѣ.

Можно бы подумать, что билль такого рода внесенъ былъ въ палату какимъ-нибудь фанатическимъ ревнителемъ высокой церкви, нетерпимымъ биготомъ и свирѣпымъ ультра-торіемъ, какимъ былъ, напримѣръ, Рочестеръ. Нисколько. Авторомъ билля былъ будущій учитель Вольтера, открытый атеистъ и самый либеральный писатель, Болинброкъ, который презиралъ въ душѣ и торіевъ, и высокую церковь; а Болинброка поддерживалъ прежній горячій диссентеръ, а теперь холодный индиферентъ, Гарли. Блестящій Болинброкъ выступалъ въ первый разъ на политическое поприще, какъ молодой и многообѣщавшій protégé Гарли, того Гарли, котораго онъ погубилъ впослѣдствіи. Оба, и ученикъ и учитель, видѣли, что для Анны высокая церковь и королевская прерогатива были дороже всего въ мірѣ; что сила была на сторонѣ торійской партіи; что масса слѣпо предана была своимъ пасторамъ; поэтому оба, не задумываясь долго, бросились въ ряды ультра-торійскаго большинства и приняли начальство въ генеральной атакѣ противъ религіозной и политической свободы; оба ожидали для себя на этой дорогѣ высокихъ должностей, почестей и титуловъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, билль прошелъ огромнымъ большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ; но въ верхней онъ встрѣтилъ пріемъ другаго рода. Мы говорили уже, что палата лордовъ и по духу, и по составу своему значительно отличалась отъ нижней. Въ ней перевѣсъ имѣли виги. Въ ней засѣдала élite всѣхъ знаменитостей страны. Верхняя палата далеко превосходила нижнюю образованіемъ и чувствомъ свободы. Хотя королева Анна назначала новыми перами однихъ торіевъ, но все-таки это еще не поколебало перевѣса виговъ. Противъ торійскаго билля поднялась между перами сильнѣйшая оппозиція. Всѣ знаменитости вигской партіи, и благородный лордъ Сомерсъ, и Галифаксъ, и высоко-просвѣщенный епископъ Борнетъ, выступили поочереди противъ мѣры, внушенной духомъ религіозной нетерпимости и политической вражды. Завязалась горячая парламентская перестрѣлка. Министры поддерживали билль всѣми силами, а между ними особенно ультра-торійскіе члены кабинета, Рочестеръ и

Бокингемъ, къ которымъ присоединился также и Ноттингемъ. Королева Анна, по обыкновенію своему, сдѣлала билль личнымъ вопросомъ для себя, назвала его любимымъ дитятей своего сердца и сама явилась въ палатѣ лордовъ, чтобъ присутствовать при дебатахъ. Лордъ Мальборо, который всегда воевалъ лѣтомъ на континентѣ, а зимою участвовалъ въ совѣщаніяхъ министровъ и преніяхъ верхней палаты, тоже говорилъ въ пользу билля. Въ-сущности вопросъ этотъ былъ ему крайне-равнодушенъ; онъ смотрѣлъ съ одинаковымъ чувствомъ и на высокоцерковныхъ, и на диссентеровъ, и на мухаммеданъ, и на евреевъ; но теперь поддерживалъ торіевъ потому, что того желала королева. За Мальборо, по обыкновенію своему, слѣдовалъ старый и неразлучный его товарищъ лордъ Годольфинъ. Даже несчастный принцъ датскій говорилъ по приказанію жены своей противъ случайныхъ конформистовъ, то-есть противъ самого себя. «Мое сердце съ вами» сказалъ онъ, обращаясь къ вигамъ, «но я долженъ повиноваться королевѣ». Оппозиція не смѣла, однакожь, коснуться самого принципа билля, сдѣлала только нѣсколько *amendemens*, то-есть измѣненій, въ его формѣ, смягчила строгость нѣкоторыхъ его постановленій и уменьшила сумму денежнаго штрафа. Нижняя палата пришла въ ярость. Она объявила, что перы не имѣютъ права уменьшать штрафъ; что всякій билль, которымъ налагается денежный штрафъ, есть финансовый билль; а финансовые билли, какъ часть бюджета, составляютъ исключительную область нижней палаты; перы могутъ только или принимать, или отвергать ихъ вполнѣ, безъ всякихъ измѣненій. Между обѣими палатами послѣдовало сильное столкновеніе. Конференція, назначенная между ними, какъ обыкновенно, усилила еще болѣе раздоръ. Дѣло кончилось тѣмъ, что перы, раздраженные притязаніями коммонеровъ, отвергли весь билль, и, казалось, диссентеры были спасены. Лордъ Мальборо стоялъ въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ торіевъ; но скоро онъ охладѣлъ къ нимъ значительно. Королева сдѣлала его герцогомъ за первую кампанію въ Бельгіи и, желая наградить мужа своей фаворитки еще болѣе чувствительнымъ для него образомъ, потребовала, чтобъ нижняя палата назначила ему изъ государственныхъ доходовъ пожизненную пенсію въ 5000 фунтовъ. Но торіи никогда не отличались особенною щедростью. Нижняя палата поблагодарила генерала за успѣшную кампанію, но отказала въ пенсіи. Мальборо, который надѣялся на обильную жатву уже съ перваго года войны, былъ сильно раздраженъ этимъ, тѣмъ-болѣе, что, кромѣ Годольфина, ни одинъ изъ его товарищей-министровъ, не сказалъ ни слова въ его пользу въ палатѣ. Не менѣе его раздражена была и сама королева, а леди

Мальборо была внѣ себя отъ негодованія, и ненависть ея противъ торіевъ, особенно противъ Рочестера и Ноттингема, усилилась вдвое.

Лордъ Мальборо охладѣлъ къ торіямъ еще болѣе, когда увидѣлъ, что они никакъ не думаютъ поддерживать его сильно въ войнѣ на континентѣ. Торійская нижняя палата, попрежнему нерасположенная къ войнѣ, оказалась очень-скупа въ назначеніи финансовыхъ средствъ для новой кампаніи, не согласилась увеличить ни войска, ни флота, а о денежныхъ субсидіяхъ для иностранныхъ державъ, членовъ коалиціи, не хотѣла и слышать. Оттого вторая кампанія противъ Франціи была совершенно-безуспѣшна для союзниковъ. Мальборо не могъ взять Антверпена; силы его оказались слишкомъ-слабыми въ сравненіи съ большою арміею маршала Буфлера, который командовалъ въ Бельгіи. Въ Испаніи, послѣ позорной экспедиціи Ормонда, не предпринято было рѣшительно ничего. Въ Италіи дѣла находились въ прежнемъ положеніи. Несмотря на то, что Вандомъ никогда не подымался ранѣе четырехъ часовъ съ постели, и иногда даже во время битвы продолжалъ играть въ карты, французы крѣпко держались въ Ломбардіи, и принцъ Евгеній не могъ сдѣлать ни шагу впередъ. Въ Германіи, хотя нѣмецкіе князья и ихъ юристы, дипломаты и резиденты суетились и разъѣзжали попрежнему, и хотя ихъ канцеляріи исписали еще больше бумаги, чѣмъ въ прошломъ году, все-таки Лудовикъ баденскій не могъ воспрепятствовать соединенію генерала Вилляра съ курфистромъ Баварскимъ. Лордъ Мальборо возвратился въ Англію по окончаніи кампаніи, сильно-недовольный торіями. Онъ и старый сослуживецъ его, Годольфинъ, видѣли оба, что съ торійскимъ министерствомъ и съ торійскою палатою великая ихъ афера — война въ весьма-плохомъ положеніи. Поэтому оба потихоньку стали думать о переходѣ въ лагерь виговъ, отъ которыхъ ожидали лучшей поддержки.

Между-тѣмъ началась вторая сессія парламента. Торійское большинство нижней палаты никакъ не было обезкураженo прошлогоднею неудачею; напротивъ, еще болѣе разсвирѣпѣло противъ диссентеровъ. Билль противъ случайныхъ конформистовъ опять внесенъ былъ въ палату. Общественное мнѣніе возбуждено было въ высшей степени. Въ странѣ господствовала сильная агитація, произведенная фанатическими проповѣдями пасторовъ. Особенную экзальтацію высокоцерковнаго чувства обнаруживали женщины. «Никогда въ жизни (пишетъ Свифтъ) я не видѣлъ такого сильнаго взрыва страстей, воспламененныхъ духомъ партіи. Даже собаки на улицахъ сдѣлались сердитѣе, дерзче и задорнѣе, чѣмъ обыкновенно. А наканунѣ того дня, въ который должны были происходить въ палатѣ пренія о биллѣ, на крышѣ нашего

дома собрался комитетъ кошекъ торіевъ и виговъ, и повелъ такіе ожесточенные дебаты, что всю ночь мы не закрывали глазъ. Да и чему тутъ удивляться, когда даже дамы раздѣлены на высокую и низкую церковь и, отъ чрезмѣрнаго рвенія къ религіи, не могутъ найдти времени, чтобъ помолиться Богу». Но въ высшей сферѣ положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Королева Анна, которая называла билль любимымъ дитятею своего сердца, замѣтно охладѣла къ своему дитяти. Она оскорблена была тѣмъ, что въ прошломъ году нижняя палата позволила себѣ отказать въ пенсіи мистеру Фриманъ, мужу ея любимой подруги, и не могла забыть этого торіямъ. У нея все дѣлалось личнымъ. Леди Мальборо давно работала надъ слабымъ ея умомъ и возбуждала въ ней нерасположеніе къ торійскимъ министрамъ. Между величественною дамою и Рочестеромъ и Ноттингемомъ ежедневно происходили жаркія сцены. Она поклялась, что ссадитъ ихъ съ мѣста. Министерство раздвоилось на ультра-торіевъ и умѣренныхъ; въ главѣ умѣренныхъ явились, разумѣется, Мальборо и Годольфинъ. Они заговорили о томъ, что билль, конечно, хорошъ, но что едва-ли умѣстно подымать его такъ скоро послѣ прошлогодней неудачи. Болинброкъ и Гарли, оба тонкіе люди, сейчасъ смекнули, въ чемъ дѣло, и вдругъ тоже сдѣлались умѣренными. Билль прошелъ опять въ нижней палатѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ; но, къ крайнему изумленію всѣхъ, Болинброкъ, который въ прошломъ году удивилъ палату своимъ краснорѣчіемъ, теперь сохранилъ глубокое молчаніе. Гарли сдѣлалъ лучше; онъ не любилъ портить отношенія ни съ какою партіею. Въ прошломъ году онъ сказалъ въ защиту билля запутанную и совершенно-непонятную рѣчь, въ которой, по обыкновенію, всѣ искали глубокаго смысла. Теперь онъ заболѣлъ внезапно и не явился въ засѣданіе. Билль перенесенъ былъ въ палату лордовъ, но встрѣтилъ въ ней еще болѣе-сильную оппозицію, чѣмъ въ прошломъ году. Только ультра-торійскіе министры поддерживали его съ отчаяннымъ рвеніемъ. Мальборо, Годольфинъ и принцъ датскій послѣдовали примѣру Гарли и не пришли въ палату, а другіе министры изъ умѣренныхъ и даже нѣсколько лордовъ изъ придворнаго штата королевы прямо подали голосъ противъ билля. Кончилось опять тѣмъ, что билль вторично былъ отвергнутъ палатою лордовъ. Это событіе имѣло послѣдствіемъ кризисъ въ министерствѣ. Ультра-торіи Рочестеръ, Бокингемъ и съ ними Ноттингемъ были взволнованы равнодушіемъ своихъ товарищей, назвали ихъ измѣнниками и потребовали отъ королевы, чтобъ она удалила изъ кабинета и изъ своего придворнаго штата лордовъ, подававшихъ голосъ противъ билля. Королева нашла это требо-

ваніе наглымъ и дерзкимъ, и отказала. Тогда Рочестеръ, Бокингемъ и Ноттингемъ вышли въ отставку—и восторжествовала умѣренная партія въ министерствѣ. Теперь Мальборо и Годольфинъ охотно замѣстили бы вакантныя мѣста вигами. Но покамѣстъ имъ невозможно было еще побѣдить предразсудковъ королевы, которая считала виговъ республиканцами и врагами монархіи. Она не хотѣла и слышать о вигахъ въ кабинетѣ. Между-тѣмъ Мальборо и Годольфину необходимо было имѣть въ министерствѣ надежныхъ товарищей, которые поддерживали бы ихъ въ войнѣ на континентѣ. Отъискать ихъ было нетрудно. Мальборо обратился къ Гарли и Болинброку и попалъ въ цѣль. Оба они представляли собою огромную силу. Гарли пользовался большимъ авторитетомъ въ нижней палатѣ и располагалъ въ ней двумя сотнями голосовъ своихъ личныхъ приверженцевъ. Болинброкъ своими талантами, своимъ краснорѣчіемъ могъ придать много блеска министерству и оказать большую пользу лорду Мальборо. Оба, и Гарли и Болинброкъ, сильно жаждали министерскихъ портфелей и готовы были служить какой угодно политикѣ; поэтому между ними и Мальборо легко дошло до уговора. Гарли получилъ мѣсто Ноттингема, Болинброкъ сдѣланъ былъ статс-секретаремъ по военному вѣдомству, и оба, взамѣнъ за это, обѣщались стоять душою за войну съ Франціею.

Вторичная неудача торіевъ въ кампаніи противъ диссентеровъ, никакъ, однакожь, не поколебала еще ихъ мужества. Съ твердостью, свойственною англійскимъ политическимъ партіямъ, они стояли насвоемъ непреклонно. Какъ только въ слѣдующемъ 1704 г. открылась третья и послѣдняя сессія парламента, торіи опять возобновили билль противъ случайныхъ конформистовъ, и на этотъ разъ рѣшились достигнуть цѣли, во что бы ни стало. Въ увлеченіи страсти, они придумали для этого одно необыкновенное средство, средство революціонное, еще небывалое въ исторіи парламента, средство, которое, еслибъ приведено было въ исполненіе, поставило бы въ опасность самую конституцію Англіи. Извѣстно, что установленіе годоваго бюджета составляетъ главный и исключительный аттрибутъ власти нижней палаты. Верхняя палата не можетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ бюджетѣ, утвержденномъ нижнею; она должна или принять его вполнѣ, или отвергнуть вполнѣ. Пользуясь этимъ, торіи вздумали связать билль противъ случайныхъ конформистовъ съ бюджетомъ въ одно нераздѣльное цѣлое, и въ такомъ видѣ отправить его въ палату лордовъ. Лорды были бы поставлены чрезъ это въ самое затруднительное положеніе. Отвергая билль, они отвергли бы вмѣстѣ съ этимъ и бюджетъ, въ которомъ были назначены денежныя средства

для новой кампаніи на континентѣ. Это остановило бы дѣйствіе всей государственной машины, повергло бы страну въ смятеніе. Правительство было бы принуждено, за неимѣніемъ средствъ, прекратить продолженіе войны. Съ другой стороны, принимая билль вмѣстѣ съ бюджетомъ, лорды не только пожертвовали бы диссентерами, но нанесли бы сильный ударъ своей собственной власти и поколебали бы самую конституцію. Этотъ способъ связывать посторонній билль съ бюджетомъ въ одно цѣлое обратился бы въ опасный прецедентъ на будущее время. Нижняя палата не замедлила бы пользоваться этимъ средствомъ всякій разъ, когда бы ей захотѣлось сломить сопротивленіе лордовъ. Она стала бы связывать съ бюджетомъ какіе угодно билли, и такимъ образомъ значеніе верхней палаты и самой короны было бы уничтожено; нижняя палата сдѣлалась бы неограниченною властью въ государствѣ. Положеніе было критическое. Но торіи сами погубили себя своею неумѣренностью; они зашли слишкомъ-далеко и отклонили отъ себя общественное мнѣніе. Крайнія, неумѣренныя партіи никогда долго не бываютъ популярны въ Англіи. По обыкновенному закону политической жизни, послѣ сильнаго прилива наступилъ въ странѣ медленный отливъ, послѣ сильной экзальтаціи торійскаго чувства, началась въ націи реакція въ противоположномъ направленія. Чрезвычайно-замѣчательно это постоянное, періодическое колебаніе общественнаго мнѣнія въ свободной странѣ. Въ немъ есть мало раціональнаго; но оно бываетъ въ высшей степени полезно для народной свободы. Она сдерживаетъ въ надлежащихъ предѣлахъ политическія партіи; какъ-скоро одна изъ нихъ заходитъ слишкомъ-далеко, общественное мнѣніе оставляетъ ее и переходитъ къ другой. Съ нѣкотораго времени поведеніе торійской нижней палаты возбуждало неудовольствіе въ націи. Хорошія извѣстія съ театра войны воспламенили военный энтузіазмъ во всѣхъ сословіяхъ; а между-тѣмъ, нижняя палата попрежнему продолжала быть нерасположена къ войнѣ, и скупою рукою выдѣляла денежныя средства на армію и флотъ. Всѣ упрекали ее въ недостаткѣ патріотизма, въ равнодушіи къ интересамъ страны. Въ эту минуту она задумала опасное, неконституціонное дѣло, которое помѣшало бы продолженію войны. Этимъ необдуманнымъ поступкомъ нижняя палата окончательно повредила себѣ въ общественномъ мнѣніи. Противъ нея начались въ странѣ сильныя демонстраціи. Адресы слѣдовали за адресами, митинги за митингами. Журнальная война закипѣла съ небывалою силою. Министры воспользовались этимъ поворотомъ народнаго чувства. Болинброкъ со всею силою своего краснорѣчія возсталъ въ нижней палатѣ противъ предложенія связать билль

съ бюджетомъ. Гарли поддерживалъ его своимъ туманнымъ ораторствомъ, и тутъ-то во всемъ блескѣ выказался характеръ этого человѣка. Говорятъ, что это онъ самъ тайно посовѣтовалъ торіямъ прибѣгнуть къ такому небывалому средству, зная навѣрно, что этимъ они сами себя погубятъ. Торіи, не подозрѣвая злобнаго умысла, попали въ его сѣти. Три ночи длились въ палатѣ ожесточенные дебаты. Наконецъ предложеніе было отвергнуто. Многіе торіи испугались народныхъ демонстрацій и вотировали вмѣстѣ съ министрами. Этимъ рѣшилось дѣло. Билль противъ случайныхъ конформистовъ былъ отдѣленъ отъ бюджета, прошелъ еще разъ въ нижней палатѣ, уже незначительнымъ большинствомъ; но, перенесенный въ верхнюю палату, онъ былъ отвергнутъ лордами въ третій разъ почти единогласно. Такъ кончилась эта трехлѣтняя война противъ диссентеровъ и религіозной свободы. Торіи испытали рѣшительное пораженіе. Диссентеры были спасены. Между-тѣмъ въ то время, когда все это происходило въ Англіи, на континентѣ случились событія, которыя положили конецъ и торійскому министерству, и торійскому парламенту, совершенно измѣнили отношеніе англійскихъ партій, доставили господство вигамъ и произвели поворотъ въ положеніи дѣлъ въ Европѣ.

1704 годъ былъ рѣшительнымъ годомъ въ войнѣ за испанское наслѣдство. Англичане покрыли себя военною славою, отъ которой совершенно было-отвыкли въ безславную эпоху Стюартовъ. Лордъ Мальборо сталъ на вершинѣ величія. Его геній въ одинъ памятный для Англіи день смирилъ надменность Лудовика XIV, спасъ императора Леопольда, доставилъ европейской коалиціи рѣшительный перевѣсъ надъ Франціею. Я не намѣренъ, мм. гг., утомлять ваше вниманіе подробнымъ разсказомъ военныхъ дѣйствій, которыя вообще составляютъ самую неутѣшительную, самую плачевную сторону исторіи человѣчества. Но кампанія 1704 года исполнена самаго драматическаго интереса. Она представляетъ собою громадную шахматную игру, доскою для которой служила вся средняя Европа. Она богата неожиданными катастрофами. Въ ней во всемъ блескѣ проявляется геній двухъ великихъ генераловъ—Мальборо и Евгенія. Потому намъ нужно бросить хоть бѣглый взглядъ на ея событія.

Въ первые два года войны Лудовикъ XIV ограничивался только защитою захваченной имъ добычи Испанской Монархіи, отраженіемъ нападеній коалиціи на Бельгію, на Ломбардію, на Испанію. Но онъ видѣлъ, что при одной оборонительной системѣ нельзя было предвидѣть конца войны; а между-тѣмъ Франція истощалась; лучшая

кровь ея исходила напрасно. Поэтому въ третій годъ, чтобъ ускорить исходъ борьбы, Лудовикъ XIV рѣшился, по-крайней-мѣрѣ съ одной стороны, открыть наступательное дѣйствіе съ той стороны, гдѣ французы издавна привыкли одерживать побѣды — со стороны Германіи. Еще въ концѣ прошедшаго года генералъ Виллярь получилъ приказаніе, во что̀ бы то ни стало, проникнуть въ глубь Германіи и подать руку союзнику Франціи курфирсту баварскому. Смѣлый гасконецъ дѣльно исполнилъ приказаніе, несмотря на всѣ усилія Лудовика баденскаго. Онъ разбилъ медленнаго и систематическаго нѣмецкаго генерала въ открытомъ сраженіи, и солдаты на полѣ битвы, по римскому обычаю, провозгласили его маршаломъ Франціи. На Верхнемъ Дунаѣ войска Вилляра соединились съ войсками курфирста, и передъ ними развернулась широкая и блестящая перспектива. Дорога въ Вѣну была открыта. Виллярь хотѣлъ немедленно спѣшить туда. Вѣна была беззащитна; она не могла держаться и восьми дней. Можно было кончить войну однимъ громкимъ ударомъ. Но курфирстъ баварскій былъ другаго мнѣнія. Капризный, своевольный, мелко-самолюбивый нѣмецкій государь не могъ ужиться съ хвастливымъ, самонадѣяннымъ гасконцемъ. Курфирстъ Максимиліанъ Эммануилъ, подобно всѣмъ нѣмецкимъ князьямъ прежнихъ и новыхъ временъ, обращалъ всѣ доходы своего небольшаго государства на армію, всю жизнь свою дѣлалъ безчисленные смотры, парады, манёвры и разводы, и потому воображаль себя великимъ генераломъ. Но что касается военныхъ дарованій его, то многіе сильно сомнѣвались въ нихъ. Въ немъ было больше необдуманной смѣлости и наклонности къ неисполнимымъ планамъ, чѣмъ настоящихъ способностей хорошаго генерала. Между французскимъ маршаломъ и курфирстомъ возникла ссора за дальнѣйшій образъ дѣйствій. Они обратились къ Лудовику XIV, и Лудовикъ, который дорожилъ очень своимъ нѣмецкимъ союзникомъ, отдалъ предпочтеніе курфирсту. Больше чѣмъ походъ въ Вѣну курфирсту понравился другой планъ, который впослѣдствіи, при подобныхъ же обстоятельствахъ, пытались привести въ исполненіе Моро̀ и Бонапарте. Именно положено было, что Виллярь останется на Дунаѣ, а курфирстъ съ своимъ войскомъ и частью французской арміи двинется въ Тироль. Въ то же время съ другой стороны маршалъ Вандомъ, который командовалъ въ Ломбардіи, получилъ приказаніе предоставить защиту Ломбардіи и наблюденіе за принцемъ Евгеніемъ союзнику Франціи герцогу савойскому, Виктору Амедею, а самъ долженъ былъ тоже двинуться къ Тиролю съ юга и подать руку курфирсту баварскому. Еслибъ этотъ манёвръ удался, то сообщеніе между Австріею и Италіею было бы совершенно пре-

кращено и принцъ Евгеній принужденъ или положить оружіе или погибнуть со всею арміею. Сначала все шло отлично. Въ то время, когда Вилляръ занималъ всѣ позиціи на Дунаѣ и удерживалъ Лудовика баденскаго, курфирстъ баварскій вступилъ съ большими силами въ Тироль и, не встрѣчая нигдѣ серьёзнаго сопротивленія, бралъ городъ за городомъ, въ скоромъ времени занялъ всю область, остановился въ Инспрукѣ, а отряды его войска завладѣли поочереди всѣми тирольскими горными проходами въ Италію. Между-тѣмъ съ противоположной стороны у подножія Тирольскихъ Альповъ явился и Вандомъ. Онъ уже бомбардировалъ Тридентъ, уже форпосты его сблизились съ форпостами баварскаго курфирста, когда вдругъ послѣдовало неожиданное событіе, которое разстроило совершенно весь этотъ умно-задуманный планъ. Герцогъ савойскій Викторъ Амедей, который, какъ союзникъ Франціи, обязанъ былъ защищать Ломбардію въ отсутствіи Вандома, давно уже думалъ въ тайнѣ объ измѣнѣ Лудовику XIV и готовился перейдти на сторону Австріи. Онъ слѣдовалъ въ этомъ завѣтной политикѣ своего дома. Всѣ савойскіе герцоги XVI, XVII и XVIII столѣтія держались съ рѣдкою послѣдовательностью особеннаго рода маккіавелизма, которому они обязаны были тѣмъ, что изъ маленькихъ и бѣдныхъ графовъ сдѣлались современемъ могущественными государями. Поставленные посрединѣ между двухъ могущественныхъ сосѣдей, между Франціею и Австріею, они постоянно лавировали между ними, постоянно переходили отъ одной къ другой. Если чрезмѣрно усиливалась Франція, то савойскіе герцоги связывались съ Австріею, и сейчасъ опять оставляли ее и возвращались къ Франціи, какъ скоро перевѣсъ былъ на сторонѣ Австріи. Но изъ каждой такой измѣны они выносили какой-нибудь новый клочокъ Италіи и сшивали такимъ образомъ понемножку свою территорію. Викторъ Амедей, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государей савойскаго дома, уже нѣсколько разъ въ своей жизни измѣнялъ и Франціи, и Австріи. Теперь онъ опять съ нѣкотораго времени былъ недоволенъ Лудовикомъ XIV, съ которымъ находился даже въ родствѣ. Онъ требовалъ для себя отъ Лудовика части Ломбардіи и предлагалъ ему взамѣнъ Савоію; но Лудовикъ не соглашался. Замѣчательно, что уже тогда, и то не въ первый и не въ послѣдній разъ, савойскіе герцоги готовы были сбыть съ рукъ свою собственную родину, свое альпійское гнѣздо, изъ котораго вышли, и уступить его Франціи, лишь бы только распространиться въ Италіи. То, чего не хотѣлъ дать Лудовикъ, то охотно предлагала Австрія. Еще дѣйствуя заодно съ Вандомомъ, Викторъ Амедей имѣлъ уже тайныя сношенія съ Евгеніемъ и уговари-

вался съ нимъ о времени и условіяхъ измѣны. Время удобное представилось, когда Вандомъ удалился съ главными силами своими по направленію къ Тиролю. Въ эту минуту, когда онъ готовъ былъ уже подать руку курфирсту баварскому, Викторъ Амедей вдругъ обратился съ своими пьемонтцами противъ французовъ и соединился съ принцемъ Евгеніемъ. Эта неожиданная диверсія заставила Вандома покинуть Тироль и идти поспѣшно противъ Виктора Амедея. Иначе онъ могъ быть совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ Франціею, и Ломбардія потеряна для Лудовика XIV. Но и курфирстъ баварскій также не могъ удержаться въ Тиролѣ. Онъ былъ ниже той задачи, которую себѣ поставилъ. Положеніе его сдѣлалось опаснымъ. Противъ баварцевъ и французовъ поголовно поднялись во всей странѣ тирольцы. Это тупое племя, всегда слѣпо-привязанное къ австрійскому дому, къ папизму, іезуитизму и обскурантизму, всегда готово было проливать за всѣ эти блага послѣднюю каплю крови. Возстаніе было такъ сильно, какъ то, которое вспыхнуло въ 1809 году противъ Наполеона, и котораго героемъ былъ несчастный Андреасъ Гоферъ. Курфирстъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ, какъ моремъ, яростно поднявшимся народонаселеніемъ. На каждомъ шагу мѣткіе тирольскіе стрѣлки поражали его солдатъ. Съ большою потерею людей онъ поспѣшно оставилъ Тироль, возвратился въ Баварію и снова соединился съ Вилляромъ.

Война опять перенесена была въ центръ Германіи и опять приходилось плохо Лудовику баденскому и другимъ австрійскимъ генераламъ, съ которыми онъ ссорился постоянно о рангѣ и старшинствѣ. Особенно отличался между ними нѣкто графъ Стирумъ. Этотъ степенный и флегматичный генералъ имѣлъ несчастіе бывать побитымъ акуратно всякій разъ, какъ-скоро встрѣчался съ французами, и оправдывался передъ гофкригсратомъ въ Вѣнѣ совершенно такимъ образомъ, какимъ въ прошломъ году графъ Гіулай оправдывался въ донесеніяхъ своихъ съ театра войны. Онъ жаловался именно, что французы имѣли дурную привычку въ рѣшительную минуту битвы посылать на тѣ пункты, на которыхъ онъ не ожидалъ ихъ вовсе, большія массы и этимъ принуждать его къ отступленію. Однакожь Вилляръ и курфирстъ баварскій попрежнему никакъ не могли ужиться другъ съ другомъ, и постоянно различались въ мнѣніяхъ. Ссора ихъ дошла наконецъ до неприличія. Чтобъ положить конецъ скандалу, Лудовикъ XIV, принужденъ былъ отозвать Вилляра и замѣнить его другимъ генераломъ. Теперь возобновленъ былъ планъ, который прежде маршалъ Вилларъ хотѣлъ привести въ исполненіе сейчасъ послѣ своего соединенія съ курфирстомъ. Лудовикъ XIV рѣшился бросить

большія силы въ Германію и однимъ могущественнымъ ударомъ противъ самой Австріи покончить войну еще до истеченія года. Онъ послалъ на подкрѣпленіе курфирсту два новые корпуса; однимъ командовалъ генералъ Марсенъ, другимъ маршалъ Талларъ, замѣнившій Вилляра. Выборъ генераловъ былъ несчастенъ. Въ назначеніи обоихъ участвовали мадамъ де-Мэнтенонъ; оба напоминали собою маршала Вилльруа. Марсенъ учился военному искусству въ дворцовыхъ передняхъ; Талларъ былъ ловкій дипломатъ, танцовалъ отлично, слылъ первымъ дуэлистомъ своего времени, но не родился быть великимъ полководцемъ. Какъ ни плохи были генералы, соединенная армія французовъ и баварцевъ представляла собою импозантную силу. 60,000 отборнаго войска стояло на Дунаѣ. Рѣшено было всею этою массою нагрянуть на Богемію или на Эрцгерцогство Австрійское и продиктовать условія мира въ Вѣнѣ. Австріи угрожала огромная опасность. Лудовику баденскому невозможно было долго удержать французовъ и курфирста. Опасность эту видѣли оба величайшіе генерала этого времени—Мальборо въ Бельгіи и принцъ Евгеній въ Италіи. Раздѣленные между собою сотнею миль, они попали оба на одну мысль, мысль истинно-геніальную. Не говоря никому ни слова, они переписались между собою и составили вдвоемъ планъ кампаніи, знаменитый въ исторіи по громадности помысла и мастерству исполненія. Они положили двинуться вдругъ въ одно время одинъ съ сѣвера, а другой съ юга, поспѣшить усиленнымъ маршемъ въ Германію, соединиться въ Баваріи и ударить вмѣстѣ на французовъ и курфирста. Планъ этотъ, смѣлости необыкновенной, они держали въ глубокой тайнѣ и пытались только намекнуть о немъ Лудовику баденскому, чтобъ склонить его къ участію. Но Лудовикъ баденскій, который, какъ нѣмецкій князь и австрійскій генералъ, привыкъ вести войну дипломатическимъ образомъ, нашелъ дѣло слишкомъ рискованнымъ; поэтому Мальборо и Евгеній оставили его въ покоѣ и рѣшились дѣйствовать одни. Планъ былъ исполненъ съ быстротою молніи. Мальборо съ самаго начала кампаніи 1704 года дѣятельно продолжалъ въ Бельгіи тяжелую войну осадъ и штурмовъ, и бралъ крѣпость за крѣпостью. Противъ него стоялъ маршалъ Вилльруа, который, вслѣдствіе размѣна плѣнныхъ, возвратился изъ австрійскаго плѣна на бѣду Франціи и опять, поставленный мадамъ де-Мэнтенонъ во главѣ бельгійской арміи, испытывалъ пораженіе за пораженіемъ. Мальборо ловко скрылъ отъ него свое намѣреніе идти въ Германію, обманулъ его разными искусными манёврами, и въ то время, когда Вилльруа ожидалъ его передъ одною изъ бельгійскихъ крѣпостей, Мальборо быстро двинулся съ

англійскими и голландскими войсками на встрѣчу Евгенію. Тогда Вилльруа спохватился, поспѣшилъ въ слѣдъ за нимъ, но уже было поздно: Мальборо уже дошелъ до Нѐкара и настигнуть его не было никакой возможности. Съ такою же быстротою исполнилъ свое дѣло и принцъ Евгеній. Онъ поручилъ наблюденіе за Вандомомъ въ Ломбардіи герцогу савойскому и пустился черезъ Тироль въ Баварію. На Верхнемъ Дунаѣ сошлись оба великіе полководца и соединили свои войска въ виду изумленной Европы. Такимъ образомъ на одномъ пунктѣ собрались всѣ силы воевавшихъ сторонъ. Очевидно было, что здѣсь послѣдуетъ рѣшительное сраженіе. Судьбы всей Европы поставлены были на одну карту. При Бленгеймѣ и Гохштедтѣ произошло это рѣшительное сраженіе, одно изъ величайшихъ въ новой исторіи. Однимъ флангомъ французской арміи командовалъ маршалъ Талларъ и занималъ деревню Бленгеймъ. Противъ него съ англичанами и голландцами обратился лордъ Мальборо. На другомъ флангѣ въ деревнѣ Гохштедтѣ стояли генералъ Марсенъ и курфирстъ баварскій. На нихъ ударилъ съ австрійскими силами принцъ Евгеній. Битва была кровопролитная и упорная; силы съ обѣихъ сторонъ равныя. Самый жаркій бой выпалъ на долю англичанъ; но они одержали самую блестящую побѣду. Талларъ потерпѣлъ жестокое пораженіе, попалъ въ плѣнъ, и 27 батальйоновъ французской пѣхоты и 13 эскадроновъ кавалеріи такъ были отрѣзаны въ Бленгеймѣ, что должны были положить оружіе и сдаться лорду Мальборо. На другомъ флангѣ сначала бой былъ нерѣшительный, но, наконецъ, побѣдилъ принцъ Евгеній. 20,000 французскихъ и баварскихъ труповъ покрыли поле битвы. Всѣ знамена, вся артиллерія, всѣ припасы французовъ и курфирста попали въ руки побѣдителей. Австрія была спасена. Лудовикъ XIV получилъ страшный ударъ. Лучшая его армія погибла. Слѣдствія этой побѣды, которую англичане называютъ Бленгеймъ, а австрійцы—Гохштедтъ, были огромны. Австрійскія войска заняли всю Баварію. Курфирстъ, который думалъ вступить тріумфаторомъ въ Вѣну, потерявъ свое собственное государство, принужденъ былъ бѣжать въ Брюссель. Слабые остатки разбитой французской арміи, въ разстройствѣ, въ безпорядкѣ, преслѣдуемые непріятелемъ, съ трудомъ добрались до Эльзаса. Ни одного француза, кромѣ плѣнныхъ, не осталось на германской почвѣ. Войска императора Леопольда появились на Рейнѣ у Страсбурга. Очевидно было, что въ слѣдующую кампанію Мальборо и принцъ Евгеній нападутъ уже на самые предѣлы Франціи.

Когда извѣстіе о бленгеймской побѣдѣ пришло въ Англію, энтузіазмъ былъ неописанный. Вся нація опьянѣла отъ восторга. Давно уже ан-

глійское оружіе не знало, что́ такое побѣда. Теперь бленгеймская битва напомнила англичанамъ тѣ славныя времена, когда они поражали своихъ соперниковъ-французовъ при Креси, при Пуатье, при Азенкурѣ. Съ-тѣхъ-поръ Бленгеймъ сдѣлался для нихъ тѣмъ, чѣмъ въ наше столѣтіе Ватерлоо, то-есть самымъ блестящимъ воспоминаніемъ народной славы, вспоминаніемъ, которое въ каждомъ англичанинѣ возбуждало въ высшей степени чувство партіотической гордости. Но еще нація не успѣла опомниться отъ перваго впечатлѣнія бленгеймской побѣды, когда съ другаго театра войны пришло извѣстіе не менѣе радостное. Англичане сдѣлали сильный ударъ въ Испаніи. Адмиралъ сэръ Джорджъ Рукъ завладѣлъ неприступною крѣпостью Гибралтаромъ. Это еще болѣе увеличило всеобщій восторгъ. Военные инстинкты пробудились въ націи съ чрезвычайною силою. Виги торжествовали. Торіи предчувствовали, что наступилъ конецъ ихъ господству. Наконецъ явился въ Англіи и самъ побѣдитель. Осенью лордъ Мальборо возвратился изъ континента, привезя съ собою плѣнника своего маршала Таллара. Вся нація встрѣтила его съ несказаннымъ энтузіазмомъ. Онъ сдѣлался ея идоломъ, ея божествомъ. Конца не было оваціямъ. Награды посыпались на счастливаго генерала. По требованію королевы, парламентъ назначилъ ему огромную пожизненную пенсію. Положено было выстроить для него на государственный счетъ великолѣпный дворецъ, который долженъ былъ называться Бленгеймъ. Но бленгейская побѣда принесла Мальборо плоды, гораздо-важнѣе дворца и пенсіи: она доставила ему владычество въ Англіи. Онъ и товарищъ его Годольфинъ увидѣли, что пора теперь явиться имъ открытыми вигами. Королева, по внушенію ихъ, распустила торійскій парламентъ. Можно было имъ легко предвидѣть, каковъ будетъ результатъ новыхъ выборовъ при томъ упоеніи, въ которомъ находилась вся нація. Виги получили огромное большинство. Еще никогда въ такой массѣ они не являлись въ нижней палатѣ. Тогда всѣ торійскіе министры подали въ отставку; въ кабинетѣ остались только Гарли и Болинброкъ. Королева, волею неволею, принуждена была замѣстить вакантныя мѣста вигами, и въ 1705 году началось знаменитое въ исторіи Англіи вигское министерство Мальборо и Годольфина, министерство, съ которымъ, по величію дѣяній можетъ сравняться только одно правленіе старшаго Питта.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТАЯ.

Вигское министерство Анны. — Могущество лорда Мальборо. — Продолженіе войны на континентѣ.—Сраженіе при Рамилли. — Сраженіе при Туринѣ. — Война въ Испаніи.—Характеристика Филиппа анжуйскаго.—Испанскіе и неаполитанскіе Бурбоны.—Принцесса Орсини. — Маршалъ Бервикъ. — Эрцгерцогъ Карлъ въ Испаніи. — Взятіе Гибралтара англичанами.—Лордъ Петерборо.—Взятіе Барцеллоны.—Битва при Альманцѣ.—Положеніе дѣлъ въ Европѣ въ концѣ 1707 года.—Жалкое состояніе Франціи.

Мм. гг.

Бленгеймская побѣда и успѣхи англійскаго оружія въ Испаніи произвели въ Англіи переворотъ неожиданный, переворотъ, который показался бы дурнымъ сновидѣніемъ всякому торійскому сквайру и всякому сельскому пастору при вступленіи на престолъ королевы Анны. Въ Вестминстерѣ засѣдали палаты, набитыя вигами и тайными диссентерами. Война на континентѣ приняла громадные размѣры и вся нація дышала военнымъ энтузіазмомъ. Мальборо и Годольфинъ сдѣлались отъявленными вигами. Королева Анна, надежда высокой церкви, окружила себя вигскими министрами. Главы торійской партіи Ноттингемъ, Рочестеръ, Бокингемъ, еще недавно члены кабинета, сидѣли въ оппозиціи. Леди Мальборо и мужъ ея овладѣли совершенно умомъ королевы. Анна поддалась имъ, какъ смиренный агнецъ; она подавлена была величіемъ, славою, успѣхами счастливаго генерала. Супруги Мальборо восторжествовали надъ ея торійскими предразсудками и заставили ее дать мѣсто въ министерствѣ людямъ, одно имя которыхъ приводило ее въ ужасъ. Въ одномъ только они еще не успѣли: имъ не удалось склонить Анну къ допущенію въ министерство знаменитостей партіи виговъ —Сомерса и Галифакса. Анна смотрѣла на обоихъ, какъ на революціонеровъ и отъ страха избѣгала даже встрѣчи съ ними. Одни только младшіе, менѣе значительные члены вигской партіи получили мѣста въ кабинетѣ. Но Сомерсъ и Галифаксъ сдѣланы были членами тайнаго государственнаго совѣта, и нравственнымъ своимъ авторитетомъ поддерживали министерство въ палатѣ лордовъ. Изъ прежняго торійскаго кабинета остались въ новомъ только Болинброкъ и Гарли и два - три умѣренные торіи на низшихъ постахъ; но Болинброкъ и Гарли обѣщали лорду Мальборо душевное содѣйствіе во всѣхъ мѣрахъ, увѣряли его, что стоятъ выше мелкаго раздѣленія партій, что будутъ всѣми силами поддерживать войну на континентѣ. Болинброкъ разсыпался въ комплиментахъ передъ великимъ генераломъ, удивлялся его генію; Гарли вторилъ ему и даже дѣлалъ неуклюжія любезности леди Мальборо. Съ своей сто-

роны, Мальборо нуждался въ обоихъ: Гарли имѣлъ связи въ каждой партіи; Болинброкъ, въ качествѣ статс-секретаря военнаго вѣдомства, могъ быть полезенъ ему своимъ краснорѣчіемъ въ нижней палатѣ, при защитѣ военнаго бюджета. Казалось, самое дружеское, самое гармоническое согласіе господствовало между четырьмя главными членами министерства: Мальборо, Годольфиномъ, Гарли и Болинброкомъ, между четырьмя лицами, которымъ суждено было впослѣдствіи вступить другъ противъ друга въ отчаянную борьбу на жизнь и смерть. Благодаря женѣ своей, Мальборо сдѣлался настоящимъ диктаторомъ въ Англіи. Война и внѣшняя политика были въ его рукахъ. Старый другъ его Годольфинъ держалъ въ его распоряженіи финансы государства. Наступили два памятные года, годы, самые блестящіе въ блестящемъ царствованіи угрюмой дочери Іакова II, когда внутри царствовало спокойствіе, а извнѣ громкая слава сопутствовала англійскому оружію, когда въ парламентѣ не существовало никакой оппозиціи, когда въ странѣ умолкла вражда партій, когда каждая почта съ континента приносила извѣстія о новыхъ побѣдахъ, когда нація называла Анну доброю королевою, а лордъ Мальборо сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи. Въ это время совершилось дѣло, о которомъ думалъ еще Вильгельмъ III. Англія и Шотландія соединены были въ одно государство подъ именемъ Великой Британіи. Представители шотландской націи засѣли вмѣстѣ съ представителями англійской въ одномъ общемъ парламентѣ въ Вестминстерѣ. Эта мѣра еще болѣе усилила виговъ. Шотландскіе пресвитеріянцы были естественными ихъ союзниками. Казалось даже одно время, что сама королева Анна помирилась въ душѣ съ вигами и окончательно отступилась отъ торіевъ. Торіи оскорбили ее однимъ неосторожнымъ, необдуманнымъ поступкомъ. Они чувствовали, какъ низко упала ихъ партія въ общественномъ мнѣніи, и это чувство тяготѣло надъ ихъ душою. Желая поднять какимъ-нибудь средствомъ свою популярность въ націи, они вздумали вдругъ обнаружить чрезвычайное рвеніе къ протестантскому престолонаслѣдію. Нѣсколько торійскихъ лордовъ въ верхней палатѣ заговорило неожиданно о регентствѣ, о томъ, что королева уже немолода, что здоровье ея не отлично; что пора подумать объ обезпеченіи установленнаго парламентомъ престолонаслѣдія; что для этого хорошо было бы, на всякій случай, пригласить въ Англію принцессу Софію ганноверскую и сына ея Георга. Рочестеръ и Бокингемъ немедленно сдѣлали предложеніе въ этомъ смыслѣ. Между-тѣмъ Аннѣ вовсе не хотѣлось видѣть въ Англіи наслѣдниковъ, наложенныхъ ей парламентскимъ актомъ. Она чувствовала къ нимъ

какое-то неодолимое отвращеніе и не позволяла даже упоминать о нихъ въ своемъ присутствіи. Она такъ была привязана къ жизни, что малѣйшій намекъ о смерти раздражалъ ее въ высшей степени. Притомъ до конца жизни она хотѣла быть молодою и тщательно скрывала свои лѣта. Она готова была перенести все возможное скорѣе, чѣмъ видѣть присутствіе въ Англіи непріятныхъ наслѣдниковъ, которые постоянно напоминали бы ей собою о смерти, которые завели бы свой дворъ въ сосѣдствѣ съ ея дворомъ. Анна, услыхавъ о предложеніи Рочестера и Бокингема, была внѣ себя отъ удивленія, что партія, которая въ такихъ горячихъ выраженіяхъ увѣряла ее въ своей преданности, могла задумать такое лично ей непріятное дѣло. Начались въ верхней палатѣ дебаты о регенціи. Анна присутствовала при нихъ въ закрытой ложѣ и тутъ-то пришлось ей выслушивать длинныя разсужденія о числѣ ея лѣтъ, о близости ея смерти. Одинъ лордъ, не зная, что королева находится въ палатѣ, позволилъ себѣ даже сдѣлать намекъ на то, что умъ ея неслишкомъ-силенъ, что ею управляютъ другіе; увѣрялъ товарищей своихъ, что съ лѣтами Анна сдѣлается еще ограниченнѣе, и доказывалъ этимъ необходимость присутствія въ Англіи принцессы Софіи и сына ея Георга. Анна была взволнована негодованіемъ. Предложеніе было отвергнуто; всѣ виги подали голоса противъ него; но королева чувствовала себя жестоко-оскорбленною торіями. Рочестеръ и Бокингемъ получили приказаніе не являться больше ко двору. Казалось, дѣло торіевъ было потеряно окончательно. Но оставимъ теперь на-время Англію, и королеву, и торіевъ, и виговъ, и послѣдуемъ за лордомъ Мальборо на континентъ.

Немедленно послѣ бленгеймской побѣды, Мальборо и принцъ Евгеній съ англійскими, голландскими и австрійскими силами двинулись къ Рейну вслѣдъ за остатками разбитой французской арміи. Франціи угрожала огромная опасность. Побѣдители могли вступить въ беззащитныя ея границы. Нужно было спасать, во что̀ бы ни стало, Эльзасъ. Лудовикъ XIV собралъ на-скоро кое-какія силы; недоставало только генерала. Представился Вилляръ, попавшій въ немилость за ссоры свои съ курфирстомъ баварскимъ. Скромность никогда не была его отличительнымъ свойствомъ. «Ваше величество» сказалъ онъ Лудовику, «дайте мнѣ начальство; я единственный генералъ во всей Европѣ, которому счастіе никогда не измѣняетъ». Вилларъ оправдалъ свое хвастовство. Еслибъ не его усилія, Мальборо и Евгеній непремѣнно еще въ этотъ годъ пошли бы по дорогѣ къ Парижу. Искусная защита Эльзаса и наступленіе зимы остановило ихъ дѣйствія. Но въ

слѣдующемъ году лордъ Мальборо пріѣхалъ на континентъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать вторженіе во Францію. Опять вмѣстѣ съ принцемъ Евгеніемъ онъ составилъ громадный планъ кампаніи. Оба льстили себя надеждою, что продиктуютъ великому монарху условія мира въ его собственномъ дворцѣ, въ Версалѣ. Скоро оказалось, однакожь, что они считали безъ прочихъ членовъ коалиціи. Для того, чтобъ такое предпріятіе могло быть успѣшно, необходимы были большія силы. Невозможно было вторгаться внутрь Франціи, оставляя за собою сильные французскіе гарнизоны въ крѣпостяхъ Бельгіи. Мальборо и Евгенію нужны были двѣ арміи: одна дѣйствовала бы въ Бельгіи, съ другою они вступили бы въ Эльзасъ. Планъ этотъ требовалъ не менѣе ста-пятидесяти тысячъ войска. Оба генерала обратились къ членамъ коалиціи—къ Голландіи, нѣмецкимъ князьямъ, Даніи Пруссіи, Австріи, и старались склонить ихъ къ возможно-бо́льшому напряженію силъ, убѣждали воспользоваться удобнымъ случаемъ, пока Лудовикъ XIV еще не оправился послѣ прошлогодняго удара, и однимъ могущественнымъ усиліемъ покончить войну. Но всѣ ихъ старанія, убѣжденія, просьбы были напрасны. Голландскіе генеральные штаты съ свойственнымъ имъ эгоизмомъ, боязливостью и мелкою бережливостью не хотѣли и слышать объ увеличеніи контингента. Они думали только о своей барьерѣ бельгійскихъ крѣпостей и нашли планъ Мальборо и Евгенія слишкомъ рискованнымъ. Въ Австріи императоръ Леопольдъ былъ близокъ къ смерти и, окруженный духовниками, монахами и іезуитами, не имѣлъ времени подумать о войнѣ. Австрійское правительство слабо поддерживало Евгенія. А что касается до нѣмецкихъ князей, то съ ними нельзя было добиться никакого толку. Какъ-скоро бленгеймская побѣда освободила ихъ отъ непосредственной опасности, какъ-скоро не стало больше ни одного француза на германской почвѣ, они впали опять въ обычное свое неряшество, равнодушіе и безконечное медленіе. Въ обѣщаніяхъ и приготовленіяхъ не было недостатка. Суеты, возни, суматохи, разъѣздовъ, дипломатическихъ нотъ, мониторій было очень-много. Сеймы собирались за сеймами, конференціи за конференціями. Нѣмецкіе князья декретировали армію за арміею; но напрасно Мальборо дожидался появленія хоть одной изъ нихъ. Между-тѣмъ умеръ Лудовикъ Баденскій, и тогда поднялся между нѣмецкими князьями вопросъ, который характеризуетъ ихъ окончательно. Завязался ожесточенный споръ о томъ, кому быть главнокомандующимъ контингентами имперіи на мѣсто Лудовика Баденскаго: католику или протестанту, вопросъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что контингенты существовали только еще на

бумагѣ. Важный этотъ споръ длился цѣлые мѣсяцы; дипломаты наполнили своими нотами цѣлые архивы, и все-таки не рѣшено было ничего даже въ этомъ столь серьёзномъ дѣлѣ. А между-тѣмъ Мальборо и Евгеній не могли собрать больше шестидесяти тысячъ войска. Вилларъ дѣльно защищалъ противъ нихъ Эльзасъ. Оба генерала убѣдились наконецъ, что нечего и думать объ исполненіи составленнаго плана и, скрѣпя сердце, рѣшились отступить. Мальборо возвратился въ Бельгію, а Евгеній въ Италію. Кампанія этого года оказалась совершенно-безплодною. Германія обнаружила блестящимъ образомъ, и то не въ первый и не въ послѣдній разъ, свою совершенную неспособность къ общему, дружному, энергическому дѣйствію противъ внѣшняго врага.

Лудовикъ XIV, ободренный неудачею коалиціи, собрался съ силами, выставилъ новую стотысячную армію и, не думая уже о Германіи, рѣшился возвратить все, что̀ завоевано было лордомъ Мальборо въ Бельгіи. Но, по совершенно-непонятному ослѣпленію, онъ поручилъ опять начальство надъ этою новою арміею бездарному маршалу Вилльруа. Тогда рѣшена была участь Бельгіи. Вилльруа, полагаясь на превосходство своихъ силъ, вступилъ съ лордомъ Мальборо въ борьбу при деревнѣ Рамилли, недалеко отъ Ватерлоо. Битва была краткая, но едва-ли не самая кровопролитная во всей новой исторіи. Въ три часа Мальборо уничтожилъ французскую армію. Тридцать тысячъ труповъ покрыло поле сраженія. Рамилли достойнымъ образомъ увеличило вѣнецъ англійскихъ побѣдъ надъ французами. Вслѣдствіе этого сраженія вся Бельгія потеряна была для Лудовика XIV. Антверпенъ сдался. Мальборо вступилъ въ Брюссель, занялъ по-очереди Гентъ, Брюэнъ, Остенде и остановился на самой границѣ Франціи. Вездѣ эрцгерцогъ Карлъ провозглашенъ былъ монархомъ Бельгіи. Самая важная часть добычи испанской короны исторгнута была изъ рукъ Лудовика XIV. Великій монархъ перенесъ ударъ съ обычною твердостью. Вилльруа самъ возвѣстилъ ему плачевный исходъ кампаніи. Лудовикъ ограничился тѣмъ, что сказалъ любимому своему генералу: «Monsieur le maréchal, on n'est plus heureux à notre âge».

Незадолго послѣ этого дѣло пришло къ окончательному исходу и въ Италіи. Здѣсь Вандомъ жестоко наказывалъ герцога савойскаго за прошлогоднюю измѣну. Онъ занялъ весь Пьемонтъ, всю Савоію и наконецъ осадилъ самую столицу герцога Туринъ. Но Викторъ Амедей былъ также великій генералъ; онъ защищался съ отчаяннымъ мужествомъ. Уже цѣлый годъ Туринъ выдерживалъ осаду французовъ, когда на помощь герцогу явился въ Сѣверной Италіи принцъ Евгеній,

Вандомъ оставилъ часть войска передъ Туриномъ и пустился съ другою на встрѣчу Евгенію, чтобъ не допустить его въ Ломбардію. Счастливый маршалъ одинъ между всѣми умѣлъ успѣшно сражаться съ Евгеніемъ, но онъ былъ отозванъ внезапно Лудовикомъ на другой театръ войны, и вмѣстѣ съ нимъ и счастіе оставило французовъ. Это было въ то время, когда, послѣ рамиллійскаго сраженія, Мальборо сталъ на сѣверной границѣ Франціи. Страхъ овладѣлъ парижанами. Чрезъ нѣсколько дней англичане могли явиться на холмахъ Монмартра. Никто не довѣрялъ бездарному Вилльруа. Всѣ требовали Вандома. Только Вандомъ могъ спасти Францію. Лудовикъ XIV принужденъ былъ вызвать Вандома изъ Италіи и поручить ему защиту сѣверной границы. О наслѣдствѣ его въ Италіи французскій дворъ позаботился несчастнѣйшимъ образомъ въ мірѣ. Одного хорошаго замѣнили два плохіе генерала. Однимъ былъ уже извѣстный Марсенъ, побитый при Бленгеймѣ, другимъ де ла-Фейладъ, точь-въ-точь на него похожій; оба— полководца изъ школы мадамъ де-Мэнтенонъ. Вмѣстѣ съ ними посланъ былъ въ Италію—впрочемъ, только для репрезентаціи—и герцогъ Филиппъ Орлеанскій, пресловутый впослѣдствіи регентъ. Французскіе генералы и не думали удерживать принца Евгенія. Марсенъ находился въ странномъ настроеніи духа. Онъ пріѣхалъ въ Италію, преслѣдуемый мыслью, что непремѣнно погибнетъ въ этой кампаніи. Эта мысль дѣлала его совершенно неспособнымъ къ рѣшительному дѣйствію, а между-тѣмъ онъ былъ главный въ начальствѣ. Французскіе генералы рѣшили со всѣми силами расположиться укрѣпленнымъ лагеремъ у Турина, продолжать осаду и въ такомъ положеніи ожидать принца Евгенія. Евгеній не замедлилъ явиться. Съ обычною своею смѣлостью онъ ударилъ вмѣстѣ съ герцогомъ савойскимъ на укрѣпленный лагерь французовъ. Завязался бой, который имѣлъ видъ одного громаднаго штурма на протяженіи нѣсколькихъ миль. Всѣ французскіе ретраншементы были взяты. Марсенъ не ошибся въ своей участи и палъ при самомъ началѣ дѣла. Съ нѣсколькихъ сторонъ австрійцы ворвались въ лагерь и пораженіе французовъ превратилось въ дикое бѣгство. Весь лагерь, всѣ багажи, вся осадная артиллерія и тысячи плѣнныхъ попали въ руки побѣдителей. Разбитые остатки бѣжали и бѣжали, покамѣстъ не очутились въ самой Франціи. Евгеній явился вслѣдъ за ними на границѣ Прованса. Туринская битва имѣла такія же рѣшительныя послѣдствія, какъ и рамиллійская. Австрійцы вступили въ Миланъ. Сдалась Мантуя и всѣ другія крѣпости Ломбардіи. Вездѣ провозглашенъ былъ эрцгерцогъ Карлъ. Италія потеряна была невозвратно для Лудовика XIV. Чрезъ нѣсколько мѣся-

цевъ австрійцы почти безъ выстрѣла вступили въ Неаполь и заняли во имя эрцгерцога Сицилію. Теперь на трехъ главныхъ театрахъ война собственно уже кончилась. Три большія и славныя битвы — Бленгеймъ, Рамилли и Туринъ—рѣшили дѣло. Первоначальная цѣль коалиціи была достигнута: Лудовикъ XIV лишился всѣхъ постороннихъ владѣній испанской короны и очистилъ Германію. Оба нѣмецкіе его союзника, курфирстъ кёльнскій и курфирстъ баварскій были подавлены. Но на четвертомъ театрѣ войны—въ Испаніи—дѣла приняли другой оборотъ. Мы перенесемся теперь въ Испанію, на которую доселѣ мало обращали вниманія.

Намъ не приходилось еще говорить и о человѣкѣ, изъ-за котораго уже столько лѣтъ свирѣпствовала такая громадная война, изъ-за котораго половина Европы обагрялась кровью, изъ-за котораго сотни тысячъ людей теряли жизнь, изъ-за котораго мильойны денегъ бросались въ бездонную пропасть—мы не говорили еще ничего о Филиппѣ Анжуйскомъ, внукѣ Лудовика XIV. «Еслибъ несчастный Карлъ II испанскій перебралъ всю Европу, чтобъ пріискать себѣ наслѣдника, который походилъ бы на него самого своимъ нравственнымъ и умственнымъ характеромъ, то онъ не могъ бы сдѣлать лучшаго выбора. Филиппъ не былъ такъ хилъ, какъ предшественникъ его, но онъ былъ точно такъ же слабъ умомъ, такъ же лѣнивъ, такъ же суевѣренъ, а современемъ впалъ въ ипохондрію, въ меланхолію, и сдѣлался такимъ же эксцентрикомъ, какъ и Карлъ II. Но за то онъ былъ мужемъ, какихъ немного существуетъ въ мірѣ. Первымъ дѣломъ для Филиппа послѣ того, какъ онъ сдѣлался королемъ Испаніи, было — пріобрѣсть себѣ жену. Онъ пріобрѣлъ жену, и со дня свадьбы до самой ея смерти первымъ дѣломъ его было имѣть ее постоянно при себѣ и дѣлать все, что̀ она хотѣла. Какъ-скоро жена умерла, опять первымъ дѣломъ его было пріискать себѣ другую. Другая нашлась, ни капли не похожая на первую. Но она была жена—и Филиппъ остался доволенъ. Онъ не смотрѣлъ ни на красоту, ни на характеръ: это было ему совершенно все-равно. Онъ не отпускалъ отъ себя жены ни днемъ, ни ночью, ни въ болѣзни, ни въ здоровьи, ни во время занятій, ни во время отдыха. Разлучиться съ нею на полчаса казалось ему величайшимъ бѣдствіемъ». Умъ его отъ природы былъ ограниченъ: но убійственное воспитаніе окончательно притупило этотъ умъ. Филиппъ выросъ въ стѣснительной атмосферѣ и скучномъ великолѣпіи Версаля. Его дѣдъ Лудовикъ XIV былъ такой же повелительный и надменный деспотъ въ сношеніяхъ съ своимъ собственнымъ семействомъ, какъ и съ прочими людьми. Великій монархъ былъ неумолимъ въ дѣлѣ этикета

даже съ своими сыновьями и внуками. Онъ приходилъ въ негодованіе, если заставалъ котораго-либо изъ нихъ неодѣтымъ. Оттого всѣ принцы, воспитавшіеся на его глазахъ имѣли манеры людей, которые, всегда и вездѣ чувствуютъ себя неловко. Всѣ были молчаливы, застѣнчивы, неуклюжи. Всѣ отличались ничтожествомъ характера, не имѣли ни энергіи, ни силы воли. Они такъ мало привыкли думать и дѣйствовать сами за себя, что зависимость отъ другихъ сдѣлалась для нихъ необходимымъ удобствомъ жизни. Филиппъ Анжуйскій блисталъ въ этомъ отношеніи между всѣми. Онъ постоянно чувствовалъ скуку и всю жизнь одержимъ былъ неизлечимою зѣвотою. Съ лѣтами увеличивалась его наклонность къ ипохондріи и меланхолическому отупѣнію. Послѣднія двадцать лѣтъ своего царствованія онъ провелъ въ такомъ состояніи, которое заставило бы родственниковъ частнаго человѣка судебнымъ порядкомъ назначить опеку. Онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ постели, отпустилъ бороду и ногти, сохранялъ упорное молчаніе и вставалъ только на нѣсколько минутъ ночью, чтобъ съѣсть кое-что. То опять по двѣ, по три недѣли онъ запирался въ своей комнатѣ, ходилъ взадъ и впередъ днемъ и ночью, въ одной рубашкѣ, и не хотѣлъ даже принимать никакой пищи. Рѣшительно невозможно было склонить его хотя присутствовать при аудіенціяхъ, которыя давала его жена. Иногда даже съ трудомъ приходилось вынудить у него подпись той или другой бумаги. Только музыка и особенно пѣніе выводили его изъ меланхоліи и возвращали ему на нѣкоторое время разсудокъ. Этимъ воспользовалась королева и призвала въ Мадритъ знаменитаго въ это время тенора Фаринелли. Всякій разъ, какъ-скоро Филиппъ впадалъ въ ипохондрію, Фаринелли долженъ былъ пѣть разныя аріи въ комнатѣ сосѣдней съ спальнею королевской. И дѣйствіе пѣнія на Филиппа было такъ велико, что сейчасъ же онъ соглашался встать съ постели, одѣться и участвовать въ совѣтѣ министровъ. Поэтому со временемъ Фаринелли сдѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ государствѣ и значилъ болѣе, чѣмъ всѣ министры. Точь-въ-точь похожъ былъ на Филиппа сынъ и наслѣдникъ его Фердинандъ. Онъ имѣлъ тѣ же привычки и проводилъ жизнь такимъ же образомъ. Оттого Фаринелли не былъ удаленъ, а продолжалъ быть попрежнему первымъ лицомъ при дворѣ. Всѣ Бурбоны послѣ Лудовика XIV представляютъ собою поразительный примѣръ того, какъ иногда старѣются и вырождаются династіи. Казалось бы, что вся жизненная сила этого дома исчерпнулась въ великомъ монархѣ и ничего не осталось для его потомковъ . . . . , ...
. . . . . .

Когда Филиппъ Анжуйскій пріѣхалъ въ Испанію, онъ нашелъ государство въ страшномъ состояніи. Наслѣдіе было въ совершенномъ разстройствѣ. Не существовало ни арміи, ни флота. Въ казнѣ не было ни реала. Даже при дворѣ онъ не нашелъ удобствъ, необходимыхъ для зажиточнаго частнаго человѣка. Очевидно было, что вся тяжесть новой короны падетъ на Лудовика XIV. «Лудовикъ прежде всего снабдилъ своего внука женою. Ею была Луиза, дочь Виктора Амедея Савойскаго, тогда еще союзника Франціи. Лудовикъ зналъ очень-хорошо, что королева будетъ управлять Филиппомъ. Поэтому онъ оглядывался на всѣ стороны, чтобъ найти кого-нибудь, кто бы управлялъ королевою. Онъ избралъ знаменитую принцессу Орсини, или, какъ французы называютъ ее, des Ursins, и послалъ ее въ Мадритъ въ качествѣ первой статсдамы. Принцесса des Ursins была дочь французскаго пера и вдова испанскаго гранда. Поэтому казалось, что она годится, какъ-нельзя-лучше быть орудіемъ версальскаго двора при дворѣ мадритскомъ». Но Лудовикъ XIV ошибся, разсчитывая на ея покорность. Принцесса des Ursins была весьма-замѣчательная дама. Герцогъ Орлеанскій называлъ ее адъютантомъ генерала Мэнтенонъ; и дѣйствительно, она хотѣла играть въ Испаніи такую роль, какую мадамъ де-Мэнтенонъ играла во Франціи. «Равная образцу своему умомъ, знаніями и талантами въ интригѣ, она не имѣла, однакожь, того самообладанія, того терпѣнія, той невозмутимой ровности духа, которымъ мадамъ де-Мэнтенонъ обязана была своимъ вліяніемъ на Лудовика XIV. Хотя принцессѣ des Ursins было уже подъ 50 лѣтъ, она гордилась еще своими прекрасными глазами и своею тонкою таліею, одѣвалась всегда какъ молодая дѣвушка и кокетничала такъ, что это подавало поводъ къ многимъ толкамъ». Она получила неограниченное господство надъ королемъ и королевою и сдѣлалась всемогущею въ Испаніи. Съ мадамъ де-Мэнтенонъ она вела постоянную переписку, Лудовику XIV оказывала чрезвычайное почтеніе, но управляла государствомъ по-своему. Ни министры Испаніи, ни французскій посланникъ не могли ничего сдѣлать противъ нея. Когда ей вздумалось, она дѣйствовала и въ мирныхъ, и въ военныхъ дѣлахъ противъ воли французскихъ министровъ и генераловъ. Дошло до того, что Лудовикъ вышелъ изъ терпѣнія и повелѣлъ ей оставить Мадритъ. Но король и королева не могли жить безъ принцессы. Послѣ ея отъѣзда дѣла шли еще хуже и Лудовикъ принужденъ былъ согласиться на ея возвращеніе.

Но, между-тѣмъ, въ то время, какъ во главѣ государства, стояла статс-дама и дворъ былъ сценою безконечныхъ интригъ фрейлинъ,

царедворцевъ, французскихъ авантюристовъ, испанскихъ духовниковъ и итальянскихъ іезуитовъ, коалиція начала свои дѣйствія противъ Испаніи. Лудовикъ XIV долженъ былъ заботиться о защитѣ государства своего внука и снабжать его войскомъ и деньгами, потому-что объ этомъ нѣкому было заботиться въ Испаніи. Онъ послалъ своему внуку корпусъ войска подъ командою маршала Бервика. Бервикъ былъ сынъ Іакова II и Арабеллы Чорчилль, а слѣдовательно племянникъ лорда Мальборо. «Онъ выросъ, готовясь къ высочайшимъ почестямъ, какихъ только могъ ожидать англійскій подданный; но весь ходъ его жизни былъ измѣненъ революціею, которая ниспровегла его ослѣпленнаго отца. Бервикъ сталъ изгнанникомъ, человѣкомъ безъ отечества; съ-тѣхъ-поръ лагерь замѣнилъ ему отечество, и солдатская честь сдѣлалась его патріотизмомъ. Но онъ умѣлъ облагородить свое ремесло. Какая-то суровая, холодная, брутовская доблесть обнаруживалась въ томъ, какъ онъ исполнялъ обязанности солдата фортуны. Его военная вѣрность испытывала сильнѣйшія искушенія, но всегда была непобѣдимою. Въ одно время онъ сражался противъ своего дяди, въ другое—противъ дѣла своего брата, но никогда никто не подозрѣвалъ его въ измѣнѣ». Въ ряду французскихъ генераловъ Бервикъ занималъ почетное мѣсто. Всегда серьёзный, всегда задумчивый, всю жизнь онъ носилъ на лицѣ ничѣмъ неизгладимую грусть. Этому человѣку Лудовикъ XIV поручилъ защищать въ Испаніи престолъ своего внука. Еще въ 1703 году англичане и голландцы принудили Португалію объявить себя противъ Лудовика, признать эрцгерцога Карла королемъ Испаніи и присоединиться къ коалиціи. Португалія сама-по-себѣ немного прибавила силы коалиціи. Въ ней не было ни правительства, ни администраціи, ни войска, ни запасовъ, ни лошадей, ни генераловъ. Король страдалъ совершеннымъ разстройствомъ ума. Монахи и царедворцы съ подозрѣніемъ смотрѣли на англичанъ и голландцевъ, и не хотѣли имѣть никакого дѣла съ еретиками. Но Португалія была полезна коалиціи тѣмъ, что съ ея стороны, то-есть съ запада, можно было сдѣлать вторженіе въ Испанію. Въ слѣдующемъ году самъ эрцгерцогъ Карлъ явился въ Лисабонѣ, чтобъ лично оспоривать престолъ у Филиппа Анжуйскаго на самой испанской почвѣ. Но эрцгерцогъ никакъ не былъ богаче своего соперника. Еще до этого англичане принуждены были содержать его на свой счетъ. Королева Анна должна была потребовать для него двѣсти-пятьдесятъ тысячъ фунтовъ отъ парламента, чтобъ дать ему возможность кое-какъ покоролевски выступить въ Испаніи. На англійскомъ кораблѣ онъ пріѣхалъ въ Лисабонъ. Эрцгерцогъ не былъ

тоже ни умнѣе, ни дѣятельнѣе Филиппа. Подобно отцу своему императору Леопольду, онъ полагался больше, чѣмъ на оружіе, на помощь святыхъ и не чувствовалъ особенной симпатіи къ друзьямъ своимъ еретикамъ, англичанамъ и голландцамъ. Въ Португаліи собралась армія самая разноцвѣтная, самая оригинальная изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали въ мірѣ. Тутъ были и португальцы, и испанцы, недовольные Филиппомъ, и датчане, и англичане, и голландцы и много всего другаго. Генералы представляли собою такое же разнообразіе. Между ними былъ даже одинъ нѣмецкій князь — принцъ гессендармштадскій. Нѣмецкихъ принцевъ вездѣ было много; въ каждомъ государствѣ можно было найдти ихъ въ качествѣ фельдмаршаловъ, губернаторовъ, генераловъ и отъ инфантеріи, и отъ кавалеріи. Армія двинулась въ Кастилію. Впереди ея несли статую св. Антонія, а между-тѣмъ главнокомандующимъ былъ ревностный протестантъ лордъ Гольвей. Престранное это войско не могло, однакожь, сдѣлать ничего противъ маршала Бервика, и экспедиція внутрь Испаніи оказалась совершенно-неудачною. Но въ это время на югѣ англичане нанесли сильный ударъ. Англійскій флотъ, которымъ командовалъ сэръ Джоржъ Рукъ, явился передъ скалою Гибралтара. Эта знаменитая твердыня, которую природа сдѣлала неприступною и противъ которой всѣ средства военнаго искусства истощались напрасно, была дурно вооружена и плохо защищаема. Англичане добыли ее такъ легко, какъ открытую деревню на равнинѣ. Испанцы сдались на капитуляцію. Англійское знамя водружено было на бастіонахъ, съ которыхъ не могли сбить его впослѣдствіи соединенныя арміи и флоты Франціи и Испаніи. Такъ исполнена была мысль, о которой мечталъ еще Кромвелль. Съ тѣхъ-поръ англичане стали господствовать на Средиземномъ Морѣ, гдѣ прежде и флагъ ихъ едва-ли былъ извѣстенъ.

Въ слѣдующемъ году англичане рѣшили сдѣлать большую экспедицію въ Испанію и начальство надъ войскомъ получилъ Чарльзъ Мордонтъ лордъ Петерборо. Лордъ Петерборо былъ если не величайшимъ человѣкомъ своего времени, то, безспорно, самымъ оригинальнымъ изъ смертныхъ. Нельзя придумать болѣе-странной, болѣе-эксцентричной личности. Маколэй называетъ его изящнымъ, утонченнымъ, образованнымъ и любезнымъ Карломъ XII и послѣднимъ изъ странствующихъ рыцарей. «Его отвага соединяла въ себѣ французскую стремительность и англійскую стойкость. Плодовитость и дѣятельность его ума превосходили всякое вѣроятіе. Онъ обнаруживалъ ихъ во всемъ, что дѣлалъ, въ своихъ кампаніяхъ, въ своихъ дипломатическихъ переговорахъ, въ дружеской перепискѣ, въ легкой бесѣ-

дѣ». Но, при изобиліи тѣхъ свойствъ духа, которыя можно бы назвать роскошью, онъ страдалъ недостаткомъ тѣхъ солидныхъ качествъ, которыя составляютъ первую необходимость для всякаго. Онъ отличался остроуміемъ и рѣдкою изобрѣтательностью безъ здраваго смысла, рыцарскимъ благородствомъ безъ обыкновенной честности. «Его блестящіе таланты были почти безполезны для его отечества, потому-что съ ними соединялось чрезвычайное легкомысліе, неугомонность, безпокойство, раздражительность и болѣзненное гоненіе за новизною и необыкновенностью... Покой для него былъ невыносимъ. Онъ любилъ бѣгать вокругъ всей Европы, скорѣе чѣмъ всякій курьеръ. Одну недѣлю былъ въ Гагѣ, слѣдующую—въ Вѣнѣ. Вдругъ приходила ему фантазія видѣть Мадритъ; но едва остановившись въ Мадритѣ, онъ опять требовалъ лошадей и скакалъ въ Копенгагенъ. Никакая физическая болѣзнь не могла удержать его на мѣстѣ. Старость, разстройство, близкая смерть не имѣли ни малѣйшаго вліянія на непобѣдимый духъ его. Послѣ страшнѣйшей изъ хирургическихъ операцій, онъ забавлялся шутками, и на другой день, несмотря на просьбы медиковъ, уже собирался въ путешествіе. Онъ похожъ былъ на скелетъ. Но его эластическій духъ поддерживалъ его среди трудовъ и страданій, которыя, казалось, могли низвести въ могилу самаго сильнаго человѣка. Перемѣна занятія была такъ же необходима ему, какъ и перемѣна мѣста. Онъ любилъ диктовать за-разъ по шести писемъ». Природа, несомнѣнно, создала его великимъ полководцемъ. Рѣдкій генералъ достигалъ такъ много съ такими ничтожными средствами; рѣдкій генералъ обнаруживалъ такую смѣлость и оригинальность помысловъ. Но все дѣлалось у него самымъ эксцентричнымъ образомъ. То бралъ онъ города съ кавалерійскими солдатами, то опять въ четверть часа превращалъ сотни пѣхоты въ кавалерію. Дипломатическіе переговоры онъ велъ посредствомъ любовныхъ интригъ, а депеши съ поля битвы наполнялъ эпиграммами, каламбурами и цитатами изъ священнаго писанія. И въ военныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ ему нравились засады, сюрпризы и ночныя атаки. Отличившись, какъ ораторъ въ палатѣ, какъ ученый, какъ солдатъ и морякъ, онъ вздумалъ наконецъ вступить въ соперничество съ Бурдалу и Боссюэтомъ въ духовномъ краснорѣчіи. Хотя открытый вольнодумецъ, онъ сидѣлъ цѣлыя ночи въ своей адмиральской каютѣ, составляя проповѣди, и потомъ назидалъ ими своихъ матросовъ. Окончательно характеризуетъ его то, что однажды, при Вильгельмѣ, человѣкъ этотъ сдѣланъ былъ министромъ финансовъ, которыя онъ, разумѣется, не замедлилъ привести въ совершенное разстройство. Когда Петерборо прибылъ съ англій-

скимъ и голландскимъ войскомъ въ Лисабонъ, рѣшено было сдѣлать экспедицію въ Каталонію противъ столицы ея, Барцеллоны. Эрцгерцогъ Карлъ сильно настаивалъ на этомъ предпріятіи. Онъ имѣлъ многія связи въ Каталоніи и надѣялся на то, что все народонаселеніе этой важной провинціи возстанетъ при его появленіи. Войско сѣло на корабли, поплыло на востокъ Испаніи и высадилось у Барцеллоны. Самъ эрцгерцогъ Карлъ сопровождалъ Петерборо. Былъ также съ ними и принцъ гессен-дармштадскій. Немедленно начались операціи; но скоро оказалось, что предпріятіе совершенно неисполнимо. Барцеллона была тогда одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ. Гарнизонъ ея, если не превосходилъ, то былъ равенъ осадной арміи Петерборо. Ожиданнаго возстанія каталонцевъ не послѣдовало. Никто не тронулся при появленіи эрцгерцога. Петерборо простоялъ цѣлые два мѣсяца въ траншеяхъ, потерялъ много людей и наконецъ рѣшился отступить. Лагерь былъ снятъ, пушки отправлены на корабли, часть войска тоже оставила берегъ. Эрцгерцогъ былъ въ отчаяніи. Принцъ гессен-дармштадскій поссорился съ Петерборо. Въ Барцеллонѣ были увеселенія и фейерверки... а другой день утромъ англійскій флагъ развѣвался на ея бастіонахъ. Петерборо совершилъ внезапно одну изъ тысячи своихъ эксцентричныхъ продѣлокъ. Ночью онъ взошелъ въ палатку принца дармштадскаго и объявилъ ему, что намѣренъ черезъ часъ сдѣлать съ тремя батальйонами приступъ къ главному форту Барцеллоны. Принцъ былъ человѣкъ точь-въ-точь похожій на англійскаго генерала. Онъ не оказалъ даже удивленія и велѣлъ подать себѣ лошадь. Въ тишинѣ и темнотѣ ночи оба двинулись съ небольшимъ своимъ отрядомъ къ форту и взяли его сюрпризомъ. Фортъ господствовалъ надъ городомъ; пушки и войско возвратились съ кораблей; Барцеллона сдалась, и уже вечеромъ этого дня эрцгерцогъ Карлъ вступилъ въ столицу Каталоніи. Вся военная исторія не представляетъ другаго примѣра такого необыкновеннаго дѣла.—Каталонцы было племя, сильно-привязанное къ своимъ старымъ вольностямъ, къ своимъ народнымъ сеймамъ, къ своимъ *фуэросъ*, которые отняты были у нихъ габсбургскими королями. Они ожидали, что новый монархъ, Филиппъ Анжуйскій, возвратитъ имъ ихъ древнюю конституцію, но ошиблись въ своихъ надеждахъ. . . . . .

. . . . . .

Умнѣе былъ эрцгерцогъ Карлъ. Онъ обѣщалъ возстановить каталонцамъ ихъ древнія *фуэросъ* и тѣмъ расположилъ къ себѣ сердца этого энергическаго племени. Вся Каталонія отложилась отъ Филиппа, объявила себя въ пользу эрцгерцога и признала его своимъ королемъ.

Теперь начался для Филиппа длинный рядъ бѣдствій. Наступили два тяжелые года. Петерборо продолжалъ свои оригинальные подвиги, занялъ для эрцгерцога Аррагонію, занялъ Валенцію. Филиппъ не чувствовалъ себя безопаснымъ въ своей собственной столицѣ. Со стороны Португаліи приближался къ Мадриту лордъ Гольвей, со стороны Каталоніи Петерборо. Филиппъ принужденъ былъ оставить столицу и бѣжать со всѣмъ дворомъ въ Бургосъ. Чрезъ нѣсколько дней и Гольвей, и Петерборо, и эрцгерцогъ Карлъ вступили въ Мадритъ безъ выстрѣла. Тогда, наконецъ, послѣдовало событіе, которое всегда повторяется на испанской почвѣ. Испанская нація долго смотрѣла равнодушно на то, какъ союзники брали городъ за городомъ, занимали область за областью, разбивали корпусъ за корпусомъ. Но когда дѣла дошли до крайности, когда положеніе сдѣлалось отчаяннымъ, тогда вся нація поднялась, какъ одинъ человѣкъ, за своего бурбонскаго монарха. Она не хотѣла и знать о королѣ, котораго вздумали ей наложить еретики. Могучая электрическая искра пробѣжала всѣ области. Вооружилось все народонаселеніе. Испанія представила собою зрѣлище совершенно похожее на то, которое повторилось при Наполеонѣ. Началась война герилласовъ, война чисто-національная, попреимуществу испанская, и тогда оказалось, не въ первый и не въ послѣдній разъ, что легко пройти Испанію вкривь и вкось съ арміею, но невозможно завоевать ее. Къ тому же времени Лудовикъ XIV, потерявъ Бельгію и Италію, могъ располагать незанятыми войсками и прислалъ маршалу Бервику значительныя подкрѣпленія. Послѣдовалъ совершенный поворотъ въ ходѣ дѣлъ. Эрцгерцогъ не могъ удержаться въ Мадритѣ. Филиппъ возвратился въ свою столицу. Энтузіазмъ былъ неописанный. Три часа нужно было Филиппу пробираться до своего дворца, сквозь толпу восторженнаго народа. Тогда отозванъ былъ въ Англію Петерборо. Англійское министерство давно уже не довѣряло романтическому генералу и опасалось его черезчуръ-рискованныхъ фантазій. Притомъ Петерборо успѣлъ уже разссориться съ эрцгерцогомъ и даже обидѣть его своими шутками и сарказмами. Необходимо было раздѣлить ихъ другъ съ другомъ. Мѣсто Петерборо занялъ лордъ Гольвей, совершенный контрастъ его, опытный ветеранъ, систематическій генералъ, который считалъ болѣе-почетнымъ для себя быть побитымъ по правиламъ военнаго искусства, чѣмъ побѣдить какимъ-нибудь нововведеніемъ. Этотъ ученый полководецъ повелъ кампанію 1707 года самымъ ученымъ образомъ. На равнинѣ Альманца армія его встрѣтилась съ арміею маршала Бервика. «Гольвей разставилъ свои войска по методѣ лучшихъ писателей и въ нѣсколько часовъ потерялъ восьм-

надцать тысячъ человѣкъ, сто-двадцать знаменъ, всѣ багажи и всю артиллерію». Побѣда при Альманцѣ была также рѣшительна въ пользу Бурбоновъ, какъ Бленгеймъ, Рамилли и Туринъ противъ Бурбоновъ. Эрцгерцогъ вытѣсненъ былъ изъ Аррагоніи, изъ Валенціи и удержался въ одной только гористой Каталоніи.

Къ концу 1709 года обозначилось окончательно положеніе дѣлъ въ Европѣ. Лудовикъ XIV лишился Бельгіи, Ломбардіи, Неаполя, Сициліи, пересталъ быть опаснымъ для Германіи; но очевидно было, что внукъ его удержится въ Испаніи. Между-тѣмъ, Франція послѣ пяти лѣтъ войны находилась въ страшномъ положеніи. На сѣверной границѣ ея стоялъ лордъ Мальборо, на южной — принцъ Евгеній. Въ Испаніи дѣла шли лучше, но Испанія пожирала огромныя сокровища. Силы Франціи истощались. Казна была пуста. Народонаселеніе, угнетенное налогами, терявшее лучшихъ сыновей своихъ въ рядахъ арміи, громко требовало мира. Напрасно правительство думало возстановить кредитъ форсированнымъ курсомъ банкнотовъ. Солдаты, обезкураженные постоянными неудачами, недовольные генералами, встрѣчали непріятеля съ тайнымъ предчувствіемъ новаго пораженія. Страхъ господствовалъ въ Парижѣ. Всякая семья носила трауръ по одномъ изъ сыновей. Исчезли всѣ удовольствія, умолкли празднества. Французы не танцовали больше. Лудовикъ XIV, спокойный снаружи, въ душѣ былъ потрясенъ сильно. При дворѣ и въ столицѣ запрещено было говорить о военныхъ событіяхъ. Мрачное уныніе распространилось въ величественныхъ залахъ Версаля. Тогда великій монархъ рѣшился на дѣло, еще небывалое въ его жизни. Онъ обратился къ коалиціи и просилъ мира. Онъ предлагалъ отказаться отъ всего и требовалъ для своего внука одной только Испаніи. Но коалиція была глуха на всѣ предложенія. Тріумвиратъ, стоявшій во главѣ ея, имѣлъ другіе виды. Лордъ Мальборо не думалъ о прекращеніи войны, потому-что война была для него рудникомъ; онъ наживалъ страшныя деньги. Принцъ Евгеній не думалъ о прекращеніи войны отъ страсти къ войнѣ и отъ ненависти къ Франціи. Пенсіонаръ Гензіусъ слѣдовалъ за обоими. Коалиція потребовала отъ Лудовика удаленія Филиппа Анжуйскаго даже изъ Испаніи. Неумолимѣе всѣхъ были нѣмецкія державы. По обыкновенію своему, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, онѣ предъявили самыя неслыханныя притязанія: требовали возвращенія Страсбурга, Эльзаса, Лотарингіи и всего, что въ-теченіе двухъ столѣтій пріобрѣтено было Франціею. Нечего было и думать о мирѣ. Переговоры прекратились. Лудовикъ XIV готовился къ новой кампаніи, предчувствуя совершенную погибель. Но въ это время въ Англіи ти-

хо, медленно, тайно приготовлялась катастрофа, которая произвела неожиданный переворотъ въ судьбахъ Европы, спасла Лудовика, ниспровергла лорда Мальборо и партію виговъ и поставила въ опасность самое престолонаслѣдіе ганноверскаго дома; а причиною этой катастрофы была ссора двухъ женщинъ и интриги третьей. Въ слѣдующій разъ я разскажу эту и забавную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плачевную исторію.

ЛЕКЦІЯ ДЕСЯТАЯ.

Первые симптомы охлажденія между Анною и супругами Мальборо. — Самонадѣянность и тиранія леди Мальборо. — Назначеніе министромъ лорда Сундерланда. — Совершенная перемѣна въ чувствахъ королевы Анны. — Интрига Гарли и Болинброка противъ лорда Мальборо и виговъ. — Новая фаворитка Анны, Абигэль Машамъ. — Отставка Гарли и Болинброка. — Рѣшительное торжество виговъ. — Продолженіе войны на континентѣ. — Ужасныя бѣдствія Франціи — Мирныя предложенія Лудовика XIV. — Неумѣренность и упорство коалиціи. — Трагическое положеніе французскаго монарха. — Переворотъ въ Англіи. — Ссоры Анны съ леди Мальборо — Реакція въ странѣ въ пользу мира. — Процесъ Сечвереля. — Сильный взрывъ высокоцерковнаго чувства. — Окончательный разрывъ между Анною и леди Мальборо. — Паденіе виговъ.

Мм. гг.

Осенью 1707 года, окончивъ кампанію на континентѣ, лордъ Мальборо по обыкновенію своему, возвратился въ Англію. По всей дорогѣ отъ Дувра до Лондона народъ привѣтствовалъ его громкими изъявленіями энтузіазма. Леди Мальборо выѣхала къ нему на встрѣчу. Между сѣдымъ генераломъ и почтенной лѣтами дамою послѣдовала сцена такая нѣжная, какъ свиданіе молодыхъ влюбленныхъ послѣ длинной разлуки, и знаменитая чета въѣхала въ столицу среди восторженныхъ восклицаній толпы. Во дворцѣ счастливаго генерала ожидалъ лестный пріемъ королевы. Величественная леди Мальборо съ гордостью и внутреннимъ удовлетвореніемъ смотрѣла, какъ головы придворныхъ смиренно преклонялись при появленіи ея мужа. Парламентъ поспѣшилъ поднести великому полководцу поздравительный адресъ, въ которомъ благодарилъ его за совершенные подвиги. Не разъ уже повторялось такое зрѣлище. Каждый годъ осенью возобновлялись эти демонстраціи. Привязанность королевы Анны къ леди Мольборо и рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ лордомъ на континентѣ поставили обоихъ супруговъ на такую высоту, до какой не достигалъ еще ни одинъ англійскій подданный. Они управляли вдвоемъ Англіею; королева была покорнымъ орудіемъ ихъ воли. Но въ то время, когда, казалось, что лордъ и леди Мальборо находятся въ апогеѣ величія, когда

повидимому, настали для нихъ дни яснаго, спокойнаго, ничѣмъ невозмутимаго счастія, въ то время появились уже симптомы, которые предвѣщали приближеніе бури. Лордъ и леди сдѣлали много, очень-много, больше, чѣмъ можно было ожидать. Они восторжествовали надъ закоренѣлыми предразсудками Анны, надъ предразсудками, которые она получила вмѣстѣ съ кровью. Они склонили Анну принять политику совершенно-противоположную задушевнымъ ея желаніямъ; они заставили ее окружить себя людьми, которые внушали ей страхъ и антипатію, и удалить тѣхъ, которыхъ она считала подпорами престола и высокой церкви; они связали ее по рукамъ и по ногамъ и не оставили ей ни тѣни личной власти. Оказалось, однакожь, что струна натянута была слишкомъ-сильно. Не даромъ Анна была дочерью Стюартовъ. Не даромъ она наслѣдовала отъ нихъ тупое, молчаливое, пассивное упорство. Ея симпатіи и антипатіи были непобѣдимы. Изъ дружбы къ леди Мальборо она приняла политику виговъ; изъ дружбы къ леди Мальборо она дала власть вигамъ, но тѣмъ не менѣе въ душѣ она попрежнему ненавидѣла виговъ и попрежнему оставалась слѣпо привязана къ торіямъ. Она совершила пожертвованіе, сдѣлала насиліе своей собственной натурѣ, покорилась супругамъ Мальборо, но это пришлось ей вовсе нелегко. Она была побѣждена, но никакъ не убѣждена. Съ каждымъ днемъ близость людей ненавистныхъ, насильно-наложенныхъ. становилась для нея тягостнѣе. Постоянное принужденіе увеличивало ея антипатію къ вигамъ. Къ этому присоединилось еще другое. При совершенномъ безсиліи воли, Анна наслѣдовала однакожь отъ своихъ предковъ сильные инстинкты произвольной, деспотической власти. Когда лордъ Мальборо сдѣлался всемогущимъ въ государствѣ, эти инстинкты, подавленные на-время, пробудились въ ней мало-по-малу. Она стала завидовать величію человѣка, котораго сама возвысила, и начала жалѣть о власти, отъ которой отказалась въ его пользу. Затруднительнѣе было отношеніе Анны къ леди Мальборо. Двадцать лѣтъ уже продолжалась между ними дружба, безпримѣрная въ исторіи монарховъ. Въ-теченіе всего этого времени Анна была самою преданною, самою покорною подругою; любовь ея къ фавориткѣ доходила до обожанія. Мало-по-малу, однакожь, явились нѣкоторые симптомы охлажденія. Характеръ леди Мальборо сдѣлался таковъ, что невозможно было сохранить долѣе прежнія отношенія. Безпрерывное счастіе развило въ ней всѣ дурныя стороны ея натуры — властолюбіе, гордость, деспотизмъ и жадность. Она захватила въ свои руки всѣ должности придворнаго штата королевы, но всего этого было ей мало. Ей хотѣлось такой неограниченной власти при дворѣ, какую мужъ ея имѣлъ въ

лагерѣ. Послѣ каждой новой побѣды мужа возрастала ея надменность. Величіе вскружило ей голову. Сдѣлавшись по вліянію своему настоящею королевою, леди Мальборо приняла манеры и тонъ королевы. Не только всѣ придворные страдали отъ ея деспотизма, съ самою Анною она стала обращаться какъ съ подчиненною. Роли совершенно перемѣнились: леди приказывала — Анна просила; леди сердилась — Анна извинялась; леди капризничала, самовластвовала, осыпала свою государыню упреками, досаждала ей своими дерзкими выходками—Анна покорно выносила всѣ капризы, всѣ упреки, всѣ выходки. Вліяніе леди на королеву обратилось въ совершенную тираннію: она пользовалась этимъ вліяніемъ безпощадно, безъ памяти, безъ мѣры. Анна была уничтожена, забита. Но леди, въ ослѣпленіи своемъ, зашла слишкомъ-далеко, такъ далеко, что, наконецъ, слабая, терпѣливая, пассивная натура завоеванной ею женщины возмутилась противъ гнета. Анна стала чувствовать, что эта дружба была для нея тяжелымъ игомъ; сознаніе собственнаго безсилія начинало давить ее; въ душѣ ея возникло тайное желаніе освободиться отъ узъ, вздохнуть свободно; привязанность ея къ фавориткѣ поколебалась; Анна боялась леди Мальборо, но болѣе не любила ее. Однакожь долго никто не замѣчалъ этого внутренняго переворота. По обыкновенію своему, Анна молчала, скрывала все въ глубинѣ души. Иначе и быть не могло: она жаждала освобожденія, но не видѣла никакихъ средствъ къ этому. Положеніе ея было безпомощно, безвыходно. Менѣе всѣхъ могли замѣтить перемѣну супруги Мальборо. Анна попрежнему продолжала быть для нихъ благосклонною, уступчивою, слѣпо-покорною ихъ воли королевою.

Осенью 1707 года лордъ и леди, увѣренные въ непоколебимости своего господства, сдѣлали новый опытъ своей силы надъ королевою, опытъ еще разъ удачный, но роковой для обоихъ. Въ это время, вслѣдствіе смерти одного изъ министровъ, упразднилось мѣсто статс-секретаря въ кабинетѣ. Супруги Мальборо потребовали, чтобъ Анна назначила на это мѣсто ихъ зятя, лорда Сундерланда. Къ этому человѣку Анна питала неодолимое отвращеніе, причина котораго, какъ обыкновенно, была чисто-личная. У лорда Мольборо были двѣ дочери. Болѣе чѣмъ десять лѣтъ назадъ, старшая изъ нихъ вышла за сына лорда Годольфина, младшая за Сундерланда. Анна, тогда еще наслѣдница престола, оказала дѣтямъ своей фаворитки чрезвычайную щедрость: обѣимъ дочерямъ дала богатое приданое, хотя собственныя ея средства были невелики. Однакожь вскорѣ послѣ этого, когда въ парламентѣ сдѣлано было предложеніе объ увеличеніи годоваго дохо-

да принцессы Анны до 50,000 фунтовъ, лордъ Сундерландъ позволилъ себѣ подать голосъ противъ предложенія. Ничего не могло быть обиднѣе для Анны. Она возмущена была поступкомъ человѣка, который обязанъ ей былъ имѣніемъ своей жены; она видѣла въ этомъ черную неблагодарность съ его стороны и съ-тѣхъ-поръ почувствовала къ Сундерланду вражду ничѣмъ-непримиримую. Прибавимъ къ этому, что Сундерландъ былъ человѣкъ съ горячею головою, съ вспыльчивымъ характеромъ, отъявленный вигъ, почти съ республиканскими убѣжденіями, съ убѣжденіями, которыя внушили королевѣ Аннѣ неизречимый ужасъ. И этого-то ненавистнаго человѣка супруги Мальборо предлагали ей на мѣсто умершаго статс-секретаря! Въ первый разъ въ своей жизни Анна осмѣлилась отказать ихъ требованію. Но лордъ и леди были неумолимы: они не привыкли къ отказамъ и настаивали на своемъ непреклонно. Цѣлый мѣсяцъ Анна боролась съ ними, къ-общему изумленію всего двора. Наконецъ слабая женщина уступила, заливаясь слезами; но эта побѣда, это новое вопіющее насиліе супруговъ Мальборо окончательно погубило ихъ въ ея сердцѣ. Лордъ и леди Мальборо, Годольфинъ, отецъ одного ихъ зятя, и Сундерландъ, другой ихъ зять, составляли вмѣстѣ одну семью, которая присвоила себѣ монополію власти въ государствѣ. Анна видѣла, что сдѣлалась безпомощною узницею этой семьи и игрушкою въ ея рукахъ. Супруги Мальборо еще не подозрѣвали разрыва, ни даже охлажденія, но разрывъ уже существовалъ въ душѣ королевы. Нѣтъ ничего легче, какъ переходъ отъ чрезмѣрной любви къ ненависти. Эти два чувства всегда граничатъ другъ съ другомъ. Анна не могла сдѣлаться только равнодушною и холодною къ прежней своей обожаемой фавориткѣ; она начала ненавидѣть ее и ненависть ея стала тѣмъ сильнѣе, что она принуждена была скрывать свое чувство и притворяться въ неизмѣнной дружбѣ. Ненависть ея стала тѣмъ сильнѣе, что съ нею соединялось въ Аннѣ чувство страха предъ всемогущею фавориткою.

Теперь нельзя было не замѣтить придворнымъ большой перемѣны въ королевѣ. Анна сдѣлалась очень-грустна, стала еще молчаливѣе, чѣмъ обыкновенно, чувствовала себя несчастною, часто плакала, постоянно вздыхала; видно было, что томитъ ее внутри какое-то горе. Никто не зналъ причины этой перемѣны. Но въ министерствѣ находилось двое людей, болѣе проницательныхъ и тонкихъ, чѣмъ всѣ придворные. Однимъ былъ Гарли, другимъ Болинброкъ. Оба давно уже тщательно наблюдали за королевою и поняли въ чемъ дѣло. Оба видѣли, что Анна съ нетерпѣніемъ выноситъ иго офиціальной своей

фаворитки, завидуетъ могуществу лорда Мальборо и сильно желаетъ освободиться отъ виговъ. Большія надежды, широкіе планы родились въ головѣ и того, и другаго. Оба давно уже тяготились своимъ второстепеннымъ положеніемъ въ министерствѣ; оба были равно честолюбивы, безсовѣстны и жадны до власти; для обоихъ званіе перваго министра было цѣлью страстныхъ желаній. Для достиженія этой цѣли нужно имъ было ускорить разрывъ между супругами Мальборо и королевою. Паденіе лорда Мальборо естественнымъ образомъ открывало дорогу для ихъ собственнаго величія. Гарли и Болинброкъ дали сигналъ партіи торіевъ собираться съ силами и принялись дружно работать надъ погибелью виговъ. Нужно было дѣйствовать осторожно, втайнѣ, интригою. Поэтому Болинброкъ пустилъ впередъ Гарли, который былъ мастеръ въ мелкой интригѣ, а самъ остался покамѣстъ въ сторонѣ, сохраняя выжидательное положеніе. Гарли предпринялъ освободить королеву или, покрайней-мѣрѣ, утѣшить ее въ горѣ, и скоро успѣлъ въ этомъ дѣлѣ.

Съ нѣкотораго времени леди Мальборо, увѣренная въ свое всемогущество, стала пренебрегать Анною. Обязанности статс-дамы, постоянное присутствіе при королевѣ и прислуживаніе ей сдѣлалось тягостнымъ для надменной леди. Все это казалось ей теперь слишкомъ унизительнымъ, недостойнымъ ея высокаго положенія. Тѣмъ болѣе стали для нея невыносимы обязанности офиціальной фаворитки. Анна была скучна и навязчива. Леди Мальборо давно уже смертельно надоѣли ея привычки, ея tête à tête въ кабинетѣ и нескончаемыя ночныя болтовни въ спальнѣ. Леди начала избѣгать общества Анны; жила теперь отдѣльно въ своемъ бленгеймскомъ дворцѣ; визиты ея къ королевѣ стали рѣдки; она не являлась при дворѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Это было очень-неосторожно съ ея стороны. Анны нельзя было оставлять одной. Очевидно, что, послѣ двадцати лѣтъ, леди Мальборо все-таки не знала еще ни своей государыни, ни придворной жизни. Немедленно обнаружились послѣдствія, которыхъ леди даже не предчувствовала въ своемъ ослѣпленіи.

Королева страдала глазами. При дворѣ всѣ безпокоились этимъ. «Какъ ей не быть больною (сказалъ однажды принцъ датскій), когда у нея есть манія просиживать по ночамъ?» Эти слова, вырвавшіяся у принца, заставили задуматься лорда Годольфина и еще болѣе леди Мальборо. Съ кѣмъ это королева просиживала ночи? Леди Мальборо давно уже не бывала у нея въ такое время. Очевидно, кто-то занялъ ея мѣсто. Съ своей стороны, лордъ Годольфинъ съ нѣкотораго времени встрѣчалъ въ парламентѣ препятствія, которыя казались ему неесте-

ственными. Какая-то таинственная рука дѣйствовала противъ министерства. Безъ всякаго сомнѣнія, существовала какая-то интрига. Скоро обнаружилось въ чемъ дѣло. У леди Мальборо была бѣдная родственница, по имени Абигэль Гилль. Леди взяла ее подъ свою опеку, дала ей воспитаніе и доставила ей мѣсто въ женской прислугѣ королевы. Но Абигэль отплатила своей благодѣтельницѣ черною неблагодарностью. Эта молодая женщина не отличалась ни умомъ, ни красотою, но одарена была чрезвычайною ловкостью, умѣла отлично льстить, угождать и прислуживать госпожѣ своей. Природа создала ее настоящею горничною. Абигэль угадала тайные мысли королевы; угадала ея возраставшее нерасположеніе къ леди Мальборо и рѣшилась воспользоваться этимъ для собственнаго возвышенія. Она вкралась ловко въ довѣріе Анны, стала льстить ея торійскимъ и высокоцерковнымъ предразсудкамъ и подкапывать все болѣе-и-болѣе вліяніе своей покровительницы. Анна была въ восторгѣ отъ своей новой конфидентки. Ей нужна была теперь именно такая льстивая, ползающая, угодливая женщина. Абигэль могла залечить раны, нанесенныя душѣ Анны тираніею гордой леди Мальборо. Гарли понялъ, какую пользу могла принести ему эта новая конфидентка. Абигэль была тоже его родственницею. Онъ вступилъ съ нею въ уговоръ, надѣлалъ ей множество обѣщаній на случай своего возвышенія; Абигэль обѣщалась поддерживать его интересы у королевы. Чрезъ ея посредство Гарли получилъ доступъ къ Аннѣ, открылъ ей свою душу и предложилъ свои услуги. Съ-тѣхъ-поръ между нимъ и королевою ежедневно происходили ночью тайныя свиданія; Абигэль впускала Гарли чрезъ секретную лѣстницу въ комнату королевы, и тогда втроемъ они начинали длинныя совѣщанія, на которыя жаловался принцъ датскій. Предметомъ этихъ совѣщаній было приготовленіе coup d'état противъ лорда Мальборо и виговъ. Гарли совершенно очаровалъ собою королеву. Онъ курилъ передъ нею ѳиміамъ тонкой лести и толковалъ ей постоянно о преданности и любви къ ней народа. Общество его сдѣлалось столь же необходимымъ для Анны, какъ прежде общество леди Мальборо. Иногда она только жаловалась, что Гарли приходилъ къ ней подъ сильнымъ вліяніемъ кларета. Еслибъ свиданія происходили утромъ, то королева не могла бы сдѣлать ему этого упрека; но къ вечеру онъ имѣлъ привычку приводить себя въ состояніе необыкновенной веселости. Анна была, впрочемъ, снисходительна къ такого рода слабостямъ и постепенно пріучалась считать Гарли своею самою надежною опорою противъ виговъ. Однакожь эти свиданія, эти интриги не могли долго оставаться втайнѣ. Однажды леди Маль-

боро узнала внезапно, что ея воспитанница перестала быть миссъ Гилль и сдѣлалась мистрисъ Машамъ. Не говоря ни слова своей опекунше, она вышла замужъ за одного придворнаго. Королева сама устроила потихоньку этотъ бракъ, присутствовала одна при вѣнчаніи и дала невѣстѣ богатое приданое. Теперь обнаружилась вся истина. У королевы была новая фаворитка, настоящая фаворитка. Леди Мальборо потеряла милость Анны—это сдѣлалось яснымъ для всѣхъ. Леди написала сейчасъ къ мужу, который былъ на континентѣ, извѣстила его объ интригахъ Гарли; но такова была ея гордость, такова самонадѣянность и увѣренность въ своемъ высокомъ положеніи, что сама она не сдѣлала ни одного шагу, чтобъ возвратить себѣ расположеніе Анны. По рѣзкости характера она неспособна была ни къ лести, ни къ притворству, ни къ уступкамъ. По обыкновенію своему, она обратилась къ королевѣ съ упреками, стала говорить ей объ оскорбленной дружбѣ, о непризнанныхъ заслугахъ. Отношенія обѣихъ женщинъ сдѣлались чрезвычайно-принужденными и натянутыми. За краткими примиреніями слѣдовали длинныя ссоры. Все клонилось къ окончательному разрыву.

Между-тѣлъ лордъ Мальборо возвратился съ континента съ твердымъ намѣреніемъ положить конецъ проискамъ Гарли и Болинброка. О незначительной Абигэль Машамъ ни онъ, ни жена его не заботились много и считали ее совершенно-неопасною. Мальборо вмѣстѣ съ Годольфиномъ немедленно потребовали отъ Анны удаленія измѣнившихъ имъ товарищей; но королева не хотѣла и слышать объ этомъ. Мальборо и Годольфинъ грозили выйдти въ отставку наканунѣ новой кампаніи; но и это не подѣйствовало. Оба нашлись въ критическомъ положеніи. Королева выказала непривычную силу характера. Тогда неожиданное открытіе вывело ихъ изъ затрудненія, погубило Гарли, и на-время еще болѣе усилило партію виговъ. Обнаружилось, что одинъ изъ чиновниковъ, подчиненныхъ Гарли, находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ версальскимъ дворомъ. Тѣнь подозрѣнія пала на самого Гарли. Мальборо и Годольфинъ не замедлили воспользоваться этимъ. Они поставили королевѣ дилемму— выбирать между ними или статс-секретаремъ. Королева упорно держалась Гарли. Тогда Мальборо и Годольфинъ дѣйствительно подали въ отставку и перестали являться въ государственномъ совѣтѣ. Парламентъ, въ которомъ большинство составляли виги, пришелъ въ сильное волненіе. Нижняя палата грозила отказать въ утвержденіи бюджета, если не будетъ удаленъ Гарли и возвращены оба популярные министра. Она готовилась даже начать противъ Гарли политическій процесъ. Испуган-

ная королева созвала государственный совѣтъ, но президентъ его лордъ Соммерсетъ отказался открыть засѣданіе безъ присутствія Мальборо и Годольфина. Тогда Гарли уступилъ бурѣ и вышелъ въ отставку; за нимъ послѣдовалъ Болинброкъ и два умѣренные тори, которые еще оставались въ министерствѣ. Поле очистилось для виговъ. Парламентъ, которому вышелъ трехлѣтній срокъ, былъ распущенъ; но война была еще такъ популярна въ странѣ, что виги явились въ новомъ парламентѣ еще болѣе импозантною массою, чѣмъ въ прежнемъ. Вездѣ на выборахъ торіи потерпѣли рѣшительное пораженіе. Даже Болинброкъ не попалъ въ палату. Теперь Мальборо и Годольфинъ не считали болѣе нужнымъ щадить королеву. За нихъ была нація, за нихъ былъ парламентъ; они рѣшились вполнѣ воспользоваться одержанною побѣдою. Сбывши съ рукъ тайныхъ враговъ и подозрительныхъ друзей, они составили новое, чисто-вигское министерство. Всѣ знаменитости партіи виговъ получили въ немъ мѣсто, и Соммерсъ, и Галифаксъ, и Уэртонъ—люди, въ которыхъ Анна видѣла отъявленныхъ революціонеровъ.

Итакъ, въ то время, когда королева уже считала близкимъ свое освобожденіе, неожиданный оборотъ скрѣпилъ еще сильнѣе ея узы. Виги торжествовали. Еще никогда ихъ партія не достигала такого безусловнаго господства. Супруги Мальборо съ увѣренностью смотрѣли въ будущность. Положеніе ихъ казалось непоколебимымъ. Гордая леди, съ презрѣніемъ глядѣла на новую фаворитку и не удостоивала ее своего вниманія. Что̀ могла сдѣлать ничтожная придворная камарилла, что̀ могла сдѣлать слабая женщина съ своими горничными противъ министерства, въ которомъ засѣдали первые люди страны, которое имѣло за собою парламентъ и націю, которое вело счастливую войну на континентѣ, и во главѣ котораго стоялъ величайшій генералъ этого времени? Лордъ Мальборо понималъ, что главная сила его лежала въ войнѣ; покамѣстъ продолжалась война, онъ былъ необходимъ. Тогда-то, ободренный своими успѣхами, онъ склонилъ коалицію отвергнуть мирныя предложенія Лудовика XIV и продожать военныя дѣйствія.

Дальнѣйшій ходъ войны очень простъ. Французы съ отчаяннымъ мужествомъ защищали сѣверную свою границу противъ соединенныхъ силъ Мальборо и принца Евгенія. Мальборо взялъ крѣпость Лилль, и дорога въ Парижъ казалась открытою. Одинъ голландскій постъ дошелъ даже до Версаля и на мосту въ Севръ взялъ въ плѣнъ королевскаго шталмейстера, принимая его за самого дофина. Между-тѣмъ Франція дошла до крайняго истощенія, до совершенной прострацiи силъ. Особенно тяжелъ былъ для нея 1709 годъ. Съ неудачами на

полѣ битвы соединились бѣдствія другаго рода. Лѣтомъ французская армія потерпѣла жестокое пораженіе при Уденардѣ: зимою свирѣпствовали такіе ужасные морозы, какихъ не помнили самые старые люди. Потомъ, весною, во всей Франціи наступилъ голодъ. Смертность увеличилась вдвое. Число рожденій и браковъ представляло только четвертую часть обыкновеннаго количества. Страшная нищета распространилась повсюду. Лакеи великаго монарха просили милостыни у воротъ Версаля. Мадамъ де-Мэнтенонъ ѣла черный хлѣбъ. Цѣлые эскадроны кавалеріи дезертировали, ища средствъ къ жизни въ контрабандѣ. Трудно было найдти новыхъ рекрутовъ. Вербовщики производили охоту на людей по деревнямъ. Подати наложены были на все; нужно было платить за позволеніе родиться и умирать. Въ одномъ мѣстѣ крестьяне, преслѣдуемые по лѣсамъ сборщиками налоговъ, дошли до отчаянія, вооружились и взяли приступомъ городъ Кастръ. Король принужденъ былъ занимать, давая четыреста за сто. Государственный долгъ увеличился до трехъ мильярдовъ. Тогда великій монархъ вторично обратился на коалиціи, прося мира. На этотъ разъ онъ отказывался и отъ Испаніи, обѣщалъ вызвать свои войска оттуда и предоставить своего внука собственной его участи. Но коалиція, подстрекаемая лордомъ Мальборо, еще не думала о прекращеніи войны: ей хотѣлось совершеннаго униженія Лудовика. Тріумвиратъ, который стоялъ во главѣ ея, выступилъ съ неслыханнымъ условіемъ. Отъ Лудовика XIV потребовали, чтобъ онъ самъ, собственными войсками, выгналъ своего внука изъ Испаніи. Великій монархъ оскорбленъ былъ въ своемъ достоинствѣ, въ своей чести, и съ негодованіемъ прервалъ переговоры. Тогда-то человѣкъ этотъ, который высказалъ пресловутую аксіому абсолютной монархіи «l'Etat c'est moi!» . . . . . въ первый разъ въ своей жизни обратился къ своему народу, передалъ на судъ его поступокъ коалиціи, и вызывалъ его спасать честь отечества. Въ манифестѣ, разосланномъ по всей странѣ, престарѣлый король объявлялъ, что самъ приметъ начальство надъ войскомъ и пойдетъ съ нимъ умереть на границѣ Франціи. Французская нація, какъ всегда въ такія минуты, оказалась великою націею. Патріотическое чувство было въ ней сильнѣе, чѣмъ бѣдствія и неудачи. На вызовъ короля умиравшая Франція сдѣлала послѣднее, отчаянное усиліе и выставила новую стотысячную армію. Но несчастіе преслѣдовало Лудовика XIV. Армія была разбита лордомъ Мальборо въ кровавомъ сраженіи при Мальпляке, и великій монархъ въ третій разъ просилъ мира у коалиціи. Теперь онъ согласился на самыя тяжелыя пожертвованія: обязывался отдать Страсбургъ,

Эльзасъ, срыть всѣ крѣпости отъ Базеля до Филиппсбурга, уничтожить военную гавань въ Дюнкирхенѣ; мало того, онъ унизилъ себя до того, что предлагалъ коалиціи мильйонъ франковъ субсидій въ мѣсяцъ для изгнанія Филиппа Анжуйскаго изъ Испаніи. Но все напрасно. Лордъ Мальборо думалъ тянуть войну до безконечности. Коалиція настаивала на прежнемъ требованіи и положила Лудовику непремѣннымъ условіемъ мира войну съ собственнымъ внукомъ. Положеніе великаго монарха было трагическое. Не оставалось больше никакой надежды. Судьба поражала его жестокими ударами. Въ семьѣ его несчастія слѣдовали за несчастіями. Всѣ сыновья и внуки его, одинъ за другимъ, сходили въ могилу. Умеръ и дофинъ, и герцогъ бургундскій, подававшій такія блестящія надежды, и герцогъ бретанскій, и герцогъ беррійскій. Изъ всего многочисленнаго потомства остался только одинъ правнукъ Лудовика, пятилѣтній ребенокъ. Надъ колыбелью этого ребенка неизвѣстной будущности стоялъ безнадежный, сокрушенный, семидесяти-пятилѣтній старецъ и видѣлъ передъ собою свою собственную могилу и вмѣстѣ съ тѣмъ могилу Франціи. Въ эту минуту великій монархъ былъ истинно-великъ. Поставленный на краю погибели, онъ не уступилъ и готовился погибнуть съ честью. Но судьба сохранила его отъ окончательнаго паденія. Мѣра была полна. Въ то время, когда Лудовикъ оглядывался на всѣ стороны, ища средствъ для новой кампаніи, въ Англіи разразилась наконецъ буря, которая собиралась такъ долго, такъ медленно и шла такъ издалека; наступилъ кризисъ, который спасъ Лудовика, удержалъ его внука на испанскомъ престолѣ, положилъ конецъ господству виговъ и повелъ къ заключенію мира.

Мы видѣли, какую побѣду одержали виги надъ королевою Анною; но это была ихъ послѣдняя побѣда. Министерство, руководимое, въ отсутствіе лорда Мальборо, Годольфиномъ, продолжало свою блестящую карьеру и считало себя безопаснымъ; но оно стояло на вулканѣ. Слишкомъ увѣренное въ своей силѣ, оно забывало о тѣхъ мелкихъ заботахъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись и сила. Оно не преслѣдовало своихъ противниковъ, но презирало ихъ. Оно не угнетало королевы, но пренебрегало ею, не обращало вниманіе ни на ея слабости, ни на расположеніе ея духа. Королева была очень щекотлива на счетъ этикета; министры слишкомъ-часто забывали объ этикетѣ. Анна была побѣждена, покорилась, но никакъ не помирилась съ своею судьбою. Ея самолюбіе, ея совѣсть, ея симпатіи, ея предразсудки — все страдало въ ней. Съ нетерпеніемъ она дожидалась дня избавленія. Съ министрами Анна сохраняла свое упорное, холодное молчаніе; по-

видимому подчинялась имъ во всемъ, совершенно отказалась отъ всякой власти, дѣлала машинально все, что̀ они хотѣли; между-тѣмъ втайнѣ вмѣстѣ съ новою своею фавориткою она вступила въ постоянный заговоръ противъ собственныхъ министровъ. Опять открылась для Гарли секретная лѣстница; опять начались совѣщанія и интриги. Безпрерывныя побѣды лорда Мальборо ставили Анну въ затрудненіе. Она чувствовала, что успѣшная война еще болѣе упрочиваетъ его положеніе; поэтому она страстно начала желать мира: миръ могъ избавить ее отъ диктаторства этого человѣка. Съ леди Мальборо еще не существовало явнаго разрыва, но господство ея надъ умомъ королевы давно кончилось. Анна переставала даже бояться своей прежней фаворитки. Нѣкоторое время старая фамильярность придавала сношеніямъ этихъ женщинъ характеръ необыкновеннаго притворства. Въ дни самой тѣсной дружбы королева и леди, отлагая всякій этикетъ, звали другъ друга мѣщанскими именами. Анна называлась мистрисъ Морли, леди—мистрисъ Фриманъ. Въ любопытныхъ запискахъ леди Мальборо существуетъ много горько-сладкихъ писемъ, въ которыхъ мистрисъ Фриманъ напоминаетъ дражайшей мистрисъ Морли двадцать лѣтъ своей преданности и ревностной службы. Слѣдуютъ отвѣты, въ которыхъ мистрисъ Морли умоляетъ свою возлюбленную Фриманъ пощадить ее отъ упрековъ. Но вдругъ попадается письмо, въ которомъ Фриманъ говоритъ къ Морли: «Ваше Величество» и всякій чувствуетъ, что буря немедленно разразится. Давно уже между ними происходили стычки, которыя увеселяли придворныхъ. Современные мемуары много распространяются то о парѣ перчатокъ, отказанныхъ леди Мальборо королевѣ, то о дверяхъ, захлопнутыхъ леди съ трескомъ, въ знакъ гнѣва, то о знаменитомъ стаканѣ воды, разлитомъ ею на платье мистрисъ Машамъ. Наконецъ леди Мальборо удалилась совершенно отъ двора, и прежнія подруги стали видѣться между собою только въ дни церемоній.

Но въ то время, когда дворъ былъ сценою всѣхъ этихъ мелочей, въ странѣ приготовлялось гораздо-болѣе серёзное дѣло. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ воинственнаго энтузіазма наступала реакція въ пользу мира. Нація сыта была побѣдами и военною славою. Цѣль войны была достигнута. Очевидно, нельзя было и думать объ удаленіи Филиппа Анжуйскаго изъ Испаніи: за него стоялъ весь испанскій народъ. Слѣдовало, правда, воспрепятствовать соединенію Франціи и Испаніи подъ однимъ скипетромъ; но этого можно было достигнуть теперь дипломатическимъ путемъ. Англичанамъ наскучило платить столько лѣтъ тяжелые военные налоги, которые шли на субсидіи ино-

страннымъ державамъ. Съ каждымъ днемъ желаніе мира становилось сильнѣе. Отовсюду слышны были нареканія на вигскихъ министровъ, которые безъ всякой нужды продолжали войну. Торіи, предчувствуя реакцію, вездѣ начинали подымать голову. Особенно-сильно жаждали мира съ Франціею любители французскихъ винъ. Они составляли цѣлую партію. Лишеніе было для нихъ невыносимо. Они жаловались, что въ недостаткѣ бордо принуждены отправлять себя прескверным портвейномъ. Къ этой миролюбивой партіи принадлежали многіе лорды, многіе джентльмены въ нижней палатѣ и, какъ увѣряетъ одинъ современникъ, всѣ доктора, всѣ юристы и адвокаты и большинство пасторовъ. Даже многія дамы сердились на лорда Мальборо, который, продолжая войну съ Франціею, совсѣмъ невѣжливо лишалъ ихъ шампанскаго. Лордъ Мальборо, нѣкогда идолъ всей націи, начиналъ терять популярность не только между любителями французскихъ винъ. Онъ сдѣлался слишкомъ могущественъ и сталъ возбуждать подозрѣніе въ націи, которая не терпитъ чрезмѣрной власти ни въ какомъ ея видѣ. Англичане не любятъ ни всемогущихъ королей, ни всемогущихъ министровъ. Кардиналъ Ришльё былъ бы невозможенъ въ Англіи. На Мальборо стали возводить обвиненія, совершенно-основательныя, что онъ нарочно тянетъ войну для выгодъ своего кармана. Торіи распространяли въ странѣ памфлеты, въ которыхъ разсказывались ужасы о его необыкновенной жадности, о его грабительствахъ, о его сдѣлкахъ съ поставщиками по арміи. Въ добавокъ, лордъ Мальборо лишился одной важной поддержки. Изъ всѣхъ людей, къ которымъ королева имѣла довѣріе, одинъ только мужъ ея, принцъ датскій, былъ жаркимъ сторонникомъ войны и всегда сильно поддерживалъ политику лорда Мальборо. Но въ 1709 году, послѣ жизни, исполненной самой полезной дѣятельности, принцъ датскій скончался.

Въ то время, когда умы въ Англіи стали все болѣе-и-болѣе склоняться къ миру и когда общественное мнѣніе начинало осуждать ультра-воинственную политику виговъ, министры сдѣлали одну огромную ошибку, которая погубила ихъ и дала наконецъ возможность Аннѣ свергнуть давившее ее иго. Съ нѣкотораго времени высокоцерковная торійская партія, замолкшая надолго вслѣдствіе рѣшительнаго торжества виговъ, опять стала шевелиться сильно. Она чувствовала, что приближается ея время. Нерасположеніе королевы къ вигамъ ни для кого не было тайною. Гарли и Болинброкъ работали неутомимо, собирая, приготовляя и организуя силы торіевъ, разбитыхъ прежними неудачами. Тогда-то одинъ полусумасшедшій пасторъ, по имени Сечверель сказалъ въ церкви св. Павла, при большомъ стеченіи на-

рода, проповѣдь, въ которой превозносилъ въ выспреннихъ выраженіяхъ божественное право монархіи и неограниченную власть короны, распространялся объ обязанности безграничнаго повиновенія, запальчиво осуждалъ всѣ начала революціи 88 года и нападалъ съ ожесточеніемъ на диссентеровъ и виговъ. Ко всему этому онъ примѣшалъ дерзкія выходки противъ министровъ, особенно противъ Годольфина, котораго назвалъ старою лисицею, и старался убѣдить своихъ слушателей, что церковь находится въ крайней опасности отъ виговъ. Такія проповѣди говорились тогда цѣлыми сотнями въ Англіи. Положеніе, что церковь находится въ опасности отъ того, что виги засѣдаютъ въ министерствѣ, было любимою тэмою высоко-церковныхъ пасторовъ. Проповѣдь Сечвереля была нѣсколько-сильнѣе другихъ; однакожь, еслибъ правительство не обратило на нея вниманіе то, подобно прочимъ, она пришла бы въ забвеніе. Но министры вздумали вдругъ сдѣлать изъ нея важное государственное дѣло. Безнаказанность такого рода нападокъ вывела ихъ изъ терпѣнія. Несмотря на всѣ усилія просвѣщеннаго и истинно-либеральнаго лорда Сомерса, рѣшено было начать противъ Сечвереля въ палатѣ лордовъ политическій процесъ за оскорбленіе конституціи и клевету на министровъ. Особенно настаивалъ на этомъ Годольфинъ, сильно-оскорбленный саркастическими намеками запальчиваго проповѣдника. Принимая такое рѣшеніе, министры думали напугать другихъ высоко-церковныхъ пасторовъ и разъ навсегда прекратить волненіе умовъ, возбуждаемое ихъ фанатическими проповѣдями. Съ другой стороны, имъ хотѣлось посредствомъ торжественнаго процеса передъ лицомъ всей націи оправдать революцію 88 года и защитить начала органической монархіи. По предложенію Годольфина, нижняя палата составила обвинительный актъ противъ Сечвереля; депутація, въ которой были многіе министры, понесла его къ лордамъ; обвиненный пасторъ призванъ былъ къ рѣшеткѣ верхней палаты, и начался процесъ. Между тѣмъ дѣло это произвело уже страшный шумъ въ цѣлой странѣ. Поднялась вся высоко-церковная партія. Возопили торійскіе журналы. Пасторы начали гремѣть противъ министерства, которое, по словамъ ихъ, дерзнуло въ лицѣ Сечвереля преслѣдовать самую высокую церковь. Загорѣлись страсти слѣпой, суевѣрной массы, возбужденной духовенствомъ. Общественное мнѣніе приняло сторону Сечвереля. Огромныя толпы народа окружали Вестминстеръ во все время процеса и наполняли воздухъ своими возгласами, угрозами и ругательствами противъ министровъ. Среди такого волненія лорды вели дебаты, памятные въ исторіи Англіи. Процесъ Сечвереля въ высшей степени замѣчателенъ по политиче-

скому своему значенію. Осуждая проповѣдь пастора, нужно было осудить и высказаное имъ ученіе, и утвердить торжественно начала, на которыхъ основалась англійская конституція. Подняты были въ палатѣ вопросы первостепенной важности; о происхожденіи монархіи, ... Адвокаты обвиненнаго спорили съ членами нижней палаты, поддерживавшими обвиненіе. Лорды, прежде чѣмъ произнести приговоръ надъ Сечверелемъ, составили нѣсколько резолюцій . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Королева Анна присутствовала при этихъ дебатахъ въ закрытой ложѣ. . . . . и чуть не упала въ обморокъ отъ сильнаго потрясенія. Большинствомъ шестидесяти-семи голосовъ противъ пятидесяти-девяти лорды объявили Сечвереля виновнымъ, но не приговорили его ни къ тюрьмѣ, ни къ денежному штрафу, а только запретили ему проповѣдывать впродолженіе трехъ лѣтъ и повелѣли, чтобы напечатанная его проповѣдь была сожжена публично въ присутствіи лорда-майора и шерифовъ Лондона. Однакожь министры и не подозрѣвали, что лордъ-канцлеръ, объявляя рѣшеніе палаты, произносилъ вмѣстѣ съ этимъ приговоръ смерти надъ всею партіею виговъ. Преслѣдованіе Сечвереля нанесло министерству рѣшительный ударъ въ общественномъ мнѣніи. Торіи и высокоцерковные возбудили противъ него страшную бурю. Весь Лондонъ былъ въ огнѣ. Въ глазахъ массы Сечверель былъ жертвою министерскаго деспотизма. На него смотрѣли, какъ на мученика. Ограниченный и нелѣпый пасторъ сдѣлался идоломъ толпы; его считали героемъ бо̀льшимъ, чѣмъ самъ лордъ Мальборо. Сорокъ тысячъ экземпляровъ его проповѣди разошлось въ нѣсколько недѣль, несмотря на запрещеніе. Министры сдѣлали огромную ошибку, ошибку, въ какую впадаютъ постоянно разныя правительства. Ничто такъ не вредитъ правительству въ общественномъ мнѣніи, какъ мелкое преслѣдованіе лицъ. Государственные люди, которые дѣлаютъ изъ пустяковъ политическія приступленія, которые приходятъ въ ужасъ отъ всякаго намека, которые изъ нѣсколькихъ неосторожныхъ рѣчей создаютъ цѣлые заговоры—словомъ, которые, говоря извѣстною фразою Талейрана, показываютъ trop de zèle—всегда работаютъ сами противъ себя. Министерство Анны не въ силахъ было остановить бурю, которую вызвало своимъ необдуманнымъ поступкомъ. Нація забыла даже о войнѣ, и дѣло Сечвереля стало живѣйшимъ интересомъ для всѣхъ. Отовсюду поднялись крики, что министры оскорбили церковь, нару-

шили свободу слова и свободу печати. Въ цѣлой странѣ послѣдовалъ сильнѣйшій взрывъ торійскаго и высокоцерковнаго чувства. Разъяренная толпа, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, бросилась на капеллы диссентеровъ и разрушила многія изъ нихъ. Въ-теченіе нѣсколькихъ дней Сечвереля носили съ торжествомъ на рукахъ по улицамъ Лондона, устроивали для него пиршества, позаботились даже о его карманѣ. Сдѣлана была въ его пользу подписка, которая въ скоромъ времени принесла 10,000 фунтовъ. Полусумасшедшій пасторъ наконецъ самъ сталъ считать себя великимъ человѣкомъ. Онъ пустился объѣзжать поочереди всѣ графства, и эта поѣздка его похожа была на тріумфальное шествіе. Вездѣ толпы народа выходили къ нему на встрѣчу. Вездѣ привѣтствовали его, почти королевскими почестями — сальвами артиллеріи, звономъ колоколовъ, иллюминаціями и фейерверками. Собирались митинги, на которыхъ говорили ему похвальныя рѣчи. Въ отвѣтахъ на эти рѣчи Сечверель проводилъ скромную, параллель между своими страданіями и страданіями Спасителя. Въ Лондонѣ волненіе возрастало все болѣе-и-болѣе. Куда ни появлялась королева, народъ встрѣчалъ ее восторженными восклицаніями; всѣ кричали: «да благословитъ Богъ ваше величество! надѣемся, что вы за доктора Сечвереля!». Со всѣхъ сторонъ приходили въ парламентъ адресы и петиціи съ требованіемъ мира.

Теперь Гарли и Болинброкъ увидѣли, что пришло ихъ время. «Дѣло выиграно» сказалъ Гарли при первомъ извѣстіи объ исходѣ процеса. Онъ оставилъ деревню, въ которой жилъ въ то время, поскакалъ въ Лондонъ и дѣятельно принялся раздувать народныя страсти противъ виговъ. Когда все созрѣло, между Гарли и королевою произошло новое свиданіе, и Анна рѣшилась наконецъ дѣйствовать. Она начала сильнымъ и громкимъ ударомъ. Не говоря ни слова ни одному изъ министровъ, королева дала отставку лорду Сундерланду, самому ненавистному ей изъ всѣхъ, и назначила на его мѣсто крайняго тори, лорда Дартмоута. Впечатлѣніе бѣло огромное. При первомъ извѣстіи объ отставкѣ своего зятя, леди Мальборо, которая давно уже не видалась съ Анною, поспѣшила во дворецъ и просила аудіенціи. Королева вышла къ ней съ лицомъ холоднымъ, какъ мраморъ. Леди потребовала объясненій. Королева отказала во всякомъ объясненіи. Послѣдовала жаркая сцена. Леди унизилась до слезъ. Королева показала ей дверь. Разрывъ былъ окончательный. Обѣ женщины никогда больше не видались въ жизни Скоро молва объ отставкѣ Сундерланда проникла на континентъ. Коалиція пришла въ волненіе. Лудовикъ XIV съ остентаціею напечаталъ благопріятное

извѣстіе въ своей офціальной газетѣ. Мальборо послалъ къ королевѣ длинное письмо; но письмо осталось безъ отвѣта.

Нѣкоторое время Анна не принимала никакихъ другихъ мѣръ. Однакожь министры были въ опасеніи. Они явились всѣ вмѣстѣ къ королевѣ. Годольфинъ, отъ имени товарищей, просилъ ее изъявить свои намѣренія. Королева увѣряла его въ своей неизмѣнной преданности и просила всѣхъ продолжать службу попрежнему. Но уже вечеромъ того же дня Годольфинъ получилъ письмо, въ которомъ Анна очень оригинальнымъ образомъ извѣщала его объ отставкѣ. Она требовала, чтобъ онъ самъ сломилъ бѣлую палочку—знакъ должности перваго лорда казначейства, говоря, что для обоихъ это будетъ гораздо-пріятнѣе, чѣмъ новое свиданіе. Такое же письмо получилъ лордъ Сомерсъ. На другой день собрались остальные министры. Королева взошла въ засѣданіе съ бумагою въ рукахъ. Она дала прочитать ее лорду-канцлеру. Это былъ декретъ о распущеніи парламента. Канцлеръ, лордъ Коуперъ, началъ говорить противъ этой мѣры. Королева приказала ему молчать. Тогда всѣ министры вышли въ отставку. Уже въ слѣдующій день Анна составила новый кабинетъ, всѣ члены котораго до одного были торіи. Номинальнымъ главою кабинета опять былъ сдѣланъ старый ультра-тори Рочестеръ, но на дѣлѣ главными министрами были Гарли и Болинброкъ. Парламентъ, засѣдавшій только два года, былъ распущенъ и выборы произошли подъ вліяніемъ сильной торійской реакціи въ странѣ. Въ нижней палатѣ большинство получили торіи. Черезъ нѣсколько времени лордъ Мальборо былъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей и отозванъ отъ арміи, а жена его получила приказаніе не являться болѣе ко двору и возвратить золотой ключъ, знакъ—ея придворной должности. Никогда въ Англіи не бывало такой внезапной, такой рѣшительной перемѣны. Первымъ дѣломъ новаго министерстерства было заключеніе мира съ Франціею, помимо коалиціи и на условіяхъ, которыя Лудовикъ XIV могъ назвать выгодными. Въ слѣдующій разъ я разскажу объ этомъ дѣлѣ и представлю конецъ царствованія Анны. Теперь заключу однимъ небольшимъ замѣчаніемъ. Я распространился нынѣшній разъ очень-много о мелкихъ и жалкихъ придворныхъ происшествіяхъ потому, что въ нихъ есть одна весьма-важная сторона. Ссора двухъ женщинъ, перемѣна фаворитки, интриги горничной — вотъ что повидимому имѣло вліяніе на судьбы всей Европы, и было причиною одного изъ важнѣйшихъ политическихъ переворотовъ въ Англіи. Не надобно,однакожь, ошибаться. Королева получила возможность перемѣнить политику, удалить изъ министерства виговъ и дать

власть торіямъ потому только, что нація объявила себя противъ виговъ, желала прекращенія войны и склонилась на сторону торіевъ. Но еслибъ нація хотѣла войны и твердо стояла за виговъ, то королева могла бы перемѣнить и десять разъ фаворитку и все-таки не достигла бы ничего. Еслибъ королевѣ вздумалось удалить популярныхъ вигскихъ министровъ, то парламентъ заставилъ бы ее возвратить имъ должности. Еслибъ королева распустила парламентъ, то въ новомъ явилось бы еще больше виговъ, чѣмъ въ прежнемъ. А не созывать новаго парламента она не могла, потому-что этого не позволяла конституція...

ЛЕКЦІЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

Послѣдніе четыре года царствованія Анны.—Борьба противоположныхъ чувствъ въ душѣ королевы. — Болинброкъ и Гарли задумываютъ возстановленіе Стюартовъ. — Зависть Болинброка къ Гарли. — Шансы реставраціи. — Необходимость мира съ Франціею для Болинброка. — Тайные переговоры съ Лудовикомъ XIV. — Оппозиція верхней палаты противъ мира. — Назначеніе 12 новыхъ перовъ. — Конгресъ въ Утрехтѣ.—Поѣздка Болинброка въ Парижъ. — Заключеніе мира. — Негодованіе виговъ.— Мѣры Болинброка противъ свободы печати. — Непреклонность претендента въ католицизмѣ.—Вражда между Болинброкомъ и Гарли.—Іакобитскіе замыслы Болинброка.—Затруднительное положеніе виговъ.—Близкая опасность реставраціи. — Паденіе Гарли.—Опасная болѣзнь Анны.—Энергическія мѣры виговъ.—Стенгопъ.— Шрьюсбёри — Уничтоженіе плана реставраціи.—Смерть Анны. — Провозглашеніе Георга I королемъ Великой Британіи.

Мм. гг.

Послѣдніе четыре года царствованія Анны не похожи были на прежніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безпрерывнаго благоденствія, спокойствія внутри и славы извнѣ, наступило время тревоги, время, въ которое еще разъ свободныя учрежденія Англіи, результаты революціи 88 года и протестантское престолонаслѣдіе подверглись огромной опасности. И опасность эта произошла не отъ внѣшнихъ враговъ и не отъ внутреннихъ волненій, а оттого, что судьбы Англіи достались въ руки двухъ безсовѣстныхъ, глубоко-безнравственныхъ государственныхъ людей—Гарли и Болинброка. Переворотъ, совершившійся въ концѣ 1710 года, переворотъ, который далъ власть въ государствѣ торіямъ и сокрушилъ виговъ, выдвинулъ на первый планъ Гарли и Болинброка. Оба сдѣлались главными членами новаго торійскаго министерства. Достигнувъ цѣли своихъ страстныхъ желаній, цѣли столькихъ интригъ, они начали опасную игру, которая, въ случаѣ удачи, могла бы разрушить дѣло Вильгельма III и возратить времена Стюартовъ. Но добрый геній берегъ дѣло свободы въ Англіи. Гарли и Бо-

линброкъ не только сами сломили себѣ голову въ затѣянной игрѣ, но вмѣстѣ съ этимъ погубили и партію, которой служили, которой были вождями. Оба они имѣли роковое вліяніе на судьбы торіевъ. Торійская партія обязана имъ была тѣмъ, что, послѣ краткаго четырехлѣтняго господства, она была уничтожена нравственно на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ, и до самаго вступленія на престолъ Георга III совершенно потеряла доступъ къ государственнымъ должностямъ. Гарли и Болинброкъ замѣчательны для насъ еще тѣмъ, что они заключаютъ собою рядъ испорченныхъ государственныхъ людей, воспитанныхъ среди революцій. Съ ихъ паденіемъ начинается новое поколѣніе политическихъ дѣятелей, на которыхъ съ отраднымъ чувствомъ останавливается наше вниманіе. Люди этого новаго поколѣнія стоятъ несравненно-выше предшествующаго въ нравственномъ отношеніи, и чѣмъ дальше, тѣмъ перспектива дѣлается свѣтлѣе. Начиная съ Георга I до нашихъ временъ, мы видимъ въ Англіи безпрерывный рядъ государственныхъ людей, которые своимъ патріотизмомъ, высокимъ политическимъ смысломъ, твердостью и честностью убѣжденій и любовью къ свободѣ могутъ быть образцами для всѣхъ временъ и народовъ.

Королева Анна находилась въ-теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни въ странномъ душевномъ состояніи. Въ сердцѣ ея происходила борьба чувствъ самыхъ противоположныхъ. Повинуясь нѣкогда господству супруговъ Мальборо, слабая женщина заглушила въ себѣ голосъ совѣсти, забыла о родственныхъ связяхъ, измѣнила своему отцу, отреклась отъ своего брата-претендента, пристала къ предводителямъ революціи 1688 года и купила себѣ престолъ изгнаніемъ тѣхъ, которые должны были быть для нея дороже чѣмъ власть и могущество. Покамѣстъ умомъ и волею ея управляла могущественная фаворитка, Анна оставалась, повидимому, спокойною и не сожалѣла о своемъ поступкѣ. Она обнаруживала только какое-то инстинктивное отвращеніе къ ганноверскимъ наслѣдникамъ, наложеннымъ ей парламентскимъ актомъ. Но когда разрывъ съ леди Мальборо предоставилъ ее самой себѣ, тогда пробудилось въ ней родственное чувство. Воспоминаніе о роковомъ поступкѣ начало сильно тревожить ее. Отецъ ея умеръ въ изгнаніи; однако онъ простилъ ей на смертномъ одрѣ. Братъ ея жилъ милостынею французскаго короля. Анна стала испытывать угрызенія совѣсти и раскаяваться въ своей неблагодарности. Возведенная на престолъ вслѣдствіе революціи 88 года, она осталась, однако, совершенно-чуждою ея началамъ; ничто не было въ состояніи поколебать въ ней вѣры въ священное, неотъемлемое право на-

слѣдства короны. Братъ ея, претендентъ, былъ въ глазахъ ея единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ престола. Передавая ему корону, она могла облегчить свою совѣсть, загладить свою вину. Но противъ этого возставало въ ней другое чувство—привязанность къ протестантской религіи. Она чувствовала, что покамѣстъ братъ ея оставался католикомъ, протестантская религія подвергалась опасности, и только наслѣдство протестантскаго государя могло обезпечить ея существованіе. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ стремленій сильно мучила Анну; она находилась въ страшномъ сомнѣніи и колебаніи. Но по мѣрѣ того, какъ здоровье ея разстроивалось все болѣе-и-болѣе и приближалась кончина, кровныя узы брали верхъ въ ея сердцѣ надъ религіозною обязанностью. Съ 1710 года возстановленіе брата постоянно занимало ея мысли. Она скрывала свое тайное желаніе, не чувствовала довольно силы, чтобъ выступить съ нимъ явно, но готова была способствовать всему, что̀ могло повести къ его осуществленію.

Тайныя желанія королевы совпадали съ интересами Гарли и Болинброка. Протестантское наслѣдство ганноверскаго дома было дѣломъ виговъ. Виги видѣли въ немъ единственную гарантію свободы въ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантію своей собственной безопасности. Поэтому естественно было ожидать, что новый король ганноверскаго дома будетъ опираться по преимуществу на вигахъ, дастъ власть вигамъ и недовѣрчиво отклонится отъ торіевъ, заподозрѣнныхъ въ нерасположеніи къ новой династіи и въ іакобитизмѣ. Между-тѣмъ Гарли и Болинброкъ окончательно погубили себя въ глазахъ виговъ. Они измѣнили имъ и были главною причиною ихъ паденія. Этимъ они навсегда закрыли себѣ дорогу къ примиренію. Имъ нечего было ожидать отъ ганноверскаго наслѣдства; нечего было и думать о сохраненіи министерскихъ портфелей при новомъ королѣ. Могло быть даже хуже. Виги, возвращаясь къ власти при ганноверскомъ королѣ, могли отомстить имъ жестоко за все испытанное зло. Дѣло могло кончиться для обоихъ политическимъ процесомъ, тюрьмою, или изгнаніемъ. Другая перспектива открывалась для Гарли и Болинброка на случай реставраціи Стюартовъ, особенно еслибъ эта реставрація была ихъ собственнымъ дѣломъ. Доставивъ престолъ претенденту, Іакову III, они обязали бы его навсегда и нетолько удержали бы за собою власть, которая была предметомъ ихъ страстныхъ желаній, но сдѣлались бы всемогущими въ государствѣ. Возстановленная династія видѣла бы въ нихъ самыя твердыя опоры своего престола и не могла бы отказать имъ ни въ чемъ. Слѣдуя такимъ побужденіямъ, отча-

сти честолюбію и жаждѣ власти, отчасти чувству самосохраненія, Гарли и Болинброкъ задумали преступное дѣло—вступили въ заговоръ противъ конституціи своего отечества, связались съ іакобитами и принялись работать надъ возстановленіемъ Стюартовъ. Рѣдкій примѣръ политической безнравственности и совершеннаго отсутствія убѣжденій! Гарли началъ поприще свое диссентеромъ и республиканцемъ и, побывавъ во всѣхъ лагеряхъ, кончалъ іакобитомъ. Болинброкъ, который слылъ вольнодумцемъ въ политикѣ и въ религіи и даже атеистомъ, блестящій, либеральный, геніальный Болинброкъ, для сохраненія министерскаго портфеля, не усомнился погубить свободныя учрежденія Англіи и доставить престолъ королю, который представлялъ собою абсолютизмъ и католическое суевѣріе. Но тутъ-то обнаружилась вся разница въ характерахъ этихъ людей. Гарли, человѣкъ совершенно-посредственный, умѣлъ достигнуть высокаго положенія ловкостью въ мелкой интригѣ и искусствомъ придавать себѣ видъ необыкновенной важности. Но какъ скоро онъ досталъ въ руки власть, сейчасъ же выказалось, что это былъ великій человѣкъ только для малыхъ дѣлъ. Нерѣшительность составляла основаніе его характера. Смѣлая, энергическая дѣятельность была не въ его натурѣ. Онъ постоянно медлилъ и колебался, и неспособенъ былъ принять ту или другую сторону. Онъ привыкъ вести по двѣ, по три интриги вмѣстѣ, заводить связи съ самыми противоположными партіями и лавировать между ними. Задумавъ вмѣстѣ съ Болинброкомъ возстановленіе Стюартовъ, онъ не хотѣлъ, однакожъ, лишить себя возможности отступленія, не хотѣлъ пускаться въ это дѣло безвозвратно, безъ исхода, но, по обыкновенію своему, дѣйствовалъ и направо, и налѣво. Сейчасъ по вступленіи въ новое министерство, Гарли послалъ тайнаго агента къ маршалу Бервику, незаконнорожденному брату претендента, чтобъ открыть съ нимъ переговоры о реставраціи; но въ то же время онъ отправилъ собственнаго сына въ Ганноверъ, чтобъ увѣрить курфирста Георга въ своей преданности протестантскому наслѣдству. Болинброкъ былъ человѣкъ другаго рода. Отличительными чертами его характера была необыкновенная смѣлость, рѣшительность и энергія. Онъ готовъ былъ рисковать всѣмъ и ставить все на одну карту. Онъ рѣшился возстановить претендента въ Англіи, во что бы то ни стало, и пустился опрометью по этой опасной дорогѣ. Дѣятельный, горячій, въ высшей степени даровитый, онъ затмилъ собою мѣшкотнаго и тяжелаго Гарли. Въ то время, какъ Гарли медлилъ, колебался, лавировалъ, Болинброкъ, хотя младшій между министрами, присвоилъ себѣ руководство всей внѣшней и внутренней политики. Однакожъ уже тогда, въ началѣ дѣла, появился симптомъ,

который предвѣщалъ неудачу задуманному ими плану. До-сихъ-поръ Гарли и Болинброкъ дѣйствовали дружно и находились въ тѣсной связи между собою. Болинброкъ выступилъ на политическое поприще какъ молодой protégé Гарли. Но когда оба стали на равной высотѣ, тогда ученикъ началъ смотрѣть на учителя своего, какъ на соперника; между ними возникъ антагонизмъ, который и сдѣлался причиною ихъ погибели впослѣдствіи. Мелкая зависть была особенностью характера Болинброка. Онъ презиралъ въ душѣ Гарли; онъ чувствовалъ свое превосходство надъ нимъ; но видѣть рядомъ съ собою человѣка, равнаго по положенію, было для него невыносимо. Не имѣя причины завидовать талантамъ Гарли, которыхъ онъ не имѣлъ, Болинброкъ завидовалъ его титуламъ и почестямъ. По смерти стараго Рочестера, королева Анна сдѣлала Гарли первымъ лордомъ казначейства, т. е. главою министерства, и произвела его въ достоинство пéра подъ именемъ графа Оксфорда (съ-тѣхъ-поръ такъ и называть его будемъ). Для Болинброка такое возвышеніе соперника было нестерпимо. Онъ тяготился тѣмъ, что судьба связала его неразлучно съ этимъ человѣкомъ, который мѣшалъ ему быть первымъ и единственнымъ главою торійской партіи. Въ смѣлой головѣ его родился тогда другой планъ, который онъ соединилъ съ первымъ. Задумавъ возстановленіе Стюартовъ, онъ задумалъ вмѣстѣ съ этимъ погибель Оксфорда, и хотѣлъ пожинать плоды реставраціи одинъ, нераздѣльно. Но покамѣсть, Болинброкъ еще молчалъ и скрывалъ свою зависть. Оба соперника, повидимому, дѣйствовали заодно; обоихъ связывала тайна общихъ измѣннническихъ замысловъ.

Возстановленіе претендента казалось дѣломъ удобоисполнимымъ при тогдашнемъ положеніи. Болинброкъ могъ смѣло разсчитывать на королеву. Большинство сельскихъ джентльменовъ торійской партіи и всѣ высокоцерковные пасторы были въ душѣ тайные іакобиты. То же можно было сказать о нижней палатѣ парламента, въ которой большинство имѣли торіи. Даже въ министерствѣ Болинброкъ могъ положиться на нѣсколькихъ изъ своихъ товарищей. Виги были разбиты, упали во мнѣніи націи, и нелегко имъ было собраться съ силами послѣ испытаннаго пораженія. Лордъ Мальборо, отставленный отъ всѣхъ должностей, угрожаемый процесомъ за грабительства по арміи, осудилъ себя на добровольное изгнаніе и уѣхалъ съ женою на континентъ. Лордъ Годольфинъ умеръ. Паденіе его партіи ускорило его кончину. Лордъ Сомерсъ страдалъ тяжкою болѣзнью. Другіе вожди виговъ были совершенно обезкуражены. Масса оставалась равнодушною къ ганноверскому наслѣднику, котораго вовсе не знала. Самъ

Георгъ, курфирстъ ганноверскій, занятый нѣмецкими дѣлами, мало заботился о коронѣ, которая ожидала его по смерти Анны. Можно было полагать, что какъ-скоро претендентъ появится на англійской почвѣ и дастъ кое-какія гарантіи насчетъ протестантской религіи, то вся масса торійской партіи перейдетъ на его сторону. А торіи, по вычисленіямъ Болинброка, относились тогда къ вигамъ, какъ четыре къ одному.

Но для успѣха дѣла прежде всего слѣдовало поспѣшить заключеніемъ мира съ Франціею. Болинброку миръ былъ не менѣе нуженъ, какъ и самому Лудовику XIV; но онъ думалъ не только о прекращеніи войны съ Франціею, а о союзѣ съ нею. Лудовикъ XIV былъ естественнымъ союзникомъ его въ дѣлѣ реставраціи Стюартовъ и могъ быть главною поддержкою его при исполненіи этого плана. Между-тѣмъ, коалиція не хотѣла и слышать о мирѣ, покамѣстъ Филиппъ Анжуйскій оставался въ Испаніи. Трактаты, связывавшіе коалицію, не позволяли ни одному изъ ея членовъ вступать въ переговоры съ непріятелемъ безъ вѣдома и согласія прочихъ. Это не остановило Болинброка. Онъ рѣшился измѣнить коалиціи, пожертвовать ея интересами, предоставить ее собственной участи и помириться безъ нея съ Лудовикомъ XIV. Въ началѣ 1711 года, въ глубочайшей тайнѣ открылись переговоры. Въ Англіи съ нѣкотораго времени жилъ нѣкто аббэ Готье, духовникъ плѣннаго маршала Таллара. Почтенный аббэ соединялъ съ своимъ духовнымъ званіемъ званіе французскаго шпіона и доносилъ Лудовику XIV обо всемъ, что̀ происходило въ Англіи. Этого-то человѣка Болинброкъ избралъ своимъ тайнымъ агентомъ къ французскому двору. Готье отправился во Францію и потребовалъ свиданія у французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, де-Торси. «Хотите мира?» были первыя слова неожиданнаго гостя.—«Спрашивать тогда у министра его величества, желаетъ ли онъ мира», пишетъ де-Торси въ своихъ мемуарахъ: «это значило спрашивать у больнаго, изнуреннаго продолжительною и опасною болѣзнью, желаетъ ли онъ выздоровленія». Вслѣдъ за аббэ Готье пріѣхалъ въ Версаль, съ болѣе-точными инструкціями, поэтъ Маттью Прайоръ, товарищъ всѣхъ оргій Болинброка. Нетрудно было составить базисъ для дальнѣйшихъ негоціацій. Переговоры чрезъ нѣсколько времени перенесены были въ Лондонъ, куда Лудовикъ XIV послалъ своего агента. Конференціи происходили втайнѣ, въ частномъ домѣ, неофиціяльнымъ образомъ. Только Болинброкъ и Оксфордъ присутствовали при нихъ со стороны англійскаего правительства. Совершенная гармонія существовала между договаривавшимися сторонами. Лудовикъ XIV совсѣмъ неожиданно нашелъ

въ англійскихъ министрахъ самыхъ уступчивыхъ противниковъ. Англійское правительство, которое могло продиктовать ему самыя строгія условія, показывало неумѣренное рвеніе къ миру и предложило ему условія, которыя онъ могъ назвать мягкими и даже выгодными. Англія изъявляла свое согласіе на то, чтобы Филиппъ Анжуйскій сохранилъ Испанію, и требовала только, чтобы въ трактатѣ помѣщена была статья, воспрещающая соединеніе въ будущемъ испанской и французской короны подъ однимъ скипетромъ. Оправданіемъ этой уступки для англійскихъ министровъ могло служить событіе, которое случилось во время переговоровъ. Императоръ Іосифъ I, наслѣдникъ Леопольда, скончался, и братъ его, эрцгерцогъ Карлъ, наслѣдовалъ ему подъ именемъ Карла VI. Еслибъ Карлу удалось пріобрѣсть Испанію, то тогда австрійскій домъ достигъ бы необыкновеннаго могущества, опаснаго для Европы. Въ одной рукѣ соединились бы австрійскія владѣнія, императорская нѣмецкая корона, Бельгія, Ломбардія, Неаполь, Сицилія и Испанія. Этимъ была бы возстановлена монархія Карла V, и равновѣсіе европейское совершенно разрушено. Безопаснѣе казалось оставить Испанію за Филиппомъ Анжуйскимъ. Въ концѣ 1711 года Болинброкъ подписалъ съ французскимъ агентомъ прелиминаріи односторонняго мира между Франціею и Англіею.

Между-тѣмъ англійская армія все еще оставалась въ Бельгіи и показывала видъ, что приготовляется къ новой кампаніи. Наслѣдникъ лорда Мальборо, герцогъ Ормондъ, составлялъ съ принцемъ Евгеніемъ планы военныхъ дѣйствій слѣдующаго года. Однакожь, все это дѣло не могло долго оставаться втайнѣ. Глухіе слухи о томъ, что Англія думаетъ отложиться отъ коалиціи и ведетъ секретные переговоры съ Лудовикомъ XIV, распространились на континентѣ. Коалиція пришла въ волненіе. Принцъ Евгеній поспѣшилъ въ Англію и потребовалъ объясненій. Великій генералъ принятъ былъ съ чрезвычайными почестями; но королева говорила съ нимъ холодно, а министры сбыли его пустыми увѣреніями и уклончивыми фразами. Однакожь, наступило наконецъ время высказаться. Въ началѣ 1712 года собрался парламентъ. Королева лично открыла его засѣданія и въ тронной рѣчи изъявила надежду на заключеніе мира на выгодныхъ для Англіи условіяхъ. Нижняя палата, въ которой безусловно господствовалъ Болинброкъ, въ отвѣтъ на рѣчь королевы, составила единодушно одобрительный адресъ. Но палата лордовъ выказала совершенно другое настроеніе. Въ ней, попрежнему, перевѣсъ оставался на сторонѣ виговъ. Виги упорно держались мнѣнія, что цѣль войны заключалась въ томъ, чтобъ не допустить перехода испанской короны въ домъ Бур-

боновъ. Верхняя палата составила адресъ, въ которомъ просила королеву продолжать войну, покамѣстъ цѣль эта не будетъ достигнута, и объявила, что безъ этого условія всякій миръ будетъ непроченъ и безчестенъ для Англіи. Королева была оскорблена адресомъ, но Болинброкъ не затруднился имъ много. Чтобъ сломить оппозицію лордовъ, онъ рѣшился сдѣлать coup d'état, возможность котораго лежала въ королевской прерогативѣ. По внушенію его, королева назначила вдругъ двѣнадцать новыхъ перовъ, на которыхъ могла положиться. Всѣ были придворныя креатуры. Новые перы заняли свои мѣста въ верхней палатѣ посреди всеобщаго ропота прочихъ перовъ. Но мѣра подѣйствовала. Воинственный адресъ былъ отвергнутъ и на мѣсто его принятъ другой, въ пользу мира. Болинброкъ самъ аплодировалъ своему успѣху и сказалъ громко въ нижней палатѣ: «Если лордамъ не довольно будетъ одной дюжины новыхъ товарищей, то подаримъ имъ другую».

Теперь коалиціи не оставалось больше никакого сомнѣнія насчетъ намѣреній англійскаго правительства. Какъ ни сердились европейскія державы, все-таки онѣ должны были согласиться на открытіе переговоровъ о всеобщемъ мирѣ. Безъ англійской арміи, и еще болѣе безъ англійскихъ субсидій, нельзя имъ было думать о серьёзномъ продолженіи войны. Въ Утрехтѣ начались конференціи. Туда съѣхались уполномоченные всѣхъ воюющихъ державъ; но, по странному обыкновенію, которое не исчезло еще и въ нашемъ столѣтіи, положено было, что во время конференціи военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ будутъ продолжаться своимъ порядкомъ. Тогда началась дипломатическая игра, которой находимъ рѣдкіе примѣры. Въ то время, когда въ Утрехтѣ происходили офиціальныя совѣщанія, въ Парижѣ и въ Лондонѣ, между де-Торси и Болинброкомъ шли тайные переговоры. На всякій пунктъ, предлагаемый на конференціяхъ въ Утрехтѣ, французское и англійское правительства соглашались предварительно между собою, и потомъ англійскіе уполномоченные поддерживали виды Франціи. Англія оставила роль договаривающейся стороны и явно приняла роль посредника между Лудовикомъ XIV и коалиціею. Болинброкъ пошелъ еще дальше. Главнокомандующій англійскихъ войскъ, герцогъ Ормондъ, получилъ изъ Лондона инструкціи, въ которыхъ министерство предписывало ему не вступать ни въ какое рѣшительное дѣйствіе противъ французовъ. Въ то же время объ этомъ доведено было до свѣдѣнія маршала Вилляра. Напрасно принцъ Евгеній приглашалъ къ содѣйствію Ормонда. Англійская армія стояла неподвижно. Ормондъ отговаривался разными предлогами и даже тайно доносилъ

Вилляру о разныхъ движеніяхъ Евгенія. Между-тѣмъ переговоры въ Утрехтѣ тянулись безплодно. Лудовикъ, увѣренный въ соумышленничествѣ англійскаго правительства и разсчитывая на его поддержку, чрезвычайно повысилъ тонъ и твердо держался противъ требованій коалиціи. Наконецъ англійскіе уполномоченные сбросили маску. Слагая вину на упорство Голландіи, Австріи и нѣмецкихъ державъ, они объявили, что королева считаетъ себя освобожденною отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ коалиціи и въ-правѣ принять свои мѣры. Немедленно послѣ этого заключено было между Англіею и Франціею перемиріе, герцогъ Ормондъ былъ отозванъ вмѣстѣ съ англійскою арміею изъ Бельгіи, и Болинброкъ лично отправился въ Парижъ, чтобъ окончательно утвердить условія мира.

Появленіе Болинброка въ столицѣ Франціи было событіемъ въ высшихъ кругахъ тамошняго общества. Всѣ французскіе мемуары этого времени наполнены подробностями о его краткомъ пребываніи. Блестящій лордъ очаровалъ дворъ и высшія гостиныя своею граціею, своимъ остроуміемъ, своими познаніями. Всѣ тогдашнія богини красоты и свѣтскаго вкуса наперерывъ старались обратить на себя его вниманіе. Мадамъ де-Параберъ гордилась тѣмъ, что прелести ея сдѣлали сильное впечатлѣніе на геніальнаго денди; а мадамъ де-Тансенъ была внѣ себя отъ счастія, когда онъ оказалъ ей предпочтеніе передъ другими, привлеченный остроумною ея бесѣдой. Къ этому времени относится и первое знакомство Болинброка съ Вольтеромъ. Но не только въ высшихъ сферахъ распространялась его популярность: весь народъ принялъ его съ торжествомъ. Всѣ видѣли въ немъ вѣстника вожделѣннаго мира. Всѣ смотрѣли на него не какъ на посланника непріятельской державы, а какъ на союзника. Когда Болинброкъ появился однажды въ театрѣ, вся публика поднялась съ мѣстъ и привѣтствовала его громкими рукоплесканіями. Послѣ окончательныхъ переговоровъ, въ которыхъ участвовалъ самъ Лудовикъ XIV, мирный трактатъ былъ подписанъ. По этому трактату, Лудовикъ XIV обязывался признать наслѣдство ганноверскаго дома въ Англіи и удалить изъ Франціи претендента. Это условіе было написано для успокоенія англійской націи. Для Болинброка, который думалъ другое, оно было пустою формальностью. Филиппъ Анжуйскій сохранялъ Испанію, но долженъ былъ отказаться отъ правъ своихъ на французскую корону. Англичане удерживали за собою Гибралтаръ и островъ Минорку. Голландія получала барьеру бельгійскихъ крѣпостей; Австрія пріобрѣтала Бельгію, Ломбардію и Неаполь; савойскій герцогъ—Сицилію, съ титуломъ короля. Со стороны Германіи Лудовикъ XIV не терялъ ни-

чего. Къ этому трактату приступили въ Утрехтѣ Савоія, Испанія, сѣверныя государства и наконецъ Голландія. Только Австрія и нѣмецкія державы остались недовольны и рѣшили продолжать войну съ Франціею однѣ. Но маршалъ Вилляръ привыкъ вездѣ и всегда побѣждать нѣмцевъ. Освобожденный отъ прочихъ противниковъ, онъ нанесъ имъ жестокое пораженіе при Дененѣ, и тогда Австрія и нѣмецкіе князья принуждены были покориться необходимости. Такимъ-образомъ, съ концомъ 1713 года, послѣ десятилѣтней войны, водворился миръ въ Европѣ. Сверхъ всякаго ожиданія, Лудовикъ XIV вышелъ цѣлъ изъ борьбы, и даже съ честью.—Теперь Болинброкъ имѣлъ свободныя руки для своего плана. Важный шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Можно было разсчитывать на Лудовика XIV. Оставалось дѣйствовать смѣло и рѣшительно въ самой Англіи. Пребываніе Болинброка въ Парижѣ было небезплодно для его замысловъ. Онъ успѣлъ переговорить съ іакобитами сен-жерменскаго двора и условиться съ ними насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствія. Онъ видѣлся съ вдовою Іакова II, и нѣкоторые даже говорятъ, что онъ имѣлъ тайное свиданіе съ самимъ претендентомъ.

Утрехтскій миръ произвелъ въ Англіи различныя впечатлѣнія. Іакобиты привѣтствовали его съ энтузіазмомъ. Торіи считали его своимъ дѣломъ, торжествомъ своей партіи. Масса радовалась ему, какъ и всякому миру послѣ продолжительной войны. Но виги возстали съ негодованіемъ противъ его условій и называли его миромъ постыднымъ, безчестнымъ, обиднымъ для національной гордости. Послѣ столькихъ побѣдъ, нація могла ожидать совершеннаго униженія Лудовика XIV; вмѣсто этого, министры подали ему руку помощи и утвердили трактатомъ то, противъ чего начата была война, то-есть переходъ испанской короны въ домъ Бурбоновъ. Виги называли министровъ измѣнниками и говорили, что за такой поступокъ они стòятъ политическаго процеса. Въ вигскихъ журналахъ поднялась жаркая полемика противъ утрехтскаго трактата. Особенно сильные удары направлены были противъ Болинброка. Виги стали разоблачать его іакобитскіе замыслы, предостерегали всѣхъ хорошихъ протестантовъ, указывали на опасность, которая угрожала религіи и свободѣ Англіи. Болинброкъ, который самъ, нѣсколько лѣтъ тому, будучи въ оппозиціи, неумѣренно пользовался свободою печати противъ правительства и воевалъ съ вигами журнальными статьями, теперь пришелъ въ негодованіе отъ этихъ нападокъ и рѣшился положить конецъ бурѣ ограниченіемъ свободы печати. Онъ сталъ преслѣдовать редакторовъ судебными мѣрами и склонилъ парламентъ издать два акта, направ-

ленные противъ журналистики. Однимъ изъ нихъ вмѣнялось въ обязанность всякому журналу выставлять фамилію автора каждой статьи и его адресъ; другимъ налагалась на періодическія изданія значительная пошлина, съ явною цѣлью уменьшить ихъ число. Между-тѣмъ вышелъ трехлѣтній срокъ парламенту, и наступили новые выборы. Отъ состава новаго парламента наиболѣе зависѣла удача или неудача плана возстановленія Стюартовъ. Поэтому Болинброкъ заблаговременно принялъ свои мѣры. Всѣ приверженцы претендента получили изъ сен-жерменскаго двора mot-d'ordre всѣми силами дѣйствовать на выборахъ въ пользу министерства. Вслѣдствіе этого, торіи опять одержали перевѣсъ, и новая палата наполнилась тайными и явными іакобитами. При такомъ положеніи дѣлъ, не могло быть сомнѣнія въ въ томъ, что еслибъ въ эту минуту претендентъ отрекся отъ католицизма и объявилъ себя протестантомъ, то возстановленіе его не встрѣтило бы никакихъ затрудненій. Королева, при помощи торійскаго парламента, отмѣнила бы актъ ганноверскаго престолонаслѣдія, и вся масса народа, за исключеніемъ вигскаго меньшинства, съ радостью привѣтствовала бы возвращеніе потомка древнихъ своихъ королей. Поэтому и Болинброкъ и Оксфордъ рѣшились употребить всѣ усилія, чтобъ склонить его къ отреченію. Даже многіе католики настаивали на этомъ и уговаривали претендента принять англиканскую вѣру, хотя для вида. Претендентъ былъ теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ находился прадѣдъ его Генрихъ IV, король французскій, когда сами гугеноты умоляли его пожертвовать вѣрою для достиженія престола. Какъ Генриху IV католическая обѣдня открыла ворота Парижа, такъ претенденту причастіе по англиканскому обряду могло доставить англійскую корону. Но всѣ попытки были напрасны. Сынъ Іакова II, подобно отцу своему, оставался непреклоненъ въ своей вѣрѣ. Онъ издалъ декларацію ко всѣмъ своимъ приверженцамъ въ Англіи, въ которой поклялся торжественно, что ничто въ мірѣ не заставитъ его отречься отъ религіи, которую онъ считалъ единственнымъ путемъ къ спасенію.

Съ-тѣхъ-поръ Оксфордъ сталъ охладѣвать къ плану, задуманному вмѣстѣ съ Болинброкомъ. Его боязливой и нерѣшительной натурѣ дѣло начинало казаться слишкомъ-рискованнымъ. Но онъ все-таки колебался, по своему обыкновенію, и не смѣлъ сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ, не рѣшался высказаться ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. На Болинброка упорство претендента въ католицизмѣ не сдѣлало никакого впечатлѣнія. Не имѣя надежды надѣлить Англію Стюартомъ-протестантомъ, онъ продолжалъ работать надъ возстановленіемъ

Стюарта-католика. Теперь онъ не скрывалъ больше своей вражды къ Оксфорду. Онъ былъ оскорбленъ новымъ отличіемъ своего соперника. Королева, послѣ заключенія утрехтскаго мира, наградила Оксфорда высокимъ орденомъ Подвязки. Болинброкъ, который главнымъ образомъ велъ всѣ переговоры, получилъ только титулъ вискунта. Хотя онъ игралъ роль философа и всегда съ аффектаціею говорилъ о своемъ презрѣніи мірскихъ почестей, но орденъ, данный сопернику, былъ острымъ жаломъ для его мелкой зависти. Тяжелый и вялый Оксфордъ, отъ котораго онъ не могъ добиться никакого рѣшительнаго содѣйствія для своихъ плановъ, сдѣлался для него помѣхою и бременемъ. Теперь-то во всемъ блескѣ обнаружились ничтожество, неспособность и нерадѣніе этого человѣка. Достигши поста перваго министра, Оксфордъ успокоился на лаврахъ и погрузился въ совершенное бездѣйствіе. Даже королева Анна убѣдилась наконецъ въ томъ, что онъ вовсе не годился въ министры. Болинброкъ поддерживалъ ее въ этомъ мнѣніи и подкапывалъ мало-по-малу вліяніе своего соперника. Но, дожидаясь удобнаго случая, чтобъ нанести ему окончательный ударъ, онъ между-тѣмъ старался окружить себя болѣе-надежными людьми. Мало-по-малу ему удалось ввести въ министерство нѣсколькихъ открытыхъ іакобитовъ, потомъ онъ принялся реформировать въ такомъ же смыслѣ армію. Болинброку необходимо было обезпечить за собою армію, потому-что, въ случаѣ надобности, онъ готовъ былъ даже на междоусобную войну. Хотя арміею не командовалъ больше лордъ Мальборо, но духъ его продолжалъ жить во многихъ офицерахъ, которые пріучились побѣждать подъ его предводительствомъ. Большинство ихъ принадлежало къ вигамъ. Подъ разными предлогами, Болинброкъ сталъ постепенно удалять этихъ офицеровъ и замѣщать ихъ іакобитами.

Вожди вигской партіи, Сомерсъ, Галифаксъ, Сундерландъ, Коуперъ, съ замираніемъ сердца слѣдили за всѣми поступками Болинброка. Положеніе становилось серьёзно-опаснымъ для нихъ. Здоровье королевы съ каждымъ днемъ дѣлалось площе. Все клонилось къ реставраціи. Между-тѣмъ Георгъ ганноверскій приводилъ ихъ въ отчаяніе своимъ равнодушіемъ къ собственнымъ интересамъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что происходило въ Англіи, не давалъ знака жизни и преспокойно занимался дѣлами своего курфиршества. Виги видѣли единственное средство для обезпеченія протестантскаго наслѣдства въ личномъ присутствіи самого курфирста въ Англіи. Имъ казалось, что въ случаѣ внезапной смерти королевы, тотъ изъ обоихъ претендентовъ получитъ перевѣсъ, который будетъ въ это вре-

мя наличо въ государствѣ. Съ этою мыслью они сдѣлали неосторожный шагъ, который повредилъ еще болѣе ихъ дѣлу и послужилъ въ пользу Болинброку. Курфирстъ Георгъ еще во время установленія ганноверскаго наслѣдства получилъ титулъ герцога Кембриджъ и званіе англійскаго пéра. На этомъ основаніи, по совѣту виговъ, ганноверскій посланникъ вдругъ потребовалъ отъ королевы, чтобъ она позволила курфирсту пріѣхать въ Англію и занять свое мѣсто въ верхней палатѣ. Мы знаемъ, что одна мысль о присутствіи въ Англіи ненавистнаго наслѣдника приводила Анну въ ужасъ. Она приняла съ гнѣвомъ ганноверскаго посланника и сейчасъ отправила одного изъ своихъ придворныхъ съ грознымъ письмомъ къ Георгу, въ которомъ высказывала ему свое неудовольствіе и объявляла, что вовсе не желаетъ видѣть его въ Англіи.

Все благопріятствовало замысламъ Болинброка. Чтобъ еще болѣе привязать къ себѣ королеву, торіевъ и приверженцевъ высокой церкви, онъ произвелъ другой разъ въ своей жизни генеральную атаку противъ религіозной свободы. По предложенію его, парламентъ принялъ два фанатическіе билля, направленные противъ диссентеровъ. Этими биллями актъ терпимости обращенъ былъ въ мертвую букву, диссентеры лишены послѣдней тѣни свободы вѣроисповѣданія и поставлены наравнѣ съ католиками. Съ каждымъ днемъ возрастала самоувѣренность іакобитовъ. Теперь они не скрывали больше своихъ мыслей и громко говорили повсюду, что скоро наступитъ время, въ которое для виговъ повторятся кровавые ассизы канцлера Джефрейса, и всѣ диссентеры принуждены будутъ или присоединиться къ англиканской церкви, или будутъ сосланы въ американскія колоніи. Въ нижней палатѣ іакобиты позволяли себѣ дѣлать саркастическіе намеки на ганноверское наслѣдство. Одинъ изъ нихъ, говоря о курфирстѣ, началъ свою рѣчь такъ: «Если онъ достигнетъ короны, что̀, дастъ Богъ, никогда не наступитъ...» Тутъ прервалъ его президентъ палаты, призывая къ порядку. Но остроумный ораторъ выпутался ловко. Онъ опять повторилъ начатую фразу и продолжалъ ее такъ: «потому что, надѣюсь, королева переживетъ своего наслѣдника, который старше ея». Но другіе іакобиты не ограничивались одними словами, намеками, угрозами. Агенты претендента набирали людей, тайкомъ привозили въ Англію оружіе, сыпали деньгами, раздавали патенты на званіе офицеровъ. Все это дѣлалось съ вѣдома Болинброка. Кризисъ приближался. Ходили слухи, что претендентъ находится въ Нормандіи, готовый, по первому сигналу, переплыть каналъ и явиться въ Англію. Между вигами господствовала тревога. Свобода Англіи висѣла на во-

лоскѣ. Казалось, что Георгъ ганноверскій не иначе будетъ въ состояніи достигнуть престола, какъ явившись въ Англію съ цѣлою арміею.

Теперь Болинброкъ счелъ время удобнымъ, чтобъ сбыть съ рукъ Оксфорда. Онъ успѣлъ уже овладѣть совершенно умомъ королевы и возстановить ее противъ своего соперника. Анна сочувствовала всѣмъ мѣрамъ Болинброка и съ увлеченіемъ предалась надеждѣ возвращенія своего брата. Она ожидала только удобной минуты, чтобъ призвать его въ Англію, представить его нечаянно парламенту и объявить своимъ наслѣдникомъ. Равнодушіе, сомнѣнія и увертки Оксфорда оскорбляли ее. Отчаяваясь въ возможности возстановленія католическаго государя въ искренно-протестантской Англіи, Оксфордъ остановился на опасной дорогѣ, пересталъ желать реставраціи; однакожь онъ не разлучался съ людьми, которые преслѣдовали эту цѣль, не подавалъ въ отставку. Жажда власти и почестей приковывала его къ министерскому посту. Но теперь онъ испытывалъ послѣдствія своей двуличной, кривой политики. Не служа серьёзно никакому дѣлу, обманывая поочереди всѣ партіи, онъ потерялъ довѣріе всѣхъ, и остался одинъ. Всѣ отступились отъ него, даже родственница его, новая фаворитка Анны, Абигэль Машамъ, измѣнила ему и предалась Болинброку и іакобитамъ. Претендентъ неоднократно уже умолялъ Анну, чрезъ своихъ агентовъ, удалить Оксфорда и ввѣрить себя совершенно Болинброку. Наконецъ Анна приняла рѣшеніе. Однажды вечеромъ она призвала къ себѣ Оксфорда, требуя отъ него отчета въ управленіи. Оксфордъ засталъ королеву окруженною его врагами. Тогда, въ присутствіи ея, между нимъ и Болинброкомъ завязался жаркій споръ, который перешелъ постепенно въ ссору, и длился до двухъ часовъ ночи. Оксфордъ велъ себя нагло, забылъ всякое приличіе и уваженіе къ королевѣ. Анна, больная и утомленная, приказала ему возвратить бѣлую палочку—знакъ должности перваго лорда казначейства, и не являться ей больше на глаза.

Теперь Болинброкъ остался одинъ на сценѣ. Судьба Англіи была въ его рукахъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что королева дастъ мѣсто перваго министра ему. Въ ожиданіи этого, онъ еще разъ измѣнилъ составъ кабинета въ іакобитскомъ смыслѣ. Герцогъ Ормондъ, графъ Маръ, епископъ Аттербери—всѣ чистые іакобиты—получили важнѣйшіе посты. Все министерство состояло теперь изъ явныхъ приверженцевъ претендента. Еще нѣсколько дней—и дѣло Вильгельма III и революціи было бы потеряно: Англія увидѣла бы на престолѣ сына Іакова II. Но Провидѣніе распорядилось иначе. Могущественная его

рука остановила преступнаго политика и спасла свободу Англіи. Въ эту рѣшительную минуту королева заболѣла опасно. Непріятная сцена съ Оксфордомъ разстроила ее сильно. Подагра бросилась ей на грудь и мозгъ. Она впала въ состояніе совершеннаго оцѣпенѣнія. Медики объявили, что не осталось никакой надежды. Болинброкъ и іакобиты поражены были, какъ громомъ, этимъ внезапнымъ ударомъ и совершенно растерялись. Безъ королевы они не могли довершить начатое дѣло. Между-тѣмъ виги не засыпали. Они успѣли собраться съ силами. Катастрофа застала ихъ хорошо приготовленными къ дѣйствію. За нѣсколько дней до этого, лордъ Мальборо былъ вызванъ ими съ континента, но противные вѣтры задерживали его въ Остенде. Въ ожиданіи его появленія, виги соединились вокругъ другаго своего вождя—генерала Стенгопа. Стенгопъ былъ человѣкъ благородный, государственный мужъ неподкупной честности и высокой гражданской доблести, истинный другъ свободы. И какъ генералъ въ испанской войнѣ, и какъ министръ при Георгѣ Первомъ, онъ отличался умомъ, энергіею и рѣшительностью. Въ опасномъ кризисѣ своего отечества, въ ожиданіи кончины королевы, замѣчательный этотъ дѣятель принялъ всѣ нужныя мѣры для спасенія конституціи и протестантскаго престолонаслѣдія. Онъ организовалъ силы виговъ, вооружилъ всѣхъ надежныхъ людей и приготовилъ все такъ, чтобъ при первомъ извѣстіи о смерти королевы завладѣть Тоуэромъ и государственною казною, занять всѣ важные посты въ столицѣ и провозгласить королемъ Георга ганноверскаго. Но еще болѣе въ эту минуту обязана была Англія другому человѣку—графу Шрьюсбери. Это былъ знатный вельможа, блестящій, высоко-образованный, даровитый. Онъ находился въ 88 году въ числѣ тѣхъ семи лордовъ, которые призвали въ Англію Вильгельма-Оранскаго. Но съ хорошими качествами онъ соединялъ непонятную шаткость характера и непостоянство въ поведеніи. Нѣсколько разъ уже онъ, безъ всякой видимой причины, измѣнялъ интересамъ виговъ, лавировалъ между партіями; многіе даже подозрѣвали его въ іакобитизмѣ. Въ процесѣ Сечвереля онъ подалъ голосъ противъ вигскихъ министровъ, и за это королева сдѣлала его великимъ шамбелланомъ и вице-королемъ Ирландіи. Но теперь, въ минуту кризиса, въ немъ пробудились патріотизмъ, энергія и сознаніе долга. Подобно тому, какъ въ 88 году, онъ оказался достойнымъ своего имени и своего высокаго положенія. На случай смерти королевы, онъ также устроилъ все заблаговременно и условился относительно образа дѣйствія съ двумя другими знатнѣйшими вельможами партіи виговъ—герцогомъ Соммерсетъ и герцогомъ Аргайль. Когда отчаянное положеніе

королевы сдѣлалось извѣстнымъ, министры созвали немедленно государственный совѣтъ, и Болинброкъ пригласилъ только тѣхъ членовъ его, на которыхъ могъ положиться. Совѣтъ объявилъ себя en permanence. Ежечасно медики приносили извѣстія о состояніи королевы. Болинброкъ и товарищи его іакобиты сидѣли молча, не зная, что дѣлать. Тогда вдругъ отворилась дверь и въ залу взошли Соммерсетъ и Аргайль. Оба объявили, что, хотя неприглашенные, они сочли, однакожь, своимъ долгомъ предложить свои услуги въ такую опасную минуту. Наступило краткое молчаніе. Изумленіе рисовалось на лицахъ іакобитовъ. Наконецъ поднялся графъ Шрьюсбери, поблагодарилъ обоихъ герцоговъ и пригласилъ ихъ занять мѣста. Тогда Соммерсетъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ немедленно отправлена была депутація къ королевѣ, съ просьбою назначить перваго министра на вакантное мѣсто послѣ Оксфорда и рекомендовать ей для этого графа Шрьюсбери, какъ самаго достойнаго занять этотъ высокій постъ. Болинброкъ и іакобиты поблѣднѣли. Они не ожидали ничего подобнаго. Предложеніе застигло ихъ врасплохъ. Никто изъ нихъ не смѣлъ промолвить слова. Депутація была составлена. Болинброка помѣстили въ числѣ ея членовъ. Самъ Шрьюсбери повелъ ее во дворецъ. Королева въ эту минуту только-что вышла ненадолго изъ летаргіи. Она приняла благосклонно депутацію, вручила бѣлую палочку графу Шрьюсбери и слабымъ голосомъ просила его пользоваться ею для блага страны. Дѣло было сдѣлано. Шрьюсбери сталъ первымъ министромъ. Болинброкъ былъ уничтоженъ. Тревога овладѣла іакобитами. Весь планъ ихъ рушился мгновенно. Шрьюсбери созвалъ государственный совѣтъ въ полномъ его составѣ, приглашая въ засѣданіе всѣхъ членовъ вигской партіи. По предложенію его, приняты были самыя энергическія мѣры. Четыре полка разставлены были на главныхъ постахъ столицы; эмбарго наложено на всѣ гавани, флотъ получилъ приказаніе охранять каналъ, въ Ганноверъ къ курфирсту Георгу отправленъ былъ курьеръ съ приглашеніемъ немедленно явиться въ Англію. Утромъ 1 августа 1714 года королева Анна скончалась, произнося имя своего брата, и уже чрезъ часъ Георгъ ганноверскій провозглашенъ былъ по улицамъ Лондона королемъ Великой Британіи. Іакобиты не шевельнулись. Повсюду царствовало спокойствіе. Никогда сынъ не вступалъ на престолъ по смерти отца такъ мирно, какъ Георгъ, принцъ иноземный и совершенно никому незнакомый въ Англіи.

ЛЕКЦІЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Общій характеръ эпохи первыхъ двухъ Георговъ. — Георгъ I. — Его политика. — Его фаворитки.—Его ганноверскіе спутники.—Георгъ II.—Исчезновеніе личнаго элемента королевской власти въ англійской конституціи.—Значеніе англійскаго министерства.—Внѣшнія и внутреннія опасности, угрожавшія ганноверскому престолу.— Усиленіе іакобитизма.—Попытки претендентовъ. — Роль и заслуги вигской аристократіи.

Мм. гг.

Сорокалѣтняя эпоха англійской исторіи, которая лежитъ между смертью королевы Анны и знаменитымъ министерствомъ старшаго Питта, повидимому, лишена того живаго внѣшняго интереса, которымъ отличается предшествующее ей и слѣдующее за нею время. Она кажется на первый взглядъ также безплодна, скучна и непривлекательна, какъ и личности королей Георговъ, давшихъ ей свое имя. Въ эту эпоху нѣтъ ни громкихъ всемірно-историческихъ событій, ни переворотовъ, потрясающихъ основы государства, ни важныхъ внутреннихъ реформъ, измѣняющихъ его устройство. Престолъ занимаютъ незначительные государи, которые не возбуждаютъ въ насъ ни симпатіи, ни антипатіи. Въ-теченіе сорока лѣтъ одни и тѣ же политическіе дѣятели наполняютъ сцену, и въ числѣ ихъ вниманіе наше не останавливается ни на одной геніальной личности. Перемѣна министерствъ, соперничество между предводителями политическихъ партій, игра мелкаго честолюбія, личные интересы, охота за министерскими портфёлями—вотъ, повидимому, все содержаніе этой эпохи. Поэтому она и менѣе извѣстна, чѣмъ другія. Она проходится мелькомъ въ обыкновенныхъ историческихъ разсказахъ. Личности Кромвеля, послѣднихъ Стюартовъ, Вильгельма III, лорда Мальборо хорошо знакомы всякому; дѣятели второй половины XVIII столѣтія—Питтъ старшій, Фоксъ, Боркъ, Шериданъ и Питтъ младшій пользуются такою же громкою извѣстностью; но о государственныхъ людяхъ промежуточнаго времени, о Стенгопѣ, Тоуншендѣ, Картеретѣ, Пельгемѣ и даже о самомъ Робертѣ Вальполѣ говорится немного. За то эпоха первыхъ двухъ Георговъ пользуется, въ обиходномъ понятіи, извѣстностью другаго рода, извѣстностью весьма-незавидною. Во многихъ сотняхъ книгъ повторяется, въ видѣ избитой, стереотипной фразы, что это было время, въ которое Англія находилась подъ постыднымъ владычествомъ олигархіи нѣсколькихъ аристократическихъ вигскихъ фамилій, связанныхъ между собою узами родства и обратившихъ всѣ государственныя должности въ свою монополію. Эпоха эта представляется

обыкновенно, какъ золотое время парламентскихъ подкуповъ, какъ время, въ которое немногочисленная вигская клика управляла страною при помощи продажныхъ парламентовъ; въ которое такъ-называемые представители націи покупали свои мѣста въ нижней палатѣ у избирателей на наличныя деньги, и потомъ продавали на наличныя же деньги свой голосъ министрамъ. Недоброжелатели Англіи, противники парламентской системы, желчные моралисты и поверхностные фразёры указываютъ на царствованіе первыхъ двухъ Георговъ, какъ на время позора и безчестія. Они не видятъ и не хотятъ видѣть въ немъ ничего другаго, кромѣ парламентскихъ подкуповъ, съ удовольствіемъ выставляютъ эту мрачную сторону тогдашней политической жизни Англіи и говорятъ съ ироніею: «вотъ въ чемъ состояла прославленная англійская свобода!» Эпоха Георговъ служила и служитъ постоянною тэмою нескончаемыхъ декламацій съ одной стороны для абсолютистовъ, съ другой для приверженцевъ крайнихъ теорій, для демократовъ и красныхъ республиканцевъ, для любителей французскихъ «идей» и враговъ умѣренной, конституціонной свободы. И тѣ и другіе видятъ въ парламентскихъ подкупахъ самый сильный и рѣшительный аргументъ противъ англійской формы государственнаго устройства, и пользуются этимъ аргументомъ, при всякомъ случаѣ, до пресыщенія. Однакожь, эта эпоха, повидимому столь глухая и скудная, эта эпоха, столь опозоренная и униженная, является въ совершенно-другомъ видѣ при серьёзномъ и подробномъ изученіи. По внутреннему своему значенію она гораздо-важнѣе, чѣмъ многія другія эпохи, наполненныя драматическими событіями, громадными войнами, громкими побѣдами, озаренныя блескомъ дворовъ, прославленныя именами геніальныхъ завоевателей и всемогущихъ министровъ. Ея внутреннее содержаніе гораздо-богаче содержанія тѣхъ временъ, которыя обыкновенно называются эпохами славы, величія и процвѣтанія разныхъ государствъ. Въ царствованіе первыхъ Георговъ, посреди монотонныхъ внѣшнихъ событій, шла тихо и медленно внутренняя работа развитія и перерожденія. Въ-теченіе этихъ сорока лѣтъ, во всѣхъ слояхъ англійскаго общества, въ его понятіяхъ, нравахъ и стремленіяхъ совершился мало-по-малу метаморфозъ необыкновенной важности. Начала революціи 88 года—революціи, произведенной одною политическою партіею при временномъ и случайномъ содѣйствіи другой— сдѣлались постепенно достояніемъ всѣхъ партій, общею почвою и для торіевъ, и для виговъ, и для высокоцерковныхъ, и для диссентеровъ. Начала эти, бывшія въ концѣ XVII столѣтія политическимъ вѣроисповѣданіемъ немногочисленныхъ аристократическихъ фамилій и небольшаго круга просвѣщен-

ныхъ людей, перешли мало-по-малу въ массу, обратились въ плоть и кровь всей англійской націи. Вмѣстѣ съ этимъ центръ политической тяжести былъ перенесенъ отъ высшихъ аристократическихъ классовъ націи къ среднимъ классамъ. Средніе промышленные классы стали быстро подвигаться къ преобладанію въ государствѣ; интересы торговли, промышлености, оборотнаго капитала, то-есть движущаяся, прогрессивная стихія получила перевѣсъ надъ интересами поземельной собственности, то-есть надъ стихіею покоющеюся, консервативною. При первыхъ Георгахъ выросла, воспиталась и сложилась окончательно та англійская нація, которая живетъ и дѣйствуетъ въ настоящее время; при нихъ она вступила на дорогу, предназначенную ей Провидѣніемъ, и сознала, что призваніе ея состоитъ во всемірной торговлѣ, въ господствѣ на морѣ, въ колонизаціи, въ распространеніи цивилизаціи посредствомъ мирныхъ торговыхъ сношеній. При первыхъ Георгахъ парламентская система, вслѣдствіе продолжительной, безпрепятственной практики, упрѣпилась, вошла въ нравы всей націи, срослась съ самою почвою Англіи. Система англійскаго самоуправленія была усовершенствована. Свобода печати принесла плоды, какихъ нигдѣ тогда не существовало въ Европѣ. Послѣ цѣлыхъ столѣтій религіозной вражды начало терпимости восторжествовало постепенно, если еще не въ законодательствѣ страны, то въ нравахъ и понятіяхъ націи. Словомъ— въ эту эпоху приготовлены были всѣ элементы, всѣ силы, всѣ условія будущаго величія Англіи и того огромнаго значенія, которое она получила въ Европѣ и въ мірѣ, начиная со второй половины XVIII столѣтія. Исторія этого времени не лишена самаго живаго интереса; но интересъ ея лежитъ не въ общей обстановкѣ, не въ группахъ внѣшнихъ событій, а въ подробностяхъ, въ характерахъ множества дѣйствующихъ лицъ. Даже неутѣшительныя, мрачныя стороны эпохи первыхъ Георговъ перестаютъ быть мрачными при серьёзномъ, безпристрастномъ изученіи. Олигархія аристократическихъ вигскихъ фамилій, которая въ-теченіе сорока лѣтъ исключительно управляла страною, сдѣлала для Англіи и для человѣчества больше, чѣмъ всѣ демагоги другихъ странъ и народовъ. Она служила дѣлу свободы и прогреса, и достойна была той власти, которою пользовалась. Съ другой стороны, всякій, кто отдѣлается отъ пустыхъ фразъ и громкихъ декламацій и вникнетъ серьёзно въ дѣло, тотъ убѣдится, что парламентскіе подкупы вовсе не были ни признакомъ порчи и гніенія политическаго организма, ни доказательствомъ отсутствія свободы въ Англіи, ни аргументомъ, говорящимъ противъ парламентской системы, а самымъ естественнымъ явленіемъ, вызваннымъ тогдашними условіями—времен-

нымъ, необходимымъ зломъ, которое исчезло само-собою впослѣдствіи— зломъ, которое, однако, не только не принесло никакого существеннаго вреда свободѣ, но, какъ увидимъ дальше, имѣло даже свою пользу и въ окончательномъ результатѣ послужило къ утвержденію самой парламентской системы. Время не позволяетъ мнѣ уже разсказать подробно царствованіе первыхъ двухъ Георговъ; но я воспользуюсь нынѣшнимъ и слѣдующими двумя чтеніями, чтобъ бросить бѣглый взглядъ на всю эту переходную эпоху отъ смерти Анны до старшаго Питта и уяснить ея внутренній смыслъ.

Англичане, выбирая изъ двухъ золъ то, которое казалось сноснѣе, рѣшились отдать престолъ иностранному государю, потому-что видѣли въ этомъ единственное средство защиты противъ произвола и католицизма Стюартовъ. По странному стеченію обстоятельствъ, для безопасности протестантизма и свободы въ Англіи, нужно было, чтобъ въ ней царствовали три поколѣнія королей, въ которыхъ не было ничего англійскаго. Но Англія — страна чрезвычайно-счастливая. Даже самыя случайности способствовали успѣшному ходу ея политическаго развитія, и то, что̀ въ началѣ казалось зломъ, всегда потомъ обращалось въ ея пользу. Послѣдствія показали, что правленіе нѣсколькихъ незначительныхъ ганноверскихъ государей было для нея гораздо выгоднѣе, чѣмъ цѣлый рядъ блестящихъ національныхъ монарховъ. Ничто столько не способствовало развитію политической свободы въ Англіи, какъ именно утвержденіе на престолѣ этой иноземной, ганноверской династіи. Даже личные недостатки первыхъ двухъ Георговъ послужили къ благу Англіи.

Первый король ганноверскаго дома, вступившій на англійскій престолъ по смерти Анны, въ силу акта о протестантскомъ наслѣдствѣ, Георгъ I, былъ государь, который личнымъ своимъ характеромъ не могъ возбудить симпатіи въ своихъ новыхъ подданныхъ. Если Вильгельмъ III Оранскій былъ чуждъ англичанамъ и непопуляренъ, то вдесятеро больше его чуждъ былъ имъ и непопуляренъ Георгъ I. Вильгельмъ III былъ мужемъ принцессы Маріи, дочери природныхъ англійскихъ королей, Стюартовъ; онъ находился, еще до вступленія на престолъ, въ постоянной связи со многими членами англійской аристократіи; онъ владѣлъ хорошо англійскимъ языкомъ; онъ былъ правителемъ Голландіи, страны свободной и связанной съ Англіею многими интересами; онъ пользовался славою великаго монарха, мудраго политика и искуснаго полководца. Ни однимъ изъ этихъ преимуществъ не обладалъ Георгъ I. Это былъ нѣмецкій князь въ полномъ смыслѣ этого слова, мелкій нѣмецкій князь. Умъ его былъ чрезвычайно-огра-

ниченъ и не выходилъ за предѣлы его курфиршества. Онъ остался мелкимъ нѣмецкимъ государемъ и на англійскомъ престолѣ, и сохранилъ всѣ понятія, предразсудки и привычки нѣмецкаго князька этихъ временъ. Англійскіе законы, англійское политическое устройство, парламентская система были для него недоступною, непроницаемою тайною, которую онъ даже не пытался разгадать и уяснить себѣ. Кромѣ патріархальной системы управленія, которая господствовала тогда въ Германіи, онъ не постигалъ ничего другаго. Нравы и обычаи англичанъ были ему совершенно чужды. Онъ не зналъ ни слова поанглійски. Ему было уже 53 года, когда смерть Анны вызвала его въ Англію; учиться было поздно; желанія никакого: онъ правилъ въ Англіи тринадцать лѣтъ, и умеръ, не выучивши ни одной англійской фразы. Ни одного сколько-нибудь возвышеннаго свойства не было въ характерѣ Георга, ни одного качества, нужнаго для государя. Натура его была обыкновенная и прозаическая, вкусы грубые и низкіе, способности ниже посредственныхъ. Воспитанный въ лагерѣ и при малыхъ нѣмецкихъ дворахъ, въ которыхъ немногому можно было научиться, Георгъ отличался совершеннымъ невѣжествомъ. О литературѣ и искусствѣ онъ не имѣлъ никакого понятія и презиралъ ихъ. Онъ представлялъ собою типъ нѣмца самаго мелкаго покроя. Флегматичный, простой въ жизни и довольный немногимъ, работящій, бережливый до скупости, точный и аккуратный до педантизма, онъ годился въ бургмейстеры какого-нибудь маленькаго нѣмецкаго городка, но былъ весьма-странною и жалкою фигурою на англійскомъ престолѣ. Даже во внѣшности его не было ничего королевскаго. Тяжелый, неуклюжій, застѣнчивый, онъ не любилъ придворной пышности и избѣгалъ встрѣчи съ народомъ. Торжественные случаи, празднества, народныя демонстраціи и восклицанія всегда приводили его въ самое затруднительное положеніе. Чувствуя свою посредственность, онъ чуждался общества людей, которые стояли выше его умомъ и образованіемъ, и окружалъ себя ничтожными креатурами и площадными буфонами. Ни тѣни честолюбія не было въ этомъ человѣкѣ. Изгнаніе Стюартовъ доставило ему престолъ одной изъ первыхъ державъ въ Европѣ; но это неожиданное возвышеніе было ему совершенно равнодушно. Онъ не дорожилъ вовсе англійскою короною, не заботился нисколько о судьбахъ и интересахъ Англіи; всѣ мысли его поглощены были ганноверскимъ курфиршествомъ, которое казалось ему гораздо-важнѣе. Въ англійской политикѣ онъ понималъ только то, что друзьями его были виги, а врагами торіи и іакобиты; поэтому онъ предоставилъ всю власть вигамъ и не вмѣшивался ни во что. Вигскіе министры управляли страною отъ его имени, заботились о

безопасности его престола; Георгъ подписывалъ бумаги, являлся при открытіи парламента, получалъ liste civile въ 700,000 фунтовъ стерлинговъ и занимался исключительно дѣлами своего курфиршества. Онъ даже неохотно пребывалъ въ Англіи и почти каждый годъ ѣздилъ въ Ганноверъ. Не вѣря въ прочность своей власти въ Англіи, онъ смотрѣлъ на англійскую корону не какъ на наслѣдственное право своего дома, а какъ на временное владѣніе, которое давало ему извѣстную сумму годоваго дохода, и могло быть полезно для его видовъ въ Германіи. Поэтому между вигскими министрами и Георгомъ произошла формальная сдѣлка: министры обязались поддерживать на континентѣ его ганноверскіе интересы; Георгъ, въ замѣнъ за это, предоставилъ имъ полную свободу въ Англіи. Располагая большинствомъ въ парламентѣ, они могли дѣлать все, что̀ хотѣли; Георгъ на все былъ согласенъ. Единственная его забота состояла въ томъ, чтобъ жить въ гармоніи съ парламентомъ. Королевская прерогатива обратилась въ нуль; но это было совершенно равнодушно Георгу, потому-что не касалась его ганноверскаго курфиршества. Такой политики онъ держался отъ начала до конца своего царствованія. Для этого онъ и пріѣхалъ въ Англію. Когда онъ отправлялся туда, получивши извѣстіе о смерти королевы Анны, одинъ изъ придворныхъ спросилъ его, какъ онъ будетъ управлять этимъ неуправимымъ народомъ? «Я не думаю задавать себѣ никакого труда», сказалъ Георгъ «пускай объ этомъ заботятся министры; они будутъ отвѣчать за меня; это ихъ дѣло».

Казалось бы, что англичане должны были считать такого безобиднаго короля самою счастливою находкою; но Георгъ, не говоря уже о иностранномъ происхожденіи, имѣлъ недостатки, которыми возбуждалъ неудовольствіе своихъ новыхъ подданныхъ и былъ даже для нихъ причиною соблазна и скандала. Этотъ государь, скромный, тихій, безъ претензій, умѣренный въ жизни, имѣлъ, однакожь, несмотря на свои позднія лѣта, одну слабость — слабость къ прекрасному полу. Нельзя, впрочемъ, сказать «къ прекрасному», потому-что понятія Георга о красотѣ были довольно-странны. Онъ привезъ съ собою въ Англію двухъ пожилыхъ ганноверскихъ дамъ, которыя были его офиціальными фаворитками. Обѣ не только не отличались красотою, но, по единогласному увѣренію всѣхъ современниковъ, блистали безобразіемъ. Особенность вкуса короля Георга проявлялась въ томъ, что двѣ эти почтенныхъ лѣтъ Дульцинеи представляли собою контрастъ самый живописный. Одна изъ нихъ, графиня Мелюзина Герренгарда фон-Шуленбургъ, была стара, дурна и каррикатурнымъ образомъ худа и длинна; другая, баронесса Софія фон-Кильмансэгге, была тоже стара, дурна, но за-то

колоссально-толста. Лондонскіе насмѣшники называли первую «большою мачтою», а вторую «слономъ». Георгъ не замедлилъ наградить обѣихъ дамъ англійскими титулами. Графиня Шуленбургъ получила званіе герцогини Кендаль, а баронесса Кильмансэгге—герцогини Дарлингтонъ. Подъ этими именами онѣ извѣстны въ англійской исторіи. Обѣ имѣли большое вліяніе на Георга и сдѣлались первыми лицами при его дворѣ. Особенною милостью короля пользовалась длинная герцогиня Кендаль, хотя трудно открыть, что въ ней особенно привлекало его. Извѣстный лордъ Честерфильдъ, который женился на ея дочери, увѣряетъ, что умъ ея немногимъ былъ выше идіотизма. Подтвержденіе этого мы находимъ въ мемуарахъ пріятнаго болтуна Гораса Вальполя, который сообщаетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды король, въ припадкѣ особенной нѣжности, обѣщалъ герцогинѣ Кендаль, что если она переживетъ его, то онъ явится ей по смерти. Герцогиня хранила въ сердцѣ это обѣщаніе, и послѣ кончины короля выжидала его исполненія съ такимъ нетерпѣніемъ, что когда разъ въ ея комнату влетѣлъ черезъ окно огромный черный воронъ, она была убѣждена, что это душа ея королевскаго любовника является ей въ такомъ облаченіи, и сдѣлала птицѣ пріемъ самый почетный, достойный ея высокаго сана. Толстую герцогиню Дарлингтонъ король Георгъ любилъ меньше, не оттого, впрочемъ, чтобъ она была дурнѣе герцогини Кендаль—дурнѣе ея ничего быть не могло —но скорѣе оттого, что она была умнѣе своей длинной соперницы и говорила много, а Георгъ всегда стѣснялся умомъ другихъ и предпочиталъ молчаніе. Обѣ дамы не питали, однакожъ, другъ къ другу никакой зависти и уживались между собою превосходно. Король повсюду являлся съ обѣими вмѣстѣ; въ театрѣ онѣ садились впереди королевской ложи, а Георгъ съ обычною своею застѣнчивостью скрывался за ними. Богатая талія герцогини Дарлингтонъ дѣлала его совершенно невидимымъ для публики. Обѣ фаворитки имѣли свои аппартаменты въ с.-джемскомъ дворцѣ, и король посѣщалъ ежедневно и ту, и другую всегда въ одно опредѣленное время, и оставался у каждой по два часа, ни минутою больше, ни меньше. Точный и аккуратный Георгъ строго распредѣлялъ по часамъ всѣ свои занятія и развлеченія. Эти развлеченія его были, впрочемъ, чрезвычайно-просты и невинны. Сидя у своихъ фаворитокъ, онъ вырѣзывалъ ножницами изъ бумаги разныя фигуры; потомъ, наскучивши, курилъ трубку и поглядывалъ, молча, на свою возлюбленную. Все это имѣло видъ самой нѣжной идилліи; но, къ-несчастію, обѣ герцогини отличались свойствами, которыя разрушали гармонію этого милаго образа пасторальной любви. Обѣ были ненасытно жадны до денегъ

и думали только о выгодахъ своего кармана; обѣ пользовались своимъ положеніемъ и вліяніемъ на короля для обогащенія себя и своихъ родственниковъ, и смотрѣли на Англію, какъ на неисчерпаемый рудникъ. Король дѣлилъ съ ними свою liste civile, давалъ приданое ихъ дочерямъ, но всего этого было имъ мало. Особенною ненасытностью отличалась герцогиня Кендаль. Это была настоящая гарпія. Горасъ Вальполь говоритъ, что она не усомнилась бы продать самого короля, еслибъ кто предложилъ ей за него большія деньги. Она захватила себѣ нѣсколько придворныхъ должностей за разъ, и когда, вслѣдствіе отставки герцога Соммерсета, упразднилось мѣсто командира конной королевской гвардіи, Георгъ нѣсколько лѣтъ не назначалъ ему наслѣдника и предоставилъ жалованье командира герцогинѣ Кендаль. Говоря объ этомъ, одинъ современникъ благодаритъ небо, что въ Англіи существуетъ парламентъ и власть короля ограничена, а то, иначе, герцогиня Кендаль сдѣлалась бы непремѣнно канцлеромъ Великой Британіи, а герцогиня Дарлингтонъ архіепископомъ кентербёрійскимъ. Но ни титулы, ни пенсіи, ни подарки отъ короля не удовлетворяли аппетита ганноверскихъ дамъ. Онѣ брали огромныя взятки отъ разныхъ людей за протекцію и ходатайство у короля, и производили настоящій торгъ должностями. Иногда даже онѣ позволяли себѣ путаться въ политику и завязывали интриги съ оппозиціею въ парламентѣ противъ министровъ, такъ-что министры неоднократно принуждены были останавливать этихъ дамъ и напоминать имъ, что онѣ находятся не въ Ганноверѣ, а въ Англіи. Такое хозяйничанье фаворитокъ при дворѣ вызывало въ націи постоянныя жалобы, нареканія и насмѣшки. Конца не было пасквилямъ, карикатурамъ, сатирическимъ стихамъ, остротамъ и анекдотамъ. Народъ бѣгалъ толпами за каретами герцогинь, когда онѣ являлись на улицѣ, и сопровождалъ ихъ свистомъ и грубыми ругательствами.

Но еще болѣе неудовольствія возбуждали другаго рода лица, которыя окружали Георга. Его сопровождала въ Англію цѣлая шайка голодныхъ ганноверскихъ волковъ, ганноверскихъ министровъ, секретарей, каммергеровъ, нахлѣбниковъ и блюдолизовъ. Всѣ эти господа, которымъ въ Ганноверѣ жить было нечѣмъ, пріѣхали въ Англію, какъ въ обѣтованную землю, и думали найдти въ ней эльдорадо. Имъ тоже хотѣлось англійскихъ титуловъ, должностей и пенсій; но надежды ихъ были обмануты: этого не могли допустить ни вигскіе министры, ни парламентъ. Ганноверскія креатуры Георга принуждены были ограничиться одною придворною сферою; за-то они вознаграждали себя самымъ безсовѣстнымъ взяточничествомъ и грабили повсюду, гдѣ только

можно было пограбить. Вдобавокъ, при Георгѣ находились еще два турка, Махмудъ и Мустафа, которыхъ онъ, когда-то въ юности, воюя въ австрійскомъ войскѣ, взялъ въ плѣнъ и потомъ сдѣлалъ своими камердинерами. Эти два турка достойнымъ образомъ дополняли разнообразную компанію, которая окружала короля, были также весьма важными особами при дворѣ, торговали своею протекціею и продавали мелкія придворныя должности. Георгъ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ продѣлки своего окруженія, и когда министры обращались къ нему по этому поводу съ жалобами и представленіями, онъ былъ внѣ себя отъ удивленія. «Неужели», спрашивалъ онъ ихъ: и вы сами не получаете ничего за вашу протекцію?» Ему въ голову не могло помѣститься, чтобъ могли существовать министры, которые не брали взятокъ. Въ Ганноверѣ ничего подобнаго никогда не бывало. Но лучше всего характеризуетъ Георга слѣдующій анекдотъ. Однажды поваръ его просилъ у него позволенія возвратиться въ Ганноверъ. «Отчего же ты» спросилъ Георгъ: «хочешь оставить мою службу?»—«Ваше величество» отвѣчалъ поваръ, здѣсь крадутъ слишкомъ много; въ вашемъ курфиршествѣ мы жили такъ экономно!»—«Помилуй, любезный другъ, сказалъ Георгъ, помирая со смѣху, вѣдь это деньги англичанъ; ты дѣлай то, что̀ и другіе, и не стѣсняйся вовсе. Всѣмъ намъ достанетъ».

Сынъ и наслѣдникъ Георга I, Георгъ II, во всемъ походилъ на отца своего. Онъ былъ такъ же узокъ и ограниченъ умомъ, такъ же необразованъ, такъ же мелоченъ и неменѣе скученъ; но въ немъ было болѣе энергіи и болѣе честолюбія. Онъ отличался отъ отца вспыльчивостью характера, упрямствомъ и воинственными замашками. Войско, смотры, маневры онъ любилъ до страсти и считалъ себя великимъ генераломъ. Маленькій ростомъ и смѣшной наружности, онъ всегда придавалъ себѣ видъ грозный и воинственный, ходилъ съ наморщенными бровями, бросалъ свирѣпые взгляды, былъ грубъ и жостокъ въ обращеніи съ людьми, и при малѣйшемъ случаѣ изливалъ цѣлые потоки бранныхъ словъ и ругательствъ. Все это производило эффектъ необыкновенно-комическій. Іакобиты называли его «капитаномъ Георгомъ», но онъ скорѣе похожъ былъ своими манерами на сержанта. По примѣру отца, Георгъ II до самой глубокой старости окружалъ себя фаворитками, но болѣе ради приличія, чѣмъ по наклонности. Въ подражаніе Лудовикамъ XIV и XV, всѣ короли этого времени считали своею обязанностью имѣть офиціальныхъ фаворитокъ. Это сдѣлалось для нихъ необходимою частью этикета и придворнаго церемоніала. Подобно отцу своему, Георгъ II отличался тоже весьма-страннымъ вкусомъ. Главная изъ его фаворитокъ была совершенно-глуха; лордъ

Честерфильдъ замѣчаетъ, впрочемъ, что она немного теряла отъ этого, потому-что высокій ея любовникъ едва-ли могъ сказать ей что-нибудь путное. Георгъ II имѣлъ страсть писать къ разнымъ предметамъ своей нѣжности огромныя любовныя письма, которыя онъ всегда читалъ не только женѣ своей, но и министрамъ. Фаворитки жаловались, однакожь, постоянно на его скупость. Дѣйствительно, онъ былъ чрезмѣрно-скупъ, и любимымъ его занятіемъ было считать и пересчитывать деньги, съ которыми онъ никогда на разставался ни днемъ, ни ночью. Вмѣстѣ съ оригинальностью вкуса. Георгъ II наслѣдовалъ отъ отца его точность и акуратность, и не дѣлалъ ничего безъ мѣры и вѣсу. Онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать визитъ своей глухой фавориткѣ ровно въ девять часовъ вечера, и если случалось ему придти раньше, тогда онъ прохаживался съ часами въ рукахъ по корридору и дожидался, пока стрѣлка не покажетъ девяти. Государь этотъ, родившійся и воспитавшійся внѣ Англіи, былъ такимъ же мелкимъ нѣмецкимъ княземъ на англійскомъ престолѣ, какъ и его предшественникъ. Онъ говорилъ поанглійски, но весьма-плохо, и остался до конца жизни чужестранцемъ въ Англіи. Подобно отцу своему, онъ тоже исключительно заботился только о Ганноверѣ, держался твердо партіи виговъ, предоставлялъ вполнѣ управленіе Англіею своимъ вигскимъ министрамъ и старался жить всегда въ согласіи съ парламентомъ. Иногда, правда, у него являлись вспышки произвола, но эти вспышки продолжались недолго. Обыкновенно онъ мало вмѣшивался во внутреннюю политику Англіи, довольствовался своею liste civile и внѣшнею репрезентаціею королевскаго сана, и если министры соглашались поддерживать его ганноверскіе интересы на континентѣ, то онъ готовъ былъ на всякія уступки и позволялъ имъ дѣлать въ Англіи все, что они хотѣли.

Англичане были весьма-недовольны тѣмъ, что оба Георга такъ мало дорожили интересами ихъ отечества и ставили выше Англіи свое ганноверское курфиршество; но это имѣло неоцѣненныя послѣдствія для политической свободы въ Англіи. Въ-теченіе сорока-пяти лѣтъ нація привыкла къ тому, что король не вмѣшивался лично въ управленіе страны и предоставлялъ все министрамъ и парламенту. Такой порядокъ вещей сдѣлался прецедентомъ для будущаго времени и получилъ силу постояннаго обычая. Позднѣйшимъ королямъ уже трудно было возвратиться къ прежней системѣ, которая существовала при Тюдорахъ и Стюартахъ; всѣ попытки ихъ возстановить личный образъ правленія были неудачны. Въ сознаніи націи укоренилось понятіе, что король не долженъ принимать лично отъ себя никакихъ правитель-

ственныхъ мѣръ, а обязанъ дѣйствовать во всемъ чрезъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ. Можно сказать, что со вступленія на престолъ ганноверскаго дома, личный элементъ королевской власти de facto исчезаетъ совершенно въ англійской конституціи. Король принимаетъ значеніе чисто-идеальное, теоретическое: онъ становится просто символомъ высшей власти въ государствѣ, представителемъ достоинства націи, органомъ ея въ сношеніяхъ съ другими державами. Онъ сохраняетъ de jure прерогативу короны въ такомъ видѣ, въ такомъ объемѣ, съ такими аттрибутами, какъ при Тюдорахъ и Стюартахъ; но онъ не пользуется ею лично; она не находится въ его рукахъ матеріально. Прерогативу короны исполняетъ и представляетъ собою министерство, отвѣтственное передъ парламентомъ. Но что́ такое есть англійское министерство? Оно есть не что иное, какъ комитетъ, состоящій изъ первенствующихъ членовъ обѣихъ палатъ парламента. Англійскіе министры—это вовсе не чиновники съ наибольшими окладами, не вершины бюрократической лѣстницы и не королевскіе commis. Англійскіе министры соединяютъ въ себѣ два свойства: они—совѣтники и представители короля передъ парламентомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, члены парламента и представители націи передъ королемъ. Министровъ назначаетъ король; но онъ принужденъ всегда избирать ихъ изъ предводителей той политической партіи, которая имѣетъ большинство въ парламентѣ. Обыкновенно, король назначаетъ только перваго министра, главу кабинета, который самъ подбираетъ себѣ товарищей изъ числа своихъ друзей и единомышленниковъ въ той и другой палатѣ. Министры говорятъ въ парламентѣ и предлагаютъ мѣры отъ имени короля; но собственно они дѣйствуютъ въ духѣ, по началамъ и въ видахъ той политической партіи, къ которой принадлежатъ. Покамѣстъ они пользуются довѣренностью парламентскаго большинства, это большинство поддерживаетъ ихъ противъ оппозиціи, содѣйствуетъ ихъ мѣрамъ, отвергаетъ всякое предложеніе, клонящееся къ ихъ осужденію или способное затруднить ихъ. Но если министры теряютъ эту довѣренность, если палата недовольна ихъ распоряженіями и отвергаетъ предлагаемыя ими мѣры, если они перестаютъ располагать большинствомъ, то-есть, если большинство перемѣщается, переходитъ отъ одной партіи къ другой: то министрамъ не остается дѣлать ничего другаго, какъ выйти въ отставку. Тогда король принужденъ составить новое министерство изъ такихъ людей, которые пользуются довѣріемъ новообразовавшагося большинства, то-есть изъ предводителей той партіи, которая одержала перевѣсъ въ палатѣ. Еслибъ король поступилъ иначе и назначилъ министровъ, ко-

торые нравились бы ему, но не нравились бы парламенту, то слѣдствіемъ этого было бы то, что парламентъ сталъ бы отвергать всѣ предлагаемыя ими мѣры, и управленіе сдѣлалось бы невозможнымъ. Въ случаѣ такихъ столкновеній, король можетъ, правда, распустить парламентъ, но онъ обязанъ немедленно назначить выборы для составленія новаго, и все зависитъ тогда отъ настроенія и состава этого новаго парламента. Распущеніе парламента раньше законнаго срока означаетъ, что король аппелируетъ къ націи. Если нація стоитъ на сторонѣ его въ этомъ дѣлѣ, то выборы выпадутъ въ его пользу, и тогда онъ можетъ удержать министерство, которое ему нравится; но если нація противъ короля, то слѣдствіемъ новыхъ выборовъ будетъ парламентъ съ такимъ же характеромъ, какъ и прежній, и, пожалуй, даже съ большинствомъ, еще болѣе враждебнымъ и оппозиціоннымъ, чѣмъ прежнее. Въ такомъ случаѣ король по-неволѣ принужденъ уступить и составить министерство, согласное съ желаніями парламента. Изъ всего сказаннаго ясно, что англійское министерство есть не что иное, какъ выраженіе и органъ парламентскаго большинства; что въ сущности министровъ назначаетъ не король, а самъ парламентъ, и что, вслѣдствіе этого, вся власть, всѣ права, всѣ аттрибуты, заключающіеся въ понятіи королевской прерогативы, находятся de facto въ рукахъ парламента. Такое значеніе министерство получило съ тѣхъ-поръ, какъ парламентъ пріобрѣлъ право контроля надъ всею администраціею и черезъ это косвеннымъ образомъ присвоилъ себѣ самую исполнительную власть въ государствѣ и управленіе страны. Но такъ-какъ собраніе, состоящее изъ шестисотъ членовъ, неспособно къ исполнительной власти, не можетъ управлять, не можетъ заниматься само подробностями администраціи, то, поэтому, оно поручаетъ это министерству, то-есть комитету первенствующихъ своихъ членовъ, и сохраняетъ за собою только надзоръ надъ ихъ дѣйствіями. Министры, лишившіеся довѣрія большинства, потерпѣвшіе пораженіе въ палатѣ и вслѣдствіе этого вышедшіе въ отставку, опять дѣлаются простыми членами палаты и садятся на сторонѣ оппозиціи, а на ихъ мѣсто поступаютъ въ кабинетъ предводители прежней оппозиціи. Такимъ-образомъ вся власть въ государствѣ исходитъ изъ парламента и возвращается въ парламентъ. Для личной формы правленія не остается вовсе мѣста въ такомъ устройствѣ. Ничто столько не способствовало этому окончательному развитію парламентской системы, какъ утвержденіе на англійскомъ престолѣ династіи, которая мало заботилась о королевской прерогативѣ и добровольно отказалась отъ личнаго участія въ управленіи.

Утвержденіе въ Англіи этой династіи было, однакожь, вовсе не легкимъ дѣломъ. До самой половины XVIII столѣтія ганноверскій престолъ колебался на своемъ основаніи и постоянно грозилъ паденіемъ; его окружали постоянно и внутреннія, и внѣшнія опасности, и скрытые, и явные враги. До самой половины XVIII столѣтія продолжалась въ Англіи борьба между началомъ свободы и началомъ легитимизма, между порядкомъ вещей, созданнымъ революціею 88 года и системою Стюартовъ, представляемою обоими претендентами, Іаковомъ III и Карломъ-Эдуардомъ. Новая династія долго не могла пустить корней въ странѣ. Ничтожныя и антипатичныя . ичности первыхъ ганноверскихъ королей, въ которыхъ не было ни тѣни даже внѣшняго достоинства, не могли возбудить къ себѣ въ массѣ народа того безсознательнаго, инстинктивнаго чувства преданности и вѣрности, которымъ пользовались прежніе національные монархи. Энтузіастическій роялизмъ, *loyalty*, столь свойственный англійской націи въ прежнія времена и бывшій преимущественно отличіемъ торійской партіи, надолго исчезъ въ Англіи. Масса не чувствовала никакого уваженія къ своимъ новымъ королямъ, которые представлялись ей мелкими иноземными parvenus. Сильно-привязанная къ протестантизму, олицетворяемому Георгами, она была, однако, совершенно-равнодушна къ ихъ личностямъ и вовсе не расположена жертвовать для нихъ хоть одной каплею крови; она питала къ нимъ чувство, близкое къ презрѣнію. За ганноверскій престолъ стояли твердо одни только виги; но виги составляли меньшинство. Въ концѣ царствованія Анны, по увѣренію Болинброка, они относились къ торіямъ, какъ одинъ къ четыремъ; и самое ихъ рвеніе къ интересамъ ганноверской династіи послужило ей ко вреду и вызвало противъ нея цѣлый рядъ опасностей. Оба Георга, видя равнодушіе и даже недоброжелательство къ себѣ въ торіяхъ и явную вражду въ іакобитахъ, понеобходимости принуждены были опираться исключительно на виговъ и сдѣлались чрезъ это королями не цѣлой націи, а одной партіи, королями виговъ. Впродолженіе обоихъ царствованій торіи считались врагами царствующаго дома и не были допускаемы ни до какихъ государственныхъ должностей. Всѣ придворныя, военныя, гражданскія должности, и высшія и низшія, были въ рукахъ виговъ; на нихъ сыпались всѣ почести, пенсіи, ордена. Торіи не являлись даже ко двору и относились къ нему такъ, какъ французскіе легитимисты ко двору Лудовика-Филиппа. Такая всеобщая проскрипція торійской партіи имѣла весьма-невыгодныя послѣдствія для ганноверскаго дома. Не ожидая для себя ничего отъ новой династіи, торіи всею массою перешли въ лагерь іакобитовъ и стали привер-

женцами реставраціи. Они желали возстановленія претендента не по одной только преданности къ Стюартамъ: съ этимъ возстановленіемъ связанъ былъ вопросъ о ихъ собственномъ господствѣ. Торіи, какъ извѣстно, представляли собою консервативную стихію въ странѣ, интересы поземельной собственности. Преданность престолу и церкви, величаніе королевской прерогативы было отличительнымъ признакомъ ихъ партіи; но они хотѣли, чтобы престолъ опирался попреимуществу на поземельную знать, на высшіе сельскіе классы. Торіи смотрѣли со страхомъ и враждою на владычество виговъ. Для нихъ владычество виговъ — это было восшествіе на политическую арену среднихъ городскихъ классовъ, торжество стихіи движенія и прогреса, преобладаніе интересовъ торговли, промышлености и денежнаго капитала. Утвержденіе такого порядка вещей грозило торійской партіи политическою смертью. Только реставрація Стюартовъ могла спасти ее, оттѣснить назадъ этотъ новый элементъ, вторгнувшійся въ государство, и возвратить высшимъ сельскимъ классамъ прежнее ихъ значеніе. Возстановленные Стюарты были бы, понеобходимости, орудіемъ торійской партіи и доставили бы ей такое же исключительное господство, какимъ виги пользовались при ганноверской династіи. Поэтому, при первыхъ двухъ Георгахъ почти всѣ торіи обратились въ іакобитовъ. Іакобиты, которые при Вильгельмѣ и Аннѣ скрывались втайнѣ, стали теперь открытою и многочисленною политическою партіею, впродолженіе трехъ десятковъ лѣтъ составляли главную силу оппозиціи въ парламентѣ, возбуждали противъ ганноверскаго правительства тысячу препятствій, сносились съ претендентомъ, составляли заговоры въ его пользу и при всякомъ кризисѣ въ странѣ пытались произвести реставрацію. Ирландскіе католики только и мечтали о возвращеніи претендента. Кланы шотландскихъ горцевъ всегда были готовы взяться за оружіе, какъ-скоро подымалось въ ихъ странѣ знамя Стюартовъ. Извнѣ ганноверскому престолу угрожали не меньшія опасности. Всѣ католическія державы благопріятствовали претенденту. Франція, Испанія, папа поддерживали его въ разное время то тайно, то явно. Нѣмецкій императоръ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что вассалъ его, ганноверскій курфирстъ, сдѣлался королемъ могущественной Англіи. Даже Карлъ XII шведскій вздумалъ-было однажды возстановить претендента въ Англіи. Пользуясь такою обстановкою дѣлъ, Стюарты два раза пытались возвратить себѣ престолъ отцовъ своихъ открытою силою. Два раза возгоралось въ Шотландіи пламя іакобитскаго возстанія: въ 1715 г., когда между горцами явился лично сынъ Іакова II, Іаковъ III, и въ 1745 г., когда предпринялъ экспедицію въ Англію

молодой и блестящій внукъ Іакова, Карлъ-Эдуардъ. Въ первый разъ возстаніе ограничилось одною Шотландіею, коснулось только сѣверныхъ графствъ Англіи и было подавлено легко; но во второй разъ ганноверскій престолъ подвергся серьёзной опасности: Карлъ-Эдуардъ цѣлые шестнадцать мѣсяцевъ удержался на британской почвѣ и дошелъ за сто верстъ до Лондона.

Противъ всѣхъ этихъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, противъ равнодушія массы, противъ іакобитской оппозиціи въ парламентѣ, противъ тайныхъ заговоровъ и открытыхъ мятежей приверженцевъ претендента, боролись упорно, стойко и энергически виги и поддерживали всѣми силами престолъ ганноверскихъ королей, начало свободы противъ начала легитимизма. Хотя главная сила вигской партіи заключалась въ среднихъ городскихъ классахъ, но, какъ обыкновенно это бываетъ въ Англіи, во главѣ ея стояло нѣсколько знатныхъ аристократическихъ фамилій. Эти аристократическія вигскія фамиліи, связанныя между собою родствомъ, составили замкнутую котерію, олигархію, которая присвоила себѣ исключительную монополію должностей и власти въ государствѣ. Однакожь, надобно признать, что вигская олигархія пользовалась этою монополіею для блага Англіи; она служила ревностно и твердо дѣлу, съ которымъ связано было существованіе свободныхъ учрежденій страны. Англія обязана ей тѣмъ, чѣмъ стала теперь. Какъ ни жалки были личности первыхъ Георговъ, правительство ихъ представляло собою и проповѣдывало такія политическія начала, какія обыкновенно преслѣдуются другими правительствами. Защищая его, вигская аристократія работала для счастія будущихъ поколѣній. Послѣ сорокалѣтнихъ усилій дѣло ея увѣнчалось успѣхомъ, и реставрація Стюартовъ сдѣлалась неосуществимою мечтою для самыхъ іакобитовъ. Удержавъ на англійскомъ престолѣ ганноверскую династію, вигская аристократія завершила зданіе политической свободы въ Англіи и утвердила парламентскую систему на незыблемыхъ основаніяхъ. Вождемъ ея въ этой послѣдней борьбѣ съ началомъ легитимизма въ-теченіе двадцати лѣтъ былъ простой коммонеръ, самый замѣчательный человѣкъ этого времени, человѣкъ, имя котораго пользуется въ исторіи двусмысленною славою, котораго досихъ-поръ превозносятъ до небесъ виги и клеймятъ позоромъ торіи. исторія эпохи. Это былъ Робертъ Вальполь. Въ личности его сосредоточивается вся исторія первыхъ двухъ Георговъ; поэтому его характеристикѣ мы посвятимъ слѣдующее чтеніе.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Сэръ Робертъ Вальполь.—Его молодость и воспитаніе,—Начало его парламентской карьеры.—Дѣятельность его при королевѣ Аннѣ. — Положеніе его при вступленіи на престолъ короля Георга I. — Характеристика Вальполя, какъ государственнаго человѣка.—Вопросъ о парламентскихъ подкупахъ.—Подкупъ избирателей со стороны кандидатовъ.—Подкупъ членовъ парламента со стороны правительства. — Причины того и другаго. — Необходимость подкуповъ для Вальполя. — Справедливо ли данное ему названіе «отца парламентскихъ подкуповъ»?

Мм. гг.!

Сэръ Робертъ Вальполь, характеристика котораго будетъ предметомъ нынѣшняго чтенія, былъ для ганноверскаго дома и парламентской системы въ Англіи тѣмъ, чѣмъ во Франціи Ришльё и Мазарини были для Бурбоновъ и абсолютной монархіи. Роберту Вальполю ганноверская династія обязана главнымъ образомъ упроченіемъ своего престола; конституціонная свобода нашла въ немъ самаго ревностнаго, постояннаго и искренняго служителя и защитника. Вождь партіи виговъ, онъ управлялъ Англіею болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ въ качествѣ перваго министра, руководилъ ея внѣшнею и внутреннею политикою и былъ настоящимъ королемъ ея при первомъ и при второмъ Георгѣ. Въ личности его отражается наилучше смыслъ этой эпохи.

Робертъ Вальполь, предводитель вигской аристократической фаланги, самъ не былъ аристократическаго происхожденія, не принадлежалъ къ *nobility*. Онъ вышелъ изъ рядовъ той могущественной *gentry*, которая составляетъ самую здоровую, самую крѣпкую и почтенную стихію англійскаго общества. Отецъ его, зажиточный сельскій джентльменъ норфокскаго графства, пользовался значительнымъ мѣстнымъ вліяніемъ въ своемъ графствѣ и большою популярностью между сосѣдями. Онъ славился веселостью, радушіемъ и гостепріимствомъ. Его готтонскій замокъ былъ обыкновеннымъ мѣстомъ шумныхъ собраній и пирушекъ для всѣхъ сквайровъ окрестности. Семья Вальполей ничѣмъ не была обязана Стюартамъ и съ давняго времени держалась партіи виговъ. Отецъ Роберта принималъ участіе въ революціи 88 года и былъ ревностнымъ приверженцемъ короля Вильгельма; но онъ вообще мало занимался политикою и рѣдко ѣздилъ въ Лондонъ. Робертъ, младшій сынъ многочисленнаго семейства, и поэтому исключенный изъ наслѣдства, готовился къ духовному званію. Онъ получилъ воспитаніе въ знаменитой итонской школѣ, которая произвела столько славныхъ людей въ области политики и литературы. Здѣсь, въ числѣ товарищей его, находился Болинброкъ. Молодые люди, которымъ суждено было

сдѣлаться впослѣдствіи непримиримыми политическими антагонистами, уже тогда, на школьной скамьѣ, почувствовали другъ къ другу антипатію. Они представляли собою совершенный контрастъ. Болинброкъ, живой, блестящій, необыкновенно-даровитый и честолюбивый, работалъ легко, успѣвалъ въ наукѣ, гонялся за отличіями; но за то дѣлалъ себѣ враговъ и соперниковъ. Вальполь, одаренный здравымъ смысломъ, ясною головою и проницательнымъ умомъ, но безъ блестящихъ способностей, былъ лѣнивъ, бѣгалъ отъ книгъ, но умѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ товарищей и дѣлалъ себѣ друзей. Это начало соотвѣтствовало ихъ дальнѣйшей карьерѣ. Болинброкъ имѣлъ болѣе славы, Вальполь—болѣе успѣха въ жизни. Въ то время, когда Вальполь продолжалъ науки въ кембриджскомъ университетѣ, смерть старшаго брата освободила его отъ духовнаго званія, къ которому онъ не чувствовалъ никакой наклонности. Онъ сталъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія и возвратился въ Гогтонъ. Вскорѣ умеръ и отецъ, и Робертъ занялъ его мѣсто посреди сквайровъ норфокскаго графства. Въ это время онъ не обнаруживалъ еще никакого честолюбія и, казалось, намѣренъ былъ похоронить себя въ деревнѣ. Наслѣдовавъ отъ отца его веселость и любовь шумной компанія, онъ велъ безпечную жизнь сельскаго джентльмена, охотился и пировалъ, торговалъ лошадьми и занимался хозяйствомъ. Но опасное положеніе, въ какомъ находилось дѣло революціи въ послѣдніе годы Вильгельма, вызвало его изъ безпечности и выдвинуло на политическое поприще. Въ 1700 г. онъ избранъ былъ въ парламентъ и, слѣдуя преданію своей семьи, сталъ въ ряды виговъ, хотя виги находились тогда въ меньшинствѣ. Съ-тѣхъ-поръ политическая его дѣятельность наполняетъ почти всю первую половину XVIII столѣтія.

Въ самомъ началѣ своей парламентской карьеры, Вальполь принялъ живое участіе въ дѣлѣ, которому служилъ потомъ всю жизнь — въ утвержденіи ганноверскаго престолонаслѣдія. Дебютъ его въ палатѣ былъ, однакожь, неудаченъ. Первыя рѣчи его не обратили на себя никакого вниманія и не предвѣщали въ немъ вовсе будущаго знаменитаго парламентскаго борца. Школьный соперникъ Болинброкъ затмилъ его совершенно. Но Вальполь не отчаявался. Отличительною чертою его характера была стойкость. То, что Болинброку дала природа, то Вальполь доставалъ себѣ трудомъ, опытомъ и терпѣніемъ. Нѣкогда лѣнивый школьникъ, превратился въ самаго примѣрнаго труженика. Въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ посѣщалъ прилежно засѣданія палаты, не рвался впередъ, вотировалъ всегда съ вигами, работалъ въ комитетахъ, изучалъ положеніе партій, парламентскую тактику и подробности администр-

страціи, особенно финансовой, и пріобрѣталъ себѣ мало-по-малу свойства практическаго государственнаго человѣка. Онъ выросталъ медленно, но твердо. Вожди виговъ скоро замѣтили, сколько пользы можетъ принести ихъ партіи этотъ молодой человѣкъ, не блестящій, не увлекательный, но за-то солидный и знающій дѣло. Сомерсъ, Годольфинъ и Мальборо занялись его карьерою. Когда имъ удалось выжить изъ кабинета Болинброка, Вальполь поступилъ на его мѣсто въ должность секретаря военнаго вѣдомства. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ мѣрахъ знаменитаго вигскаго министерства Анны и уже тогда пріобрѣлъ себѣ славу дѣльнаго администратора. Въ процесѣ Сечверелля онъ игралъ важную роль и былъ однимъ изъ членовъ депутаціи, которая поддерживала въ палатѣ лордовъ обвинительный актъ противъ этого роковаго для виговъ проповѣдника. Раздѣляя съ вигами дни счастія и господства, Вальполь раздѣлилъ съ ними и ихъ паденіе. Когда ниспровергнуто было министерство Мальборо и Годольфина, онъ тоже вышелъ въ отставку. Но онъ пострадалъ больше своихъ товарищей. На него обрушился весь гнѣвъ торіевъ; его они избрали жертвою своей мести. Болинброкъ радъ былъ случаю погубить стараго соперника. Торійская нижняя палата обвинила Вальполя въ денежныхъ злоупотребленіяхъ по военному вѣдомству, посадила его въ Товеръ, исключила изъ числа своихъ членовъ и объявила недостойнымъ засѣдать впредь въ парламентѣ. Онъ просидѣлъ въ Товерѣ цѣлые полтора года, но обвиненіе было очевидно пустое, потому-что торіи не рѣшились начать противъ него формальнаго процеса. Несправедливое преслѣдованіе послужило, однакожъ, въ пользу Вальполю и, какъ обыкновенно бываетъ, возвысило его еще болѣе. Тюремное заключеніе было для него истиннымъ апоѳеозомъ и подало поводъ къ демонстраціямъ со стороны виговъ. Предводители вигской партіи съ остентанціею посѣщали его въ Товерѣ. «Ежедневно (говоритъ сынъ его Горасъ Вальполь въ своихъ мемуарахъ) у отца моего бывалъ большой пріемъ гостей. Герцогъ и герцогиня Мальборо, Годольфинъ, Сомерсъ, Сундерландъ почти не выходили отъ него. На дворѣ старой тюрьмы только и видно было, что кареты съ гербами и блестящіе экипажи первыхъ аристократовъ страны. Сэръ Робертъ давалъ пышные обѣды. Поэты, къ которымъ онъ всегда питалъ большое презрѣніе, подносили ему стихи.» Онъ сдѣлался любимцемъ толпы. Баллады въ честь его ходили между народомъ. Годольфинъ, умирая, настоятельно поручилъ его герцогинѣ Мальборо. Старый министръ, похожій складомъ ума на Вальполя, понялъ его лучше другихъ и угадалъ великую его будущность. На смертномъ одрѣ онъ только и говорилъ

о Вальполѣ. Герцогиня была очень-суевѣрна. Годольфинъ хотѣлъ напугать ее. «Я васъ предупреждаю (сказалъ онъ ей), что если вы не будете поддерживать этого молодаго человѣка всѣми силами, я приду съ того свѣта дѣлать вамъ упреки. Онъ надежда нашей партіи: не забывайте этого!» Старый вигъ не ошибся. Съ каждымъ днемъ сэръ Робертъ становился выше во мнѣніи своихъ друзей, и когда внезапная смерть Анны разстроила планы Болинброка, и восшествіе на престолъ Георга I доставило господство вигамъ, онъ занялъ въ государствѣ мѣсто, къ которому давно готовился. Прежнія знаменитости партіи виговъ уже отжили свое время. Между младшими представителями ея, несомнѣнное первенство принадлежало Вальполю. Онъ сталъ главою и вождемъ виговъ, и уже во второй годъ царствованія Георга I сдѣланъ былъ первымъ лордомъ казначейства. Съ-тѣхъ-поръ судьбы Англіи находились въ его рукахъ до самаго 1742 года. За исключеніемъ небольшаго промежутка, когда, вслѣдствіе ссоры съ друзьями, онъ вышелъ изъ кабинета, онъ оставался первымъ министромъ впродолженіе всего этого времени, то-есть болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ, и пользовался такою властью, какой достигали немногіе изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Робертъ Вальполь принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ знаменитыхъ государственныхъ людей Англіи; но онъ не былъ вовсе геніальнымъ человѣкомъ. Его нельзя поставить на одну линію ни съ Чатамомъ, ни съ Фоксомъ, ни съ Уильямомъ Питтомъ, ни съ Кенингомъ, ни съ Робертомъ Пилемъ. Онъ ниже всѣхъ ихъ и природными, и пріобрѣтенными свойствами. Ни въ натурѣ его, ни во внѣшности не было ничего такого, что̀ блеститъ, что̀ поражаетъ и увлекаетъ массу, что̀ возвышаетъ человѣка надъ уровнемъ другихъ. Сэръ Робертъ не отличался вовсе образованностью. Все знаніе его состояло изъ нѣсколькихъ цитатъ изъ Горація и весьма-немногихъ историческихъ анекдотовъ. Онъ пренебрегалъ литературою, всегда отзывался о поэтахъ и писателяхъ весьма-непочтительнымъ тономъ и считалъ ихъ людьми совершенно-безполезными. Манеры его не блистали утонченностью. До конца жизни онъ остался сельскимъ сквайромъ, довольно-грубымъ и необтесаннымъ, безцеремоннымъ и непосредственнымъ, - и не могъ отдѣлаться отъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ во время веселой и шумной, но не весьма-изящной жизни въ готтонскомъ за̀мкѣ. Онъ одаренъ былъ неисчерпаемымъ остроуміемъ, но это остроуміе было не изъ лучшаго сорта и постоянно сбивало на площадное буффонство и циническія шутки. Бесѣда его не отличалась ни разнообразіемъ, ни особенною назидательностью; онъ погруженъ былъ въ политику и дѣ-

ловыя подробности, а если переставалъ толковать о политикѣ, то могъ говорить только о женщинахъ, и распространялся на эту любимую тэму съ такою вольностью, что даже люди тогдашняго весьма-откровеннаго и неразборчиваго въ словахъ поколѣнія, иногда краснѣли и находили сэра Роберта черезчуръ-откровеннымъ. За-то онъ обладалъ въ высокой степени тѣми солидными качествами, которыя ведутъ къ успѣху въ политической жизни — холоднымъ разсудкомъ, здравымъ и яснымъ практическимъ смысломъ, твердостью воли и свойственнымъ англійскимъ государственнымъ людямъ инстинктивнымъ, эмпирическимъ тактомъ, способностью всегда попадать въ цѣль, всегда находить средства, сообразныя съ обстоятельствами и выпутываться ловко изъ всѣхъ затрудненій. Не заботясь много ни о литературѣ, ни о наукѣ, ни объ отвлеченныхъ теоріяхъ, ни объ общихъ началахъ, онъ зналъ лучше чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ то, что особенно нужно ему было знать—человѣческую природу, англійскую націю, интересы страны, дворъ, парламентъ, администрацію, финансы. Онъ не былъ блестящимъ ораторомъ, но за-то едва-ли существовалъ когда-нибудь въ Англіи болѣе-превосходный, чѣмъ онъ, *debater*. Ловкость его въ парламентской тактикѣ доходила до мастерства. Онъ былъ непобѣдимъ въ преніи, всегда готовъ отвѣчать на всякій запросъ, на всякое возраженіе, и неисчерпаемъ въ аргументахъ. Никто лучше его не умѣлъ управлять и руководить нижнею палатою, угадывать ея настроеніе, склонять на свою сторону большинство, отбивать удары оппозиціи. Тайна его постоянныхъ успѣховъ въ жизни, его двадцатилѣтней власти заключается главнымъ образомъ въ его глубокомъ знаніи человѣческаго сердца, въ его рѣдкомъ умѣніи обращаться съ людьми, открывать ихъ слабыя стороны и извлекать изъ нихъ выгоды для своихъ цѣлей. Самъ всегда спокойный и невозмутимо-хладнокровный, онъ дѣйствовалъ мастерски на страсти другихъ и никогда не ошибался въ своемъ поведеніи съ друзьями, съ врагами и противниками или съ людьми равнодушными. Какъ дѣловой человѣкъ, Вальполь не имѣлъ себѣ равнаго. Природа создала его администраторомъ. Онъ вносилъ въ управленіе добросовѣстность, порядокъ, систему и занимался дѣлами съ любовью, со страстью. Первою его политическою добродѣтелью и самою почтенною стороною его характера было постоянство, непоколебимая твердость убѣжденій. Послѣ трехъ поколѣній безсовѣстныхъ, испорченныхъ государственныхъ людей, мѣнявшихъ партію и убѣжденія, какъ платье, Вальполь представляетъ собою самое-утѣшительное явленіе. Онъ вступилъ на политическое поприще вигомъ и умеръ вигомъ, ни разу не уклонившись ни на шагъ

отъ однажды принятыхъ началъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни— утвержденіе ганноверскаго престола и порядка вещей, созданнаго революціею 88 года, и преслѣдовалъ эту цѣль неутомимо, ревностно, съ упорствомъ адвоката, который хочетъ выиграть дѣло во что̀ бы ни стало. Мы знаемъ, какія трудности окружали ганноверскую династію, какія опасности грозили ей извнѣ и внутри. Всѣ эти трудности преодолѣлъ, всѣ эти опасности побѣдилъ Вальполь своею стойкостью. Дѣятельность его была изумительна. Какъ вѣрный сторожъ, онъ берегъ и днемъ, и ночью престолъ Георговъ и конституціонную свободу противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, боролся съ іакобитскою оппозиціею въ парламентѣ, предупреждалъ заговоры приверженцевъ Стюартовъ, слѣдилъ за интригами претендента въ каждомъ уголкѣ Европы отъ Стокгольма до Неаполя. «Въ то время (говоритъ сынъ его Горасъ), когда король Георгъ напивался пивомъ съ герцогинею Кендаль, отецъ мой стоялъ на своемъ постѣ въ нижней палатѣ до трехъ часовъ утра и отбрасывалъ Стюартовъ на двѣсти миль отъ Англіи». Въ рукахъ Вальполя сосредоточивалось все управленіе страны. Онъ дѣлалъ все самъ, оставлялъ мало свободы товарищамъ своимъ по министерству и вмѣшивался въ ихъ департаменты. Англія имѣла болѣе-геніальныхъ, но ни одного болѣе-дѣльнаго министра. Однакожь имя этого человѣка пользуется въ исторіи незавидною извѣстностью. Онъ составилъ себѣ у современниковъ плачевную репутацію, которая переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію и еще теперь, какъ черное пятно, лежитъ на его памяти. Преданіе называетъ его «отцомъ парламентскихъ подкуповъ» и выводитъ отъ него начало этой язвы, заражавшей политическую жизнь Англіи. Ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей въ Англіи не подвергался по этому поводу столькимъ нападкамъ, порицаніямъ, обвиненіямъ. Современники заклеймили его позоромъ, сдѣлали изъ него развратителя общественной нравственности, осудили его единогласно, какъ человѣка, который систематически распространялъ порчу въ націи. Эти обвиненія повторялись постоянно впослѣдствіи и еще теперь повторяются во всѣхъ историческихъ разсказахъ. Однакожь, надобно признать, что едва-ли къ кому-нибудь исторія была такъ несправедлива, какъ къ Вальполю. Все это бремя позора и безчестія онъ несетъ невинно. Что онъ прибѣгалъ къ подкупамъ—это несомнѣнно; но онъ не былъ первый, который дѣлалъ это, и также не послѣдній; онъ не изобрѣлъ парламентскихъ подкуповъ; онъ прибѣгалъ къ нимъ по необходимости; онъ принужденъ былъ употреблять ихъ, потому-что не имѣлъ никакихъ другихъ средствъ для дѣйствія. Предметъ этотъ требуетъ разъясненія. Дѣло касается одно-

го изъ самыхъ важныхъ пунктовъ англійской исторіи XVIII столѣтія Мы не можемъ обойти его молчаніемъ.

Парламентскіе подкупы сами-по-себѣ были неутѣшительнымъ, безнравственнымъ явленіемъ и несомнѣннымъ зломъ; оправдать ихъ нельзя; подкупъ всегда остается подкупомъ, т. е. гнуснымъ, безчестнымъ дѣломъ. Однакожь невозможно отрицать политической необходимости этого явленія въ эпоху первыхъ двухъ Георговъ; оно вызвано было тогдашними условіями. Мало того, невозможно даже отрицать его пользы. Какъ ни странно звучитъ это, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что парламентскіе подкупы способствовали болѣе, чѣмъ что-либо другое, утвержденію ганноверской династіи и упроченію политической свободы въ Англіи. Этотъ кажущійся парадоксъ доказывается очень-легко. Парламентскіе подкупы существовали въ Англіи въ двоякомъ видѣ. Чтобъ получить мѣсто въ парламентѣ, кандидаты подкупали избирателей; чтобъ обезпечить за собою парламентское большинство, министерство подкупало членовъ нижней палаты. Скажемъ сначала объ одномъ, потомъ о другомъ видѣ подкуповъ.

Для упроченія ганноверскаго престола и конституціонной свободы въ Англіи, необходимо было, чтобы власть въ государствѣ и перевѣсъ въ парламентѣ имѣла та политическая партія, которая держалась либеральныхъ началъ, т. е. партія виговъ. Между-тѣмъ эта партія, какъ знаемъ, составляла незначительное меньшинство въ странѣ. Въ сравненіи съ нею тори располагали силами вчетверо бо̀льшими. Половина nobility и почти всѣ сельскіе джентльмены были торіи по преданію; все сельское духовенство принадлежало къ торіямъ по воспитанію и ученію высокой церкви, а мелкіе землевладѣльцы и фермеры, зависимые отъ большихъ собственниковъ, погруженные въ невѣжество и ничего непонимавшіе въ политикѣ, слѣдовали во всемъ за своими патронами. Можно сказать, что вся масса сельскаго народонаселенія Англіи стояла на сторонѣ стараго порядка вещей. Новыя идеи, либеральныя политическія начала, проповѣдуемыя вигами, были чужды этому народонаселенію. Къ нему не проникали ни журналы, ни политическіе памфлеты. Дѣйствіе прессы ограничивалось большими городами. Сельскіе классы коснѣли въ самыхъ первобытныхъ понятіяхъ о политикѣ. Правленіе одного монарха, притомъ монарха старой, туземной династіи, было для нихъ гораздо-доступнѣе, вразумительнѣе, проще, чѣмъ правленіе парламента, чѣмъ сложная идея конституціи. Только одни промышленные и торговые классы по большимъ городамъ, незначительное число образованной gentry и немногія аристократическія фамиліи привязаны были къ новому порядку вещей и либераль-

ному ученію виговъ. При такомъ отношеніи партій, естественно, что перевѣсъ въ дѣлѣ парламентскихъ выборовъ долженъ былъ быть на сторонѣ торійскаго элемента. Извѣстно, что нижняя палата парламента состояла тогда, какъ и теперь, изъ представителей графствъ, то-есть сельскаго народонаселенія, и изъ представителей мѣстечекъ и городовъ. Выборы въ графствахъ и мѣстечкахъ находились почти исключительно въ рукахъ торійской поземельной знати, торійской gentry. Въ графствахъ главную массу избирателей составляли мелкіе землевладѣльцы и фермеры, зависимые отъ своихъ патроновъ, отъ ландлордовъ, подчиненные ихъ мѣстному вліянію, ихъ наслѣдственному авторитету. Понятно, что они должны были избирать въ парламентъ тѣхъ кандидатовъ, на которыхъ указывали имъ эти патроны, то-есть торійскихъ кандидатовъ. То же происходило и въ мѣстечкахъ. Многія мѣстечки были частною собственностью торійскихъ вельможъ и джентльменовъ, которые или представляли ихъ въ парламентѣ сами, или назначали имъ представителей отъ себя, обращая выборъ въ простую формальность. Въ иныхъ мѣстечкахъ избиратели, то-есть мелкіе продавцы и ремесленники, были почти въ такой же зависимости отъ сосѣднихъ знатныхъ торійскихъ землевладѣльцевъ, какъ и фермеры. Вигскіе кандидаты могли разсчитывать только на избирателей въ большихъ городахъ. Только большіе города посылали въ парламентъ виговъ. Но представителей отъ городовъ было въ парламентѣ несравненно-меньше, чѣмъ представителей отъ графствъ и мѣстечекъ. При такомъ положеніи дѣлъ очевидно, что еслибъ виги не прибѣгли къ какому-нибудь чрезвычайному средству, то они всегда были бы въ меньшинствѣ въ палатѣ и никогда не достигли бы власти въ государствѣ. Перевѣсъ былъ бы каждый разъ на сторонѣ торіевъ, палата всегда состояла бы изъ массы торійскихъ эквайровъ, и непремѣннымъ слѣдствіемъ этого, раньше или позже, было бы возстановленіе Стюартовъ. Для противодѣйствія торійскому элементу виги имѣли только одно средство—средство безнравственное, но дѣйствительное. Сила торіевъ заключалась въ землѣ, въ мѣстномъ вліяніи, въ мѣстномъ авторитетѣ: силою виговъ были капиталы, деньги. Они и употребляли деньги, какъ орудіе для борьбы съ торіями, и подрывали мѣстный авторитетъ, мѣстное вліяніе торіевъ деньгами. Они подкупали избирателей въ графствахъ и мѣстечкахъ, и этимъ путемъ попадали въ парламентъ. Повторяемъ, средство было безнравственное, но другаго не было у виговъ. Дѣло шло о свободѣ страны; только виги могли упрочить свободу въ Англіи; но виги были бы безсильны безъ подкуповъ; безъ подкуповъ ихъ политическія начала никогда бы не восторжествовали.

При Робертѣ Вальполѣ обычай подкупать избирателей получилъ самое большое развитіе; Вальполь пріобрѣталъ деньгами цѣлыя мѣстечки для своихъ приверженцевъ. Но этого было ему мало. Этимъ путемъ нельзя еще было составить рѣшительнаго, постояннаго, надежнаго большинства въ нижней палатѣ. Вальполь прибѣгалъ къ другому виду подкуповъ, еще худшему: онъ подкупалъ самихъ членовъ парламента, и довелъ эту систему до небывалаго совершенства. Однакожь невозможно вмѣнять ему это въ преступленіе и серьёзно называть его развратителемъ общественной нравственности. Второй видъ подкуповъ былъ такъ же необходимъ, какъ и первый. Вальполь управлялъ двадцать лѣтъ посредствомъ системы подкуповъ, потому-что не имѣлъ никакой возможности управлять иначе. При тогдашнихъ условіяхъ, не только онъ, но и всякій другой министръ не могъ бы сладить съ нижнею палатою, еслибъ не подкупалъ ея членовъ. Причиною этого страннаго явленія было самое устройство нижней палаты и то мѣсто, которое она занимала въ государствѣ.

При Тюдорахъ и Стюартахъ правительству незачѣмъ было подкупать членовъ парламента, потому-что парламентъ былъ слабъ. Нижняя палата рѣдко вмѣшивалась въ администрацію, рѣдко проникала въ сферу исполнительной власти. Кругъ ея дѣйствій былъ весьма-ограниченъ, значеніе небольшое. Правительство позволяло себѣ въ-отношеніи къ ней самые произвольные поступки. Оппозиція была тогда весьма-опаснымъ дѣломъ для членовъ палаты. Если кто-либо изъ нихъ осмѣливался сильно нападать на правительство, его призывали въ государственный совѣтъ, допрашивали и потомъ посылали въ Товеръ. Противъ такого произвола нижняя палата старалась оградить себя разными предосторожностями. Она держала подъ секретомъ свои совѣщанія и не позволяла публиковать ихъ. Засѣданія ея были тайны. Посторонніе лица не допускались до нихъ. Строгія наказанія угрожали тому изъ членовъ, который сталъ бы разсказывать внѣ палаты о томъ, что происходило въ палатѣ. Но всѣ эти правила и мѣры предосторожности приносили мало пользы. Корона была такъ сильна, что всегда имѣла средства запугать палату; оттого въ это время не существовало вовсе и не могло существовать подкупа членовъ со стороны правительства.

Совершенно по другой причинѣ невозможны подкупы въ настоящее время. Нижняя палата теперь сильнѣйшая власть въ государствѣ; но она подлежитъ контролю со стороны націи. Засѣданія ея публичны; каждое слово, произнесенное въ ней, печатается, и уже на другой день читается мильйонами людей; каждая ея мѣра разбирается въ журна-

лахъ; каждый поступокъ какого-нибудь изъ ея членовъ подвергается критикѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ подачи голосовъ о какомъ-нибудь важномъ предложеніи, списки членовъ, подавшихъ голоса за и противъ, помѣщаются въ газетахъ и разсматриваются въ каждомъ уголкѣ Англіи. Избиратели имѣютъ возможность слѣдить за поведеніемъ въ палатѣ своихъ представителей. Они могутъ потребовать ихъ къ отвѣту, выразить имъ свое неудовольствіе, отказать имъ въ довѣріи. Такая публичность чрезвычайно подняла нравственность государственныхъ людей. Сила общественнаго мнѣнія такъ велика, что довольно одного подозрѣнія въ подкупѣ, чтобъ погубить и министра, предложившаго деньги члену палаты, и члена, принявшаго ихъ. Правительство и не нуждается въ подкупахъ: теперь для него лучшій способъ упрочить за собою большинство въ парламентѣ, есть пріобрѣтеніе довѣрія отъ націи. Но между эпохою Тюдоровъ и Стюартовъ и новымъ временемъ лежала продолжительная эпоха, въ которую парламентъ пересталъ подлежать произвольному контролю короны, но не находился еще подъ серьёзнымъ и постояннымъ контролемъ націи и общественнаго мнѣнія. Послѣ революціи, нижняя палата сдѣлалась всемогущею въ государствѣ; корона ослабѣла; вся власть ея перешла къ представителямъ націи. Правительство не имѣло уже никакихъ средствъ запугать палату. Членовъ парламента нельзя уже было подвергать отвѣтственности за ихъ рѣчи и мнѣнія. Ни одинъ министръ послѣ революціи не осмѣлился бы прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, которыми прежде стѣснялась свобода совѣщаній палатъ. Теперь не парламентъ былъ въ зависимости отъ короны, а корона отъ парламента. Между-тѣмъ всѣ тѣ правила, которыми прежде слабый парламентъ ограждалъ себя противъ произвола короны, не только были сохранены, но еще болѣе расширены и усилены. Засѣданія палатъ попрежнему были тайны. Дебаты ихъ не публиковались вовсе. Сообщеніе списка членовъ, вотировавшихъ за и противъ, запрещалось строжайшимъ образомъ. Парламентъ ревниво оберегалъ всѣ эти правила и считалъ ихъ своими ненарушимыми привилегіями. Никто, повидимому, не замѣчалъ, что при новомъ порядкѣ вещей такія привилегіи сдѣлались совсѣмъ-ненужными. Онѣ были не только ненужны, онѣ стали вредны и начали служить совершенно для иныхъ цѣлей. Тайна совѣщаній и подачи голосовъ, установленная первоначально для охраненія членовъ палаты отъ произвола королевской власти, теперь охраняла ихъ отъ надзора націи, отъ контроля общественнаго мнѣнія, освобождала ихъ отъ отвѣтственности передъ избирателями. Независимая отъ короны, нижняя палата сдѣлалась независимою и отъ націи.

Въ прежнее время, когда королевская власть была сильна, палата стояла всегда на сторонѣ націи, нуждалась въ поддержкѣ націи, потому-что безъ этой поддержки она сдѣлалась бы жертвою короны. Но теперь нижняя палата не нуждалась ни въ чемъ и была сильна своею собственною силою. Огражденная отжившими привилегіями, она превратилась въ безотвѣтственное, олигархическое собраніе, которое сосредоточивало въ своихъ рукахъ всю власть въ государствѣ и никому не было обязано отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Члены нижней палаты не боялись больше короны, но не боялись тоже и націи. Такое совершенно-независимое, безконтрольное положеніе было весьма-опасно для ихъ нравственности. Они могли пользоваться имъ для личныхъ, эгоистическихъ интересовъ. Случаи соблазна представлялись многіе. Лицомъ-къ-лицу съ всемогущею нижнею палатою стояла корона, слабая, безпомощная, ограниченная въ своихъ прерогативахъ. Она не могла ничего сдѣлать безъ поддержки и содѣйствія палаты; министры ея не могли управлять страною, не имѣя за собою большинства въ палатѣ. Имъ необходимо было пріобрѣсть какимъ-нибудь средствомъ вліяніе на членовъ парламента, чтобъ обезпечить себѣ въ палатѣ постоянное, вѣрное, преданное большинство. Такое средство было подъ рукою. Корона сохранила въ цѣлости одну весьма-важную прерогативу. Она назначала на всѣ должности въ государствѣ. Министры короны располагали множествомъ доходныхъ мѣстъ, синекуръ, почестей, пенсій, наградъ; въ рукахъ ихъ, кромѣ-того, былъ такъ-называемый секретный фондъ, то-есть часть бюджета, предназначенная для чрезвычайныхъ, непредвидѣнныхъ издержекъ. Все это министры держали въ распоряженіи для тѣхъ членовъ нижней палаты, которые согласились бы поддерживать ихъ своими голосами. Они подкупали одного члена должностью, другаго доходною синекурою, третьяго просто деньгами изъ секретнаго фонда, и такимъ-образомъ составляли себѣ большинство. Члены палаты не имѣли никакой причины удерживаться отъ взятокъ. Не боясь отвѣтственности предъ избирателями, огражденные привилегіями парламента, несдерживаемые публичностью, они охотно продавали свой голосъ правительству и дѣлали званіе представителя націи источникомъ дохода.

Такая система существовала уже давно. Она возникла далеко до Роберта Вальполя. Начало ей положено было еще при послѣднихъ Стюартахъ. При Вильгельмѣ она получила большое развитіе и не прекращалась при Аннѣ. Робертъ Вальполь не изобрѣлъ ее. Онъ продолжалъ дѣлать то, что дѣлали его предшественники. Парламентскіе подкупы были ему нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь. Онъ не могъ по-

ложиться на націю. Большинство націи стояло на сторонѣ торіевъ и іакобитовъ, на сторонѣ стараго порядка вещей. Ему необходимо было имѣть въ палатѣ вѣрную и преданную фалангу, которая поддерживала бы всѣ его мѣры. Отъ этого зависѣла не только его собственная власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безопасность ганноверскаго престола, безопасность самой конституціи. Но такую фалангу Вальполь могъ составить одними лишь подкупами. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что политическіе люди тогдашнаго времени стояли ниже теперешнихъ въ нравственномъ отношеніи. Продавать голосъ правительству не считались тогда особеннымъ безчестіемъ для члена парламента, тѣмъ менѣе предосудительно казалось министрамъ развращать деньгами представителей націи. Вальполь не былъ выше своихъ современниковъ добродѣтелью: судить его строго за это было бы несправедливо. Вина его заключалась развѣ въ томъ, что онъ производилъ подкупы гораздо-ловче и искуснѣе и извлекалъ изъ нихъ болѣе выгоды для себя, чѣмъ другіе; но онъ былъ по-крайней-мѣрѣ на столько честенъ, что никогда не пытался подкупать явныхъ своихъ противниковъ, а только упрочивалъ деньгами вѣрность своихъ друзей и пріобрѣталъ ими расположеніе людей равнодушныхъ. Репутаціи его наиболѣе повредило то, что онъ дѣлалъ свишкомъ открыто то, что̀ другіе дѣлали тайно, и говорилъ слишкомъ-громко о томъ, что̀ другіе скрывали. Онъ даже хвастался своею ловкостью въ подкупахъ. Онъ не хотѣлъ казаться ни лучше, ни чище, чѣмъ былъ на дѣлѣ. «Я не святой, я не спартанецъ, я не реформаторъ» говорилъ онъ часто. Вообще, тонъ его рѣчи отличался какою-то аффектаціею цинизма. Имѣя постоянно дѣло съ людьми продажными, онъ получилъ самое плачевное понятіе о политической нравственности своихъ современниковъ и отзывался всегда съ сарказмомъ и скептическою насмѣшкою о патріотизмѣ, о политической добродѣтели. Члены оппозиціи называли себя патріотами по-преимуществу. «Что̀ такое патріотъ?» говорилъ Вальполь. «Патріоты выростаютъ очень-легко. Я самъ сдѣлалъ уже не одного. Довольно отказать кому-нибудь въ пенсіи—и вотъ готовый патріотъ». Успѣвая постоянно въ подкупахъ, онъ пересталъ вѣрить въ неподкупность. «Всѣ эти люди имѣютъ свою цѣну» сказалъ онъ однажды, указывая на членовъ парламента. Такое жалкое мнѣніе о людяхъ не имѣло, однакожъ, вліянія на собственный его характеръ. Онъ смѣялся надъ добродѣтелью, сомнѣвался въ честности, но это не мѣшало ему быть въ душѣ честнымъ человѣкомъ. Подкупая другихъ, онъ самъ былъ недоступенъ подкупу. Испорченная атмосфера, въ которой приходилось ему постоянно вращаться, не заразила его собою. Необходимость

заставляла его употреблять, для сохраненія власти, безнравственныя средства; но онъ вышелъ изъ двадцатилѣтняго испытанія съ чистыми руками. Когда, послѣ продолжительной, ожесточенной борьбы, онъ былъ ниспровергнутъ оппозиціею, нижняя палата назначила коммиссію, которая должна была изслѣдовать все поведеніе павшаго министра. 19 членовъ этой коммиссіи изъ 21 были личные враги Вальполя; однакожь, несмотря на всѣ усилія, они не могли открыть въ его публичной карьерѣ ни одного поступка, который бросалъ бы тѣнь на личную его честь и подлежалъ бы строгости закона. Своимъ слишкомъ-открытымъ и безцеремоннымъ образомъ дѣйствія, своими фанфаронадами, своимъ циническимъ тономъ онъ давалъ оружіе въ руки оппозиціи. Его сарказмы и презрительныя насмѣшки раздражали ее. Въ теченіе многихъ лѣтъ оппозиція дѣлала подкупы постоянною тэмою своихъ нападеній на Вальполя. Всѣ враги и противники его въ парламентѣ и внѣ парламента гремѣли противъ развратителя. Всѣ журналы, памфлеты, брошюры этого времени наполнялись декламаціями противъ министра, который систематически портилъ націю. Имя Вальполя перешло въ исторію, сопровождаемое этимъ концертомъ безчисленныхъ обвиненій, клеветъ и ругательствъ. Но лучшимъ оправданіемъ его можетъ служить то, что тѣ же самые люди, которые вопили противъ подкуповъ въ оппозиціи, которые позорили Вальполя, которые бросали въ него грязью, сдѣлавшись, въ свою очередь, министрами, слѣдовали его примѣру и точно такъ же подкупали членовъ парламента, какъ и онъ. Имъ и нельзя было дѣлать иначе. Порокъ лежалъ въ самомъ устройствѣ нижней палаты. Подкупы продолжались въ Англіи до самой американской войны, то-есть до-тѣхъ-поръ, пока засѣданія парламента были тайны и пока запрещено было печатать его дебаты. Но какъ-скоро засѣданія сдѣлались публичными и какъ-скоро газеты стали сообщать всѣ рѣчи, произносимыя въ палатахъ, и списки членовъ, вотировавшихъ за и противъ, сейчасъ обнаружилось дѣйствіе общественнаго мнѣнія и магическая сила публичности и гласности. Отъ одного прикосновенія публичности исчезла язва, свирѣпствовавшая цѣлое столѣтіе; подкупы членовъ парламента со стороны правительства немедленно прекратились и никогда не появлялись больше. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что продажность членовъ парламента, даже во время самаго большаго своего развитія, не была вовсе признакомъ всеобщей порчи нравовъ. Еслибъ это дѣйствительно было такъ, то въ такомъ случаѣ зло не ограничилось бы однимъ парламентомъ. Подобно членамъ парламента, были бы продажны и судьи. Между-тѣмъ достовѣрно извѣстно, что въ то время, когда въ парламентѣ

господствовали подкупы, англійскіе судьи отличались высокою честностью и неподкупностью. Очевидно, зло было мѣстное и причина его чисто-мѣстная. Члены парламента были продажны, потому-что были ограждены тайною. Судьи были неподкупны, потому-что суды публичны. . . . . .

. . . . . .

ЛЕКЦІЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Внѣшняя политика Вальполя.—Характеристика его внутренняго управленія.—Отношенія его къ Георгамъ I и II. — Вальполь въ частной жизни. — Его политическіе недостатки. — Что было причиною его паденія? — Оппозиція въ парламентѣ противъ Вальполя.—Ея составные элементы. — Семейные раздоры ганноверскаго дома. — Упорная борьба Вальполя съ оппозиціею. — Война съ Испаніею.—Ошибка Вальполя.—Паденіе его.—Преемники его. — Апатія и застой въ политической жизни Англіи.—Результаты эпохи первыхъ двухъ Георговъ.

Мм. гг.

Еще нынѣшній разъ я предполагаю себѣ занять вниманіе ваше личностью Роберта Вальполя. Мнѣ невозможно было замкнуть въ предѣлахъ одного чтенія полную характеристику этого государственнаго человѣка, который играетъ такую важную роль въ исторіи Англіи и котораго публичная карьера наполняетъ собою половину столѣтія. Мнѣ остается указать еще на нѣкоторыя замѣчательныя черты его характера, изобразить важнѣйшія стороны его дѣятельности и представить общіе результаты его двадцатилѣтняго управленія.

Политика, которой Робертъ Вальполь держался и при первомъ, и при второмъ Георгѣ, была по-преимуществу политика мира. Миръ извнѣ, спокойствіе внутри, покровительство торговымъ и промышленнымъ интересамъ, развитіе матеріальнаго благосостоянія страны—такова была программа его министерства. Это миролюбивое направленіе вытекало, естественнымъ образомъ, изъ его положенія. Для безопасности ганноверскаго престола и самой конституціи, ему необходимо было поддерживать дружескія отношенія съ европейскими державами и избѣгать всякаго столкновенія съ ними. При всякой войнѣ ганноверскій престолъ и вмѣстѣ съ нимъ свобода Англіи подвергались серьёзной опасности. Война открывала перспективу претенденту. Претендентъ былъ естественнымъ союзникомъ всѣхъ враговъ Англіи. Католическія державы всегда тайно благопріятствовали его интересамъ, даже находясь въ мирѣ съ Англіей. Въ случаѣ же разрыва съ нею, Франція, Испанія, Австрія и, въ крайности, даже протестантскія государства не замедлили бы явно подать руку потомку Стюартовъ и со-

дѣйствовать ему произвести реставрацію. Въ этомъ дѣлѣ имъ можно было разсчитывать на сильную поддержку въ самой Англіи. Іакобиты всегда съ нетерпѣніемъ ожидали войны. Они были готовы подняться при первомъ появленіи претендента съ иностраннымъ вспомогательнымъ войскомъ. Оттого Вальполь тщательно избѣгалъ всякаго повода къ войнѣ. Онъ жилъ въ согласіи даже съ тою державою, которая въ прежнее время особенно была ненавистна партіи виговъ—съ Франціей. Онъ дѣятельно заботился о поддержаніи мира во всей Европѣ. Онъ боялся, чтобъ Англія помимо воли не была вовлечена въ войну, въ случаѣ столкновеній на континентѣ. Въ этомъ отношеніи весьма-счастливымъ обстоятельствомъ было для него то, что Франціей управлялъ тогда министръ, который слѣдовалъ такой же политикѣ. Этимъ министромъ былъ старый кардиналъ Флёри. Вальполь всегда дѣйствовалъ съ нимъ заодно во всѣхъ дипломатическихъ вопросахъ. Оба они общими усиліями поддерживали спокойствіе въ Европѣ. Но въ то время, когда Флёри своею миролюбивою политикою прикрывалъ упадокъ Франціи, Вальполь, даровавъ Англіи восьмнадцать лѣтъ безпрерывнаго мира, содѣйствовалъ ея будущему величію. Его министерство было если не блестящею, то несомнѣнно одною изъ самыхъ благополучныхъ эпохъ для Англіи. Миръ способствовалъ почти-безпримѣрному въ исторіи, по своей скорости, развитію ея торговли и промышлености. Народонаселеніе ея удвоилось; гавани ея наполнились несметными кораблями; оборотный капиталъ въ странѣ увеличился вдесятеро; колонизація приняла огромные размѣры. При Вальполѣ положено было основаніе матеріальному богатству Англіи и приготовлены тѣ силы и средства, которыя дали ей возможность совершить такія великія дѣла впослѣдствіи.

Миролюбивая политика соотвѣтствовала и личному характеру Вальполя. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно-осторожный, осмотрительный. Онъ не любилъ рисковать ничѣмъ. Онъ предпочиталъ всегда пользу славѣ. Онъ неспособенъ былъ созидать великіе планы. Ему недоставало той смѣлости и могущественной инициативы, которою отличался Питтъ-старшій. Разсудокъ преобладалъ въ немъ надъ воображеніемъ, практическій смыслъ надъ увлеченіями честолюбія, проза надъ поэзіею. Политика его имѣла охраняющій, консервативный характеръ. Онъ берегъ то, что̀ поручено было его попеченію — престолъ Георговъ, конституцію, господство партіи виговъ, и не заботился ни о чемъ больше. Эта осторожность и осмотрительность, этотъ недостатокъ инициативы, эта любовь покоя проявлялись и во внутреннемъ его управленіи. У него была любимая поговорка, которую онъ повторялъ по-

стоянно: *quieta non movere*, то-есть не трогай того, что покоится. Это правило онъ сдѣлалъ руководствомъ своей публичной дѣятельности. Двадцатилѣтнее министерство его не ознаменовано ни одной великою и общею политическою мѣрою, ни одною реформою въ учрежденіяхъ страны. Ни одинъ сколько-нибудь важный органическій статутъ не связанъ съ его именемъ. Онъ управлялъ бо̀льшею частію палльятивными средствами, прибѣгалъ къ компромиссамъ, поддерживалъ существующее, покуда оно держалось, не затрогивалъ никакихъ живыхъ вопросовъ внутренней политики, избѣгалъ всякихъ перемѣнъ и нововведеній. Но онъ избѣгалъ ихъ не потому, чтобъ не сознавалъ ихъ потребности и пользы, а потому-что боялся агитаціи въ народѣ, волненія умовъ, потрясеній въ государствѣ. Спокойствіе, прежде всего спокойствіе — такова была цѣль всѣхъ его заботъ. Ничто не характеризуетъ лучше эту политику Вальполя, какъ отношеніе его къ диссентерамъ. Онъ былъ воспитанъ въ школѣ религіозной терпимости, въ школѣ Сомерса и епископа Борнета. Онъ осуждалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ законы, которые закрывали диссентерамъ доступъ къ государственнымъ должностямъ. Однакожъ, никакъ невозможно было склонить его сдѣлать предложеніе объ отмѣнѣ этихъ законовъ. Диссентеры безпрестанно обращались къ нему съ просьбами, представляли ему несправедливость проскрипціи, которая тяготѣла надъ ними, увѣряли его въ своей преданности ганноверскому дому и партіи виговъ, и напоминали ему его собственные неоднократные отзывы въ пользу ихъ дѣла. Вальполь выслушивалъ ихъ, соглашался съ ними, сожалѣлъ объ ихъ участи, обнадеживалъ ихъ, разсыпался въ обѣщаніяхъ—и не дѣлалъ ничего. Причиною такого поведенія было то, что онъ не могъ забыть до послѣдняго дня своей жизни того страшнаго взрыва высокоцерковнаго чувства, который послѣдовалъ при королевѣ Аннѣ, въ то время, когда вигское министерство попало на несчастную мысль преслѣдовать судомъ полусумасшедшаго пастора Сечвереля. Вальполь пострадалъ тогда лично и не имѣлъ никакого желанія въ другой разъ навлечь на себя подобную бурю. Еслибъ диссентеры были настойчивѣе и безпокойнѣе, еслибъ они не ограничивались однѣми просьбами, а перешли къ угрозамъ, то онъ, вѣроятно, облегчилъ бы ихъ положеніе. Но, видя ихъ долготерпѣніе, не ожидая отъ нихъ никакой опасности, онъ не хотѣлъ рисковать для нихъ драгоцѣннымъ спокойствіемъ.

Такая боязливая политика не отличалась, правда, ни возвышенностью, ни благородствомъ; за-то Вальполь соединялъ съ нею одно весьма-почтенное свойство, которое дѣлаетъ ему много чести. Онъ

былъ гораздо-болѣе либеральнымъ правителемъ, имѣлъ болѣе уваженія къ свободѣ своихъ согражданъ, чѣмъ многіе другіе государственные люди, превосходившіе его смѣлостью, рѣшительностью и инициативою. Онъ можетъ служить образцомъ истинно-конституціоннаго министра. Пользуясь въ-теченіе двадцати лѣтъ почти-диктаторскою властью, онъ не позволилъ себѣ ни малѣйшаго нарушенія конституціи, не посягнулъ ни разу на свободу страны, на права націи, даже въ бездѣлицѣ, не прибѣгалъ никогда къ опасной помощи тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ строгости, тѣхъ такъ-называемыхъ временныхъ законовъ общественной безопасности, которыми обыкновенно такъ щедры бываютъ всемогущіе министры. Вальполь довольствовался средствами, которыя давала ему въ руки конституція. Ни одного произвольнаго, незаконнаго поступка, ни одного превышенія власти нельзя найдти въ его продолжительной публичной карьерѣ. Онъ умѣлъ удержать спокойствіе въ странѣ, не притѣсняя народа и не употребляя вовсе тѣхъ мелкихъ мѣръ административной опеки, которыя не приносятъ никакой пользы, а вызываютъ только всеобщее раздраженіе. Онъ преклонялся всегда передъ общественнымъ мнѣніемъ и уступалъ явно-выраженной волѣ націи даже въ такихъ случаяхъ, когда имѣлъ за себя букву закона и большинство въ парламентѣ. Приведемъ одинъ случай. Вальполь былъ отличный финансистъ и далеко превышалъ современниковъ своими понятіями объ этой отрасли управленія. Онъ хотѣлъ однажды замѣнить множество мелкихъ прямыхъ налоговъ и множество пошлинъ съ вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ однимъ общимъ акцизомъ. Билль, составленный имъ для этой цѣли, прошелъ неоднократно большинствомъ голосовъ въ палатѣ, но въ странѣ мѣра вызвала всеобщее неудовольствіе. Самое имя акциза было ненавистно англичанамъ. Оно напоминало имъ худшіе дни деспотизма Стюартовъ, времена Карла I. Со всѣхъ сторонъ появились протесты. На митингахъ и въ журналахъ билль былъ осуждаемъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Агитація начала принимать громадные размѣры. Тогда Вальполь, не взирая на поддержку парламента, уступилъ, взялъ назадъ билль объ акцизѣ и сказалъ при этомъ случаѣ памятныя слова: «не слѣдуетъ и думать въ свободной странѣ о такой подати, которую пришлось бы собирать при помощи сабли и штыка». Еслибъ тогда на мѣстѣ Вальполя находился какой-нибудь парламентскій доктринёръ, въ родѣ Гизо, то онъ положился бы на большинство въ палатѣ и захотѣлъ бы настоять на своемъ — и дѣло непремѣнно кончилось бы революціею.

Управляя страною, Вальполь управлялъ безусловно и волею обоихъ

королей Георговъ. Но онъ пріобрѣлъ на нихъ вліяніе вовсе не тѣми средствами, къ которымъ они привыкли у себя въ Германіи—не лестью, не угодливостью, не рабскимъ прислуживаніемъ, а естественнымъ превосходствомъ своего ума. Онъ сохранялъ всегда въ-отношеніи къ нимъ независимость и достоинство. Георгъ I питалъ къ Вальполю чрезвычайное уваженіе. Сэръ Робертъ былъ единственнымъ англичаниномъ, въ обществѣ котораго онъ находилъ удовольствіе. И длинная герцогиня Кендаль, и громадная герцогиня Дарлингтонъ съ завистью смотрѣли на министра, который былъ соперникомъ ихъ въ милости королевской. Георгъ и сэръ Робертъ часто охотились вмѣстѣ въ ричмондскомъ паркѣ, или же проводили длинные часы въ дружескомъ tête-á-tête, куря трубки и распивая пиво, по нѣмецкому обычаю. Они плохо понимали другъ друга, но это вовсе не мѣшало ихъ гармоніи. Такъ-какъ Георгъ не имѣлъ и понятія объ англійскомъ языкѣ, то Вальполь придумалъ весьма-оригинальное средство, чтобъ сообщать ему свои мысли. «Король не зналъ поанглійски» разсказываетъ онъ своему сыну Горасу, «я не зналъ ни пофранцузски, ни понѣмецки. Между-тѣмъ нужно же было какъ-нибудь сговориться. Я припомнилъ, какъ могъ, мои латинскіе уроки; король тоже когда-то учился полатинѣ; и мы принялись управлять вдвоемъ Англіею при помощи кухонной латини». Но, должно-быть, и король и министръ не отличались особеннымъ знаніемъ латинскаго языка, потому-что иногда между ними возникали странныя недоразумѣнія. Однажды Георгъ утверждалъ, что сэръ Робертъ когда-то обѣщалъ ему дать денегъ на какія-то ганноверскія дѣла. Сэръ Робертъ клялся, что не обѣщалъ никогда ничего подобнаго. Между ними завязался жаркій споръ, а всему былъ виною латинскій синтаксисъ.

Перемѣна царствованія не имѣла никакого вліянія на положеніе Вальполя при дворѣ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти себѣ неограниченное довѣріе новаго короля. Георгъ II оказывалъ ему еще бо̀льшую милость, чѣмъ отецъ. Но для сохраненія этой милости Вальполь никогда не жертвовалъ ни собственнымъ достоинствомъ, ни интересами страны. Онъ говорилъ часто съ Георгомъ II весьма-рѣшительнымъ и независимымъ тономъ. Онъ противодѣйствовалъ его мелкимъ ганноверскимъ планамъ, умѣрялъ его воинственные порывы, его страсть къ завоеваніямъ въ Германіи и представлялъ ему постоянно, что для блага какъ Англіи, такъ и Ганновера, и для счастія Европы, ему гораздо-нужнѣе быть великимъ королемъ, чѣмъ значительнымъ курфирстомъ. При этомъ сэръ Робертъ позволялъ себѣ даже отзываться весьма-непочтительно о ганноверскомъ курфиршествѣ. Георгъ II питалъ страшную

ненависть къ королю прусскому Фридриху-Вильгельму I, отцу Фридриха Великаго. Разъ какъ-то онъ хотѣлъ даже драться съ нимъ на дуэли. Война противъ Пруссіи была любимою его мечтою. Вальполь всѣми силами отклонялъ его отъ такого предпріятія, представлялъ ему, какую опасность война можетъ навлечь на Ганноверъ. «Увѣряю ваше величество» говорилъ онъ Георгу, «что для прусской арміи вашего курфиршества недостанетъ даже на одинъ завтракъ». Къ чести Георга нужно сказать, что подобныя рѣчи не могли поколебать его расположенія къ Вальполю. Пользуясь въ-теченіе пятнадцати лѣтъ совѣтами мудраго министра, онъ привязался къ нему сильно. Паденіе Вальполя было для него тяжелымъ ударомъ. Когда сэръ Робертъ, принужденный выйдти въ отставку, пришелъ къ нему прощаться, Георгъ II, никакъ неотличавшійся особенною чувствительностью, расплакался и долго былъ неутѣшенъ послѣ разлуки съ человѣкомъ, въ которомъ онъ имѣлъ и личнаго друга, и самую надежную опору своего престола.

Но не въ однихъ только короляхъ сэръ Робертъ возбуждалъ къ себѣ расположеніе. Въ характерѣ его было много весьма-симпатичныхъ чертъ, которыя дѣлали его человѣкомъ неоцѣненнымъ въ общежитіи. Онъ имѣлъ запальчивыхъ, неумолимыхъ, отъявленныхъ политическихъ противниковъ, но мало личныхъ враговъ и множество друзей. Самъ онъ тоже умѣлъ быть горячимъ, усерднымъ, постояннымъ другомъ. Въ немъ было болѣе сердечной теплоты, чѣмъ можно было предполагать, судя по его сарказмамъ, по его скептическимъ выходкамъ, по его презрительнымъ отзывамъ о людяхъ вообще. Онъ располагалъ къ себѣ сердца всѣхъ своею прямотою, своею всегдашнею откровенностью, своимъ добродушіемъ и чрезвычайною мягкостью и любезностью. Не было въ Англіи министра, который былъ бы менѣе министромъ въ обращеніи своемъ съ людьми. Онъ не дѣлалъ никакого различія между знатными и незнатными, для всѣхъ былъ одинаково-доступенъ, не обнаруживалъ ни тѣни чиновной спѣси. И при дворѣ, и въ парламентѣ, и въ частной жизни сэръ Робертъ оставался всегда простымъ, фамильярнымъ, непринужденнымъ сельскимъ джентльменомъ. Въ его нѣсколько-грубоватыхъ манерахъ, въ его безцеремонной откровенности, въ его деревенскомъ простодушіи замѣтенъ былъ, правда, маленькій оттѣнокъ плутовства; но это чрезвычайно шло къ нему и придавало еще болѣе пріятности всей его особѣ. Основною чертою его характера была веселость, неистребимая, неумолкаемая веселость. Онъ былъ постоянно въ отличномъ росположеніи духа, острилъ, шутилъ, смѣялся, и это юмористическое настроеніе не оставляло его даже при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Образъ его

жизни не отличался особенною назидательностью. Сэръ Робертъ былъ эпикуреецъ, любилъ комфортъ и земныя наслажденія и не имѣлъ никакихъ притязаній на святость. Насчетъ его супружеской вѣрности ходили самые невыгодные для него слухи. За обильнымъ столомъ, посреди веселой и шумной компаніи, онъ чувствовалъ себя въ настоящемъ своемъ элементѣ. Любимымъ поэтомъ его былъ Горацій; онъ не зналъ и не читалъ ничего другаго, кромѣ Горація, вѣроятно, потому, что самъ походилъ на Горація темпераментомъ и настроеніемъ духа. Развлеченія его не всегда были согласны съ достоинствомъ перваго министра. Горасъ Вальполь оставилъ намъ въ своихъ мемуарахъ много подробностей о томъ, какъ забавлялся его отецъ. Сэръ Робертъ чувствовалъ себя весьма-стѣсненнымъ въ столичной атмосферѣ и любилъ просторъ сельской жизни. Каждый разъ, какъ скоро государственныя дѣла не задерживали его въ Лондонѣ, онъ спѣшилъ повеселиться въ деревню, въ свой гогтонскій зàмокъ. Здѣсь гостепріимство его доходило до безумной расточительности. Въ сезонъ охоты онъ созывалъ къ себѣ огромную толпу гостей всякаго рода, всѣхъ сосѣдей, всѣхъ сквайровъ графства, даже своихъ фермеровъ, наконецъ всякаго встрѣчнаго. «Три или четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ, говоритъ Горасъ Вальполь, стоилъ ежегодно такой пріемъ. Когда съѣхалась вся эта ватага, продолжаетъ онъ, тогда начинался въ гогтонскомъ зàмкѣ шумъ, разгулъ и кутежъ невѣроятный—настоящее смѣшеніе языковъ, вавилонское столпотвореніе, истинныя вакханаліи. На двадцать миль вокругъ всѣ пуритане и люди строгой жизни оставляли свои жилища и убирались въ городъ. Оргіи продолжались по двѣ, по три недѣли. Для отца моего все это время было однимъ длиннымъ хохотомъ. Онъ приглашалъ къ себѣ только испытанныхъ bons vivants и не допускалъ людей, которые не умѣли смѣяться. Особенно строго исключались всѣ поэты и писатели, которыхъ сэръ Робертъ называлъ литературными осами и трутнями». Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что Вальполь нелишенъ былъ и нѣкоторыхъ болѣе-благородныхъ вкусовъ. Онъ любилъ архитектуру, съ большими издержками строилъ и перестраивалъ въ готическомъ стилѣ свой зàмокъ, занимался садоводствомъ и имѣлъ страсть къ картинамъ, особенно голландской школы. Онъ тратилъ на картины огромныя деньги и составилъ себѣ довольно-большую и отборную галерею. Большая часть картинъ, украшавшихъ нѣкогда гогтонскій зàмокъ Вальполя, находится теперь въ Петербургѣ, въ эрмитажѣ. Онѣ куплены были еще Екатериною Великою.

Сэръ Робертъ управлялъ Англіею дольше, чѣмъ какой-либо ми-

нистръ со временъ лорда Борли; но не суждено было ему умереть на своемъ постѣ. Послѣ двадцатилѣтнихъ безпрерывныхъ успѣховъ онъ палъ такъ, какъ падали рѣдкіе изъ его предшественниковъ и преемниковъ; палъ, чтобъ не подняться больше и скончался въ уединеніи, въ своемъ замкѣ, въ совершенномъ удаленіи отъ политической жизни. Что же было причиною его паденія?—Причиною былъ онъ самъ. Рядомъ съ хорошими, почтенными свойствами, въ натурѣ его лежали двѣ несчастныя страсти, которыя порождали ему постоянно массу политическихъ противниковъ и наконецъ погубили его. Эти страсти были—властолюбіе и зависть. Сэръ Робертъ любилъ власть чрезмѣрно, исключительно, безъ памяти, и не могъ терпѣть рядомъ съ собою никакого соперника. Онъ пользовался властью умѣренно, никогда не употреблялъ ее во зло; но онъ не могъ жить безъ нея; онъ не могъ обойдтись безъ власти такъ, какъ безъ воздуха и безъ пищи. Ему трудно было разстаться съ нею на минуту. Поссорившись однажды еще въ началѣ царствованія Георга I съ товарищами своими по министерству, онъ вышелъ въ отставку и присоединился къ оппозиціи въ парламентѣ. Но никакъ невозможно было ему усидѣть спокойно на скамьяхъ оппозиціи. Онъ чувствовалъ себя почти больнымъ, когда нечѣмъ было управлять и руководить; онъ не могъ найдти себѣ мѣста, не зналъ что̀ дѣлать съ собою. Онъ рвался и метался до-тѣхъ-поръ, пока опять не сдѣлался министромъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ ухватился за власть обѣими руками, чтобъ не выпустить ее больше. Но онъ хотѣлъ пользоваться ею одинъ, нераздѣльно. Всякій человѣкъ съ политическими дарованіями возбуждалъ его зависть; всякій соперникъ былъ для него въ высшей степени невыносимъ. Онъ боялся агитаціи и прибѣгалъ къ компрониссамъ, къ уступкамъ только въ дѣлахъ публичнаго интереса. Но въ борьбѣ о личномъ вліяніи, когда дѣло шло о его собственной власти, онъ не зналъ ни боязни, ни уступокъ. Онъ хотѣлъ имѣть или все, или ничего. Онъ не могъ вынести самостоятельности и независимости въ товарищахъ своихъ по министерству, и требовалъ отъ нихъ совершеннаго подчиненія; а кто изъ нихъ не покорялся его волѣ, кто не позволялъ ему руководить и управлять собою, того онъ вытѣснялъ, того онъ заставлялъ тѣмъ или другимъ средствомъ выйдти въ отставку. Щедрый во всемъ, онъ былъ скупъ только въ дѣлѣ одной власти. Онъ могъ бы удержаться до конца жизни въ главѣ управленія, еслибъ захотѣлъ подѣлиться своею властью съ другими. Уступая одну часть ея, онъ нашелъ бы себѣ защитниковъ для другой. Но ничто не могло побудить его къ этому. Слѣдствіемъ такой политики было то, что сэръ Робертъ имѣлъ сильныхъ противни-

ковъ и слабыхъ союзниковъ. Партія виговъ считала въ своихъ рядахъ много знаменитостей, много людей значительныхъ по своимъ талантамъ. Вальполь не могъ ужиться ни съ однимъ изъ нихъ. Всѣ оставляли его поочереди и переходили въ оппозицію. Онъ смотрѣлъ съ непобѣдимымъ духомъ на то, какъ строй его противниковъ густѣлъ и разростался, и думалъ, что лучше ему выдерживать и отбивать ихъ нападенія, чѣмъ раздѣлять власть съ ними. Исходъ показалъ, однакожь, что онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы. Мало-по-малу сложилась противъ него въ нижней палатѣ громадная оппозиція, которая состояла изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Вальполю легко было управиться съ оппозиціею, пока въ ней были одни только торіи и іакобиты. Но со-временемъ къ торіямъ и іакобитамъ присоединились и многіе виги. Всѣ вожди партіи виговъ, которыхъ онъ поочереди выживалъ изъ министерства, становились въ ряды его противниковъ. Каждый изъ нихъ увлекалъ съ собою извѣстное число личныхъ своихъ приверженцевъ, и постепенно дошло до того, что оппозиція состояла на половину изъ торіевъ и іакобитовъ, на половину изъ недовольныхъ виговъ Вслѣдствіе властолюбія и зависти Вальполя, партія виговъ распалась на двѣ части: на виговъ въ министерствѣ, т. е. приверженцевъ Вальполя, и на виговъ внѣ министерства, въ оппозиціи, т. е. соперниковъ, исключенныхъ имъ изъ участія во власти. Эти виги въ оппозиціи начали вмѣстѣ съ торіями и іакобитами отчаянную борьбу противъ Вальполя. Они называли себя настоящими, чистыми вигами, либералами по-преимуществу, патріотами, хранителями истинныхъ, неповрежденныхъ началъ и преданій революціи 88 года. Вальполь былъ для нихъ отступникомъ отъ чистаго вигскаго ученія, еретикомъ и самозванцемъ. Они нападали на всѣ его мѣры, осуждали его боязливую внутреннюю политику, требовали реформъ въ конституціи и уничтоженія всѣхъ злоупотребленій, гремѣли противъ системы подкуповъ, возставали противъ чрезмѣрнаго миролюбія Вальполя, называли его трусостью, недостойною англійской націи. Къ этимъ патріотамъ, къ этимъ либераламъ, говорившимъ постоянно о свободѣ, о прогресѣ, о реформахъ, о народной чести, присоединялись всѣ молодые люди съ горячими головами, съ благородными стремленіями, всѣ новички, которые начинали свое парламентское поприще. Эти юноши-только-что оставившіе университетскія скамьи, напитанные чтеніемъ древнихъ авторовъ, съ воображеніемъ, наполненнымъ республиканскими воспоминаніями Рима и Аѳинъ, мечтами объ идеальномъ государствѣ, широкими планами реформъ, спѣшили занять мѣста на скамьяхъ оппозиціи и декламировали противъ тиранніи и деспотизма министра, кото-

рый казался имъ другимъ Сеіаномъ другаго Тиберія. На сторонѣ оппозиціи стояли, кромѣ того, всѣ писатели и поэты, всѣ знаменитости литературы, всѣ beaux-esprits этого времени. Они ненавидѣли Вальполя за то презрительное пренебреженіе, которое онъ всегда оказывалъ имъ. Многіе изъ нихъ были членами парламента, другіе поддерживали оппозицію своимъ перомъ и вели войну съ Вальполемъ въ журналахъ и памфлетахъ. Наконецъ оппозиція пріобрѣла еще одного могучаго союзника, который привелъ ей значительный отрядъ своихъ приверженцевъ и сталъ даже въ главѣ ея. Этимъ союзникомъ былъ самъ наслѣдникъ престола, сынъ Георга II, принцъ Фридрихъ.

Очень-часто повторяется въ конституціонныхъ государствахъ это явленіе, что наслѣдникъ престола бываетъ предводителемъ оппозиціи. Но въ Англіи при Георгахъ оно имѣло особенную причину. Къ числу странностей ганноверской династіи принадлежитъ, между-прочимъ, то, что въ-теченіе четырехъ поколѣній, каждый король этого дома жилъ въ смертельной враждѣ съ своимъ наслѣдникомъ. Георгъ I никакъ не могъ ужиться съ своимъ сыномъ Георгомъ II. Между ними происходили постоянныя ссоры, доходившія до скандала. Сынъ постоянно интриговалъ противъ отца и его министровъ съ оппозиціею и причинялъ ему столько горя, что наконецъ Георгъ I вышелъ изъ терпѣнія, приказалъ ему убираться изъ с.-джемскаго дворца и искать себѣ другаго мѣста жительства. Этимъ бѣда не кончилась; вражда усилилась еще болѣе; наслѣдникъ престола безпрестанно мѣшалъ отцу жить спокойно и затѣвалъ противъ него разныя козни. Георгъ I былъ въ отчаяніи, не зналъ что̀ дѣлать съ безпокойнымъ сыномъ, ка̀къ освободиться отъ него, и наконецъ придумалъ весьма-оригинальное средство, чтобъ сбыть его съ рукъ навсегда. Онъ хотѣлъ поймать его нечаянно, связать и отправить въ американскія колоніи. Робертъ Вальполь насилу успѣлъ уговорить его не дѣлать этого. Но отношенія между Георгомъ I и его наслѣдникомъ могутъ быть названы нѣжными въ-сравненіи съ тою ненавистью, которая существовала между Георгомъ II и сыномъ его, принцемъ Фридрихомъ. То, что̀ современники разсказываютъ о ихъ враждѣ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Георгъ II выходилъ изъ себя при одномъ имени своего сына. Не отличаясь вообще приличіемъ языка, онъ не зналъ мѣры ругательствамъ, когда приходилось ему говорить о принцѣ Фридрихѣ. Онъ составилъ для него цѣлую литанію бранныхъ эпитетовъ, такихъ ужасныхъ, что отъ нихъ волоса подымаются дыбомъ. Это былъ большой титулъ принца. Въ сокращеніи Георгъ не называлъ его иначе, какъ that beast— «этотъ скотъ». Принцъ отплачивалъ отцу такою же монетою: оскорб-

лялъ его публично, причинялъ ему тысячу непріятностей, дѣйствовалъ во всемъ наперекоръ его волѣ и не упускалъ ни одного случая, когда могъ въ чемъ-нибудь повредить ему. Георгъ II до такой степени былъ раздраженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изумленъ этою злобностью своего сына, что постоянно приходили ему въ голову насчетъ его нѣкоторыя сомнѣнія, и онъ часто спрашивалъ свою жену, королеву Каролину, дѣйствительно ли «этотъ скотъ» былъ его сыномъ?—Вражда ихъ дошла наконецъ до совершеннаго остервенѣнія. Георгъ II не могъ больше выносить присутствія своего потомка. Опять повторилось зрѣлище, которое видѣла столица при прежнемъ царствованіи. Король выгналъ своего наслѣдника изъ с.-джемскаго дворца и не велѣлъ ему являться больше на глаза. Принцъ поселился въ другомъ дворцѣ въ Лондонѣ; но у него отнята была почетная стража. Посланники иностранныхъ державъ получили извѣщеніе, что королю будетъ пріятно, если они прекратятъ свои визиты къ наслѣднику престола, и въ газетахъ было напечатано, что его величество не будетъ допускать ко двору того, кто осмѣлится посѣщать его мятежнаго сына. Принцъ не успокоился послѣ этого и продолжалъ самую ожесточенную борьбу противъ своего родителя; но Георгу не зачѣмъ было думать объ американскихъ колоніяхъ, чтобъ сбыть его съ рукъ. Смерть позаботилась объ этомъ и освободила его отъ ненавистнаго сына. Принцъ умеръ внезапно послѣ краткой болѣзни. Георгъ нисколько, однако, не былъ тронутъ этимъ. Онъ не посылалъ даже узнавать о его здоровьѣ. Когда принесли ему извѣстіе о кончинѣ сына, онъ игралъ въ карты; онъ сказалъ только: «Il est mort!» и преспокойно продолжалъ игру.

Принцъ Фридрихъ не ограничивался однѣми мелкими интригами противъ отца. Онъ сталъ явно во главѣ парламентской оппозиціи. Домъ его сдѣлался сборнымъ пунктомъ для всѣхъ противниковъ Вальполя. Онъ ненавидѣлъ Вальполя, потому-что Вальполь былъ любимымъ министромъ его отца. Личные приверженцы принца, которые разсчитывали на его милость по смерти Георга II, значительно увеличили собою ряды оппозиціи въ нижней палатѣ. Такимъ-образомъ оппозиція соединяла въ себѣ огромныя силы. Двѣ личности королевскаго происхожденія—изгнанный наслѣдникъ Стюартовъ и попавшій въ немилость наслѣдникъ ганноверскаго дома—придавали ей авторитетъ своего имени. Въ ней рядомъ стояли: представители сельской торійской gentry, крѣпкая фаланга іакобитовъ, вожди недовольныхъ виговъ, молодые энтузіасты и политическіе мечтатели. На сторонѣ оппозиціи были всѣ знаменитости, всѣ таланты. Она помѣщала въ себѣ и старыя при-

вязанности, и новые планы политическихъ реформъ, и высокопарныя теоріи роялизма, и высокопарныя теоріи свободы, и энтузіазмъ кавальеровъ, и энтузіазмъ круглоголовыхъ. Съ этою-то громадною оппозиціею долженъ былъ бороться Вальполь. Онъ стоялъ напротивъ нея одинъ; всѣ товарищи его въ министерствѣ были незначительные люди. Онъ располагалъ массою подкупленныхъ членовъ палаты; но эти приверженцы, продавшіе ему голоса свои, обыкновенно не говорили ничего и только вотировали за него, молча. Вальполь долженъ былъ говорить за всѣхъ. Онъ принужденъ былъ бороться одинъ и защищаться одинъ. И онъ боролся мужественно, упорно, держался на своемъ постѣ крѣпко и въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отбивалъ успѣшно всѣ удары оппозиціи. Ежегодно оппозиція напрягала всѣ свои силы, чтобъ ниспровергнуть его; ежегодно бой кончался побѣдою Вальполя. Онъ выказывалъ въ этой борьбѣ удивительную твердость, рѣдкое самообладаніе и необыкновенную увѣренность въ себѣ. Оппозиція возрастала съ каждымъ годомъ, число его приверженцевъ уменьшалось. Онъ не падалъ духомъ, не терялъ никогда своего веселаго, юмористическаго настроенія, смѣло встрѣчалъ всякую новую опасность и храбро продолжалъ защищаться. Своею всегдашнею бодростью и неутомимостью, своимъ юморомъ, своею ловкостью въ парламентскомъ состязаніи и наконецъ своею самоувѣренностью сэръ Робертъ много напоминаетъ Пальмерстона. Онъ напоминаетъ его и самымъ здоровьемъ своимъ, колоссальными физическими силами, которыя онъ обнаруживалъ въ этой борьбѣ. Въ-теченіе цѣлыхъ парламентскихъ сессій онъ не имѣлъ иногда и десятка спокойныхъ ночей. Часто до трехъ, до четырехъ часовъ утра онъ принужденъ былъ отражать нападенія оппозиціи и, несмотря на это, всѣ удивлялись его аппетиту, его сну истинно-гомерическому и свѣжести его лица. Но наконецъ для него насталъ часъ испытанія. Миролюбивая, осторожная, охранительная политика Вальполя была благодѣтельна для Англіи; но она лишена была блеска, она не давала никакой пищи воображенію націи, никакого удовлетворенія ея высшимъ инстинктамъ, чувству патріотизма, стремленію къ славѣ. Въ жизни народовъ бываютъ минуты, когда спокойствіе начинаетъ утомлять ихъ, когда все въ нихъ рвется къ дѣятельности. Такая минута наступила для Англіи. Продолжительный миръ наскучилъ ей. Нація разбогатѣла, чувствовала избытокъ силъ и хотѣла выказать его въ какомъ-нибудь внѣшнемъ предпріятіи. Въ ней пробудились воинственные инстинкты. Съ давняго времени уже Испанія возбуждала къ себѣ вражду промышленныхъ и торговыхъ классовъ въ Англіи. Она ревниво оберегала монополію торговли съ своими американскими колоніями,

не допускала до нея другихъ націй, и чтобъ воспрепятствовать контрабандѣ, строго пользовалась правомъ осмотра всѣхъ кораблей, плававшихъ по ея морямъ. Это подавало поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ между испанскими крейсерами и англійскими купеческими кораблями, которые производили сильную контрабанду на американскихъ берегахъ. Англійскіе купцы жаловались постоянно на несправедливыя конфискаціи, на варварское обращеніе испанцевъ съ экипажами захваченныхъ кораблей. Распускались самые ужасные слухи о поступкахъ испанскихъ крейсеровъ съ англійскими подданными, объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергался англійскій флагъ. Слухи эти все болѣе-и-болѣе возбуждали въ націи желаніе войны съ Испаніею. Особенно сильно хотѣлось войны промышленнымъ и торговымъ классамъ, которымъ ненавистна была монополія Испаніи. Этимъ воинственнымъ настроеніемъ воспользовалась оппозиція, какъ оружіемъ противъ Вальполя. Она хотѣла принудить его къ войнѣ, или къ выходу въ отставку. Съ этою цѣлью она принялась раздувать еще болѣе страсти націи. Устроена была въ парламентѣ драматическая сцена, которая должна была подѣйствовать на умы. У рѣшетки нижней палаты явился нѣкто Дженкинсъ, который выдавалъ себя за капитана англійскаго купеческаго корабля, торговавшаго съ Америкою. Онъ разсказалъ страшную исторію. У береговъ американскихъ онъ встрѣтился съ испанскимъ крейсеромъ. Испанскій капитанъ подвергъ корабль его строжайшему осмотру, а его самого жестоко избилъ, обрѣзалъ ему ухо, посовѣтовалъ ему отнести это обрѣзанное ухо королю Георгу, и прибавилъ, что еслибъ его величество былъ тамъ лично, то онъ поступилъ бы съ нимъ точно такимъ же образомъ. «Что же ты чувствовалъ въ эту минуту?» спросилъ одинъ членъ палаты. «Въ эту минуту, отвѣчалъ Дженкинсъ, я поручилъ мою душу Всевышнему, а мое дѣло отечеству». Нѣкоторые современники говорятъ, что вся исторія была придумана, что Дженкинсъ и не видалъ никогда Америки и что джентльменъ этотъ потерялъ ухо въ дѣлѣ совершенно другаго рода; но сцена все-таки произвела ожидаемый эффектъ. Со всѣхъ сторонъ поднялись неистовые возгласы противъ Испаніи. Нація требовала немедленной войны. Оппозиція въ парламентѣ гремѣла болѣе чѣмъ когда-либо. Вальполь выбивался изъ силъ, чтобъ противодѣйствовать этому увлеченію и сохранить миръ; но всѣ усилія его были напрасны. Невозможно было остановить потока. Война сдѣлалась неизбѣжною.—Вальполь не одобрялъ ее по многимъ причинамъ. Онъ зналъ, что война была несправедлива. Испанія, подвергая осмотру корабли, пользовалась несомнѣннымъ своимъ правомъ, признаннымъ за нею трактатами. Онъ зналъ,

что война съ Испаніею не принесетъ Англіи никакой пользы, а, напротивъ, будетъ пагубна для ея торговли. Война противорѣчила всей его политической системѣ, была несогласна съ убѣжденіями всей его жизни. Видя, что невозможно остановить ее, онъ долженъ бы былъ выйдти въ отставку, отказаться отъ власти и предоставить ее другимъ. Такимъ-образомъ, онъ палъ бы благородно вмѣстѣ съ своею миролюбивою политикою и сохранилъ бы чистую славу государственнаго человѣка, который служилъ вѣрно, послѣдовательно и неуклонно интересамъ своего отечества. Но ему трудно было разстаться съ властью. Любовь власти приковывала его къ мѣсту. Чтобъ сохранить эту драгоцѣнную власть и обезоружить оппозицію, онъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и рѣшился лучше начать войну, которой не одобрялъ, которую считалъ несправедливою и безполезною, чѣмъ уступить руководство ея другимъ. Это была большая ошибка съ его стороны и пятно на его публичной карьерѣ. Ничто не могло болѣе повредить ему. Война была неудачна. Она причинила большой уронъ именно тѣмъ классамъ, которые желали ея такъ пламенно. Морская торговля Англіи сильно пострадала отъ испанскихъ каперовъ. Воинственный энтузіазмъ скоро перемѣнился во всеобщее неудовольствіе, и отвѣтственность за всѣ бѣдствія, за всѣ потери и неудачи, какъ и слѣдовало ожидать, пала на Вальполя. Всѣ приписывали несчастный исходъ войны его дурному руководству. Оппозиція въ нижней палатѣ усилилась еще болѣе и стала теперь осуждать Вальполя за войну, которую возбудила сама. Онъ продолжалъ бороться съ нею, какъ неутомимый атлетъ; но положеніе его сдѣлалось чрезвычайно-труднымъ. До-сихъ-поръ спасеніе для Вальполя лежало въ томъ, что оппозиція состояла изъ самыхъ разнородныхъ, другъ-другу противоположныхъ элементовъ, между которыми не было ничего общаго. Іакобиты не могли согласиться съ вигами ни на какую важную политическую мѣру. Стремленія ихъ шли въ разныя стороны. Имъ трудно было побѣдить Вальполя на почвѣ общихъ вопросовъ внутренней политики. Но, разъединенные во всемъ, они сходились въ одномъ пунктѣ. Ихъ связывала вмѣстѣ общая ненависть противъ Вальполя. Поэтому на этотъ пунктъ они направили всѣ свои силы. Когда неудачная война поколебала популярность Вальполя, оппозиція получила возможность сдѣлать вопросъ чисто-личнымъ. Вальполь, говорила она, былъ причиною всѣхъ золъ, всѣхъ бѣдствій. Вальполь былъ помѣхою для реформъ и улучшеній въ конституціи. Вальполь заразилъ порчею всю политическую жизнь Англіи. Только удаленіе Вальполя можетъ поправить дѣло, положить конецъ всѣмъ зло-

употребленіямъ, очистить парламентъ отъ язвы подкуповъ. «Долой Вальполя!» кричали и торіи, и іакобиты, и недовольные виги. Оппозиція пошла дальше. Она дала замѣтить прочимъ членамъ министерства, что желаетъ ниспроверженія одного только Вальполя, что другіе могутъ быть спокойны. Тогда въ рядахъ министеріальной партіи началось всеобщее sauve qui peut. Одинъ за другимъ, приверженцы Вальполя начали оставлять его и переходить въ оппозицію. Оппозиція увеличивалась съ каждымъ днемъ; скамьи министеріальной партіи пустѣли; но Вальполь все-еще не падалъ духомъ. Онъ держался съ отчаяніемъ за власть, которая была страстью его жизни, и защищался геройски. Тяжелая борьба поколебала наконецъ и его здоровье, подорвала его желѣзныя силы, помрачила его веселое настроеніе; но духъ его былъ несокрушимъ. Онъ продолжалъ борьбу до крайности, и только въ 1742 году, когда новые выборы въ парламентъ выпали не въ его пользу, онъ уступилъ, давъ оппозиціи послѣднее, рѣшительное сраженіе. Но онъ уступилъ не угрозамъ своихъ противниковъ, а просьбамъ своихъ друзей, которые боялись за его здоровье. Оставшись въ меньшинствѣ въ палатѣ, онъ подалъ въ отставку, получилъ отъ Георга II званіе пэра съ титуломъ графа Оксфорда и удалился въ свой гогтонскій замокъ.

Таковъ былъ конецъ политической карьеры этого знаменитаго человѣка. Въ-сравненіи съ болѣе-геніальными государственными мужами Англіи, напримѣръ, съ Чатамомъ, онъ теряетъ много. Его характеру недоставало величія, нравственной возвышенности. Между нимъ и Чатамомъ такая разница, какъ между успѣхомъ и славою. Но въ немъ были черты въ высшей степени симпатичныя и почтенныя. Въ-теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ онъ имѣлъ постоянно дѣло съ самыми дурными сторонами человѣческой природы, видѣлъ въ людяхъ то, что̀ есть худшее въ нихъ—эгоизмъ, жадность, продажность. Однакожь, это никакъ не повредило ему; это не сдѣлало его мизантропомъ. Онъ оставилъ власть такимъ, какимъ былъ, вступая на политическое поприще, и возвратился къ своему садоводству и къ своимъ картинамъ съ духомъ непомраченнымъ, съ сердцемъ неочерствѣвшимъ, съ простыми вкусами, съ открытыми манерами, со способностью къ дружбѣ. Это была чрезвычайно-здоровая натура. Одна черта его характера никогда не была надлежащимъ образомъ оцѣнена потомствомъ—именно, его мягкость и снисходительность къ врагамъ и противникамъ, его рѣдкая гуманность. Онъ зналъ, что многіе изъ членовъ оппозиціи находились въ перепискѣ съ претендентомъ. Ему хорошо были извѣстны всѣ подробности ихъ предательскихъ сношеній

Онъ могъ погубить ихъ. Жизнь ихъ была въ его власти. Эти люди нападали на него, преслѣдовали его, оскорбляли и позорили его, работали надъ его погибелью. Однакожь онъ никогда не воспользовался противъ нихъ тѣмъ опаснымъ оружіемъ, которое имѣлъ въ рукахъ. Въ немъ не было ни тѣни мстительности. Онъ молчалъ, выносилъ все возможное отъ враговъ своихъ и не показывалъ и виду, что знаетъ о ихъ измѣнѣ, что можетъ сокрушить ихъ, если захочетъ. Почтенная черта, тѣмъ болѣе почтенная, что она бываетъ весьма-рѣдка въ министрахъ.

Паденіе Вальполя не произвело никакой перемѣны ни въ системѣ управленія, ни въ положеніи партій. До самаго конца царствованія Георга II власть находилась въ рукахъ виговъ. Мѣсто Вальполя заняли тѣ вожди партіи виговъ, которые въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ боролись съ нимъ въ оппозиціи. Они соединились съ товарищами Вальполя, покинувшими его въ опасности, и держались точно такими же средствами, какими держался павшій министръ. Оппозиція, ниспровергнувшая Вальполя, возбудила въ націи сангвинистическія надежды. Она указывала на Вальполя, какъ на единственную причину всѣхъ недостатковъ дурной системы, которая существовала далеко до вступленія его въ министерство. Она гласила постоянно, что паденіе Вальполя будетъ началомъ новой, лучшей эпохи. Она предвѣщала націи широкія реформы, важныя улучшенія, уничтоженіе системы подкуповъ. Вальполь палъ; но надежды, возбужденныя его противниками, не оправдались. Не послѣдовало никакихъ реформъ и никакихъ улучшеній. Тѣ же самые люди, которые въ оппозиціи декламировали въ великолѣпныхъ фразахъ о тиранніи, о негодныхъ министрахъ, о раболѣпныхъ царедворцахъ, о свободѣ англичанъ, о великой хартіи, о правахъ, за которыя предки проливали кровь,—достигши власти, не нашли лучшаго средства удержать ее за собою, какъ продолженіе системы Вальполя. Все осталось по-прежнему. Наслѣдники Вальполя производили парламентскіе подкупы еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ онъ. Вся разница состояла въ томъ, что вмѣсто одного дѣльнаго министра, Англіею управлялъ цѣлый рядъ посредственныхъ личностей. Борьба о великихъ политическихъ началахъ, о важныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики замолкла; мѣсто ея заняла игра мелкаго честолюбія, личные интересы, соперничество и ничтожныя ссоры незначительныхъ государственныхъ людей, которые вырывали другъ у друга министерскіе портфёли. Партіи, утомленныя продолжительною борьбою, исчерпнувшія свои силы во враждѣ столь многихъ лѣтъ, успокоивались постепенно, и подъ конецъ правленія Георга II дошло до того, что въ парламентѣ почти не существовало никакой оппозиціи. Нація, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, впала въ состояніе совершенной политической апатіи. Декламаціи, обвиненія, клеветы, громкія обѣщанія оппозиціи, воевавшей противъ Вальполя, разгорячили умы, воспламенили

воображеніе націи, возбудили въ ней страсть къ новизнѣ, желаніе перемѣны. Пользуясь такою суммою политической свободы, какой не существовало тогда нигдѣ въ Европѣ, нація вторила крикамъ оппозиціи противъ мнимаго деспотизма ненавистнаго министра и чуть не требовала его головы. Но когда оказалось, что новое министерство не принесло съ собою никакой перемѣны въ системѣ управленія, когда всѣ мечты реформъ разсѣялись, какъ мыльный пузырь, тогда послѣдовало явленіе, обыкновенное въ такихъ случаяхъ. Послѣ горячаго пароксизма, наступилъ пароксизмъ холодный, послѣ неестественнаго, болѣзненнаго возбужденія—неестественное, болѣзненное усыпленіе, послѣ неразумнаго рвенія къ перемѣнамъ и лихорадочнаго стремленія впередъ—равнодушіе, апатія и застой. На цѣлыя пятнадцать лѣтъ нація потеряла всякій интересъ къ политикѣ. Тишина господствовала въ странѣ. Не было ни слѣда никакой агитаціи. Всѣ живые вопросы, волновавшіе умы впродолженіе половины столѣтія, замолкли. Нація занималась торговлею, промышленостью, увеличеніемъ своего матеріальнаго богатства и, предоставивъ заботы о судьбахъ страны вигской кликѣ посредственныхъ государственныхъ людей, смотрѣла съ равнодушіемъ на то, какъ они ссорились между собою за должности, почести и синекуры. Такой застой политической жизни, такое апатическое спокойствіе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока кормило правленія не перешло въ руки геніальнаго министра, который повелъ Англію на новую дорогу и открылъ передъ нею широкую перспективу величія, славы и всемірно-историческихъ подвиговъ. Этимъ геніальнымъ министромъ былъ Питтъ-старшій.

Когда Питтъ сталъ во главѣ управленія, въ нѣдрахъ англійскаго общества совершилась уже великая перемѣна. Къ этому времени пришла къ концу внутренняя работа развитія и перерожденія, которая тихо, медленно и почти незамѣтно продолжалась при первомъ и при второмъ Георгѣ, при Вальполѣ и при незначительныхъ преемникахъ его. Вся масса англійской націи мало-по-малу стала другою. Ея обычаи, понятія и стремленія измѣнились. Въ-теченіе сорока-пяти лѣтъ государствомъ безпрерывно управляла партія виговъ. Виги несвободны были отъ недостатковъ и слабостей человѣческой природы и нерѣдко употребляли во зло власть, которою пользовались. Но они стояли твердо за свою политическую теорію. На этой теоріи основывался престолъ ганноверскаго дома. Два поколѣнія существовало въ Англіи: правительство, которое въ высшей степени заинтересовано было въ распространеніи политическихъ началъ, благопріятствующихъ народной свободѣ, и съ подозрѣніемъ смотрѣло на политическія начала, благопріятствующія произвольной власти; правительство, для котораго республиканецъ былъ сноснѣе и безопаснѣе, чѣмъ приверженецъ теоріи о божественномъ правѣ монархіи, которое покровительствовало либеральнымъ писателямъ, и косо поглядывало на публицистовъ, превозносив-

шихъ прерогативу короны. Понятно, что такое правительство было лучшею школою свободы для англійской націи. Оно воспитало ее въ конституціонныхъ понятіяхъ. Мало-по-малу то, что̀ было сначала ученіемъ незначительнаго меньшинства, проникло въ массу, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ слоевъ общества, перешло въ нравы и привычки всей націи. Въ Англіи существовала, правда, сильная торійская партія, которая держалась ученія противоположнаго вигскому; но характеръ этой партіи измѣнился совершенно съ теченіемъ времени. Партія торіевъ, то-есть защитниковъ королевской прерогативы, создана была для власти. Настоящее ея мѣсто было у кормила правленія. Между-тѣмъ, при первомъ и при второмъ Георгѣ она поставлена была въ положеніе неестественное, противорѣчившее ея природѣ. Впродолженіе сорокапяти лѣтъ она постоянно находилась въ оппозиціи. Это имѣло на нее разлагающее вліяніе. Оппозиція правительству несогласна была съ основными началами торійской партіи. Между политическимъ ея ученіемъ и ея дѣйствіями, между теоріею и практикою, послѣдовалъ совершенный разладъ. Нѣкоторые изъ ея членовъ еще придерживались доктрины о безграничномъ повиновеніи, но не допускали, что ганноверская династія имѣетъ право на такое повиновеніе. Они осуждали сопротивленіе коронѣ; но подъ сопротивленіемъ коронѣ разумѣли исключеніе Іакова III, а вовсе не оппозицію противъ королей Георговъ. То, что̀ казалось имъ непозволительнымъ въ отношеніи къ Стюартамъ, то̀ они считали вполнѣ-позволительнымъ въ отношеніи къ ганноверскимъ монархамъ. Находясь въ оппозиціи противъ вигскаго министерства, торіи постоянно принимали на себя роль защитниковъ народной свободы, истинныхъ друзей націи и возставали на деспотизмъ виговъ. Они дѣйствовали на практикѣ по тѣмъ же началамъ, которыя виги проповѣдовали въ теоріи. Англійскіе радикалы нашихъ дней не говорятъ такимъ языкомъ и такимъ тономъ, какимъ торіи временъ Георга перваго и втораго декламировали противъ чрезмѣрныхъ издержекъ двора, противъ постоянныхъ армій, противъ произвольныхъ мѣръ администраціи, противъ злоупотребленій должностями и синекурами. Такимъ-образомъ начала, благопріятствующія политической свободѣ, поддерживались равнымъ-образомъ и тѣми, которые имѣли въ рукахъ власть, и тѣми, которые были въ оппозиціи. Только на основаніи этихъ началъ виги могли доказать, что король ихъ былъ королемъ de jure. Съ другой стороны, эти же начала служили торіямъ оружіемъ для борьбы противъ короля, котораго они считали только королемъ de facto. Можно сказать, что торіи научились свободѣ въ оппозиціи. Обѣ партіи соперничали между собою въ служеніи свободѣ и старались превзойти другъ друга либерализмомъ. Каждая изъ нихъ хотѣла присвоить себѣ исключительно значеніе поклонника и защитника свободы. Понятно, что отъ этого выигрывала общая свобода цѣлой націи. — Маколей представляетъ взаимное отношеніе партіи

виговъ и партіи торіевъ при первыхъ двухъ Георгахъ нагляднымъ примѣромъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Анны, во время сильной политической борьбы, происходило въ дрэри-ленскомъ театрѣ первое представленіе трагедіи Аддисона «Катонъ». Пьеса исполнена была риторическихъ декламацій о ненависти къ тиранамъ и панегириковъ свободѣ и республиканской доблести. И виги, и торіи толпою явились въ театръ. И тѣ, и другіе хотѣли видѣть въ каждомъ стихѣ комплиментъ для ихъ партіи и нападеніе на ихъ противниковъ. Занавѣсъ опустился посреди единогласнаго грома рукоплесканій. Виги обнимали автора и увѣряли его, что онъ сдѣлалъ неоцѣненную услугу свободѣ. Торійскій статс-секретарь (Болинброкъ) призвалъ къ себѣ въ ложу актера, игравшаго Катона, и публично подарилъ ему кошелекъ съ пятидесятью гинеями за то, что онъ такъ дѣльно защищалъ дѣло свободы. Исторія этой ночи была въ миньятюрѣ исторіею двухъ поколѣній. Постепенно сглаживался тотъ непримиримый, полярный контрастъ, который существовалъ сначала между торіями и вигами. Являлось все болѣе-и-болѣе такихъ пунктовъ, на которыхъ они сходились между собою. Куллоденское сраженіе, въ которомъ разбитъ былъ претендентъ Карлъ-Эдуардъ, нанесло послѣдній, рѣшительный ударъ іакобитамъ. Послѣ этого сраженія самые отъявленные между ними потеряли надежду на реставрацію Стюартовъ, и это послужило въ значительной мѣрѣ къ взаимному сближенію партій. Нѣкогда главною опорою торійской партіи было духовенство; но современемъ большая перемѣна произошла въ самомъ духовенствѣ. При первомъ и при второмъ Георгѣ правительство давало епископство за епископствомъ и деканство за деканствомъ вигамъ и приверженцамъ вѣротерпимости. Слѣдствіемъ этого было то, что самые даровитые и честолюбивые между членами духовенства стали проповѣдывать ученіе виговъ и вѣротерпимость, и высокая церковь потеряла тотъ исключительный политическій характеръ, которымъ отличалась въ прежнее время. Такимъ-образомъ, мало-по-малу, начала революціи 88 года сдѣлались общею почвою и центромъ соединенія для всѣхъ партій; и въ этомъ состоитъ главный результатъ той переходной эпохи, которая лежитъ между смертью королевы Анны и министерствомъ старшаго Питта. «Подъ конецъ царствованія Георга II» говоритъ Маколей: «англійская нація завершила великую политическую и религіозную революцію, которая началась еще въ XVI столѣтіи. Запальчивая вражда сектъ утихла. Даже католики фактически пользовались терпимостью. Они и не смѣли требовать больше. Іакобитизмъ сдѣлался однимъ именемъ. Не осталось никого, кто бы хотѣлъ сражаться за это потерянное дѣло, и немного даже было такихъ, которые еще пили за него. Конституція, купленная такъ дорого, была превозносима и обожаема всѣми партіями. Даже тѣ отличія партій, которыя должны всегда существовать въ свобод-

номъ государствѣ, были едва-замѣтны. Два великія политическія тѣла — торіи и виги — которыя со временъ революціи постепенно стремились къ сближенію, соединились теперь и общими силами поддерживали блестящее министерство, которое сокрушило въ прахъ обѣ вѣтви Бурбоновъ. Великая битва за религіозную и политическую свободу кончилась и была выиграна. Раны были залечены. И побѣдители, и побѣжденные радовались вмѣстѣ. Каждый, кто знакомъ съ политическими писателями прошлаго поколѣнія, помнитъ, въ какихъ словахъ они говорятъ объ этомъ времени. Это былъ лучъ золотаго вѣка согласія и славы, краткій промежутокъ отдыха, которому предшествовали и за которымъ должны были послѣдовать столѣтія агитаціи.»

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано:	Должно быть:
15	18	современникамъ своихъ чувствъ	современникамъ своимъ чувства
34	3	Послѣ словъ: говорить пофранцузски, пропущено: одѣваться пофранцузски.	
35	32	много	многіе
38	20	Лудовикъ XVI	Лудовикъ XIV
45	39	демонстрацію	ремонстрацію
47	14	овладѣло	овладѣвало
65	34	фаворитовъ	фаворитокъ
72	31	разсыпаясь	разсыпался
80	14	болѣзни	боязни
84	6	Іакова	Іаковъ
86	19	однихъ государственныхъ доходовъ	общихъ государственныхъ доходовъ
89	24	возвращенія	возвращеніе
—	40	послѣ: смотрѣли пропущено: на это	
90	28	раздражила	раздражала
93	10	предсѣдательство	предсѣдательства
97	5	Манчіо	Минчіо
103	19	XVII	XVIII
104	13	начало 88 г.	начала 88 г.
112	24	Она	Оно
143	40	согласился	соглашался
146	7	отправлять себя	отравлять себя
147	26	органической	ограниченной

Кромѣ-того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приводимыхъ прямо изъ Маколея, пропущены вводные знаки, или же поставлены не на мѣстѣ, особенно въ шестой лекціи, большая часть которой составлена по Маколею.

АНГЛІЯ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Генриха Вызинскаго

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 12 дня, 1861 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

ЛЕКЦІЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

—

ПИТТЪ СТАРШІЙ И ЛОРДЪ КАРТЕРЕТЪ.

Молодость Питта. — Сравненіе его съ Робертомъ Вальполемъ. — Первые успѣхи Питта въ парламентѣ. — Состояніе страны послѣ паденія Вальполя. — Министерство лорда Картерета. — Война за австрійское наслѣдство. — Борьба Питта противъ Картерета и его ганноверской политики. — Популярность Питта. — Завѣщаніе герцогини Мальборо въ его пользу. — Паденіе Картерета.

Мм. Гг.

Не прежде какъ около половины XVIII столѣтія англійская революція 88-го года стала на твердомъ основаніи. Послѣдняя битва легитимизма была проиграна на Куллоденскомъ полѣ, и продолжительная борьба между началами неограниченнаго и началами отвѣтственнаго правительства рѣшена въ пользу послѣдняго. Но еще до этого событія знаменитый министръ, которому Англія по преимуществу обязана была поддержаніемъ конституціоннаго и протестантскаго престола — сэръ Робертъ Вальполь, — палъ, побѣжденный враждебною коалиціею якобитовъ, торіевъ, недовольныхъ виговъ и факціи наслѣднаго принца. Онъ палъ, потому что

прозаическая его натура не въ состояніи была удовлетворить высшимъ требованіямъ, благороднымъ инстинктамъ націи; потому что, въ теченіе своего двадцатилѣтняго управленія, онъ заботился только о спокойствіи, а не о могуществѣ, не о славѣ, не о величіи страны; потому что, защищая благое и чистое дѣло, онъ умѣлъ служить ему только порочными, нечистыми средствами. Самые сильные удары сэръ Робертъ Вальполь испыталъ въ парламентѣ отъ одного молодаго человѣка, котораго ожидала блестящая будущность. Въ числѣ вождей оппозиціонной коалиціи, стоялъ Вилльямъ Питтъ, впослѣдствіи лордъ Чатамъ, величайшій изъ англійскихъ министровъ, который далъ Англіи то, чего не могъ ей дать сэръ Робертъ, который возвелъ ее на степень первой морской державы въ мірѣ, которымъ гордятся Англичане, какъ Римляне гордились нѣкогда своими Сципіонами.

Вилльямъ Питтъ родился въ 1708 г., въ царствованіе королевы Анны. Подобно Вальполю онъ не принадлежалъ къ высокой аристократіи, къ *nobility*, а вышелъ изъ среды той могущественной *gentry*, которая произвела столько великихъ людей въ Англіи и постоянно пополняла и пополняетъ собою ряды аристократіи. Фамилія Питтовъ была однакожъ весьма древняя и зажиточная. Дѣдъ и отецъ Вилльяма засѣдали въ нижней палатѣ, представляя свои фамильныя мѣстечки. Они не лишены были высокихъ связей; они породнились съ генераломъ Стенгопомъ; но Вилльямъ, какъ младшій сынъ семейства, могъ разсчитывать, по смерти отца, только на небольшой годовой доходъ въ 100 фунтовъ стерлинговъ. Весьма мало осталось извѣстій о его молодости. Мы знаемъ только, что онъ воспитывался въ Итонскомъ училищѣ, послѣ же въ Оксфордскомъ университетѣ, и что уже на школьной скамьѣ, онъ началъ страдать тою страшною хронической болѣзнью,

которая была потомъ бѣдствіемъ всей его жизни и имѣла огромное вліяніе на его характеръ и даже нерѣдко на его поведеніе. Хотя одаренный отъ природы чрезвычайно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, уже на шестнадцатомъ году онъ пораженъ былъ наслѣдственною подагрою. Болѣзнь эта, дурно лечимая, произвела въ немъ раздражительность, которая возрастала съ лѣтами. Частые и сильные припадки подагры возбуждали и разжигали его страстную, пылкую, огненную натуру, ожесточали его, помрачали его духъ. Болѣзненная чувствительность нервовъ, порывы гнѣва и нетерпѣнія, нелюдимость, неуживчивость, странныя причуды великаго министра, — все это въ большой мѣрѣ объясняется его жестокими страданіями. На закатѣ жизни, когда слава его распространилась по всему міру, когда имя Питта наполняло страхомъ всѣхъ враговъ Англіи, онъ представлялъ собою жалкое зрѣлище геніяльнаго человѣка, высокій умъ котораго и могучія душевныя силы по временамъ совершенно упадали подъ гнетомъ неизлечимаго недуга. Но въ молодости, въ университетѣ, подагра не осталась для него безъ пользы. Она не позволяла ему принимать участія въ играхъ товарищей и тратить время на увеселенія. По цѣлымъ недѣлямъ прикованный къ своему креслу, въ уединенной комнатѣ, онъ привыкъ съ ранней юности къ серьёзному настроенію духа. Болѣзнь давала ему много досуга для чтенія и размышленій. Въ книгахъ находилъ онъ забвеніе своихъ страданій. Онъ читалъ и перечитывалъ древнихъ классиковъ и проникался духомъ античнаго міра. Особенно привлекалъ его Демосѳенъ. Изученіе этого оратора въ первый разъ обнаружило молодому человѣку, что въ немъ самомъ есть сила, которая должна была сдѣлать его впослѣдствіи другимъ Демосѳеномъ. Подагра не позволила ему, однакожъ, окончить наукъ въ

университетѣ. Онъ оставилъ Оксфордъ, не получивши ученой степени, и отправился для леченія и перемѣны воздуха за границу. Путешествіе его было довольно продолжительно. Онъ посѣтилъ Францію и Италію, но не нашедши облегченія, возвратился въ Англію. Въ это время умеръ его отецъ. Вилльяму минуло двадцать четыре года; средства его были незначительны; слѣдовало ему избрать себѣ профессію. Неизвѣстно почему, не смотря на подагру, онъ избралъ военную карьеру, и человѣкъ, которому суждено было, черезъ другіе двадцать четыре года, сдѣлаться всемогущимъ диктаторомъ Англіи, началъ свое поприще кавалерійскимъ корнетомъ. Вскорѣ послѣ этого старшій братъ его, Томасъ, избранъ былъ въ парламентъ обоими мѣстечками, принадлежавшими фамиліи Питтовъ—Окгамптонъ и Ольдъ Саромъ. Онъ сдѣлалъ выборъ въ пользу перваго, а второе уступилъ брату, и въ 1735 г. корнетъ Питтъ явился въ нижней палатѣ, на сценѣ, для которой былъ созданъ. Онъ не колебался въ выборѣ партіи. Всѣ инстинкты влекли его на сторону оппозиціи, уже нѣсколько лѣтъ упорно воевавшей противъ сэра Роберта Вальполя. Между нимъ и Вальполемъ не могло быть ничего общаго. Природа создала этихъ двухъ людей естественными антагонистами. Они представляли собою живѣйшій контрастъ. Все, чего недоставало Вальполю, съ избыткомъ находилось въ Питтѣ. Сэръ Робертъ былъ человѣкъ посредственныхъ талантовъ. Питтъ блисталъ геніяльными дарованіями. Сэръ Робертъ отличался всегдашнимъ спокойствіемъ, хладнокровіемъ и ровностью темперамента. Въ душѣ Питта горѣли сильныя страсти, и онъ легко поддавался увлеченіямъ. Отличительною чертою сэра Роберта была осторожность: отличительною чертою Питта — смѣлость. Сэръ Робертъ обнаруживалъ во всемъ здравый практическій смыслъ, холод-

ный разсудокъ и былъ человѣкъ рутины. Въ Питтѣ преобладало воображеніе; голова его была способна созидать великіе планы, ориганальные помыслы; онъ былъ человѣкъ иниціативы и дѣйствовалъ по внезапному вдохновенію. Сэръ Робертъ отличался пассивною стойкостью: Питтъ—энергіею въ дѣйствіи. Для сэра Роберта на первомъ планѣ всегда стояла польза: для Питта—слава. Характеру сэра Роберта недоставало величія и нравственной возвышенности; онъ былъ циникъ, неразборчивый на средства. Въ характерѣ Питта все носило на себѣ отпечатокъ величія; онъ стоялъ выше всѣхъ современниковъ нравственною чистотою и былъ совершенно недоступенъ мелкимъ и низкимъ побужденіямъ; горячій энтузіазмъ ко всему великому, прекрасному, благородному наполнялъ его душу. Сэръ Робертъ любилъ свою страну и служилъ ей вѣрно; но дальше ея внутренней и внѣшней безопасности не простирались его цѣли. Любовь Питта къ отечеству имѣла характеръ восторженнаго и гордаго патріотизма. Онъ любилъ Англію такъ, какъ Римляне любили свой вѣчный городъ, исключительною, ревнивою, безпощадною любовью. Онъ желалъ видѣть ее самою великою и самою могущественною державою въ мірѣ; онъ желалъ, чтобы другія державы трепетали при одномъ имени Англіи. Понятно, что человѣкъ такого закала долженъ былъ осуждать и внѣшнюю, и внутреннюю политику Вальполя. Миролюбіе и уступчивость Вальполя во внѣшнихъ сношеніяхъ казались ему униженіемъ для Англіи. Нечистыя средства, которыми министръ этотъ пріобрѣталъ большинство въ палатахъ и управлялъ страною, внушали ему глубокое отвращеніе. Поэтому, избранный въ парламентъ, онъ прямо сталъ въ ряды тѣхъ юныхъ энтузіастовъ и патріотовъ, вопившихъ противъ подкуповъ и боязливой политики правительства, кото-

рыхъ сэръ Робертъ презрительно называлъ „мальчишками.“ Уже первыя рѣчи Питта произвели впечатлѣніе въ палатѣ и заявили въ немъ оратора самыхъ высокихъ достоинствъ. Сэръ Робертъ своимъ тонкимъ чутьемъ сейчасъ угадалъ въ немъ опаснаго противника. Декламаціи „мальчишекъ“ начинали надоѣдать ему. Теперь къ нимъ присоединился новый борецъ, болѣе запальчивый, чѣмъ другіе. Сэръ Робертъ вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился показать примѣръ строгости. Послѣ одной сильной выходки Питта, онъ сказалъ обычнымъ своимъ грубымъ и циническимъ тономъ: — „Нужно наложить намордникъ этому свирѣпому корнету!“—и на другой день отнялъ у него офицерскій патентъ. Мѣра эта имѣла такія послѣдствія, какія всегда ведетъ за собою мелкое преслѣдованіе правительства. Ударъ палъ не на Питта, а на самого Вальполя. Какъ жертва министерскаго деспотизма, Питтъ окруженъ былъ ореоломъ популярности при самомъ началѣ своей карьеры. Журналы писали ему панегирики; поэты воспѣвали его въ стихахъ; принцъ Валлійскій, глава оппозиціи недовольныхъ виговъ, поспѣшилъ вознаградить ему потерю офицерскаго чина мѣстомъ въ своемъ придворномъ штатѣ, и Питтъ продолжалъ нападать на Вальполя съ такою же энергіею, но съ бо̀льшимъ авторитетомъ. Въ оппозиціи, которая соединяла въ себѣ всѣ таланты страны, онъ блисталъ между всѣми и подымался какъ высокій дубъ посреди небольшихъ деревьевъ. Во всѣхъ важныхъ дебатахъ послѣднихъ годовъ министерства Вальполя онъ принималъ дѣятельное участіе, и плохо приходилось сэру Роберту отъ мѣткихъ его ударовъ. Оппозиція вогнала миролюбиваго министра въ безразсудную войну съ Испаніею. Питтъ требовалъ войны съ Испаніею громче, чѣмъ кто-либо въ палатѣ; но между тѣмъ какъ воинственные возгласы другихъ предводите-

лей оппозиціи проистекали большею частью отъ жажды министерскихъ портфелей, побужденіемъ Питта былъ чистый патріотизмъ, дурно понятый, но безкорыстный. Испанская война, предпринятая Вальполемъ противъ воли и убѣжденія, оказалась неудачною, и это рѣшило его участь. Оппозиція достигла наконецъ цѣли десятилѣтнихъ усилій. Въ началѣ 1742 г. знаменитый министръ былъ свергнутъ ею съ поста, на которомъ онъ держался съ такимъ отчаяннымъ упорствомъ. Питтъ былъ главнымъ участникомъ въ этомъ вожделѣнномъ результатѣ; но не ему достались плоды побѣды. Паденіе Вальполя разорвало слабую связь, которая соединяла вмѣстѣ разнородные, другъ другу противоположные элементы воевавшей противъ него коалиціи. Вальполь былъ ключемъ въ сводѣ оппозиціи, выстроенномъ изъ дурно сплоченныхъ матеріяловъ. Ключъ былъ вынутъ, и сводъ распался. Какъ скоро не стало ненавистнаго министра, въ рядахъ противниковъ его началось замѣшательство и вспыхнули раздоры. Якобиты, торіи, недовольные виги, патріоты и приверженцы наслѣднаго принца пошли врозь, и невозможно было согласить ихъ противоположныхъ требованій. Каждый изъ главныхъ вождей оппозиціи надѣялся быть первымъ министромъ послѣ паденія Вальполя; всѣ сколько-нибудь значительные члены оппозиціи ожидали для себя мѣстъ въ новомъ кабинетѣ, а простые послѣдователи, которые, молча, всегда вотировали съ оппозиціею, требовали, въ награду за услуги, синекуръ и пенсій. Якобиты ожидали, что паденіе Вальполя будетъ сигналомъ возстановленія Стюартовъ; торіи—что возвратятся для нихъ золотые дни королевы Анны; патріоты и крайніе виги — что новое правительство будетъ дѣйствовать въ ихъ духѣ, уничтожитъ язву подкуповъ, произведетъ широкія реформы въ конституціи и возвыситъ внѣш-

нее достоинство страны. Нація, которая, повѣривъ на слово декламаціямъ, обвиненіямъ, клеветамъ и громкимъ обѣщаніямъ оппозиціи, помогала ей своими криками травить одного человѣка, ожидала теперь исполненія обѣщаній и наступленія эпохи еще небывалаго благополучія. Чернь, доведенная до бѣшенства демагогами, требовала головы павшаго министра, влачила куклу, сдѣланную на подобіе его, по улицамъ Лондона, жгла ее вмѣстѣ съ куклою діавола и съ нетерпѣніемъ ждала завлекательнаго зрѣлища казни на Товеръ-Гиллѣ. Но не исполнилось ни одно изъ этихъ ожиданій. Претендентовъ на министерскіе портфели было такъ много, что, если бы вмѣсто одного, существовало десять мѣстъ перваго лорда казначейства, и если бы кабинетъ состоялъ не изъ восьми, а изъ пятидесяти членовъ, то всего этого оказалось бы мало. Трудно было удовлетворить всѣхъ; поэтому не былъ удовлетворенъ никто. Товарищи Вальполя, покинувшіе его въ опасности, сговорились съ двумя, тремя болѣе уступчивыми членами оппозиціи и допустили ихъ въ министерство. Патріоты, „мальчишки", какъ называлъ ихъ сэръ Робертъ, были обойдены. Ни Питтъ, ни друзья его не получили портфелей, и новый кабинетъ отличался отъ прежняго только тѣмъ, что ему не доставало грубоватой и улыбающейся фигуры сэра Роберта. О реформахъ не было и рѣчи. Товарищи и ученики Вальполя принялись продолжать дѣло своего учителя. Подкупы не прекратились, а разцвѣли еще больше. Голова сэра Роберта осталась на его плечахъ, и лондонская чернь лишена была удовольствія видѣть интересное зрѣлище на Товеръ-Гиллѣ. Наступило всеобщее разочарованіе. Все осталось попрежнему. Перемѣна состояла только въ томъ, что два, три джентльмена, сидѣвшіе прежде въ палатѣ на скамьяхъ оппозиціи, перемѣстились на скамьи министерства.

Между товарищами Вальполя братья Пельгемы—младшій, Генри Пельгемъ и старшій, герцогъ Ньюкэстль—занимали первое мѣсто. Они охотно сбыли съ рукъ своего главу, потому-что имъ жестоко надоѣла та роль, которую заставлялъ ихъ играть сэръ Робертъ. Онъ требовалъ отъ всѣхъ членовъ своего кабинета безусловнаго подчиненія и не оставлялъ имъ ни тѣни самостоятельности. Братьямъ Пельгемамъ наскучило быть въ кабинетѣ одними цифрами; поэтому они и выдали Вальполя оппозиціи, надѣясь присвоить себѣ вполнѣ его наслѣдіе. Но не прошло трехъ мѣсяцевъ, и опять они принуждены были подчиниться авторитету одного изъ новыхъ своихъ товарищей, взятыхъ изъ рядовъ оппозиціи. Этимъ новымъ товарищемъ Пельгемовъ былъ старый соперникъ Вальполя, лордъ Картеретъ. Пельгемы дали ему мѣсто статсъ-секретаря въ своемъ кабинетѣ; но онъ далеко превосходилъ ихъ и дарованіями, и характеромъ, и не пользуясь титуломъ, на дѣлѣ сталъ первымъ министромъ. Лордъ Картеретъ представляетъ собою одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ англійской исторіи XVIII столѣтія. Это былъ если не самый великій, то несомнѣнно самый веселый изъ всѣхъ англійскихъ министровъ. Природа щедро надѣлила его талантами, нужными для политическаго дѣятеля. Онъ могъ соперничать умомъ, смѣлостью, энергіею и краснорѣчіемъ съ первыми государственными людьми своего вѣка. Какъ ораторъ, онъ уступалъ только одному Питту; какъ *дебетеръ*, онъ не имѣлъ себѣ равнаго въ палатахъ. Съ этими свойствами Картеретъ соединялъ громадную ученость. Знакомство его съ новыми языками было изумительно. Онъ говорилъ и писалъ пофранцузски, поитальянски, поиспански, попортугальски, понѣмецки и даже пошведски, какъ на родномъ нарѣчіи. Ни одна область человѣческаго знанія не была для него чуждою. Онъ изучилъ все, что произвели универси-

теты Голландіи и Германіи. Онъ могъ читать лекціи о публичномъ правѣ. Онъ могъ засѣдать въ синодахъ и спорить побѣдоносно съ богословами. Записные ученые приходили въ изумленіе, когда онъ рѣшалъ имъ самые запутанные вопросы филологіи. При всемъ томъ Картеретъ нисколько не былъ педантомъ. Все кипѣло въ немъ жизнью. Рѣчи его въ парламентѣ исполнены были жара и одушевленія. Мѣры его въ кабинетѣ отличались быстротою и рѣшительностью. Въ обществѣ онъ нравился своимъ открытымъ нравомъ, пріятными манерами и блестящимъ остроуміемъ. Одно свойство особенно преобладало въ немъ надъ другими — постоянная бодрость, неистребимая веселость. Всегда, во всякое время онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, и ничто не могло испортить ему этого счастливаго настроенія. Ни публичныя бѣдствія, ни частныя неудачи, ни удары судьбы, ни злоба людей не дѣйствовали на него. Съ утра до вечера онъ заливался сердечнымъ смѣхомъ. Все казалось ему въ розовомъ цвѣтѣ. Онъ не зналъ вовсе, что такое досада, и никто не замѣчалъ въ немъ слѣда желчи. Вся жизнь этого человѣка прошла въ состояніи какого-то радостнаго возбужденія, которое онъ обильно поддерживалъ шампанскимъ и кларетомъ. Вакхическія привычки сильно господствовали надъ нимъ. Честолюбіе, говоритъ графъ Стенгопъ (lord Mahon), управляло его дѣйствіями, но еще чаще—вино. Двѣ бутылки кларета, которыя стали для него ежедневною необходимостью, дѣлали его вполнѣ счастливымъ и совершенно независимымъ—отъ дѣлъ государственныхъ. Въ такомъ состояніи совершенной независимости онъ являлся въ засѣданіе министровъ и читалъ имъ любовныя письма своей невѣсты или разсказывалъ, какіе бриліянты намѣренъ поднести ей въ подарокъ. Одинъ недостатокъ мѣшалъ ему быть въ самомъ дѣлѣ великимъ ми-

нистромъ. При всемъ блескѣ дарованій, ему недоставало постоянства и выдержанности. Онъ воспламенялся легко, но остывалъ скоро. Онъ бросался съ жаромъ на все, дѣлалъ множество проектовъ и плановъ, но первый охладѣвалъ къ нимъ и мало заботился объ ихъ исполненіи. Какая-то эпикурейская беззаботность и наклонность къ безпечному нерадѣнію лежали въ основаніи его характера. По временамъ онъ сбрасывалъ съ себя это нерадѣніе и подымался къ дѣйствію, но умѣлъ дѣйствовать только порывами, вспышками и скачками.

Странно сказать, что человѣкъ этотъ, который, казалось, могъ быть любимцемъ всѣхъ и каждаго, сталъ самымъ непопулярнымъ министромъ въ Англіи. Несчастіемъ его было то, что управленіе его началось во время всеобщаго разочарованія, наступившаго послѣ паденія Вальполя. Картеретъ сдѣлался жертвою этого разочарованія. Нація, горько обманутая въ своихъ надеждахъ оппозиціею, негодовала, и нужно ей было излить на кого-нибудь свое негодованіе. Народный гнѣвъ въ такихъ случаяхъ не разбираетъ. Онъ падаетъ, безъ различія, на всякаго, кто представляется первый. Картеретъ, естественно, представился первый. Онъ былъ главный министръ. Ему досталось наслѣдіе Вальполя. Онъ и долженъ былъ испытать на себѣ взрывъ народнаго неудовольствія. Непопулярность Картерета проистекала еще отъ другой, болѣе важной причины. Не только новое министерство, котораго онъ былъ главою, не исполнило никакихъ обѣщаній оппозиціи; не только оно не измѣнило ни въ чемъ старой, дурной системы управленія; не только продолжались при немъ прежнія злоупотребленія: постыдная торговля парламентскими мѣстами, барышничаніе голосами и наводненіе обѣихъ палатъ пансіонерами правительства; — стало хуже. Министерство

лорда Картерета пустилось во внѣшней политикѣ на такія дѣла, какія были бы совершенно невозможны при Вальполѣ. Король Георгъ II, который до конца жизни остался на англійскомъ престолѣ ганноверскимъ курфирстомъ, постоянно стремился къ тому, чтобы средствами Англіи служить интересамъ своего любимаго Ганновера. Онъ носился безпрестанно съ разными дипломатическими и военными проектами, цѣлью которыхъ было увеличеніе или безопасность курфиршества. Всякій разъ, какъ скоро дѣла запутывались на континентѣ, ему непремѣнно хотѣлось вмѣшиваться. Но Вальполь сдерживалъ всегда его воинственные порывы, противодѣйствовалъ его мелкимъ ганноверскимъ планамъ и не позволялъ ему вовлекать Англію въ континентальныя компликаціи, въ европейскія войны, ради выгодъ одного Ганновера. Теперь все перемѣнилось. Лордъ Картеретъ умѣлъ пріобрѣсти себѣ расположеніе Георга II и сдѣлался его любимцемъ. Онъ услаждалъ слухъ стараго короля чистымъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ, которое было недоступно другимъ министрамъ. Чтобы упрочить милость короля и усилить свое вліяніе на него, онъ рѣшился угождать его ганноверскимъ пристрастіямъ и поддерживать его континентальные планы. Къ этому побуждало Картерета еще другое. Ему хотѣлось дѣятельности громкой, блестящей, широкой. Ему хотѣлось наполнить своимъ именемъ всю Европу. Мелочи администраціи, рутинныя занятія и черную работу внутренняго управленія онъ считалъ недостойными своихъ талантовъ. Онъ предоставилъ все это братьямъ Пельгемамъ; онъ предоставилъ имъ и патронатъ, т. е. право назначать на всѣ должности, и распоряженіе секретнымъ фондомъ, и сложное дѣло парламентскихъ подкуповъ, а самъ занялся исключительно иностранною политикою. Тутъ онъ могъ развивать дѣятельность, которая

льстила его честолюбію и шла наиболѣе къ его задорной эксцентрической натурѣ. Тутъ онъ могъ дѣлать проекты, заводить переговоры, составлять коалиціи, заключать трактаты, задумывать планы кампаній. Король Георгъ былъ въ восторгѣ отъ своего новаго министра. Картеретъ овладѣлъ совершенно его волею, пустился съ нимъ вмѣстѣ въ омутъ континентальной политики и положилъ начало той системѣ иностранныхъ субсидій и наемныхъ войскъ, которая была язвою Англіи въ теченіе почти цѣлаго столѣтія.

Еще до паденія Вальполя новая европейская война начачась на континентѣ. Императоръ Карлъ VI, послѣдній изъ австрійскихъ Габсбурговъ, скончался. Задолго до смерти онъ передалъ торжественнымъ актомъ всѣ владѣнія австрійскаго дома единственной дочери своей, Маріи Терезіи, и всѣ европейскія державы скрѣпили этотъ актъ. Но едва успѣлъ закрыть глаза старый императоръ, какъ тѣ же самыя державы, близкіе сосѣди Маріи Терезіи, бросились обирать наслѣдіе безпомощной женщины. Пруссія, Франція, Баварія, Саксонія, Испанія и Сардинія составили противъ нея громадную коалицію, и опять повторилось зрѣлище, которое видѣла Европа при смерти послѣдняго изъ испанскихъ Габсбурговъ. Дѣло началось съ легкой руки прусскаго монарха. Фридрихъ Великій, король-философъ, который не переставалъ толковать о филантропіи и написалъ трактатъ противъ Маккіавелли, въ первый разъ обнаружилъ тогда, въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ философію. Безъ объявленія войны, безъ всякихъ предварительныхъ дипломатическихъ формъ онъ нагрянулъ съ войскомъ на Силезію и присвоилъ себѣ эту богатую провинцію, алмазъ австрійской короны. Другіе послѣдовали назидательному примѣру. Моравія, Богемія, Люзація и даже передняя Австрія были заняты чужими войсками. Франція устрем-

ляла взглядъ на Бельгію, Сардинія—на Миланъ. Только одна храбрая венгерская нація стояла еще за свою молодую королеву. Король Георгъ II, въ качествѣ своемъ ганноверскаго курфирста, обязанъ былъ помогать дочери императора. На этотъ случай существовали прежніе трактаты. Но не эти трактаты и не романтическія тоже чувства склонили Георга принять защиту обиженной дамы. Онъ думалъ прежде всего о своемъ Ганноверѣ. Онъ боялся съ одной стороны Французовъ, а съ другой прусскій племянникъ внушалъ ему не меньшія опасенія. Племянникъ не питалъ особенной любви къ своему дяди. Послѣ силезской продѣлки довѣрять ему было невозможно. Онъ могъ сдѣлать съ Ганноверомъ тоже, что такъ отлично удалось ему съ Силезіею. Увѣренный въ услужливости Картерета, Георгъ поспѣшилъ обезпечить Ганноверъ англійскими деньгами и англійскою кровью. Дѣло, конечно, не въ такомъ видѣ представлено было парламенту и націи. Картеретъ прикрылъ ганноверскія мелочи громкими фразами о политическомъ равновѣсіи Европы, о святости трактатовъ, о интересахъ Англіи, какъ великой державы. Онъ хотѣлъ возобновить преславную политику Вильгельма III и герцога Мальборо; онъ хотѣлъ поддержать Австрію, старую, естественную союзницу Англіи; онъ хотѣлъ смирить гордость дома Бурбоновъ, и остановить честолюбивые замыслы Франціи; онъ хотѣлъ возвратить Англіи роль, данную ей Провидѣніемъ, роль блюстительницы политическаго равновѣсія на континентѣ. Для этого-то политическаго равновѣсія шестнадцать тысячъ ганноверскихъ солдатъ взяты были на англійское жалованье; для этого разные мелкіе нѣмецкіе князья, всегда готовые продавать своихъ подданныхъ въ чужестранную службу, щедро надѣлены были субсидіями; для этого многочисленная и пестрая англійская армія, составленная

изъ наемниковъ всѣхъ возможныхъ націй, явилась въ Германіи. Но не такъ легко было обольстить Англичанъ громкими фразами. Нація понимала, что дѣло идетъ собственно о защитѣ Ганновера и что ей придется платить деньги и проливать кровь за чужіе интересы. Поэтому мѣры, предпринятыя Картеретомъ, возбудили въ странѣ всеобщее неудовольствіе и удвоили его непопулярность. Конечно, правительство могло сдѣлать все съ продажнымъ парламентомъ. Нижняя палата, наполненная чиновниками, пансіонерами, синекуристами и подкупленными членами, нисколько не выражала собою настоящихъ желаній націи. При тогдашнемъ дурномъ устройствѣ представительной системы, министерство всегда могло сколотить себѣ большинство для всякаго своего предложенія. Однакожь, даже въ такомъ, на половину купленномъ парламентѣ, политика Картерета вызвала могущественную оппозицію. Нижняя палата вотировала суммы на содержаніе шестнадцати тысячъ ганноверскихъ солдатъ, но только 260 голосовъ оказалось въ пользу министерства; а 193 было противъ него. Это послѣднее число обнаружило силу оппозиціи. Оппозиція дѣйствительно была сильна. Коалиція, разстроенная на нѣкоторое время паденіемъ Вальполя, сложилась опять въ прежнемъ видѣ. Составъ новаго кабинета не удовлетворилъ никого. Противники Вальполя, обманутые въ надеждахъ на министерскіе портфели, возвратились къ старому ремеслу патріотовъ и обратили теперь противъ Картерета то оружіе, которымъ воевали съ предшественникомъ его. Уже черезъ нѣсколько недѣль по вступленіи въ кабинетъ веселый министръ увидѣлъ передъ собою фалангу столь же многочисленную, столь же грозную и столь же враждебную, какъ та, которая сокрушила его предшественника; и послѣ краткаго перемирія, открылась новая парламентская кампа-

нія. Въ этой новой кампаніи Питтъ принялъ главное начальство. Мистификація, послѣдовавшая за паденіемъ Вальполя, оскорбила его больше, чѣмъ кого-либо. Онъ горько ошибся въ человѣкѣ, къ которому питалъ довѣріе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Картеретъ былъ союзникомъ его въ оппозиціи. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оба они дѣйствовавали вмѣстѣ, преслѣдовали однѣ цѣли, служили однимъ убѣжденіямъ. Теперь этотъ союзникъ, столь горячій и повидимому столь надежный, вступилъ въ позорную сдѣлку съ братьями Пельгемами и принялся продолжать систему, которую осуждалъ еще такъ недавно. Высоко честная натура Питта возмутилась противъ такого поведенія. Въ глазахъ его—это была измѣна, постыдная измѣна, отступничество отъ началъ чистаго вигизма. Внѣшняя политика Картерета еще въ большей степени возбудила его негодованіе. Она уязвила самую чувствительную сторону его сердца, она оскорбила его патріотическую гордость. Служеніе ганноверскимъ интересамъ представлялось ему еще болѣе унизительнымъ для Англіи, чѣмъ излишнее миролюбіе Вальполя. Все, что было въ немъ энергіи, жара и краснорѣчія, онъ употребилъ въ дѣло, чтобъ поразить министра, который безчестилъ Англію. Пламенемъ загорѣлась его страстная натура. Каждую ночь онъ гремѣлъ въ палатѣ противъ Картерета и изливалъ на него свой гнѣвъ и свое презрѣніе. Онъ называлъ его ганноверскимъ министромъ, безсовѣстнымъ министромъ, негоднымъ министромъ, злодѣйскимъ министромъ. Даже Вальполь, въ минуты наиболѣе ожесточеннаго парламентскаго боя, не испыталъ отъ него такихъ безпощадныхъ нападокъ. Увлеченный негодованіемъ онъ не щадилъ и самого короля Георга. Онъ отзывался съ горькою ироніею о любви его къ Ганноверу и называлъ ее

смѣшнымъ, неблагодарнымъ, вѣроломнымъ пристрастіемъ. Онъ издѣвался надъ ганноверскими солдатами и называлъ ихъ худшими солдатами въ мірѣ. Ганноверъ былъ постояннымъ предметомъ его язвительныхъ насмѣшекъ. Онъ возставалъ противъ ежегодныхъ, продолжительныхъ поѣздокъ короля въ эту „прелестную страну, которая стоила такихъ огромныхъ суммъ Англіи.“ Пренебреженіе, оказываемое Англіи Георгомъ, было не выносимо для его гордаго національнаго чувства. Личное самолюбіе его, какъ Англичанина, страдало. „Я вижу, сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ, что наша великая, наша могущественная, наша знаменитая держава считается теперь провинціею ничтожнаго курфиршерства!“

Время борьбы противъ Картерета было одною изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ жизни Питта и рѣшительнымъ моментомъ въ его публичной карьерѣ. Молодость его прошла. Онъ находился теперь въ силѣ мужества, и Вальполь не могъ бы уже назвать его „мальчишкою“. Дарованія его достигли полнаго развитія. Характеръ его совершенно сложился. Онъ сталъ первымъ ораторомъ въ нижней палатѣ и не было никого, кто бы могъ быть его соперникомъ. Почти всѣ прежніе предводители оппозиціи оставили сцену. Нѣкоторые изъ нихъ сошли въ могилу; другіе состарѣлись; иные перешли въ палату лордовъ и успокоились въ этомъ пріютѣ всѣхъ пожилыхъ знаменитостей Англіи. Питтъ остался одинъ и господствовалъ теперь безусловно, какъ вождь оппозиціи. На него обращены были взоры всей націи. Онъ сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ странѣ. Слова его въ палатѣ отзывались въ сердцѣ всякаго Англичанина. Онъ говорилъ то, что у всѣхъ было на мысли. Онъ умѣлъ отгадывать всегда народные инстинкты. Нація видѣла въ немъ лучшаго пред-

ставителя своихъ чувствъ и своихъ желаній, и возложила на него большія надежды. Съ тѣхъ поръ она не переставала смотрѣть на него, какъ на единственнаго человѣка, который былъ вполнѣ достоинъ управлять ея судьбами. Все улыбалось Питту. Неожиданный coup de fortune поправилъ даже матеріяльное его положеніе. Въ это время скончалась старая герцогиня Мальборо, успѣвъ возненавидѣть цѣлый міръ. Она преслѣдовала своею ненавистью Вальполя, потомъ точно также стала ненавидѣть Картерета. Питтъ былъ самымъ безпощаднымъ изъ противниковъ того и другаго; поэтому именно она пришла въ восторгъ отъ Питта. Восьмидесятилѣтняя старуха почти влюбилась въ великаго оратора и, желая дать ему доказательство своей нѣжности, оставила ему въ завѣщаніи десять тысячъ фунтовъ. При бѣдности Питта сумма эта имѣла для него значеніе милліона. Она обезпечила его независимость и позволила ему дѣйствовать свободнѣе. Ему нечего было теперь опасаться гнѣва правительства. Не нуждаясь ни въ какой должности, онъ сталъ еще смѣлѣе въ своихъ нападкахъ на политику министерства и въ своихъ сарказмахъ противъ короля Георга. — Но между тѣмъ какъ Питтъ выбивался изъ силъ въ оппозиціи, лордъ Картеретъ беззаботно продолжалъ свое дѣло въ кабинетѣ. Жестокіе удары Питта, усиливавшаяся оппозиція въ обѣихъ палатахъ, громкое неудовольствіе націи нисколько не безпокоили его. Увѣренный въ своихъ талантахъ и въ милости короля, онъ встрѣчалъ всѣ нападки противниковъ съ какою-то веселою наглостью и слѣдовалъ порывамъ своей эксцентрической фантазіи съ непонятнымъ легкомысліемъ. Голова его постоянно была полна новыхъ экспедицій, трактатовъ, переговоровъ и дипломатическихъ комбинацій. Онъ радовался, что удалось ему взмутить и привести въ движеніе весь континентъ и, казалось, ста-

рался нарочно запутать дѣла еще больше. Побѣда англійской арміи надъ Французами при Деттингенѣ увеличила его самоувѣренность и прибавила ему отваги. Но упоенный побѣдою и еще болѣе шампанскимъ, Картеретъ не замѣчалъ вовсе, что почва, на которой онъ стоялъ, начинала колебаться подъ его ногами. Братья Пельгемы давно уже были недовольны имъ. Они поняли, какъ вреденъ былъ для нихъ такого рода товарищъ. Чрезвычайная непопулярность его падала тоже и на нихъ. Картеретъ компрометировалъ своею политикою все министерство. Возрастающая оппозиція въ парламентѣ, крики недовольной націи сильно тревожили братьевъ Пельгемовъ. Они начали опасаться за себя. Они предвидѣли, что Картеретъ не въ состояніи будетъ удержаться долго противъ Питта и друзей его въ нижней палатѣ, и боялись, чтобы онъ не увлекъ ихъ съ собою вмѣстѣ въ своемъ паденіи. Поэтому они рѣшились сбыть съ рукъ опаснаго товарища точно такимъ же образомъ, какимъ прежде сбыли съ рукъ Роберта Вальполя. Картеретъ самъ снабдилъ ихъ нужнымъ для этого орудіемъ. Занятый великими дѣлами, погруженный въ дипломатическіе и военные планы, онъ пренебрегалъ всѣми тѣми мелкими средствами, которыми Вальполь поддерживалъ свою власть въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ. Онъ предоставилъ братьямъ Пельгемамъ дѣло подкуповъ. Онъ предоставилъ имъ патронатъ государства и церкви, считая все это бездѣлицею, недостойною его заботъ. Однажды главный судья Виллсъ просилъ у него должности для какого-то своего знакомаго. Картеретъ отвѣтилъ, что это вовсе не касается до него.—„Что мнѣ за дѣло до того, кто будетъ судьею, а кто епископомъ! Мое призваніе производить королей и императоровъ и поддерживать равновѣсіе на континентѣ. У меня нѣтъ времени для пустяковъ!“—„Если такъ, сказалъ Виллсъ,

то вы можете быть увѣрены, что желающіе получить должности пойдутъ къ тѣмъ, у кого больше времени". У Пельгемовъ было много времени; ловкость въ подкупахъ и искусное пользованіе патронатомъ было ихъ спеціальностью; къ нимъ и обратились всѣ искатели мѣстъ, синекуръ и пенсій и всѣ члены парламента, которые имѣли голосъ для продажи. Такимъ образомъ Пельгемы пріобрѣли себѣ множество личныхъ приверженцевъ въ нижней палатѣ и подкапывали мало-по-малу вліяніе Картерета. Наученные опытомъ, они поняли, что никакое министерство не удержится, покамѣстъ Питтъ будетъ вождемъ оппозиціи и покамѣстъ въ палатѣ существовать будетъ оппозиціонная коалиція недовольныхъ виговъ съ другими партіями. Поэтому они вступили въ переговоры съ Питтомъ и его друзьями, обѣщали имъ пожертвовать Картеретомъ, допустить въ министерство всѣ оттѣнки оппозиціи, всѣхъ недовольныхъ виговъ, и сдѣлать принципомъ новаго кабинета перемѣну внѣшней политики и уменьшеніе иностранныхъ субсидій. Переговоры увѣнчались успѣхомъ. Питтъ и друзья его согласились предоставить власть Пельгемамъ на такомъ основаніи. Оставалось только исполнить этотъ парламентскій заговоръ. Онъ исполненъ былъ легко и скоро. Въ началѣ ноября 1744 г., передъ открытіемъ палатъ, происходило засѣданіе кабинета въ полномъ его составѣ. Лордъ Картеретъ, который и не подозрѣвалъ даже, какая буря собралась надъ его головою, явился въ засѣданіе въ великолѣпномъ расположеніи духа, съ лицомъ сіяющимъ отъ удовольствія, и открылъ совѣщанія громкимъ хохотомъ и разными шутками. Потомъ онъ предложилъ потребовать опять у парламента новыхъ суммъ на содержаніе шестнадцати тысячъ ганноверскихъ солдатъ. Тогда послѣдовалъ ударъ. Всѣ министры до одного подали голосъ противъ него

и объявили прямо, что не хотятъ больше поддерживать его политику и служить съ нимъ вмѣстѣ. Картеретъ закрылъ засѣданіе и подалъ въ отставку. Король Георгъ долго сопротивлялся принять ее. Ему не хотѣлось разстаться съ любимцемъ. Но братья Пельгемы грозили. Соединившись съ оппозиціею, они стали теперь всемогущими, и старый король принужденъ былъ покориться необходимости. Такъ кончилось министерство Картерета, которое Англичане удачно прозвавали „хмѣльнымъ министерствомъ". Веселый министръ остался до конца вѣренъ своей натурѣ. Внезапное паденіе нисколько не оскорбило и не огорчило его. Смѣясь онъ вступилъ въ кабинетъ, смѣясь онъ оставилъ его и возвратился къ своимъ книгамъ и къ своему кларету, какъ будто ничего не бывало. Товарищи поступили съ нимъ измѣннически, но онъ не показалъ имъ ни малѣйшей досады и, какъ говоритъ Горасъ Вальполь, не испыталъ вообще никакого другаго чувства, кромѣ — жажды.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

—

БРАТЬЯ ПЕЛЬГЕМЫ.

Общая характеристика царствованія Георга II.—Англійская конституція при Георгѣ II.—Состояніе націи въ это время.—Застой политической жизни.— Вигскія котеріи. — Министерство братьевъ Пельгемовъ. — Генри Пельгемъ.—Герцогъ Ньюкэстль.

Мм. Гг.

Во всякой странѣ, пользующейся свободными учрежденіями, столкновеніе противоположныхъ политическихъ началъ, борьба общественныхъ интересовъ и вообще важные жизненные вопросы вызываютъ собою существованіе сильныхъ, стройно организованныхъ политическихъ партій. Постояннымъ взаимодѣйствіемъ такихъ партій совершается движеніе исторической жизни страны. Но въ этомъ движеніи бываютъ иногда минуты отдыха и остановки, когда, послѣ продолжительной борьбы, то или другое политическое начало достигаетъ полнаго осуществленія и всеобщаго признанія, когда между враждовавшими интересами водворяется гармонія, ког-

да поднятые великіе вопросы доходятъ до окончательнаго разрѣшенія, и на ихъ мѣсто еще не появляется новыхъ. Такія минуты остановки въ развитіи, такіе промежутки застоя въ движеніи дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на политическія партіи. Вмѣсто общихъ началъ и великихъ вопросовъ выступаютъ на сцену личные интересы, личное честолюбіе, личныя симпатіи и антипатіи. Единство и крѣпкая организація партій исчезаетъ; онѣ дробятся, распадаются на мелкія факціи, на котеріи, раздѣленныя между собою не убѣжденіями, а личною непріязнію и соперничествомъ своихъ членовъ, выставляющія на знаменахъ своихъ не политическія ученія, а имена предводителей. Царствованіе Георга II было эпохою такихъ мелкихъ факцій. Въ прежнее время вопросъ о существованіи въ Англіи абсолютной или конституціонной монархіи, вопросъ между Стюартами и новою династіею, ставилъ другъ противъ друга двѣ великія и сильныя политическія партіи—торіевъ и виговъ. Въ послѣдствіи, попытка Георга III возстановить личный образъ правленія, потомъ война съ американскими колоніями, потомъ войны съ французской республикою, а въ наше столѣтіе дѣло эманципаціи католиковъ, вопросъ о парламентской реформѣ, борьба между началами свободной торговли и протекціонизмомъ, — точно также раздѣляли политическихъ людей Англіи на два большіе лагеря съ крѣпкою организаціею, строгою дисциплиною и рѣзко опредѣленными убѣжденіями. Но при Георгѣ II, ни одного вопроса такой важности, такого жизненнаго значенія не существовало на политическомъ горизонтѣ. Великій споръ объ общихъ началахъ государственнаго устройства пришелъ къ исходу. Вражда противоположныхъ вѣроисповѣданій затихла. Дѣло конституціонной монархіи было выиграно; Стюарты остались въ изгнаніи, и парламентская система окончательно

утвердилась на англійской почвѣ. Конституція, вышедшая изъ долголѣтнихъ тяжелыхъ испытаній, купленная такою дорогою цѣною, нужно признать, не была вовсе образцомъ совершенства. Она страдала многими вопіющими недостатками. Нижняя палата парламента, по назначенію своему органъ народнаго представительства, была на дѣлѣ каррикатурою народнаго представительсгва. Она отличалась аристократическимъ и даже олигархическимъ характеромъ. Она представляла собою интересы не народа, а господствующей аристократіи. Выборы въ графствахъ были въ рукахъ поземельной знати. Располагая голосами своихъ фермеровъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, лорды сажали на парламентскія мѣста своихъ младшихъ сыновей и свои креатуры. Большая часть мѣстечекъ, имѣвшихъ право представительства, была собственностью аристократическихъ фамилій; въ иныхъ сосѣдніе знатные владѣльцы пользовались сильнымъ наслѣдственнымъ вліяніемъ. Поэтому во многихъ мѣстечкахъ не существовало даже формы выбора, а *nomination*, т. е. прямое назначеніе депутатовъ со стороны владѣльцевъ и патроновъ. Право представлять въ парламентѣ то или другое мѣстечко считалось частною собственностью, переходило отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, было предметомъ частныхъ сдѣлокъ и денежныхъ спекуляцій. Владѣльцы или пользовались имъ сами, или уступали его своимъ родственникамъ и своимъ *protegés*, или отдавали его въ наемъ за деньги на ограниченное время, или же продавали навсегда. Только третья часть членовъ нижней палаты обязана была своими мѣстами свободному выбору; только депутаты отъ болѣе значительныхъ городовъ могли называться настоящими представителями націи. Но этотъ такъ называемый свободный выборъ зараженъ былъ страшною порчею. Города были главнымъ пристани-

щемъ подкуповъ. Кандидаты, желавшіе быть избранными, скупали голоса избирателей звонкою монетою. Иногда такихъ кандидатовъ являлось много. Они вступали тогда въ конкурренцію и старались превзойдти щедростью другъ друга. Случалось даже, что муниципальные совѣты, т. е. шерифъ съ альдерманами, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ преимущественно зависѣлъ выборъ депутатовъ, прямо продавали это званіе съ аукціона тому, кто давалъ больше, и причисляли полученную сумму къ городскому бюджету. Выборы по городамъ сопровождались вообще огромными издержками. Кандидаты не только принуждены были подкупать избирательную коллегію, имъ нужно было еще угощать ее на свой счетъ во все время выборовъ. Не многіе имѣли средства нести такія издержки. Поэтому и по городамъ тоже избирались обыкновенно въ представители или люди, сами по себѣ весьма богатые, или же кліенты аристократовъ. Нижняя палата, составленная такимъ образомъ, была, повидимому, всемогущею въ государствѣ. Корона сдѣлалась безсильною въ отношеніи къ ней. Корона потеряла всякую непосредственную власть надъ парламентомъ. Но она сохранила надъ нимъ власть другаго рода, власть косвенную, которая прикрывалась тогда деликатнымъ названіемъ *influence*, *вліяніе*. Переведенное на обыкновенный языкъ это деликатное слово значило ни что иное, какъ подкупы. Посредствомъ суммъ секретнаго фонда, посредствомъ множества должностей, почестей, синекуръ и пенсій, правительство пріобрѣтало себѣ нужное число голосовъ въ палатахъ; и это взяточничество, эти постыдныя сдѣлки между министрами и представителями націи поддерживались и покрывались тайною парламентскихъ засѣданій, отсутствіемъ публичности дебатовъ, запрещеніемъ печатать ихъ въ журналахъ. Таково было состояніе англійской конститу-

туціи при второмъ Георгѣ. Однакожь не можетъ быть сомнѣнія, что эта конституція, столь несовершенная и столь испорченная, вполнѣ удовлетворяла тогда потребностямъ времени; не многіе сознавали ея недостатки; еще меньше было такихъ, которые желали ея измѣненія; нація вообще оставалась довольна ею. Степень образованія націи и матеріяльное состояніе ея были таковы, что она не нуждалась ни въ чемъ болѣе совершенномъ. При тогдашнихъ условіяхъ только одна аристократія могла управлять Англіею. Масса народа коснѣла въ грубомъ невѣжествѣ и не имѣла никакого понятія о конституціонныхъ вопросахъ. Средніе городскіе классы съ каждымъ днемъ росли силою, богатствомъ и образованіемъ, но они не достигли еще преобладанія въ государствѣ. Они не составляли еще такой сплошной, организованной массы, какъ въ наше время. Они не были еще націею по преимуществу и не чувствовали настоятельной нужды въ высшихъ политическихъ правахъ. Земледѣльческіе интересы сохраняли пока прежній перевѣсъ. Демократическій элементъ не заявлялъ не только своихъ требованій, но даже своего существованія; и аристократическій составъ парламента былъ самымъ естественнымъ явленіемъ. Притомъ масса Англичанъ того времени могла быть равнодушною къ недостаткамъ своей конституціи и даже не замѣчать ихъ вовсе, потому что, несмотря на эти недостатки, она пользовалась всѣми существенными благодѣяніями гражданской свободы. Всякій Англичанинъ, хотя бы самый бѣдный, былъ равенъ первому пѐру королевства передъ лицемъ закона; и онъ самъ могъ сдѣлаться пѐромъ и основателемъ новой аристократической фамиліи, если природа одарила его замѣчательными талантами, если удалось ему оказать государству знаменитыя услуги. Собственность всякаго Англи-

чанина была неприкосновенна и свободна отъ произвольныхъ взысканій казны. Онъ платилъ только налоги, утвержденные закономъ парламента, и сверхъ этого никакая власть въ государствѣ не имѣла права требовать отъ него ни одного пенса. Домашній очагъ всякаго Англичанина былъ его неприкосновенною святынею, его недоступнымъ замкомъ. Никто не могъ взойдти произвольно въ его домъ, ни даже самъ король Англіи. Великій статутъ Habeas corpus ограждалъ его личную свободу. Онъ могъ быть арестованъ только по приказу суда, на основаніи положительнаго обвиненія, и черезъ 24 часа имѣлъ право требовать или процесса, или освобожденія. Онъ судился по законамъ страны, передъ общими для всѣхъ трибуналами, и не зналъ въ дѣлѣ правосудія ни кабинетныхъ декретовъ, ни чрезвычайныхъ слѣдственныхъ комиссій. Виновность или невинность его опредѣляли его сограждане — присяжные. Онъ не подлежалъ рекрутскому набору, ибо ничего подобнаго не существовало въ Англіи. Регулярная армія пополнялась волонтёрами и состояла только изъ нѣсколькихъ тысячъ. Домъ всякаго Англичанина всегда былъ свободенъ отъ военнаго постоя; и всѣ солдаты должны были удаляться съ того мѣста, гдѣ происходили выборы въ парламентъ, гдѣ мировые судьи собирались для своихъ quarter sessions, гдѣ королевскій судья, объѣзжавшій графства, созывалъ ассизы. Вступивъ въ военную службу, Англичанинъ подлежалъ въ мирное время юрисдикціи обыкновенныхъ трибуналовъ на равнѣ съ прочими гражданами; и безъ военной службы онъ имѣлъ право носить оружіе для своей собственной защиты и для защиты страны. Всякій Англичанинъ могъ соединяться съ своими согражданами на митингахъ, разсуждать свободно о дѣлахъ государства и подавать петиціи въ парламентъ. Онъ могъ съ такою же свободою излагать

свои мысли въ печати. Только не многіе старые люди помнили еще то время, когда въ Англіи существовала цензура. Нечего тоже было Англичанину жаловаться на притѣсненія полиціи, потому, что онъ самъ былъ полиціею, въ качествѣ констабля. Онъ могъ путешествовать, переселяться съ мѣста на мѣсто, не спрашивая ничьего позволенія. Правительство не вмѣшивалось вовсе въ дѣла, касающіяся личныхъ его интересовъ. Не смотря на плохую конституцію, Англичане временъ Георга II пользовались такою суммою свободы, какой нигдѣ тогда не существовало въ Европѣ, и если мы спросимъ, что охраняло, что обезпечивало имъ эту сумму свободы, то все-таки прійдется отвѣтить: та же плохая конституція. Представительная система устроена была отвратительно; парламентъ былъ продаженъ; чиновники и пансіонеры правительства переполняли его; но англійская нація все-таки видѣла въ немъ палладіумъ своей свободы, и не ошибалась въ этомъ. Она знала, что эти же самые люди, которые брали взятки отъ короны, поднялись бы какъ одинъ человѣкъ противъ короны, если бы она коснулась основныхъ законовъ страны, если бы она рѣшилась посягнуть или на статутъ Habeas Corpus, или на судъ присяжныхъ, или на неприкосновенность частной собственности. Эти люди были Англичане, и взятки, пенсіи, синекуры не могли уничтожить въ нихъ ни англійскаго духа, ни англійскаго сердца. Самые продажные парламенты при первомъ и при второмъ Георгѣ никогда не измѣняли существеннымъ интересамъ націи. Члены нижней палаты продавали свои голоса для поддержанія текущихъ мѣръ управленія, для поддержанія того или другаго министерства, но они не продавали и не думали продавать коронѣ правъ англійскаго народа. Впослѣдствіи, когда долголѣтнее, спокойное пользованіе этими правами воспитало массу

Англичанъ, когда въ такой школѣ она созрѣла къ политической жизни, тогда недостатки конституціи стали чувствительны для всѣхъ; тогда аристократическое устройство нижней палаты отжило свое время, тогда отовсюду поднялся крикъ о парламентской реформѣ. Но при Георгѣ II такого крика не могло быть ни сверху, ни снизу. Нація, далекая еще отъ политической зрѣлости, была довольна своимъ положеніемъ. Господствующіе классы не менѣе были довольны конституціею, которая служила ихъ интересамъ. Всѣ безъ различія политическіе люди того времени признавали ее, и вопросъ о реформѣ не могъ быть еще, какъ впослѣдствіи, лозунгомъ сильной партіи. Не существовало тоже никакихъ другихъ вопросовъ, способныхъ поддержать силу, единство и организацію партій. Католики сидѣли спокойно. Они фактически пользовались терпимостью и не смѣли требовать больше. Они не думали еще о пріобрѣтеніи политическихъ правъ, объ участіи въ управленіи страною, и никто тоже не думалъ дѣлаться ихъ патрономъ и заявлять ихъ притязанія. Еще менѣе могли возникнуть тогда тѣ великіе соціальные и экономическіе вопросы, которые волновали и волнуютъ наше поколѣніе. При Георгѣ II Англія не была вовсе переполнена народонаселеніемъ. Во всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствахъ число жителей не превышало десяти милліоновъ. Англія оставалась еще земледѣльческою страною и даже вывозила много хлѣба за границу. Торговля ея не достигла еще и сотой доли того развитія, которое она представляетъ теперь, и споръ между протекціонистами и приверженцами свободной мѣны былъ бы непонятенъ для современниковъ Вальполя. Фабричная промышленность Англіи находилась въ колыбели. Еще не изобрѣтены были тогда тѣ дивныя машины, которыя довели ее въ послѣдствіи до такихъ колоссальныхъ размѣровъ.

Никто не говорилъ о пауперизмѣ, и въ городахъ Англіи не существовало еще тѣхъ огромныхъ полчищъ рабочаго класса, которыя не даютъ спать спокойно многимъ людямъ нашего времени. Извнѣ тоже не представлялось ничего такого, что могло бы раздѣлять политическихъ людей эпохи Георга втораго на враждебные лагери. Американскія колоніи еще и не мечтали о своей независимости. Всѣ Англичане одинаково ненавидѣли Французовъ, и въ тогдашней французской монархіи не было ничего, что привлекало бы къ себѣ, какъ потомъ во время революціи, симпатіи одной части англійской націи и ставило бы ее противъ другой. Царствованіе Георга II было моментомъ застоя въ развитіи, эпохою успокоенія и отдыха послѣ долголѣтнихъ волненій, промежуткомъ ясной и чистой погоды между бурею, которая прошла, и бурею, которая должна была разразиться въ послѣдствіи. Но эта ясная и чистая погода политическаго горизонта не замедлила произвести обычное свое дѣйствіе на состояніе партій. Великая партія виговъ, которая со временъ Карла II сражалась за протестантизмъ, за свободу, за конституціонный порядокъ въ Англіи, совершила свое дѣло и достигла при Ганноверскомъ домѣ неоспоримаго господства. Она вытѣснила совершенно торіевъ и сокрушила якобитовъ. Она захватила въ свои руки всѣ должности государства и церкви. Она сдѣлалась всемогущею, и владычеству ея подчинились и дворъ, и парламентъ, и нація. Тогда, несдерживаемая болѣе интересомъ борьбы, не видя передъ собою противника, не опасаясь за свое существованіе, партія виговъ распалась, потеряла свое единство, раздробилась на малыя факціи, на аристократическія котеріи, и, послѣ великихъ дѣяній прошедшей эпохи, началась игра мелкаго честолюбія и личныхъ эгоистическихъ интересовъ. Каждый вигскій вельможа, обладавшій боль-

шимъ вліяніемъ вслѣдствіе своего имени, богатства или талантовъ, заводилъ политическія связи, пріобрѣталъ себѣ между членами обѣихъ палатъ личныхъ приверженцевъ и составлялъ изъ нихъ свою *connexion*, т. е. свой кружокъ, свою котерію. Цѣлью такого рода связей было ни что иное, какъ достиженіе министерскихъ портфелей. Члены котеріи, большею частью родственники ея предводителя, слѣдовали во всемъ за этимъ предводителемъ. Съ нимъ вмѣстѣ они вотировали въ парламентѣ, съ нимъ вмѣстѣ вступали въ министерство, съ нимъ вмѣстѣ оставляли министерство и переходили въ оппозицію. Мало-по-малу въ нѣдрахъ большой вигской партіи образовалось нѣсколько такихъ аристократическихъ котерій. Онѣ отличались между собою не началами, не убѣжденіями, а тѣмъ только, что въ главѣ одной стояли Бедфорды, въ главѣ другой—Гренвилли, третьей—Пельгемы, четвертой—принцъ, наслѣдникъ престола. Каждой изъ котерій хотѣлось преобладанія, каждая добивалась власти. Онѣ постоянно соперничали и интриговали другъ противъ друга, ссорились и мирились, расходились и соединялись, смотря по обстоятельствамъ; но и непріязни ихъ, и союзы ихъ были одинаково непрочны, ненадежны, случайны. Бывало, люди, всегда враждовавшіе между собою, вдругъ соединялись въ министерствѣ или оппозиціи; то опять долголѣтніе союзники дѣлались антагонистами. И въ сущности не было причины, почему бы, при Георгѣ II, одинъ государственный человѣкъ не могъ соединиться съ другимъ государственнымъ человѣкомъ, котораго недѣлю тому назадъ онъ поносилъ жестокимъ образомъ въ оппозиціи. При отсутствіи всѣхъ высшихъ интересовъ и важныхъ вопросовъ, руководствомъ поведенія политическихъ людей того времени, мотивомъ ихъ связей и ихъ антагонизма были личныя симпатіи и антипатіи, сходство или

различіе характеровъ, внезапныя размолвки, а еще чаще корыстолюбіе, эгоизмъ и неумѣренное желаніе власти. Все царствованіе Георга II наполнено такими ссорами аристократическихъ вигскихъ котерій и безпрерывною борьбою ихъ за министерскіе портфели. Въ этомъ лабиринтѣ интригъ, козней, парламентскихъ сдѣлокъ и министерскихъ комбинацій состоитъ вся политическая исторія этого времени. Король былъ безсиленъ въ отношеніи къ котеріямъ виговъ. Онѣ держали его въ рукахъ и опутывали его со всѣхъ сторонъ. Соединяясь вмѣстѣ, онѣ дѣлались всемогущими и диктовали ему свою волю. Король находился посреди ихъ, какъ въ волшебномъ кругу. Считая торіевъ врагами династіи, Георгъ II, подобно отцу своему, принужденъ былъ держаться виговъ и поручать власть однимъ вигамъ; но онъ не имѣлъ возможности свободно избирать себѣ министровъ даже посреди виговъ. Котеріи налагали ему министровъ. Всякій предводитель котеріи, которому король поручалъ составить кабинетъ, навязывалъ ему при этомъ всѣхъ своихъ кузеновъ. Каждый разъ, какъ скоро въ кабинетъ вступалъ новый министръ, нужно было непремѣнно пріискать тоже мѣста для всѣхъ его главныхъ приверженцевъ. Иначе онъ вмѣстѣ съ ними становился въ ряды оппозиціи. Связанный по рукамъ и по ногамъ вигскими котеріями, Георгъ принужденъ былъ нерѣдко выносить въ своемъ кабинетѣ людей, ему ненавистныхъ, и разлучаться съ людьми, къ которымъ чувствовалъ симпатію.

Распаденіе вигской партіи на мелкія факціи и аристократическія котеріи произвело зрѣлище, котораго еще никогда прежде не бывало въ Англіи. Начиная съ самаго Георга перваго постоянно одна часть виговъ была въ министерствѣ, а другая въ оппозиціи, и къ крайнему удовольствію торіевъ, якобитовъ и внѣшнихъ враговъ Англіи, въ теченіе цѣлыхъ

двадцати пяти лѣтъ виги сражались съ вигами. Этимъ разъединеніемъ великой партіи объясняется паденіе Вальполя; этимъ разъединеніемъ ея объясняется тоже и паденіе Картерета. Наконецъ братья Пельгемы, преемники Вальполя и главы самой сильной и многочисленной изъ вигскихъ котерій, рѣшились положить конецъ разладу. Они поняли, что всякое министерство будетъ непрочно, что имъ самимъ нельзя думать о сохраненіи власти, покамѣстъ въ оппозиціи находилась цѣлая фаланга недовольныхъ виговъ. Поэтому они предприняли возстановить единство великой партіи виговъ посредствомъ соединенія всѣхъ факцій и съ тою цѣлью положили составить коалиціонное министерство, т. е. дать въ немъ мѣсто представителямъ всѣхъ вигскихъ котерій и всѣмъ оттѣнкамъ оппозиціи. Сбывъ съ рукъ Картерета, который былъ для нихъ помѣхою, братья Пельгемы приступили къ исполненію этого плана. Но тогда представилось неожиданное затрудненіе. Король Георгъ согласенъ былъ допустить въ министерство всѣхъ вождей вигской оппозиціи, но не хотѣлъ и слышать объ одномъ изъ нихъ, самомъ главномъ, на котораго преимущественно мѣтили Пельгемы, который былъ наиболѣе опасенъ для нихъ, т. е. о Питтѣ. Питтъ жестоко оскорбилъ Георга своими запальчивыми нападками на ганноверскую политику его, своими сарказмами и насмѣшками надъ Ганноверомъ и ганноверскими солдатами. Король былъ затронутъ съ самой чувствительной стороны и поклялся, что покамѣстъ онъ живъ, Питтъ не будетъ министромъ. Дѣлать было нечего. Съ Георгомъ случались иногда припадки такого упорства, что невозможно было подѣйствовать на него ни просьбами, ни угрозами, ни силою. Но Питтъ поступилъ тогда съ свойственнымъ себѣ безкорыстіемъ. Онъ не хотѣлъ быть при-

чиною разстройства плана, имъ самимъ вполнѣ одобряемаго. Онъ далъ свое слово Пельгемамъ. Всѣ друзья его получили мѣста въ министерствѣ. Онъ удовольствовался этимъ и не настаивалъ на собственномъ притязаніи. Съ своей стороны Пельгемы увѣрили его, что употребятъ всѣ возможныя усилія, чтобы мало-по-малу смягчить гнѣвъ короля Георга. Питтъ рѣшился ждать и обѣщалъ поддерживать министерство въ палатѣ. Такимъ образомъ въ 1744 г. началось въ Англіи правленіе Пельгемовъ. Оно получило названіе министерства на широкомъ основаніи (broad bottom administration), и дѣйствительно основаніе его было широко. Не только всѣ оттѣнки виговъ нашли въ немъ мѣсто, но даже нѣсколькимъ торіямъ достались второстепенные посты. Это было самое счастливое, самое спокойное министерство во всей англійской исторіи. Оно продолжалось цѣлыя десять лѣтъ. Планъ, по которому оно было создано, оправдался вполнѣ. Посредственнымъ Пельгемамъ удалось достигнуть того, чего не имѣли самые великіе и самые даровитые изъ англійскихъ министровъ — они не видѣли передъ собою оппозиціи въ палатахъ. Двадцатипятилѣтняя парламентская война прекратилась совершенно. Пельгемы не измѣнили, правда, системы управленія, не сдѣлали никакихъ реформъ; во внѣшней политикѣ они тоже не много отступили отъ Картерета. Вся разница состояла въ томъ, что вмѣсто прежнихъ шестнадцати тысячъ, теперь восемь тысячъ ганноверскихъ солдатъ осталось на англійскомъ жалованіи, и кое-что сбавлено было съ иностранныхъ субсидій. Новое министерство не выставило никакого новаго принципа. Все собственно осталось по старому; но честолюбіе всѣхъ значительныхъ членовъ партіи виговъ было удовлетворено; прежніе декламаторы оппозиціи стали правительственными лицами, и патріоты очутились синекури-

стами и пансіонерами. Поэтому всѣ были довольны. Между кабинетомъ и палатами водворилась совершенная гармонія, и оппозиція состояла только въ томъ, что нѣсколько ворчаливыхъ торійскихъ сквайровъ и нѣсколько неисправимыхъ якобитовъ возвышало еще время отъ времени свой голосъ противъ министровъ. Но этого даже нужно было ради самаго приличія. Иначе не существовало бы въ парламентѣ никакихъ дебатовъ. Не менѣе довольна была министерствомъ и нація. Обманутяя въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ послѣ паденія Вальполя, она пришла въ ярость и обратила эту ярость противъ Картерета. Картеретъ палъ, и гнѣвъ націи истощился. Послѣ сильнаго возбужденія наступила реакція. Увидѣвъ, что во всей этой ожесточенной борьбѣ между вигами въ министерствѣ и вигами въ оппозиціи дѣло шло только о томъ, кому быть первымъ министромъ, кому канцлеромъ казначейства, кому статсъ-секретаремъ, кому президентомъ тайнаго совѣта, нація разочаровалась совершенно и потеряла всякій интересъ къ политикѣ. Въ сущности для нея было все равно, кто находился въ министерствѣ. Управляли ли Бедфорды, или Гренвилли, или Пельгемы, или другая котерія, отъ этого ей не было ни хуже, ни лучше. Въ прежнее время, увлекшись декламаціями оппозиціи, она готова была приписывать всякое зло министрамъ и ожидала небывалыхъ благъ отъ патріотовъ. Теперь она оставила въ покоѣ министровъ, и названіе патріота сдѣлалось для нея предметомъ насмѣшки. Горасъ Вальполь говоритъ, что, въ правленіе Пельгемовъ, кандидатъ, желавшій быть избраннымъ въ парламентъ, не могъ отрекомендовать себя лучше своимъ избирателямъ, какъ увѣряя ихъ въ томъ, что никогда не былъ и не думаетъ быть патріотомъ. Постепенно нація пришла въ состояніе совершенной политической апатіи, совершенна-

го усыпленія. Она занималась въ тишинѣ торговлею, промышленностью, земледѣліемъ, трудилась и пріобрѣтала, умножала постоянно свое богатство и свое образованіе, но не вмѣшивалась въ политику и предоставляла всѣ заботы о дѣлахъ государства министрамъ. Десятилѣтнее правленіе Пельгемовъ было временемъ еще невиданнаго въ Англіи политическаго затишья. Все улеглось спокойно. Въ странѣ не было ни слѣда агитаціи. Не подымались никакія жалобы. Пельгемы правили либерально и строго соблюдали конституцію. Дѣла шли рутиннымъ порядкомъ. Король Георгъ каждое лѣто ѣздилъ въ Ганноверъ. Ни одной тучки не видно было на горизонтѣ. Министры ссорились еще иногда между собою, но это интересовало ихъ однихъ только. Пельгемы держались крѣпко, и партія виговъ уже не раздѣлялась больше. Личный характеръ обоихъ братьевъ способствовалъ весьма много такому продолжительному и спокойному существованію ихъ министерства.

Младшій братъ, Генри Пельгемъ, занималъ должность перваго лорда казначейства. Это былъ Робертъ Вальполь въ миніатюрѣ. Дарованіями онъ стоялъ ниже своего образца и учителя, но совершенно походилъ на него складомъ ума. Онъ былъ не блестящій ораторъ, но, подобно Вальполю, хорошій дебетеръ, хорошій парламентскій тактикъ, хорошій дѣловой человѣкъ и знатокъ финансовъ. Онъ отличался трудолюбіемъ, прилежаніемъ, чрезвычайною точностью и акуратностью. Словомъ, это была золотая посредственность, отличный министръ для мирныхъ временъ и обыкновенныхъ обстоятельствъ. Но характеромъ, темпераментомъ и манерами онъ весьма разнился съ Вальполемъ. Вальполь былъ человѣкъ веселаго и открытаго нрава: Генри Пельгемъ былъ всегда серьёзенъ, даже нѣсколько угрюмъ и скрытенъ. Вальполь не

много заботился о внѣшнихъ приличіяхъ, и развязность его манеръ доходила до грубости. Пельгемъ, напротивъ, отличался чинностью, хотя безъ остентаціи, благопристойностью и строгимъ приличіемъ формъ. Разница между этими двумя людьми проявлялась главнымъ образомъ въ ихъ поведеніи относительно товарищей въ министерствѣ. Вальполь не могъ терпѣть рядомъ съ собою никакого соперника, держалъ всѣхъ членовъ кабинета въ строгой дисциплинѣ, не выносилъ отъ нихъ никакого противорѣчія, вытѣснялъ всякаго, кто не хотѣлъ безусловно подчиняться ему, и былъ неустрашимъ въ отношеніи къ оппозиціи въ палатахъ. Пельгемъ, напротивъ, страшно боялся оппозиціи и поэтому старался угождать во всемъ товарищамъ своимъ, былъ уступчивъ и деликатенъ съ ними, щадилъ ихъ самолюбіе, избѣгалъ всего, что могло не понравиться имъ, терпѣливо сносилъ всѣ ихъ противорѣчія и капризы, лишь бы только не разойдтись съ ними и не увидѣть ихъ въ оппозиціи. Эта уступчивость, эта непритязательность, это умѣніе ладить со всѣми и были причиною его долголѣтней власти. Честолюбивые предводители вигскихъ котерій уживались съ нимъ отлично. Примирительнымъ характеромъ своимъ онъ сдерживалъ единство всей партіи виговъ.

Старшій изъ Пельгемовъ, Томасъ, герцогъ Ньюкэстль, занималъ должность главнаго статсъ-секретаря въ министерствѣ. Этотъ герцогъ Ньюкэстль представляетъ собою самое курьёзное явленіе въ англійской исторіи XVIII вѣка. Маколей удивляется, почему Вальтеръ Скоттъ никогда не пытался испробовать на немъ свое перо; и дѣйствительно, если бы современники Ньюкэстля не передали намъ о немъ множества самыхъ подробныхъ и во всемъ единогласныхъ извѣстій, то можно бы подумать, что такая личность можетъ су-

ществовать только въ юмористическомъ романѣ. Герцогъ Ньюкэстль былъ человѣкъ весьма мелкаго ума, слабаго, дюжиннаго характера, и менѣе чѣмъ посредственныхъ способностей. Даже король Георгъ II, который не былъ вовсе требователенъ, находилъ, что онъ едва годился быть шамбелланомъ самаго незначительнаго изъ нѣмецкихъ князьковъ. Но Ньюкэстль былъ великъ въ другомъ отношеніи. Онъ былъ великъ, истинно великъ, комичностью своей персоны. Его наружность, его манеры, его привычки были до того смѣшны, до того забавны, до того каррикатурны, что въ теченіе сорока лѣтъ онъ служилъ постояннымъ и неисчерпаемымъ предметомъ остротъ и анекдотовъ во всѣхъ лондонскихъ кофейняхъ. Все, что искусство сатириковъ дѣлаетъ для другихъ людей, все это сдѣлала для него сама природа. Онъ былъ готовою сатирою, живою, ходячею, говорящею каррикатурою. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ казался вѣтреннымъ, легкомысленнымъ вертопрахомъ и двадцатилѣтнимъ франтомъ. Онъ не ходилъ, а бѣгалъ; онъ былъ постоянно въ торопяхъ; не могъ ни усидѣть, ни устоять полчаса на одномъ мѣстѣ; постоянно спѣшилъ, но никогда и ни съ чѣмъ не поспѣвалъ во время. Все приходилось ему дѣлать или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Онъ писалъ письма то къ тому, то къ другому, извѣщая о своемъ прибытіи, но являлся всегда раньше самихъ писемъ или вмѣстѣ съ ними. Лордъ Честерфильдъ говоритъ, что, ради этой быстроты, его можно было принять скорѣе за курьера, чѣмъ за автора писемъ. Произношеніе его было скорымъ заиканіемъ, и представляло дивное смѣшеніе быстроты и медленности. Болтливость его превосходила всякое вѣроятіе. Онъ говорилъ заразъ о двадцати предметахъ, но не кончалъ никогда ни одной фразы. Страшный безпорядокъ господствовалъ въ его головѣ, въ его мысляхъ,

въ его парламентскихъ рѣчахъ, въ его частныхъ разговорахъ. Въ палатѣ лордовъ онъ считалъ себя великимъ дебетеромъ, всегда готовъ былъ отвѣчать на всякій запросъ, на всякое возраженіе, всегда отвѣчалъ безсмыслицу, но никогда не признавалъ себя побитымъ и рѣдко умолкалъ. Ораторство его было въ своемъ родѣ неподражаемо. Онъ говорилъ вздоръ съ такимъ жаромъ, съ такимъ одушевленіемъ, какъ самое серьёзное дѣло. Оригинальнѣйшею чертою въ его манерахъ была страсть обнимать и цѣловать всякаго встрѣчнаго и безпрестанно разсыпаться въ пустѣйшихъ комплиментахъ. Не менѣе потѣшала всѣхъ его всегдашняя готовность къ плачу. Онъ былъ трусъ и при малѣйшей опасности, при малѣйшемъ затрудненіи заливался истерическими слезами. Особенно сильно боялся онъ болѣзни. Заботы его о сохраненіи здоровья доходили до высокаго комизма. Онъ окруженъ былъ всегда докторами, аптекарями и лекарствами, и даже лѣтомъ боялся простуды. Въ самые жаркіе дни онъ приказывалъ запирать тщательно всѣ окна въ палатѣ лордовъ и нисколько не заботился о томъ, что президентъ, лордъ канцлеръ, упадалъ подъ бременемъ своего оффиціальнаго парика, и что многіе лорды оставляли палату, боясь удара. Вся жизнь этого человѣка проходила въ постоянной суматохѣ, въ какомъ-то омутѣ лихорадочной дѣятельности и безчисленныхъ заботъ. Онъ казался всегда страшно занятымъ; тысячи самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, тысячи предпріятій наполняли его голову; но въ сущности онъ не дѣлалъ ничего, и вся эта безпокойная, суетливая дѣятельность ограничивалась пустяками. Современники представляютъ намъ, какъ Ньюкэстль, съ ранняго утра, только что вставъ отъ туалета, съ мыломъ на бородѣ, бѣжитъ обнять Марокскаго посланника, а потомъ скачетъ, сломя голову, на другой конецъ города, къ старому больному герцогу

Грефтону, чтобъ расцаловать его пластыри. Герцогъ Ньюкэстль, говоритъ одинъ изъ современниковъ его, похожъ на человѣка, который потерялъ утромъ полчаса времени, и потомъ гоняется за этимъ получасомъ цѣлый день, но не можемъ настигнуть его. Суетный и въ высшей степени тщеславный, герцогъ любилъ до безумія внѣшній блескъ и остентацію власти, всегда придавалъ себѣ видъ самаго вліятельнаго, самаго могущественнаго человѣка, и говорилъ постоянно о легіонахъ своихъ друзей, о легіонахъ приверженцевъ. Аудіенціи его представляли самое любопытное зрѣлище. Огромными толпами являлись къ нему просители разнаго рода, докладчики, кліенты, и герцогъ находился тогда въ своемъ настоящемъ элементѣ. Онъ подходилъ ко всякому, обнималъ и цаловалъ всѣхъ, ласкалъ, бралъ подъ руку, гладилъ по головѣ, трепалъ по плечу, говорилъ комплименты, давалъ совѣты, дѣлалъ всѣ возможныя обѣщанія, увѣрялъ въ своей дружбѣ и былъ внѣ себя отъ удовольствія. Лишенный всякихъ серьёзныхъ способностей, нужныхъ для государственнаго человѣка, герцогъ Ньюкэстль отличался кромѣ того еще невѣроятнымъ невѣжествомъ. Сохранились о немъ два интересные анекдота, въ которыхъ проявляется ярко и степень его познаній, и весь его характеръ. Управленіе колоніями относилось къ его вѣдомству. Однажды, во время войны съ Франціею, генералъ Лигоньеръ представлялъ ему необходимость принять мѣры для защиты города Аннаполиса.—„Да, да! Аннаполисъ, Аннаполисъ! закричалъ герцогъ — именно Аннаполисъ! непремѣнно нужно защитить Аннаполисъ! — будьте увѣрены въ этомъ — сейчасъ отправимъ войско въ Аннаполисъ!— Скажите мнѣ, генералъ, гдѣ это находится Аннаполисъ?“—Въ другой разъ герцогъ толковалъ съ однимъ изъ своихъ секретарей объ экспедиціи въ Капъ-Бре-

тонъ и сильно безпокоился, откуда бы взять нужное число повозокъ для пѣхоты.—„Да вѣдь Капъ-Бретонъ островъ! замѣтилъ секретарь.“—„Какъ! Капъ-Бретонъ островъ! закричалъ герцогъ, внѣ себя отъ удивленія. Капъ-Бретонъ островъ! Кто бы могъ подумать это.—Покажите мнѣ карту. Да, дѣйствительно такъ; это островъ. Благодарю васъ, милостивый государь, прибавилъ онъ, по обыкновенію своему обнимая секретаря, вы всегда приносите мнѣ хорошія извѣстія. Сейчасъ ѣду къ его величеству доложить, что Капъ-Бретонъ островъ!“

И этотъ человѣкъ былъ въ теченіе тридцати лѣтъ статсъ-секретаремъ, а безъ малаго десять лѣтъ первымъ лордомъ казначейства. Знаменитое аристократическое имя, огромное богатство, обширныя наслѣдственныя связи, многочисленная кліентела, большое парламентское вліяніе — все это дѣлало его необходимымъ членомъ всякаго вигскаго министерства. Но всего этого еще недостаточно для объясненія, какимъ образомъ такая ничтожная личность могла удержаться столь долго въ главѣ управленія. Этотъ необычайный фактъ объясняется иначе. Герцогъ Ньюкэстль представляетъ замѣчательный примѣръ того, какіе успѣхи достигаются иногда неутомимымъ преслѣдованіемъ одной цѣли. Онъ показываетъ собою, что̀ можетъ сдѣлать человѣкъ, который направитъ всю свою дѣятельность на одинъ предметъ и посвятитъ ему всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ силы своего духа. Такимъ исключительнымъ предметомъ всѣхъ стремленій герцога была власть. Властолюбіе сдѣлалось въ немъ такою сильною страстью, что замѣнило ему собою и умъ, и таланты. Онъ любилъ власть до того ревнивою и ненасытною любовью, что завидовалъ даже собственному брату и часто ссорился съ нимъ за участіе въ управленіи; но онъ любилъ власть вовсе не для

какихъ-либо корыстныхъ видовъ, не для денежныхъ выгодъ, какъ бо̀льшая часть государственныхъ людей того времени, а просто ради одного удовольствія красоваться въ парадномъ оффиціальномъ платьѣ, занимать первое мѣсто при всѣхъ церемоніяхъ, имѣть постоянный доступъ къ королю, давать аудіенціи, назначать на всѣ должности и подписывать всѣ бумаги. Безкорыстіе герцога было всѣмъ извѣстно; государственная служба нисколько не обогатила его; напротивъ, она стоила ему огромныхъ суммъ. Чтобъ упрочить свое парламентское вліяніе и удержаться въ министерствѣ, онъ щедро жертвовалъ своимъ имуществомъ, скупалъ постоянно мѣстечки для своихъ кліентовъ, платилъ за нихъ издержки выборовъ, давалъ пышныя угощенія въ своемъ домѣ. Онъ растратилъ такимъ образомъ почти все свое огромное состояніе и кончилъ жизнь небогатымъ человѣкомъ. „Мой старый родственникъ, (говоритъ о немъ лордъ Честерфильдъ), наконецъ умеръ, т. е. успокоился въ первый разъ въ своей жизни. Послѣ сорокалѣтняго исправленія министерскихъ должностей, онъ скончался бѣднѣе тремя стами тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чѣмъ былъ въ то время, когда вступалъ на политическое поприще.“—Съ неутолимою жаждою власти, соединялись въ герцогѣ такія свойства, которыя, въ мирное время, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и при низкой степени публичной нравственности, ведутъ иногда скорѣе къ политическому успѣху, чѣмъ таланты. Онъ обладалъ въ большой мѣрѣ тою мелкою хитростью и способностью къ интригѣ, которыя часто встрѣчаются въ посредственныхъ, но честолюбивыхъ и безпокойныхъ натурахъ. Онъ умѣлъ отлично обращаться съ людьми всякаго рода и обнаруживалъ тонкое пониманіе характеровъ. Подъ личиною разсѣянности и легкомыслія скрывалась въ немъ рѣдкая фаль-

шивость и лукавство. Опасно было имѣть съ нимъ дѣло. Онъ могъ провести людей, которые въ десять разъ превосходили его умомъ. „Имя его — вѣроломство,“ говаривалъ о немъ сэръ Робертъ Вальполь. Всѣ даровитые государственные люди того времени, соперники Ньюкэстля, смѣялись надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ и невѣждою, но онъ перехитрилъ ихъ всѣхъ и одержалъ верхъ надъ всѣми. Никто лучше его не умѣлъ пріобрѣтать себѣ личныхъ приверженцевъ. Онъ отгадывалъ ловко чувствительную сторону всякаго, завлекалъ обѣщаніями, возбуждалъ надежды. Ему трудно было сказать кому-либо прямое: „нѣтъ!“ Онъ готовъ былъ принимать на себя одно и тоже обязательство въ отношеніи къ десяти разнымъ лицамъ. Но когда лганье и надуваніе не помогали, тогда онъ дарилъ щедро. Однимъ особеннаго рода дарованіемъ герцогъ Ньюкэстль блисталъ между всѣми своими современниками. Никто лучше его не понималъ дѣла подкуповъ и не производилъ ихъ искуснѣе. Онъ довелъ это искусство до истинной виртуозности и далеко оставилъ за собою Вальполя. Уступивъ брату всѣ заботы о настоящемъ управленіи, онъ оставилъ себѣ, какъ свою спеціяльность, распоряженіе секретнымъ фондомъ, патронатъ государства и церкви и подкупы членовъ парламента. Необыкновенно ловкимъ употребленіемъ этихъ средствъ вліянія онъ поддерживалъ въ теченіи многихъ лѣтъ свое министерство. И онъ держался бы на первомъ постѣ еще дольше, если бы постоянно продолжалось то политическое затишье, которое послѣдовало за паденіемъ Картерета. Но оно кончилось. Наступилъ великій кризисъ. Огромная война началась въ четырехъ частяхъ свѣта. Тогда выказалось все ничтожество Ньюкэстля. Обстоятельства потребовали другаго рода людей. Старый плутъ принужденъ былъ сойдти на второй планъ и

уступить первое мѣсто единственному человѣку, который достоинъ былъ занять его—Питту.

ЛЕКЦІЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

—

ПРЕТЕНДЕНТЪ КАРЛЪ ЭДУАРДЪ.

Экспедиція Карла Эдуарда въ Шотландію.—Походъ его въ Англію.—Министерскій кризисъ въ Лондонѣ.—Возвращеніе Карла Эдуарда въ Шотландію.—Куллоденская битва.—Герцогъ Кумберландскій.—Странствованія и приключенія Карла Эдуарда послѣ Куллоденской битвы.—Флора Макдональдъ.—Дальнѣйшая судьба Карла Эдуарда.—Его пребываніе въ Парижѣ.—Удаленіе его изъ Франціи.—Скитаніе по всей Европѣ.—Послѣдніе годы жизни и смерть его.—Исходъ династіи Стюартовъ.

Мм. Гг.

Въ министерствѣ Пельгемовъ, которое соединило въ себѣ всѣхъ значительныхъ представителей вигской партіи, одинъ только Питтъ, самый даровитый, самый краснорѣчивый между ними, не получилъ мѣста. Георгъ II, оскорбленный его смѣлыми выходками, его язвительными насмѣшками надъ Ганноверомъ, не хотѣлъ и слышать о немъ. Питтъ остался простымъ членомъ нижней палаты; но, видя всѣхъ друзей своихъ въ министерствѣ, отказался отъ оппозиціи. Братья Пельгемы дали слово, что исключеніе его будетъ непродолжительно. Они взяли на себя умилостивить Георга. Полагаясь

на это, Питтъ обѣщалъ поддерживать ихъ въ палатѣ и ждать. Онъ ждалъ однакожъ напрасно. Усилія Пельгемовъ смягчить Георга оказались безплодными. Цѣлые два года прошли безъ всякаго результата. Старый король упорствовалъ въ гнѣвѣ и былъ такъ раздраженъ противъ Питта, что при одномъ имени его, изливалъ всякій разъ цѣлые потоки страшныхъ ругательствъ. Но чего не могли сдѣлать просьбы и убѣжденія Пельгемовъ, къ тому принудила Георга сила обстоятельствъ.

Въ 1746 г. тишина, наступившая въ Англіи послѣ паденія Картерета, прервана была на короткое время событіемъ, которое романтическимъ своимъ характеромъ представило живой контрастъ съ монотоннымъ прозаизмомъ этой эпохи. Война за австрійское наслѣдство продолжалась на континентѣ. Англійская армія занята была въ Германіи, и Англія оставалась почти безъ защиты. Пользуясь этимъ, внукъ Іакова II Стюарта, Карлъ Эдуардъ, рѣшился еще разъ поставить на карту судьбы своей династіи. Неожиданный никѣмъ, онъ высадился на сѣверѣ Шотландіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ своего дома, развернулъ королевское знамя Стюартовъ и сдѣлалъ воззваніе къ горцамъ. Имя Стюартовъ еще продолжало производить магическое дѣйствіе на шотландскіе кланы. Храбрые горцы явились толпою, привѣтствовали съ энтузіазмомъ потомка древнихъ королей страны и двинулись подъ знаменемъ его къ югу. Только три тысячи англійскихъ солдатъ находилось въ это время въ Шотландіи. Захваченные въ расплохъ, они были побиты и разбѣжались. Претендентъ безпрепятственно взошелъ въ Эдинбургъ, вступилъ въ Голирудъ, старый замокъ своихъ предковъ, и вся Шотландія объявила себя въ его пользу. Молодой авантюристъ, смѣлый, красивый, любезный, обворожилъ собою

простодушныхъ шотландскихъ горцевъ и вскружилъ голову всѣмъ эдинбургскимъ дамамъ. Упоенный успѣхомъ, увѣренный въ симпатіи англійскихъ якобитовъ, онъ рѣшился немедленно вести свою пеструю армію въ Англію и идти прямо на Лондонъ. Начало похода было удачно. Претендентъ перешелъ границу, не встрѣтивъ сопротивленія. Онъ вступилъ въ Карляйль, потомъ въ Манчестеръ, потомъ въ Дерби, и уже только четыре перехода отдѣляли его отъ Лондона. Ганноверскому престолу грозила серьёзная опасность. Войска, вызванныя съ континента, прибывали медленно. Нація, не чувствовавшая никакой симпатіи къ Георгу, въ которомъ видѣла иностранца, не оказывала особеннаго желанія взяться за оружіе для его защиты и замѣнить собою войско. Въ это время, столь критическое и грозное, вдругъ послѣдовалъ въ Лондонѣ министерскій кризисъ. Король и министры давно уже были недовольны другъ другомъ. Георгъ не могъ простить Пельгемамъ того, что они насильно заставили его разстаться съ любимымъ Картеретомъ и непремѣнно хотѣли навязать ему ненавистнаго Питта. Пельгемы досадовали на короля, видя, что онъ не думаетъ вовсе прекратить всѣ сношенія съ Картеретомъ и продолжаетъ имѣть съ нимъ частыя неоффиціальныя свиданія. Пельгемы смотрѣли съ подозрѣніемъ на эти свиданія. Они боялись интригъ веселаго Картерета и вліянія его на умъ Георга. Упорство короля въ отношеніи къ Питту приводило ихъ еще въ большее затрудненіе. Теперь, именно, въ эту опасную минуту для государства, когда претендентъ стоялъ на англійской почвѣ, когда якобиты во всей странѣ пришли въ волненіе, когда Франція готова была бросить въ Англію отрядъ своего войска на помощь Карлу Эдуарду, теперь Питтъ былъ особенно нуженъ Пельгемамъ. Теперь слѣдовало имъ подкрѣпить свое министерство его талантами, его

энергіею, его популярнымъ именемъ. Они понимали, что нельзя дольше удерживать такого человѣка одними обѣщаніями. Питтъ ждалъ долго и молчалъ, но Пельгемы знали, что терпѣніе не было отличительною чертою его характера. Они знали и испытали на себѣ его страстную, вспыльчивую натуру. Онъ могъ наконецъ выдти изъ терпѣнія. Онъ могъ отказать имъ въ дальнѣйшемъ содѣйствіи. Онъ могъ вдругъ объявить себя противъ нихъ. Генри Пельгемъ блѣднѣлъ отъ одной мысли увидѣть противъ себя грозный образъ Питта въ оппозиціи, а герцогъ Ньюкэстль, представляя себѣ такое страшное зрѣлище, заливался истерическими слезами. Поэтому братья принялись за рѣшительныя мѣры. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ стараго короля, они рѣшили испробовать надъ нимъ свою силу и привести дѣло къ исходу. Въ то время, когда Георгъ дрожалъ за безопасность своего престола, Пельгемы категорически потребовали отъ него должности для Питта и поставили ему дилемму: или Питтъ, или отставка всѣхъ министровъ. Старый король отказалъ въ должности Питту. Тогда герцогъ Ньюкэстль и Генри Пельгемъ исполнили угрозу, вышли въ отставку и увлекли за собою всѣхъ товарищей. Въ одинъ день, въ виду грозившей опасности, король Георгъ оставленъ былъ всею партіею, которая возвела его династію на престолъ Англіи. Въ этой крайности онъ обратился къ своему другу, Картерету, и поручилъ ему составить новое министерство. Эксцентрическій лордъ взялся за дѣло съ обычною бодростью и легкомысліемъ, но онъ забылъ, говоритъ Горасъ Вальполь, о бездѣлицѣ, о томъ, что министръ долженъ имѣть за себя большинство въ обѣихъ палатахъ. Пельгемы очень хорошо знали, что дѣлаютъ, подавая въ отставку. Большинство было въ ихъ рукахъ. Они могли быть увѣрены, что безъ нихъ и безъ ихъ многочисленныхъ приверженцевъ

никакой кабинетъ невозможенъ. Разсчетъ ихъ оправдался вполнѣ. Извѣстіе о возвращеніи къ власти непопулярнаго Картерета встрѣчено было въ Лондонѣ громкимъ неодобреніемъ. Онъ сталъ обращаться то къ тому, то къ другому государственному человѣку, приглашая въ товарищи, но никто не хотѣлъ соединиться съ нимъ. Онъ сталъ считать, на сколько голосовъ можно было ему положиться въ парламентѣ, и насчиталъ тридцать лордовъ, и восемьдесятъ членовъ нижней палаты. Тогда покинула его отвага. Онъ возвратилъ королю порученіе, сложилъ съ себя должность и оставилъ Сентъ-Джемскій дворецъ, „помирая со смѣху", прибавляетъ Горасъ Вальполь. Министерство его продолжалось два дня. Оно получило названіе сорокавосьмичасовой администраціи. Всѣ смѣялись надъ этою фарсою, и Картеретъ громче всѣхъ. Онъ сознался, что предпріятіе было сумасшедшее, но сказалъ, что готовъ повторить его при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь король Георгъ принужденъ былъ покориться необходимости. Ему не осталось другаго выбора. Скрѣпя сердце, онъ пригласилъ Пельгемовъ возвратиться въ министерство, и объявилъ себя согласнымъ принять всѣ ихъ условія. Пельгемы возвратились съ торжествомъ, приводя съ собою Питта, и стали теперь сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Георгъ не могъ уже отказать имъ ни въ чемъ. Онъ могъ только ругаться и бормотать про себя, какъ тяжко это было, что герцогъ Ньюкэстль, который едва годился быть шамбелланомъ самого незначительнаго изъ нѣмецкихъ князьковъ, диктовалъ свою волю королю Англіи. Одно только выпросилъ Георгъ у Пельгемовъ. Онъ выпросилъ, чтобы Питту дана была въ министерствѣ такая должность, которая не ставила бы его, Георга, въ необходимость частыхъ свиданій съ ненавистнымъ человѣкомъ. На это Пельгемы были согласны. Питтъ получилъ

одинъ изъ второстепенныхъ постовъ, который связывалъ его съ правительствомъ, но не давалъ ему голоса въ кабинетѣ и не велъ за собою личныхъ сношеній съ королемъ. Какъ ни мало соотвѣтствовала такая должность талантамъ и притязаніямъ великаго оратора, онъ остался доволенъ. Послѣ многихъ препятствій ему удалось, наконецъ, пробить себѣ дорогу къ положенію, къ которому стремились всѣ его инстинкты. Одушевленный благороднымъ честолюбіемъ, увѣренный въ своемъ высокомъ назначеніи, онъ давно жаждалъ дѣятельности для блага государства. Теперь рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Широкая перспектива лежала передъ нимъ. Онъ надѣялся на будущность, на свои силы и ожидалъ въ скоромъ времени новаго повышенія.

Присутствіе Питта въ министерствѣ обнаружилось немедленно. Мѣсто, имъ занимаемое, было маловажно, но авторитетъ его былъ великъ. Онъ вдохнулъ въ министерство свою энергію и увеличилъ нравственную силу его. Противъ претендента приняты были самыя дѣятельныя мѣры. Собралась значительная армія. Берега защищены были на случай высадки Французовъ. Сильный флотъ расположился въ каналѣ, и опасность скоро прошла. Предпріятіе Карла Эдуарда, начатое съ такимъ успѣхомъ, получило исходъ самый плачевный. Какой-то неумолимый фатализмъ преслѣдовалъ Стюартовъ и поражалъ всѣ ихъ начинанія. Карлъ Эдуардъ прошелъ безпрепятственно половину Англіи, но онъ не нашелъ никакой поддержки въ массахъ. Георгъ II, подобно отцу своему, нисколько, правда, не пользовался популярностью въ странѣ. Въ личности его не было рѣшительно ничего такого, что могло бы возбудить энтузіазмъ къ нему и внушить народу то чувство, которое Англичане называютъ *loyalty*. Карлъ Эдуардъ далеко превосходилъ его внѣшними преимущества-

ми. Не могло быть никакого сравненія между молодымъ, высокимъ, красивымъ, рыцарскимъ принцемъ, который игралъ роль героя романа, и маленькимъ старымъ джентльменомъ, смѣшной наружности, которому лондонскія дамы никогда не махали изъ оконъ бѣлыми платками, хотя онъ тоже дрался храбро въ Деттингенской битвѣ. Однакожъ, не смотря на то, что Карлъ Эдуардъ одаренъ былъ всѣмъ, что дѣйствуетъ на воображеніе народа, народъ встрѣтилъ его съ глубокимъ равнодушіемъ. Простые люди понимали, что этотъ блестящій принцъ ведетъ съ собою ненавистный папизмъ и тираннію. Георгъ II былъ и дуренъ, и непріятенъ, и къ тому еще нѣмецъ, но онъ былъ добрый, справедливый король. Никто не пострадалъ отъ него ни въ чемъ. Во все царствованіе свое онъ не посягнулъ ни разу ни на свободу, ни на собственность, ни на религію малѣйшаго изъ подданныхъ. Народъ не чувствовалъ, правда, большой охоты проливать за него свою кровь, но не оказалъ также никакой симпатіи его противнику. Всѣ смотрѣли на предпріятіе Карла Эдуарда, какъ на отчаянное, сумасшедшее, потерянное дѣло. Оно возбудило въ массахъ одно только чувство любопытства, соединенное съ какимъ-то пренебреженіемъ. Толпы народа стекались отовсюду къ тракту, по которому шелъ претендентъ съ своими горцами, становились по обѣимъ сторонамъ дороги и глядѣли на проходившее пестрое войско спокойно, не трогаясь, въ глубокомъ молчаніи. Фантастическая одежда горцевъ, ихъ разноцвѣтные тартаны, ихъ кляйморы, ихъ огромный ростъ и дикій воинственный видъ привлекали простыхъ людей, рѣдко видавшихъ Шотландцевъ. Масса смотрѣла на нихъ какъ на диковинку, какъ на любопытный спектакль. Многіе джентльмены изъ отдаленныхъ графствъ нанимали даже дилижансы и спѣшили, чтобъ не потерять интереснаго зрѣлища,

которое могло не повториться въ другой разъ. Но никто не думалъ становиться подъ знамя претендента. Къ нему присоединялось только по два, по три волонтёра изъ такихъ людей, которымъ терять было нечего. Даже якобиты, на которыхъ преимущественно разсчитывалъ Карлъ Эдуардъ, не тронулись. Видя всеобщее равнодушіе къ его дѣлу, они скрылись по домамъ и не подавали признака жизни. Они ждали, чтобъ объявить себя, рѣшительнаго успѣха претендента; но на такой успѣхъ не осталось никакой надежды. Положеніе смѣлаго авантюриста сдѣлалось опаснымъ. Со всѣхъ сторонъ, съ тылу, съ фланга и впереди его, начали собираться англійскія силы, а онъ все-таки хотѣлъ продолжать маршъ на Лондонъ. Но этому воспротивились предводители клановъ. Шотландцы не охотно оставили свои горы. На равнинѣ, въ чужой странѣ, посреди молчавшаго народонаселенія, они чувствовали себя не въ своемъ элементѣ. Тоска по родинѣ наполнила ихъ сердца. Они отказались идти дальше и рѣшительно потребовали отъ Карла Эдуарда, чтобъ онъ велъ ихъ домой, не теряя времени. Съ отчаяніемъ въ душѣ претендентъ покорился волѣ своего войска и далъ сигналъ къ возвращенію. Еще прежде, чѣмъ произошелъ въ Лондонѣ министерскій кризисъ, онъ началъ уже медленно обратное движеніе въ Шотландію. За нимъ послѣдовалъ шагъ за шагомъ любимый сынъ Георга II, герцогъ Кумберландскій, ведя съ собою довольно значительную англійскую армію. На Куллоденской равнинѣ послѣдовало рѣшительное сраженіе. Горцы дрались съ ожесточеніемъ, но не могли устоять противъ регулярной англійской пѣхоты, закаленной въ бояхъ континента. Битва, кончившая собою пятидесятисемилѣтнюю борьбу двухъ династій, не продолжалась пятидесяти семи минутъ. Шотландцы были разбиты на всѣхъ пунктахъ и обратились въ дикое

бѣгство. Большое число плѣнныхъ и раненныхъ осталось въ рукахъ Англичанъ. Карлъ Эдуардъ, видя, что все потеряно, еще до конца дѣла оставилъ поле сраженія съ нѣсколькими всадниками и спасся въ горы. Тогда начались въ Шотландіи страшныя сцены. Герцогъ Кумберландскій запятнялъ свое имя жестокимъ, варварскимъ преслѣдованіемъ инсургентовъ. Плѣнные были хладнокровно перерѣзаны еще на полѣ битвы, раненные докончены ружейными прикладами, потомъ кланы, участвовавшіе въ мятежѣ, отданы безъ милосердія на жертву разъяренному солдатству. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль герцогъ свирѣпствовалъ, какъ вандалъ, противъ несчастныхъ Шотландцевъ. Въ его грубой, суровой, солдатской натурѣ не было ни совѣсти, ни сердца. Послѣдовали цѣлыя сотни военныхъ экзекуцій. Герцогъ вѣшалъ, разстрѣливалъ, сѣкъ, морилъ въ тюрьмахъ и отправлялъ въ ссылку всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь замѣшанъ былъ въ возстаніи. Онъ не щадилъ даже дѣтей, старцевъ и женщинъ. Кто-то напомнилъ ему о законахъ страны.—„Какіе законы! закричалъ герцогъ; моя бригада дѣлаетъ здѣсь законы!“ Посылая въ Лондонъ донесенія о своихъ подвигахъ, онъ называлъ ихъ „полезнымъ для здоровья Шотландіи кровопусканіемъ.“ Къ чести англійской націи нужно замѣтить, что вслѣдствіе этихъ жестокостей герцогъ сдѣлался самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ цѣлой Англіи. Народъ прозвалъ его „мясникомъ“, и онъ остался съ этимъ прозвищемъ до конца жизни. Всеобщая антипатія къ нему въ Лондонѣ была такъ сильна, что съ тѣхъ поръ онъ жилъ постоянно за городомъ, въ своей виллѣ, въ совершенномъ уединеніи, и не смѣлъ показываться на глаза народу. Но безсердечный палачь успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Онъ искоренилъ якобитизмъ въ Шотландіи. Потомъ послѣдовали законодательныя мѣры, которыя довершили это

дѣло. Англійское правительство принялось цивилизовать горную Шотландію и выводить ее изъ полуварварскаго состоянія. Чтобъ ослабить воинственный, наѣздническій духъ горцевъ и смѣшать ихъ съ гораздо болѣе просвѣщенными жителями низменной Шотландіи, оно запретило имъ имѣть у себя оружіе и носить національный костюмъ. Вмѣстѣ съ этимъ уничтожено было устройство клановъ, которое наиболѣе поддерживало въ нихъ этотъ духъ. Правительство старалось всѣми силами поощрять и распространять между ними земледѣліе, ремесла и всѣ мирныя занятія, и мало-по-малу Шотландцы забыли о Стюартахъ. Просвѣщеніе и улучшеніе матеріальнаго быта вылѣчило ихъ отъ якобитизма.

Что же сталось съ Карломъ Эдуардомъ послѣ Куллоденской битвы? Въ то время, когда лилась потоками кровь несчастныхъ жертвъ, увлеченныхъ имъ къ погибели, онъ блуждалъ въ странѣ, укрываясь отъ непріятеля и ища средствъ для переправы во Францію. Огромная цѣна положена была за его голову. Герцогъ Кумберландскій обѣщалъ 30,000 фунтовъ стерлинговъ тому, кто доставитъ его живаго или мертваго. Цѣлые пять мѣсяцевъ злополучный бѣглецъ скитался по горамъ, по лѣсамъ и островамъ Шотландіи, переходя отъ убѣжища къ убѣжищу и избѣгая англійскихъ патрулей. Его странствованія, его опасности, его безчисленныя приключенія напомнили собою подобныя же странствованія его предка, Карла II. Разсказы о нихъ долго занимали современниковъ и доставили интересный сюжетъ поэтамъ и романистамъ. Англичане преслѣдовали Карла Эдуарда съ настойчивостью и упорствомъ, свойственнымъ ихъ національному характеру. Они травили его, какъ дикаго звѣря. Сколько бѣдствій, сколько тревогъ, сколько невзгодъ и лишеній перенесъ онъ въ эти страшные пять мѣсяцевъ своей жизни, превосходитъ всякое

вѣроятіе. Онъ выказалъ тогда мужество, силу характера, присутствіе духа, достойныя лучшей участи. Чтобъ не попасть въ руки англійскихъ солдатъ, онъ долженъ былъ переходить нѣсколько разъ съ материка на сосѣдніе гебридскіе острова, и съ острововъ на материкъ, мѣняя безпрестанно платье и разкрашивая лице. Часто по цѣлымъ суткамъ случалось ему непринимать никакой пищи. Онъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ или на деревьяхъ, страдая отъ холода и стужи, промокшій до нитки. Иногда онъ принужденъ былъ сидѣть по шею въ болотѣ, чтобъ укрыться отъ Англичанъ. Однажды пришлось ему очутиться въ мѣстности, занятой со всѣхъ сторонъ сильными англійскими патрулями. Чтобъ не быть замѣчену ими, онъ долженъ былъ проползть большое пространство между кустами, не дѣлая шума, едва переводя дыханіе. Неоднократно Англичане уже готовы были поймать его, но всякій разъ онъ находилъ средства вывернуться изъ опасности. Подобно Карлу II, онъ нашелъ въ друзьяхъ и приверженцахъ своихъ и вообще во всѣхъ Шотландцахъ преданность, устоявшую противъ всякихъ искушеній. Нужда заставляла его довѣрять себя лицамъ, вовсе ему незнакомымъ. Сотни людей знали о его мѣстопребываніи. Многіе изъ нихъ были очень бѣдны. Они могли обогатить себя, выдавъ его Англичанамъ. Нѣкоторые были враждебны династіи Стюартовъ. И однакожь, не нашлось между Шотландцами ни одного измѣнника. Никто не отказалъ въ убѣжищѣ несчастному скитальцу. Многіе жертвовали даже собою, чтобъ облегчить ему бѣгство, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, такимъ самоотверженіемъ отличались преимущественно женщины. Одна изъ нихъ особенно показала примѣръ героизма, который увѣковѣчилъ ея имя въ исторіи. Однажды Карлъ Эдуардъ, надѣясь найдти французскій корабль, переправился на островъ Соутъ-Юстъ,

и здѣсь начальникъ клана Кланранальдовъ далъ ему убѣжище въ своемъ домѣ. Но Англичане попали на его слѣдъ. Они высадились вдругъ на островѣ въ числѣ двухъ тысячь, окружили берега своими военными судами и начали строгія розысканія. Казалось, ни укрыться, ни убѣжать было невозможно. Къ счастію, у Кланранальдовъ находилась въ это время въ гостяхъ Флора Макдональдъ, молодая, красивая дѣвушка, высокой отваги и благороднаго сердца. Она взяла на себя спасти Карла Эдуарда, не смотря на всѣ опасности. Случилось такъ, что командиръ англійскаго отряда, занявшаго островъ, былъ собственный ея вотчимъ. Она выпросила у него паспортъ для себя, для своей горничной и для одного служителя въ другой островъ гебридскій, Скай. Роль горничной долженъ былъ принять на себя Карлъ Эдуардъ. Флора Макдональдъ одѣла его въ женское платье, и одинъ вѣрный шотландскій горецъ присоединился къ нимъ для защиты, въ качествѣ служителя. Они сѣли втроемъ на малую лодку и пустились въ море. Долго противные вѣтры носили ихъ во всѣ стороны. Долго они не видѣли ничего передъ собою, кромѣ волнъ, покрытыхъ пѣною, и неба, обремененнаго густыми тучами. Наконецъ на другой день пополудни мрачныя скалы Скай указались на горизонтѣ. Бодро подплыли спутники къ берегу, но тутъ оказалось, что берегъ тоже былъ занятъ англійскими патрулями. Солдаты приняли ихъ цѣлымъ залпомъ ружейнаго огня; къ счастію ни одна пуля не попала въ нихъ; они успѣли удалиться, сильно работая веслами. Но между тѣмъ на морѣ поднялась страшная буря. Плыть дальше было невозможно. Спутникамъ не осталось ничего другаго, какъ высадиться въ иномъ мѣстѣ острова Скай, гдѣ не было англійскихъ солдатъ на берегу. Они высадились безпрепятственно, но тогда представилась новая

опасность. Они попали на то мѣсто острова, гдѣ находился домъ и лежали земли сэра Александра Макдональда, родственника Флоры, но враждебнаго Стюартамъ, и сражавшагося противъ Карла Эдуарда въ рядахъ Англичанъ. Смѣлая и рѣшительная Флора не отчаялась однакожь и въ этомъ случаѣ. Она обратилась прямо къ женѣ сэра Александра, леди Маргаретъ Макдональдъ, открыла ей тайну, сдѣлала воззваніе къ ея чувствамъ женщины и матери, и со слезами умоляла ее позволить переночевать злосчастному изгнаннику и дать ему средства бѣжать дальше, въ болѣе безопасное мѣсто. Леди Маргаретъ узнала неожиданную новость съ изумленіемъ и страхомъ;—въ ея собственномъ домѣ стояли англійскіе солдаты; — но она имѣла чувствительное сердце, и слезы Флоры подѣйствовали на нее. Она поручила Карла Эдуарда попеченію родственника и управляющаго своего мужа, по имени Кинсборо. Въ домѣ его, Карлъ Эдуардъ провелъ ночь, а на другой день, утромъ, Флора и Кинсборо опять сѣли съ нимъ въ лодку и проводили его до острова Расей, который лежалъ ближе къ материку Шотландіи. Здѣсь изгнанникъ простился съ своею избавительницею. Великодушная дѣвушка поплатилась впослѣдствіи за свой геройскій поступокъ тюремнымъ заключеніемъ. Но принцъ Фридрихъ, наслѣдникъ престола, вступился за нее. Она была освобождена по его просьбѣ; лондонскія дамы устроили въ ея пользу большую подписку, собрали ей приданое, и вскорѣ послѣ этого она вышла замужъ за сына того самого Кинсборо, который помогъ ей спасти претендента.

Этимъ романтическимъ приключеніемъ не кончились еще странствованія Карла Эдуарда. Съ острова Расей онъ опять переправился на твердую землю Шотландіи и бродилъ по прежнему, выжидая извѣстій изъ Франціи. Однажды ему

пришлось искать себѣ пріюта въ пещерѣ, въ которой жили разбойники и контрабандисты, и онъ провелъ въ ихъ обществѣ цѣлыя три недѣли. Эти люди грабили казну и всѣхъ проѣзжихъ, но имъ и въ голову не пришло нажить себѣ 30,000 фунтовъ стерлинговъ выдачею претендента; напротивъ, они ревностно заботились о его безопасности, снабжали его пищею и одеждою, дѣлили съ нимъ свою добычу. Подобно имъ онъ былъ въ опалѣ и стоялъ внѣ закона; поэтому они считали его своимъ товарищемъ и весьма привязались къ нему. Прокрадываясь въ сосѣдніе города, они доставали ему оттуда газеты и сообщали слухи о политическихъ событіяхъ. Однажды они принесли ему, съ большимъ ликованіемъ, самое отборное лакомство, о какомъ только удавалось имъ слышать—кусокъ пряника.

Оставивъ пещеру контрабандистовъ и испытавъ еще нѣсколько новыхъ опасностей и приключеній, Карлъ Эдуардъ получилъ наконецъ извѣстіе, что два корабля, нарочно высланные для него изъ Франціи, бросили якорь въ Локненюагъ, на сѣверѣ Шотландіи. Онъ поспѣшилъ въ это мѣсто, путешествуя ночью, и туда собралась тоже сотня участниковъ его несчастной экспедиціи, которые, подобно ему, травимые Англичанами, успѣли спастись отъ висѣлицы. Эти люди едва узнали своего молодаго вождя, такъ страшно онъ исхудалъ и измѣнился. Они сѣли съ нимъ на корабли и отплыли изъ Локненюагъ во Францію. Это была таже мѣстность, въ которой годъ тому назадъ Карлъ Эдуардъ высадился, исполненный надежды и увѣренный, что, послѣ трудовъ кампаніи, отдохнетъ въ С. Джемскомъ дворцѣ.

Ничего не можетъ быть грустнѣе его дальнѣйшей жизни. Онъ прожилъ сорокъ два года послѣ Куллоденской катастрофы, всегда надѣясь на возвращеніе въ Англію и всегда напра-

сно. Еще разъ, послѣдній разъ, улыбнулось ему счастіе, когда прямо изъ Шотландіи онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Молва о дивныхъ его подвигахъ предшествовала ему. Смѣлая до безумія экспедиція, испытанныя несчастія, долгія странствованія, баснословныя приключенія окружили его личность романтическимъ блескомъ. Французы, всегда жадные до подобныхъ впечатлѣній, приняли его съ восторгомъ. Ненависть къ Англичанамъ увеличивала всеобщій энтузіазмъ къ жертвѣ ихъ преслѣдованій. Карлъ Эдуардъ сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Людовикъ XV сдѣлалъ ему блестящій пріемъ. Когда молодой герой явился въ первый разъ въ оперѣ, вся публика поднялась съ мѣстъ и встрѣтила его громомъ рукоплесканій. Долгое время онъ былъ львомъ высшаго парижскаго общества. Всѣ удивлялись его подвигамъ, всѣ оплакивали его страданія. Знатныя дамы носили медальоны съ его портретомъ. Несчастная экспедиція истощила всѣ средства Карла Эдуарда. Нужда заставила его даже заложить брилліянты своей матери. Но теперь онъ плавалъ въ изобиліи. Людовикъ XV щедро надѣлилъ его деньгами. Товарищи его изгнанія, шотландскіе эмигранты, получили офицерскія мѣста во французской арміи, ордена и пенсіи. Все кончилось однакожь этими демонстраціями и этими денежными подарками. Всякій разъ, какъ скоро Карлъ Эдуардъ заговаривалъ о новой экспедиціи въ Англію и просилъ у французскаго правительства вспомогательнаго войска, кораблей и военныхъ снарядовъ, министры Людовика XV дѣлались глухими. Французское правительство убѣдилось, что дѣло Стюартовъ потеряно окончательно, и не хотѣло жертвовать для него ни однимъ кораблемъ, ни однимъ батальономъ. Видя безуспѣшность своихъ домогательствъ во Франціи, Карлъ Эдуардъ обратился къ Испаніи. Онъ сдѣлалъ

романтическое путешествіе въ Мадритъ, получилъ аудіенцію у короля и у королевы, но не могъ добиться отъ нихъ ничего. Испанское правительство такъ боялось Англичанъ, что позволило претенденту только нѣсколько часовъ остаться въ Мадритѣ. Вслѣдъ за этимъ онъ положилъ всѣ свои надежды на Фридриха Великаго, короля Прусскаго, антипатія котораго къ Георгу II хорошо была ему извѣстна. Фридрихъ Великій принялъ его агента въ Берлинѣ, но отдѣлался пустыми обѣщаніями. Такъ онъ обращался поочереди ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, стучался во всѣ двери, и вездѣ встрѣтилъ одинаковый пріемъ—уклончивые отвѣты или молчаніе. Къ этому всеобщему равнодушію европейскихъ дворовъ присоединились еще раздоры въ собственной семьѣ Карла Эдуарда. Младшій братъ его, Генрихъ, не говоря ему ни слова, оставилъ тайкомъ Парижъ, отправился въ Римъ, (гдѣ жилъ отецъ обоихъ братьевъ, старшій претендентъ, Іаковъ III) и рѣшился вступить въ духовное званіе Вдругъ, къ всеобщему удивленію, разнеслось извѣстіе, что папа сдѣлалъ его кардиналомъ. Все это устроено было заранѣе, безъ вѣдома Карла Эдуарда, между папою и старшимъ претендентомъ, который впалъ въ совершенный биготизмъ. Неожиданное извѣстіе поразило ужасомъ якобитскихъ эмигрантовъ. Это былъ рѣшительный ударъ для дѣла династіи. Многіе изъ нихъ объявили прямо, что кардинальская шапка Генриха хуже по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ сама Куллоденская битва. Карлъ Эдуардъ негодовалъ больше всѣхъ. Онъ прекратилъ сношенія съ братомъ, и къ отцу писалъ только изрѣдка краткія и холодныя письма.

Между тѣмъ, въ 1748 г., заключенъ былъ между Франціею и Англіею Ахенскій миръ, въ которомъ французское правительство пожертвовало претендентомъ. Одною статьею дого-

вора оно обязалось отказаться отъ всякой поддержки его и даже запретить ему пребываніе на французской территоріи. Однакожь оно было готово смягчить строгость этой статьи въ исполненіи и сдѣлать для Карла Эдуарда все возможное. Людовикъ XV предложилъ устроить ему во Фрибургѣ, въ Швейцаріи, удобное мѣстопребываніе, съ титуломъ принца Валлійскаго, съ компаніею почетной стражи и съ весьма значительною пенсіею. При отчаянномъ положеніи Карла Эдуарда эти условія были въ сущности весьма для него выгодны, и онъ не могъ сдѣлать ничего лучше, какъ принять ихъ немедленно. Но чѣмъ ниже падали его надежды, тѣмъ выше подымались его притязанія. Популярность, которую онъ пріобрѣлъ между Французами, вскружила ему голову. Онъ считалъ для себя дѣломъ чести презирать то, что онъ называлъ „ганноверскими приказами", и рѣшительно отказался выѣхать изъ Парижа. Напрасны были всѣ просьбы, убѣжденія, угрозы французскихъ министровъ; даже увѣщанія папскаго нунція, даже письма отца изъ Рима, въ которыхъ онъ повелѣлъ ему оставить Францію, не подѣйствовали на него. Онъ велъ себя въ Парижѣ съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ, жилъ роскошно, нанималъ пышный дворецъ, дѣлалъ долги, во зло употреблялъ щедрость Людовика XV и нисколько не думалъ объ отъѣздѣ. Ему казалось, что Людовикъ, его родственникъ, не посмѣетъ употребить противъ него силу; но онъ ошибся въ этомъ. Пріемы двора, который управлялъ Франціею посредствомъ lettres de cachet и полиціи, не отличались мягкостью и утонченностью. Однажды вечеромъ, когда Карлъ Эдуардъ ѣхалъ въ оперу, карета его была остановлена у самыхъ дверей театра жандармами; его вытащили насильно, связали и бросили въ венсенскій замокъ. Здѣсь онъ просидѣлъ нѣсколько дней, какъ преступ-

никъ, въ сырой ямѣ, въ семь футовъ ширины и восемь длины; потомъ его отправили подъ сильною эскортой къ савойской границѣ и пустили по міру на скитаніе. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, всѣ дѣйствія и странствованія его покрыты были глубокою тайною. Даже самые жаркіе приверженцы Стюартовъ рѣдко знали о мѣстѣ его убѣжища. Вся корреспонденція злополучнаго странника проходила черезъ руки его парижскаго банкира, но онъ никогда не ставилъ въ письмахъ своихъ ни числа, ни названія мѣстности, въ которой находился. Ни друзья, ни враги не могли получить точныхъ свѣдѣній о его движеніяхъ и предпріятіяхъ. Теперь извѣстно, что онъ скитался повсюду, въ Германіи, въ Италіи, скрывался нѣкоторое время въ Парижѣ и предпринималъ три раза таинственныя путешествія въ Англію. Говорятъ даже, что, въ 1760 г., онъ былъ въ Лондонѣ и присутствовалъ, переодѣтый, въ толпѣ народа, при коронаціи Георга III. Но обыкновеннымъ его мѣстопребываніемъ были обширныя помѣстья друга его, герцога Бульонскаго. Здѣсь онъ проводилъ все время въ огромныхъ, глухихъ арденскихъ лѣсахъ, занимаясь травлею волковъ и медвѣдей. Въ этой безпрестанной, дикой охотѣ страстный и дѣятельный духъ его находилъ себѣ единственное удовлетвореніе; въ ней онъ искалъ тоже забвенія своихъ печалей. Длинный рядъ бѣдствій и обманутыхъ надеждъ измѣнилъ совсѣмъ его характеръ и его наружность. Онъ сдѣлался мраченъ и совершенно одичалъ и огрубѣлъ. Мало-по малу онъ привыкъ топить свое горе въ винѣ, и пьянство окончательно разрушило въ немъ все благородное и унизило его. Нѣкогда блестящій, красивый, изящный юноша представлялъ теперь собою жалкую развалину. Въ 1766 г., по смерти отца, онъ переселился въ Римъ и помирился съ братомъ. До сихъ поръ онъ оставался холо-

стымъ, и только на 52-мъ году жизни вздумалось ему жениться на молодой графинѣ Луизѣ Стольбергъ. Бракъ этотъ оказался несчастнымъ. Карлъ Эдуардъ, отравленный горечью жизни, былъ непріятнымъ, неуживчивымъ мужемъ; Луиза невѣрною женою. Она влюбилась въ поэта Альфіери и убѣжала съ нимъ. Съ тѣхъ поръ Карлъ Эдуардъ получилъ самое дурное мнѣніе о людяхъ и особенно о женщинахъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ говоритъ: „..... а что касается до женщинъ, то всѣ онѣ негодны и непроницаемы.“ Свѣтлый образъ Флоры Макдональдъ уже изгладился совершенно въ его памяти, когда онъ писалъ эти строки. Послѣ разлуки съ женою, онъ провелъ остатокъ жизни въ грустномъ одиночествѣ, занимаясь постоянно прорицаніями Нострадамуса и доискиваясь въ нихъ разгадки будущихъ судебъ своей династіи. Надежда на возвращеніе въ Англію и реставрацію никогда не оставляла его. Онъ держалъ всегда подъ постелью шкатулку съ 12,000 секиновъ на тотъ случай, когда вызовутъ его въ Англію. Съ этою надеждою онъ и скончался, разбитый параличемъ, въ 1788 г. Онъ умеръ, 30 января, въ годовщину казни Карла I. Братъ, кардиналъ, похоронилъ его во Фраскати, но потомъ его гробъ перенесенъ былъ въ храмъ св. Петра. Туда положили тоже останки его отца, Іакова III. Кардиналъ Генрихъ Стюартъ дожилъ до глубокой старости и умеръ въ 1807 г. Канова сдѣлалъ монументъ для могилы Стюартовъ, а заплатилъ за него — ганноверскій домъ. Подъ этимъ монументомъ покоятся рядомъ всѣ три послѣдніе Стюарты. На немъ изображены ихъ барельефные портреты, а внизу помѣщена, по желанію кардинала Стюарта, латинская надпись: *Памяти Іакова III, Карла III и Генриха IX, королей Великой Британіи и Ирландіи.* Ни одинъ Англичанинъ, говоритъ графъ Стенгопъ (lord Mahon), не можетъ

смотрѣть на эту надпись безъ вздоха и печальной улыбки. Англійскіе посѣтители Рима часто направляютъ свои шаги въ храмъ св. Петра, къ монументу Стюартовъ, и глядятъ въ глубокомъ молчаніи на эту грустную иронію человѣческаго величія, на это послѣднее заявленіе разрушенныхъ надеждъ.

ЛЕКЦІЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

—

АНГЛІЯ НАКАНУНѢ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

Послѣднія восемь лѣтъ правленія Пельгемовъ. — Питтъ въ должности военнаго генералъ-казначея.—Его безкорыстіе.—Отношенія его къ Пельгемамъ и королю Георгу II.—Смерть Генри Пельгема.—Герцогъ Ньюкэстль первый министръ. — Характеристика Питта какъ оратора. — Вилльямъ Морреи.—Генри Фоксъ.—Сэръ Томасъ Робинсонъ.—Питтъ и Фоксъ въ оппозиціи.—Предзнаменованія войны.—Столкновенія между Французами и Англичанами въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ послѣ Ахенскаго мира. — Первое появленіе Вашингтона.—Разрывъ между Франціею и Англіею.—Путешествіе Георга II въ Ганноверъ.—Неспособность Ньюкэстля.—Его неудачныя мѣры.—Король Георгъ II въ Ганноверѣ. — Новые трактаты о субсидіяхъ съ ландграфомъ Гессенскимъ и императрицею Елисаветою Петровною. — Затруднительное положеніе Ньюкэстля.—Связь его съ Фоксомъ. — Разрывъ между Фоксомъ и Питтомъ.—Питтъ становится въ главѣ оппозиціи. — Пренія въ парламентѣ объ адресѣ.—Временное торжество Ньюкэстля въ парламентѣ.—Общественное мнѣніе поддерживаетъ Питта.

Мм. Гг.

Экспедиція претендента Карла Эдуарда пронеслась какъ буря по поверхности Англіи и прошла, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Тишина, прерванная на короткое время, опять водворилась въ странѣ. Король Георгъ пересталъ опасаться за прочность своего престола; герцогъ Ньюкэстль тоже оправился отъ постояннаго страха, и нація возвратилась къ тому равнодушію, къ той апатіи, въ которую

впала съ самаго начала правленія Пельгемовъ. Наступило восемь спокойныхъ лѣтъ, восемь лѣтъ безъ важныхъ происшествій извнѣ, безъ агитаціи внутри и почти безъ дебатовъ въ парламентѣ. Куллоденское пораженіе сокрушило на всегда духъ якобитовъ. Послѣдніе представители этой упорной партіи въ палатѣ исчезли или умолкли. Въ 1748 г. Ахенскій миръ положилъ конецъ войнѣ на континентѣ, и никто уже не могъ декламировать больше противъ ганноверской политики и иностранныхъ субсидій. Въ 1751 г. умеръ принцъ Фридрихъ, наслѣдникъ престола, всю жизнь свою враждовавшій съ отцемъ. Съ кончиною его исчезла послѣдняя причина раздоровъ. Въ первый разъ со временъ Стюартовъ не существовало въ парламентѣ никакой оппозиціи. Всѣ сколько-нибудь значительные члены обѣихъ палатъ были связаны съ правительствомъ. Залы Вестминстерскаго зданія, въ которыхъ раздавалось прежде столько ораторскихъ громовъ, заглохли. Парламентскія сессіи проходили одна за другою въ рутинныхъ занятіяхъ, и только время отъ времени, при разборѣ военнаго бюджета, одинъ оригиналъ, лордъ Эгмонтъ, вопилъ противъ постоянныхъ армій. Постоянная армія не превышала тогда десяти тысячь, но онъ все-таки боялся отъ нея порабощенія Англіи.

Что же дѣлалъ Питтъ въ теченіе всего этого времени? Еще до Куллоденской битвы онъ получилъ новую должность— военнаго генералъ-казначея, которая была значительнѣе прежде занимаемой имъ синекуры, но все еще не давала ему ни голоса въ кабинетѣ, ни дѣятельнаго участія въ управленіи страною. Эта новая должность была однакожь весьма важнымъ моментомъ въ жизни Питта. Онъ показалъ въ ней примѣръ безкорыстія и нравственной чистоты, который привелъ въ удивленіе всѣхъ его современниковъ. Должность генералъ-

казначея, хотя ниже министерскихъ, считалась въ это время самымъ доходнымъ мѣстомъ въ Англіи. Жалованье составляло впрочемъ только незначительную часть ея доходовъ. Генералъ-казначей имѣлъ постоянно въ своихъ рукахъ, даже во время мира, большую сумму — обыкновенно сто тысячь фунтовъ стерлинговъ—и, по утвердившемуся обычаю, обращалъ проценты съ этой суммы въ свою пользу. Обычай такой существовалъ давно, не былъ вовсе секретомъ и не считался безчестнымъ дѣломъ. Ему слѣдовали многіе весьма почтенные люди до Питта и послѣ него. Но Питтъ не хотѣлъ получать ни одного шилинга сверхъ жалованья, назначеннаго ему закономъ. Онъ отослалъ всѣ фонды своего вѣдомства въ банкъ съ тѣмъ, чтобы проценты отъ нихъ обращаемы были въ пользу государства, и такимъ образомъ добровольно лишилъ себя годоваго дохода въ три или четыре тысячи фунтовъ. Генералъ-казначей имѣлъ кромѣ того еще другой источникъ дохода, не менѣе важный. Иностранныя державы, получавшія денежныя субсидіи отъ Англіи, всегда предоставляли ему, въ видѣ гонорарія, небольшой учетъ—обыкновенно полъ-процента — съ суммъ, которыя черезъ него поступали въ ихъ руки. Питтъ отказался и отъ этого. Онъ изумилъ короля сардинскаго, приславъ ему всю сумму, назначенную парламентомъ безъ всякаго вычета, и изумленіе короля возросло еще болѣе, когда Питтъ не захотѣлъ даже принять отъ него небольшаго подарка. Не забудемъ, что все имущество Питта состояло тогда только изъ десяти тысячь фунтовъ, завѣщанныхъ ему герцогинею Мальборо. Такого рода безкорыстіе было неслыханнымъ дѣломъ въ тѣ времена, когда публичная нравственность стояла еще очень низко, когда почти всѣ государственные люди смотрѣли на свои должности, какъ на средство къ обогащенію. Поведеніе Питта пока-

залось страннымъ товарищамъ его, посѣдѣвшимъ въ долголѣтнемъ обираніи казны; они смѣялись надъ простотою великаго оратора. Но нація не смѣялась. Высокая честность Питта исполнила ее глубокимъ уваженіемъ къ нему. Нація не могла слышать рѣчей Питта: ее не допускали въ засѣданія палатъ. Она не могла даже читать ихъ въ газетахъ: газетамъ не позволялось тогда публиковать дебаты. До націи доходили только слабые отголоски краснорѣчія Питта, только слухи о томъ, что говорилъ онъ въ парламентѣ. Но всякій могъ видѣть его безкорыстіе въ исправленіи должности, всякій могъ сравнить его въ этомъ съ другими государственными людьми. Нація и сдѣлала такое сравненіе. Она отличила Питта отъ толпы корыстныхъ политиковъ, гонявшихся за министерскими портфелями для выгодъ своего кармана. Она знала теперь, что въ числѣ людей управлявшихъ страною есть одинъ человѣкъ, который недоступенъ никакимъ искушеніямъ, который никогда не думаетъ о себѣ, служа государству. Съ тѣхъ поръ популярность Питта возросла еще болѣе. Нація прозвала его „великимъ коммонеромъ", и это названіе осталось за нимъ даже тогда, когда онъ произведенъ былъ въ пѐры, съ титуломъ лорда Чатама.

Не смотря однакожъ на популярность и высокія дарованія Питта, политическая карьера его шла весьма медленно. Онъ достигъ должности генералъ-казначея и остановился на ней. Братья Пельгемы оказывали ему чрезвычайное уваженіе, но вовсе не думали о томъ, чтобы подвинуть его выше. Они доставили ему мѣсто въ министерствѣ не отъ любви къ нему, а отъ страха. Они боялись оппозиціи великаго коммонера и поэтому поспѣшили связать его съ правительствомъ. Но имъ нисколько не хотѣлось раздѣлять съ нимъ власти; оба братья чувствовали къ нему зависть и старались нарочно

удерживать его въ тѣни, на второстепенномъ постѣ. Годъ проходилъ за годомъ, и Питтъ оставался въ бездѣйствіи. Онъ стоялъ у входа въ кабинетъ, но никакъ не могъ проникнуть въ него. Всякій разъ, какъ скоро онъ напоминалъ герцогу Ньюкэстлю о своихъ притязаніяхъ, герцогъ отговаривался нерасположеніемъ короля Георга. Бездѣйствіе томило, изнуряло Питта. Чтобъ выйдти изъ невыносимаго положенія, гордая натура его склонилась къ пожертвованіямъ. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобы смягчить антипатію Георга. Онъ пересталъ отзываться непочтительно о Ганноверѣ. Онъ началъ говорить о королѣ языкомъ преданности. Онъ дошелъ даже до того, что сталъ оказывать почтеніе герцогу Ньюкэстлю, котораго глубоко презиралъ въ душѣ. Не безъ удивленія мы читаемъ въ корреспонденціи Питта одно письмо, въ которомъ онъ въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ проситъ Ньюкэстля вступиться за него у короля. Тонъ письма непохожъ на обыкновенный языкъ гордаго, неуклоннаго, недоступнаго коммонера. Не трудно однакожь объяснить это униженіе великаго характера и могучаго ума передъ мелкимъ и посредственнымъ герцогомъ. Питтъ былъ въ глубокомъ отчаяніи. Лучшіе годы его жизни проходили безплодно. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу генія, сознавалъ свои дарованія и не видѣлъ никакой возможности употребить ихъ въ дѣло для пользы государства. Ему минуло сорокъ-шесть лѣтъ. Старость приближалась быстро. Болѣзни разстроивали его организмъ; а между тѣмъ онъ продолжалъ изнывать на незначительномъ постѣ, въ то время, когда люди, недостойные разрѣшить ремень его сапога, управляли страною. Но наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, новый лучь надежды освѣтилъ дорогу Питта. Въ мартѣ 1754 года десятилѣтнее политическое затишье кончилось неожиданнымъ событіемъ. Глава кабинета, Генри

Пельгемъ, который пользовался весьма крѣпкимъ здоровьемъ и обѣщалъ долгую жизнь, умеръ внезапно, послѣ краткой болѣзни. „Теперь уже не будетъ у меня больше спокойствія!“ сказалъ старый король Георгъ, узнавъ о кончинѣ министра, и слова эти оказались пророческими. Примирительный характеръ Генри Пельгема сдерживалъ въ гармоніи и согласіи всѣ таланты страны; съ его смертью все пошло врозь, и опять въ палатахъ и въ странѣ настало бурное время.

Самыя разнородныя чувства волновали мелкую душу герцога Ньюкэстля по смерти брата. Печаль, боязнь и честолюбіе овладѣвали имъ поперемѣнно. Печаль скоро прошла, но боязнь и честолюбіе долго боролись въ его сердцѣ. Съ одной стороны ему хотѣлось взять себѣ наслѣдіе брата. Жажда власти не уменьшалась, а увеличивалась въ немъ съ лѣтами. Чѣмъ дольше онъ пользовался властью, тѣмъ болѣе возрасталъ его апетитъ къ ней. Не смотря на свое ничтожество, онъ считалъ себя способнымъ занять должность перваго министра. Съ другой стороны онъ боялся стоять на такомъ высокомъ постѣ одинъ, лишенный поддержки брата. Его пугала огромная отвѣтственность перваго министра. Наконецъ, однакожь, честолюбіе взяло верхъ надъ боязнью, и Ньюкэстль рѣшился стать въ главѣ управленія, какъ первый лордъ казначейства. Но самое главное оставалось еще сдѣлать. Нужно было герцогу пріискать руководителя нижней палаты на мѣсто умершаго брата. Это слово „руководитель нижней палаты,“ требуетъ маленькаго объясненія. Извѣстно, что англійскіе министры избираются изъ членовъ парламента и всегда засѣдаютъ въ парламентѣ; а такъ какъ парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ—верхней и нижней, — то и министры раздѣляются пополамъ. Тѣ изъ нихъ, кото-

рые имѣютъ званіе пѐровъ, принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ верхней палаты; тѣ же, которые не имѣютъ званія пѐровъ, т. е. суть или просто коммонеры или лорды только по титулу, тѣ остаются въ нижней палатѣ. И въ той, и въ другой палатѣ, одинъ изъ министровъ принимаетъ на себя обязанность главнаго представителя правительства передъ палатою. Онъ говоритъ отъ имени всего кабинета, предлагаетъ и защищаетъ его мѣры, отвѣчаетъ на всѣ запросы и руководитъ министерскою партіею въ палатѣ. Такой министръ и называется руководителемъ палаты (leader of the House). Въ нижней палатѣ руководителемъ бываетъ обыкновенно или самъ первый министръ, если онъ не пѐръ, или одинъ изъ статсъ-секретарей, или канцлеръ казначейства. Робертъ Вальполь и Генри Пельгемъ, оба простые коммонеры, были первыми министрами и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянными руководителями нижней палаты. Но по смерти Генри Пельгема первымъ министромъ сталъ герцогъ Ньюкэстль, пѐръ королевства; мѣсто его было въ верхней палатѣ; поэтому ему слѣдовало поручить руководство нижней какому-нибудь другому министру. Одинъ человѣкъ, преимущественно передъ всѣми, достоинъ былъ занять этотъ важный постъ — великій коммонеръ Питтъ. На него указывалъ голосъ всей націи. Не принимая до сихъ поръ дѣятельнаго участія въ управленіи, онъ выросъ однакожь постепенно въ глазахъ своихъ согражданъ и пріобрѣлъ огромный авторитетъ въ странѣ. Нація чувствовала къ нему неограниченное довѣріе, и онъ вполнѣ заслуживалъ его. Онъ обязанъ былъ своимъ значеніемъ не аристократическимъ связямъ, подобно Пельгемамъ, не милости королевской, подобно Картерету, а единственно своимъ добродѣтелямъ и талантамъ. Въ то время, когда другіе политическіе дѣятели этой эпохи

для достиженія власти и вліянія прибѣгали къ низкимъ, безнравственнымъ средствамъ, къ подкупамъ, къ интригамъ, и спекулировали постоянно на дурныя наклонности людей, онъ одинъ держалъ себя вдали отъ всѣхъ этихъ нечистыхъ дѣлъ, онъ одинъ обращался всегда къ лучшимъ, благороднымъ сторонамъ человѣческой природы, онъ одинъ искалъ поддержки въ націи, въ общественномъ мнѣніи. Никто лучше Питта не годился быть руководителемъ того собранія, которое уже двадцать лѣтъ онъ украшалъ собою. Въ личности его осуществилось вполнѣ то рѣдкое соединеніе умственныхъ и физическихъ преимуществъ, которое даетъ возможность великимъ ораторамъ господствовать неограниченно въ сенатахъ, управлять чувствами и страстями слушателей, овладѣвать ихъ волею, увлекать ихъ къ дѣйствію или останавливать ихъ въ рѣшительную минуту. Уже одна наружность Питта производила глубокое впечатлѣніе. Онъ былъ весьма высокаго роста и имѣлъ величественный видъ. Во всей фигурѣ его было что-то повелительное, необыкновенно достойное и внушавшее почтеніе. На сценѣ онъ могъ представить великолѣпнаго Брута или Коріолана. Онъ казался созданнымъ для римской тоги. Лице его отличалось античною красотою, правильностью чертъ и благородствомъ. Оно носило всегда гордое, серьёзное, даже нѣсколько суровое и грозное выраженіе. Оно становилось особенно поразительнымъ тогда, когда воспламенялось гнѣвомъ и негодованіемъ. Глаза Питта, орлиные глаза, какъ называютъ ихъ современники, одарены были силою, которая дѣйствовала магически въ палатѣ. Однимъ взглядомъ великій коммонеръ приводилъ въ смущеніе противника и останавливалъ его на половинѣ фразы. Особенно былъ страшенъ его взглядъ, когда выражалось въ немъ презрѣніе. Но главное преимущество Питта, какъ оратора,

составлялъ его чудный голосъ. Голосъ Питта, по свидѣтельству современниковъ, былъ такъ чистъ, такъ внятенъ, имѣлъ такую серебрянную звучность, что даже тогда, когда онъ понижалъ его до тихаго шопота, каждое слово слышно было на самыхъ отдаленныхъ скамьяхъ палаты. Но когда въ одушевленіи, въ страстной декламаціи, великій ораторъ подымалъ тонъ и восклицалъ всею грудью, тогда голосъ его гремѣлъ, подобно органу въ великомъ соборѣ, потрясалъ стѣны палаты, раздавался по всему огромному Вестминстерскому зданію, и нервная дрожь пробѣгала по тѣлу слушателей. Питтъ старался постоянно совершенствовать всѣ эти внѣшнія преимущества и не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло увеличить ихъ дѣйствіе. Какъ нѣкогда Демосѳенъ, онъ тщательно работалъ надъ собою и упражнялся во всемъ, что принадлежитъ къ искусству оратора. Его жесты, его движенія, его манеры, произношеніе словъ, положеніе тѣла—все это было мастерски выработано въ немъ и разсчитано на эффектъ. Горасъ Вальполь говоритъ, что Питтъ равнялся мимикою знаменитому актеру Гаррику. Никакая мелочь не ускользала отъ его вниманія. Онъ одѣвался всегда съ большимъ стараніемъ и заботился о томъ, чтобы и въ костюмѣ тоже проявлялось нѣкоторое величіе. Онъ умѣлъ даже извлечь выгоду изъ самыхъ недуговъ своихъ. Обѣ ноги и обѣ руки его часто поражаемы были подагрою. Онъ являлся тогда въ палату на костыляхъ, окутанный въ фланель, но широкое платье его и повязки всегда уложены были артистически, и костыль дѣлался въ его рукахъ новымъ ораторскимъ средствомъ. Эта заботливость Питта о внѣшнихъ формахъ перешла однакожь мѣру, и мало-по-малу обратилась въ весьма чувствительный недостатокъ. Она породила въ немъ страсть къ сценическимъ эффектамъ и къ театральнымъ позамъ. Она развила въ немъ

какую-то аффектацію величія, которая возрастала съ лѣтами, которая сдѣлалась его другою натурою и перешла въ его частную жизнь, въ его разговоры, въ его корреспонденцію. Онъ привыкъ постоянно рисоваться и говорить торжественнымъ тономъ. Онъ не являлся передъ другими иначе, какъ въ парадномъ платьѣ. Частныя письма его наполнены вычурными фразами и напыщенными эпитетами. Даже въ самомъ интимномъ кругу онъ не могъ освободиться отъ нѣкоторой оффиціяльности, исключавшей всякое фамиліярное обращеніе. Словомъ, онъ представлялъ собою рѣдкій примѣръ геніяльнаго человѣка съ истинно великимъ характеромъ, но безъ простоты и естественности.

Грандіозной наружности Питта соотвѣтствовалъ вполнѣ характеръ его краснорѣчія. Оно отличалось величіемъ мысли, силою воображенія и возвышенностью тона. Но замѣчательно, что, хотя первокласный ораторъ, Питтъ не былъ вовсе *дебетеръ*. Онъ не блисталъ діалектикою, разсуждалъ плохо и рѣдко доказывалъ свои положенія. Искусство возражать тонко противнику, опровергать его по пунктамъ, забрасывать его аргументами было ему чуждо. Въ рѣчахъ своихъ онъ слѣдовалъ теченію собственной мысли, а не ходу предшествовавшихъ дебатовъ. Онъ не заботился никогда о томъ, чтобы сказать послѣднее слово. Произнесши громовую рѣчь, онъ обыкновенно вставалъ съ мѣста и оставлялъ палату, не дожидаясь отвѣта. Онъ не былъ тоже ораторомъ правильныхъ, заранѣе составленныхъ и выученныхъ рѣчей. Впередъ приготовленныя и отдѣланныя рѣчи не удавались ему. Настоящимъ его полемъ была импровизація. Только тогда обнаруживались во всемъ блескѣ его дарованія, когда онъ говорилъ по вдохновенію и находился подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго чувства. Поэтому рѣчи его не отличались

ни правильностью построенія, ни логическою послѣдовательностью; за то онѣ исполнены были страстныхъ движеній, неожиданныхъ поворотовъ, блестящихъ вспышекъ, смѣлыхъ метафоръ, удачныхъ цитатъ и намековъ, поразительныхъ картинъ и великолѣпныхъ воззваній. Онъ говорилъ обыкновенно весьма долго, съ чрезвычайною легкостью, не затрудняясь никогда въ выраженіяхъ; но онъ не былъ господиномъ своего слова; напротивъ, потокъ рѣчи уносилъ его съ собою, и онъ предавался безъ памяти ея увлеченію. Великій коммонеръ самъ сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ самообладанія. Впослѣдствіи, во время Семилѣтней войны, когда судьба Англіи находилась въ его рукахъ, онъ иногда нарочно не принималъ участія въ дебатахъ, если голова его полна была какихъ-нибудь важныхъ государственныхъ секретовъ. „Мнѣ нужно сидѣть спокойно сегодня", сказалъ онъ однажды лорду Шельборну при такомъ случаѣ, „ибо если я разъ начну говорить, то все, что ни есть въ душѣ моей, выйдетъ наружу." — Въ одномъ родѣ краснорѣчія Питтъ блисталъ особенно и не имѣлъ соперника—въ личныхъ нападкахъ, въ порицаніи, въ сарказмахъ. Удары его были страшны, безпощадны, язвительны. Онъ сокрушалъ, уничтожалъ противниковъ. Ни одного изъ англійскихъ ораторовъ не боялись такъ въ палатѣ, какъ Питта. Но главною причиною огромнаго дѣйствія его рѣчей былъ тонъ глубокаго убѣжденія, искренность чувства, душевный жаръ, энтузіазмъ и нравственная возвышенность, которыми проникнуто было все, что ни говорилъ онъ. Какая-то неотразимая демоническая сила существовала въ этомъ человѣкѣ. Однимъ словомъ, однимъ жестомъ, особеннымъ оттѣнкомъ голоса онъ производилъ такое дѣйствіе, какого другіе ораторы не достигали цѣлыми рѣчами. Увѣренность въ этой силѣ дѣлала его необыкновенно смѣлымъ. Онъ велъ себя

какъ диктаторъ въ палатѣ, и это многочисленное собраніе, состоявшее изъ первыхъ людей Англіи, подчинялось малѣйшему его мановенію. Сохранился одинъ анекдотъ, который весьма ярко изображаетъ эту сторону личности Питта. Однажды ему пришлось говорить о пошлинѣ на разные предметы, между прочимъ на сахаръ. Обращаясь по обыкновенію къ президенту палаты, онъ началъ свою рѣчь такъ: „Сахаръ, M-r speaker..“ Громкій смѣхъ пробѣжалъ по всѣмъ скамьямъ палаты. Тогда Питтъ остановился, посмотрѣлъ грозно во всѣ стороны и огромнымъ голосомъ, отъ котораго задрожали стѣны, закричалъ три раза: сахаръ! сахаръ! сахаръ! и опять остановился. Словно громъ упалъ въ собраніе. Мертвая тишина распространилась въ залѣ. Можно было слышать паденіе булавки. „Кто будетъ теперь смѣяться надъ сахаромъ?“ — спросилъ Питтъ, гордо поглядывая вокругъ. Всѣ члены палаты потупили взоры. Онъ промолчалъ еще минуту и потомъ сталъ продолжать свою рѣчь.

Таковъ былъ великій коммонеръ Питтъ. Собственный интересъ герцога Ньюкэстля требовалъ, чтобы онъ сдѣлалъ его руководящимъ министромъ въ нижней палатѣ. Самый популярный человѣкъ въ странѣ, Питтъ могъ сообщить кабинету необыкновенную силу и обезпечить его прочность. Но герцогъ Ньюкэстль на этотъ разъ плохо понималъ свои интересы. Неумѣренная жажда власти ослѣпила его. Онъ смотрѣлъ на Питта, какъ на опаснаго соперника и боялся его талантовъ. Ему вовсе не хотѣлось имѣть въ министерствѣ товарища, который совершенно затмилъ бы его собою. Король Георгъ тоже упорствовалъ въ своей антипатіи къ Питту и нисколько не желалъ видѣть его членомъ кабинета. И король, и герцогъ воспользовались тѣмъ, что во время смерти Пельгема, Питтъ не присутствовалъ въ Лондонѣ, а лежалъ

въ Батѣ, разбитый подагрою. Они обошли его безъ всякихъ церемоній и не сдѣлали ему никакихъ предложеній.

Кромѣ Питта только два человѣка были способны замѣнить въ нижней палатѣ умершаго Пельгема. Однимъ изъ нихъ былъ Вилльямъ Моррей, другимъ Генри Фоксъ. Оба весьма отличились въ парламентѣ; оба, подобно великому коммонеру, занимали второстепенные посты въ министерствѣ, но нисколько не походили на него характеромъ. Вилльямъ Моррей, позднѣйшій лордъ Мансфильдъ, былъ знаменитый юристъ. Парламентское его краснорѣчіе не поражало блескомъ, но онъ говорилъ плавно, ясно, логично, доказательно. Какъ и слѣдовало юристу, онъ славился особенно систематическимъ изложеніемъ дѣла. Жесты его отличались граціею, тонъ рѣчи ровностью и спокойствіемъ. Въ умственномъ отношеніи Моррей могъ вполнѣ поравняться съ Питтомъ, но онъ лишенъ былъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ свойствъ, которымъ Питтъ преимущественно обязанъ былъ своими успѣхами. Ему недоставало энергіи, рѣшительности, отваги, теплоты сердца и того благороднаго честолюбія, которое дѣлаетъ людей великими на политическомъ поприщѣ. Моррей былъ человѣкъ холодный и безстрастный, осторожный до боязливости, чинный и акуратный до формализма. Онъ любилъ прежде всего спокойствіе и никогда не подвергалъ риску своей репутаціи. Нѣсколько разъ въ жизни представлялась ему возможность быть первымъ министромъ. Но онъ предпочиталъ держать себя вдали отъ политической сцены. Особенно въ критическія минуты для государства, когда оказывалась самая настоятельная потребность въ людяхъ, способныхъ управлять страною, когда патріотизмъ и сознаніе долга повелѣвали всякому даровитому человѣку выступать впередъ и становиться на брешь, Моррей прятался всегда за свое званіе

юриста и отклонялъ отъ себя всякое дѣятельное участіе въ политикѣ. Главною цѣлью всѣхъ его желаній была высшая судебная карьера, должность главнаго судьи (Chief Justice). Положеніе главнаго судьи не было такъ блестяще, какъ положеніе перваго лорда казначейства, но оно было почетно, оно было покойно, оно не вело за собою такой тяжелой отвѣтственности, какъ должность главы кабинета, и, дѣло самое важное для Моррея, оно было обезпечено на всю жизнь. Поэтому онъ и не желалъ ничего больше.

Этого человѣка герцогъ Ньюкэстль считалъ менѣе опаснымъ для себя, чѣмъ Питта; оттого онъ и обратился прежде всего къ нему и предложилъ ему мѣсто статсъ-секретаря и руководство нижней палаты. Но Моррей, вѣрный себѣ, отказался и потребовалъ, въ замѣнъ, должности генералъ-прокурора (Attorney General), которая могла довести его до вожделѣннаго поста главнаго судьи. Оставался Фоксъ.

Генри Фоксъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи Карла Георга Фокса, былъ человѣкъ большихъ талантовъ, большаго практическаго смысла, смѣлый, ловкій, дѣятельный. Какъ ораторъ, онъ представлялъ совершенный контрастъ съ Питтомъ. Наружность его была не привлекательна, черты лица грубы, выраженіе ихъ пасмурно и непріятно. Онъ смотрѣлъ всегда внизъ, какъ бы избѣгая взгляда другихъ. Питтъ всегда безпощадный въ личныхъ нападкахъ, попрекалъ его однажды тѣмъ, что онъ прячетъ голову, какъ человѣкъ, который только что зарѣзалъ кого-нибудь за заборомъ. Манеры Фокса были тяжелы и неуклюжи, произношеніе трудно. Онъ запинался часто и останавливался за недостаткомъ слова. Но какъ дебетеръ, какъ мастеръ въ діалектикѣ, въ парламентскомъ преніи онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Искусствомъ возражать и отвѣчать на возраженія онъ столь же рѣшительно

превосходилъ Питта, сколько Питтъ превосходилъ его декламаціею. Рѣчи его были кратки и безыскусственны, но исполнены мѣткости, остроумія и побѣдоносной логики. Подобно Моррею, Фоксъ не уступалъ умомъ великому коммонеру, но въ нравственномъ отношеніи онъ стоялъ еще гораздо ниже его, чѣмъ Моррей. Онъ не лишенъ былъ, правда, нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ въ частной жизни. Всѣмъ нравились его мягкій нравъ, его откровенность, его радушіе. Онъ былъ нѣжный отецъ, горячій другъ, веселый товарищъ, легко примиряющійся врагъ. Семья и близкіе люди обожали его. Но въ публичной жизни онъ не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія. Онъ воспитанъ былъ въ дурной школѣ, въ школѣ Роберта Вальполя, въ которой проповѣдывалось, что патріотизмъ есть пустое слово, придуманное для ограниченныхъ головъ; что политическая добродѣтель есть просто кокетство политической продажности; что всякій человѣкъ имѣетъ свою цѣну; что управлять можно только посредствомъ подкуповъ; что государство существуетъ для того, чтобы быть добычею государственныхъ людей. Фоксъ принялъ за чистую монету всѣ эти циническія выходки Вальполя и сдѣлалъ ихъ постояннымъ правиломъ своей жизни. У него не было рѣшительно никакихъ убѣжденій, и между всѣми учениками Вальполя онъ отличался наибольшимъ пренебреженіемъ публичной нравственности. Онъ любилъ власть, но не отъ честолюбія, а просто ради большаго жалованія и доходовъ. Денежныя дѣла его всегда были запутаны. Страстно преданный азартной игрѣ, онъ тратилъ большія суммы; притомъ обременяла его многочисленная семья. Онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и готовъ былъ для денегъ служить всякому дѣлу. Къ нему и обратился Ньюкэстль, получивши отказъ отъ Моррея. Предложенія герцога были необыкновенно щедры—статсъ-секретар-

ство, голосъ въ кабинетѣ, руководство нижней палаты, участіе въ патронатѣ и въ распоряженіи секретнымъ фондомъ. Фоксъ принялъ эти условія съ восторгомъ. Но уже на другой день Ньюкэстль пожалѣлъ о своей щедрости. Ему показалось, что онъ уступилъ слишкомъ много власти и что ему самому останется слишкомъ мало. Паническій страхъ овладѣлъ старымъ интриганомъ. Онъ послалъ за Фоксомъ, бросился въ его объятія, сталъ цѣловать его, прижимать къ груди, плакать надъ нимъ и извиняться, что вчерашній день онъ невольно привелъ его въ заблужденіе, что печаль о потерѣ брата совершенно спутала всѣ его мысли, что онъ наговорилъ такихъ вещей, о какихъ и не думалъ. Фоксъ слушалъ съ изумленіемъ, но скоро понялъ, къ чему клонилось все это. Герцогъ началъ торговаться съ нимъ и пробовать, нельзя ли пріобрѣсти его меньшею цѣною. Онъ взялъ назадъ свои прежнія предложенія и выставилъ новыя, въ которыхъ уже не было рѣчи о томъ, что составляло въ это время настоящій ключь къ политическому вліянію, т. е. ни о патронатѣ, ни о секретномъ фондѣ. Все это герцогъ желалъ оставить исключительно себѣ. Ему тяжело было разстаться даже съ частичкою грязнаго дѣла подкуповъ, которое составляло любимое его занятіе. Онъ держался за него такъ сильно, какъ если бы оно было высшимъ почетомъ и славою его жизни. Ему хотѣлось, чтобы Фоксъ согласился быть въ нижней палатѣ простымъ его агентомъ, который получалъ бы отъ него инструкціи, защищалъ бы его мѣры, но не имѣлъ бы никакой существенной власти. Фоксъ былъ человѣкъ непритязательный; однакожь его возмутила фальшивость и наглость герцога. Посовѣтовавшись съ друзьями, онъ объявилъ, что никогда въ жизни не согласится вступить въ кабинетъ на такихъ унизительныхъ условіяхъ, и переговоры были прерваны. Тогда

Ньюкэстль, какъ часто случается съ трусами, вдругъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенную отвагу. Онъ рѣшился не прибѣгать больше къ помощи никакого изъ значительныхъ государственныхъ людей, взять все бремя управленія на одного себя и сдѣлать представителемъ министерства въ нижней палатѣ какую нибудь креатуру, которая слѣпо подчинялась бы ему во всемъ. Онъ пріискалъ скоро такого человѣка, и выборъ былъ дѣйствительно удаченъ. Графъ Стенгопъ (lord Mahon) говоритъ, что герцогъ могъ поздравить себя съ тѣмъ, что удалось ему найдти товарища, который былъ еще бездарнѣе и ничтожнѣе, чѣмъ онъ самъ. Статсъ-секретаремъ и руководителемъ нижней палаты назначенъ былъ нѣкто сэръ Томасъ Робинсонъ, старый дипломатъ, который провелъ всю жизнь въ посольствахъ при маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ, никогда не промолвилъ ни одного слова въ палатѣ и не зналъ даже ея формъ и обычаевъ. Онъ былъ и глупъ, и скученъ, и смѣшенъ, но чувствовалъ благоговѣніе къ герцогу Ньюкэстлю и считалъ его великимъ министромъ. Герцогъ сдѣлалъ еще нѣсколько измѣненій въ составѣ министерства въ такомъ же смыслѣ. Когда все было кончено, Питтъ, оправившись отъ болѣзни, возвратился въ Лондонъ. Онъ показывалъ видъ большой умѣренности и спокойствія, но въ душѣ чувствовалъ себя жестоко оскорбленнымъ. Онъ молчалъ долго, цѣлые восемь лѣтъ, но наконецъ назначеніе сэра Томаса Робинсона вывело его изъ терпѣнія. „Сэръ Томасъ руководитъ нами“, сказалъ онъ Фоксу, при первой встрѣчѣ съ нимъ; — „герцогъ точно также могъ прислать свой сапогъ, чтобъ руководить нами!“ — Между Питтомъ и Фоксомъ не существовало особенной симпатіи. Но теперь общее чувство досады сблизило ихъ. Они вступили въ переговоры, составили общій планъ дѣйствій въ

палатѣ, рѣшили начать соединенными силами оппозицію противъ Ньюкэстля, ниспровергнуть его министерство и раздѣлить власть между собою такъ, чтобы Фоксъ былъ первымъ лордомъ казначейства, а Питтъ главнымъ стастсъ-секретаремъ. Осенью 1754 г. собрался парламентъ. Передъ нимъ явилось новое министерство. Еще никогда не бывало въ Англіи такого слабаго, такого ничтожнаго министерства, такого собранія всякаго рода бездарностей. Уже первое выступленіе сэра Томаса Робинсона въ нижней палатѣ вызвало громкій хохотъ. Онъ хотѣлъ играть роль оратора и дѣлалъ промахи и неловкости, которыя приводили палату въ постоянную веселость. Послѣ десяти спокойныхъ лѣтъ опять явилась въ парламентѣ оппозиція, и въ главѣ ея стояли: величайшій ораторъ и величайшій дебетеръ этого времени. Сэръ Томасъ Робинсонъ скоро убѣдился, что положеніе статсъ-секретаря не такъ покойно и пріятно, какъ положеніе посланника при дворѣ какого-нибудь герцога брауншвейгъ - вольфенбюттельскаго. Фоксъ набросился на него съ самаго начала сессіи и не давалъ ему пощады. Горасъ Вальполь говоритъ, что онъ ревностно помогалъ сэру Томасу дѣлаться еще смѣшнѣе, чѣмъ онъ былъ отъ природы. Питтъ, напротивъ, оказывалъ несчастному статсъ-секретарю какую-то презрительную нѣжность и направилъ свои удары на самого герцога Ньюкэстля. Ночь за ночью повторялись нападенія обоихъ ораторовъ. Герцогъ былъ въ отчаяніи. И Питтъ, и Фоксъ еще занимали второстепенные правительственные посты. Онъ не смѣлъ дать имъ отставку и съ другой стороны не хотѣлъ тоже подѣлиться съ ними властью, чтобъ самому не превратиться въ нуль. А между тѣмъ сэръ Томасъ Робинсонъ все болѣе и болѣе компрометировалъ собою министерство въ палатѣ. Затрудненія умножались съ каждымъ

днемъ. Внѣшнія дѣла страны приняли грозный видъ. Представилась опасность новой войны. Приближались событія, которыя требовали другаго рода людей, чѣмъ Робинсонъ и Ньюкэстль.

Ахенскій миръ, заключенный въ 1748 г. между Франціею и Англіею былъ только перемиріемъ для нихъ въ Европѣ, а въ другихъ частяхъ свѣта, онъ не былъ даже перемиріемъ. Въ то время, когда дворы версальскій и сентъ-джемсскій находились, повидимому, въ дружественныхъ отношеніяхъ и обмѣнивались комплиментами, французскіе и англійскіе подданные сражались между собою въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Они вступали въ бой вездѣ, гдѣ ни встрѣчались другъ съ другомъ. Это было время, въ которое разрѣшался вопросъ, кому изъ нихъ господствовать на морѣ, кому изъ нихъ стоять во главѣ европейской колонизаціи. Въ Индіи существовали рядомъ двѣ торговыя компаніи: одна англійская, другая французская. Между ними шла постоянная вражда. Обѣ давно перестали быть простыми купеческими факторіями; обѣ владѣли уже значительными территоріями, имѣли свои укрѣпленные форты, свои войска, составленныя на половину изъ европейскихъ авантюристовъ, на половину изъ туземцевъ—сипаевъ. Обѣ компаніи стремились къ тому, чтобъ основать въ Индіи большія и сильныя государства на счетъ туземныхъ князей. Онѣ вмѣшивались для этого въ ихъ распри, принимали всегда противоположныя стороны, и не проходило года, чтобы французскіе сипаи не дрались гдѣ-нибудь съ англійскими сипаями. Именно послѣ ахенскаго мира вражда соперничавшихъ компаній загорѣлась съ особенною силою. Съ обѣихъ сторонъ явились тогда знаменитыя личности — Французъ Дюплѐ и Англичанинъ Робертъ Кляйвъ. Они преслѣдовали одинаковыя цѣли

и рѣшились привести дѣло къ исходу. Дюплѐ хотѣлъ совершенно вытѣснить изъ Индіи Англичанъ; Робертъ Кляйвъ положилъ сдѣлать тоже съ Французами. Силы ихъ были равны, и борьба между ними длилась уже нѣсколько лѣтъ; но можно было предвидѣть, что одолѣетъ Англичанинъ. Робертъ Кляйвъ былъ геніяльный генералъ, между тѣмъ какъ Дюплѐ не былъ вовсе воинъ, а только великій политикъ и организаторъ; притомъ его нисколько не поддерживало французское правительство. — Въ Африкѣ борьба была не такъ значительна; все-таки и здѣсь тоже постоянно сталкивались между собою французскіе и англійскіе авантюристы и спекулянты, которые ловили негровъ и собирали золотой песокъ на берегахъ Гвинеи. Но самыя важныя дѣла происходили въ сѣверной Америкѣ. Здѣсь давно уже шелъ споръ между французскими и англійскими колонистами о границахъ Акадіи и Канады. Границы не были точно опредѣлены трактами. Да и нельзя было опредѣлить точно огромныхъ безлюдныхъ пространствъ. Неоднократно назначаемы были французскимъ и англійскимъ правительствами международныя комиссіи для рѣшенія спора; но комиссіи эти всегда кончались ничѣмъ, и колонисты обѣихъ націй взялись за оружіе. Французамъ хотѣлось соединить свои поселенія на рѣкѣ св. Лаврентія съ поселеніями на рѣкѣ Миссисипи посредствомъ цѣлаго ряда фортовъ внѣ ихъ территоріи. Этому противились Англичане. Обѣ стороны обратились къ помощи краснокожихъ Индійцевъ и заставляли ихъ сражаться въ своихъ рядахъ. Происходили постоянныя битвы. Форты переходили изъ рукъ въ руки. Страшныя исторіи достигали до Европы объ ужасахъ, совершаемыхъ краснокожими, которые скальпировали плѣнныхъ или сожигали ихъ на кострахъ. Еще въ 1753 г. одинъ виргинійскій маіоръ получилъ приказаніе вытѣснить Фран-

цузовъ изъ форта Дюкень на рѣкѣ Огіо. Онъ отправился туда съ отрядомъ милиціи въ 500 человѣкъ, но дошедши до мѣстности, называемой Большимъ Лугомъ (Great Meadows), онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ Французами и Индійцами и принужденъ сдаться на капитуляцію. Этотъ маіоръ назывался Георгъ Вашингтонъ. Въ первый разъ его имя стало тогда извѣстно міру.

Правительства Франціи и Англіи долго не обращали вниманія на эти столкновенія своихъ подданныхъ. Ни тому, ни другому не хотѣлось войны. Герцогъ Ньюкэстль не желалъ войны, потому что война требовала энергіи, рѣшительности, знанія дѣла, т. е. свойствъ, совершенно ему чуждыхъ. Точно также не желалъ ея безпечный, лѣнивый, апатичный Лудовикъ XV. Въ это время онъ погрязъ уже совершенно въ грубую чувственность и потерялъ интересъ ко всему высшему. Однако постоянная скука преслѣдовала его посреди удовольствій. Онъ былъ inamusable. Напрасно маркиза Помпадуръ выбивалась изъ силъ, чтобы придумывать для него всякій день новыя и неожиданныя развлеченія. Только одно еще занимало его нѣсколько — городскія сплетни и тайны частныхъ семействъ. Лейтенантъ полиціи имѣлъ обязанность распечатывать всѣ частныя письма и самыя любопытныя изъ нихъ приносить королю. Понятно, что монарху такого рода не хотѣлось войны. Война потребовала бы отъ него нѣкотораго напряженія, заставила бы его работать съ министрами, а онъ выносилъ министровъ только тогда, когда они разсказывали ему анекдоты. При такомъ расположеніи обоихъ правительствъ ловкая дипломатія могла уладить дѣло и предотвратить разрывъ. Къ несчастію, англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ былъ тогда герцогъ Альбемарль, пустой франтъ, который не годился ни къ чему. Ньюкэстль

имѣлъ особенный талантъ назначать на всѣ важные посты людей, которые точь въ точь походили на него. Альбемарль попортилъ все дѣло. Между французскимъ и англійскимъ дворами началась весьма жаркая переписка и обмѣна непріятныхъ нотъ. Со всѣхъ сторонъ свѣта приходили извѣстія о новыхъ столкновеніяхъ между Англичанами и Французами. Кровь лилась вездѣ. Страшныя исторіи о варварствахъ краснокожихъ раздражали и усиливали врожденную антипатію обѣихъ націй. Война съ каждымъ днемъ дѣлалась неизбѣжнѣе. Въ началѣ 1755 г. англійское правительство отправило на помощь американскимъ колонистамъ значительный отрядъ войска. Отрядъ этотъ попалъ въ засаду, окруженъ былъ Французами и ихъ краснокожими союзниками и погибъ до одного человѣка, вмѣстѣ съ своимъ генераломъ. Вскорѣ послѣ этого на атлантическомъ океанѣ встрѣтились флоты обѣихъ націй. — „Война или миръ?“ — спросилъ адмиралъ французскій. — „Война!“ отвѣчалъ англійскій. Послѣдовало сраженіе, и два французскіе линейные корабля попали въ руки Англичанъ. Тогда Лудовикъ XV отозвалъ своего посланника изъ Лондона. Но герцогъ Ньюкэстль все еще медлилъ оффиціяльнымъ объявленіемъ войны. Онъ совершенно растерялся и не способенъ былъ рѣшиться ни на что. Бездарность его выказалась во всемъ блескѣ. Въ добавокъ, въ эту минуту король Георгъ оставилъ Англію. Какъ скоро наступили первые весенніе дни, ничто не могло удержать его отъ обычной ежегодной поѣздки въ любимый Ганноверъ. Министры умоляли его остаться; парламентъ выражалъ громко свое неодобреніе; въ газетахъ печатались сильныя выходки противъ ганноверскихъ пристрастій; всѣ находили въ высшей степени неумѣстнымъ, чтобы король, при такомъ опасномъ положеніи дѣлъ, покидалъ государство. Но Георгъ остал-

ся глухъ къ просьбамъ, нареканіямъ, представленіямъ. Лѣтняя резиденція въ Герренгаузенѣ была дороже для него, чѣмъ всѣ интересы Англіи. Предоставленный, послѣ отъѣзда короля, самому себѣ, герцогъ Ньюкэстль окончательно потерялъ голову и струсилъ передъ приближавшеюся грозою. Мѣры его были до крайности жалки и нелѣпы. Онъ бросался во всѣ стороны, дѣлалъ тысячи самыхъ противоположныхъ распоряженій и думалъ только о томъ, какъ бы сложить отвѣтственность за все на другихъ. Здравый смыслъ повелѣвалъ начать серьезно военныя дѣйствія, пока Французы еще не успѣли окончить своихъ вооруженій. Вмѣсто этого герцогъ старался поддерживать, какъ можно дольше, нѣчто среднее между миромъ и войною. Въ іюлѣ снаряжена была новая эскадра, подъ начальствомъ адмирала сэра Эдуарда Гоукъ (Hawke). Она стояла въ Портсмоутѣ, готовая къ отплытію. Но когда пошла рѣчь объ изготовленіи инструкцій для адмирала, Ньюкэстль не зналъ, что дѣлать, медлилъ, откладывалъ, колебался и десять разъ мѣнялъ свое мнѣніе. Сэръ Эдуардъ Гоукъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Въ одинъ день онъ получалъ приказаніе удержаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій и только крейсировать въ каналѣ для упражненія флота; на другой день ему предписывали немедленно аттаковать непріятеля повсюду, гдѣ ни попадется онъ ему на встрѣчу. Потомъ приходили опять новыя инструкціи: адмиралу позволялось вступать въ бой только въ такомъ случаѣ, если онъ встрѣтитъ не менѣе десяти французскихъ кораблей вмѣстѣ. Наконецъ герцогъ остановился на мѣрѣ, которая была еще болѣе безсмысленна и нелѣпа, чѣмъ все прежнее. Онъ рѣшилъ, что объявленія войны еще не будетъ и что сэръ Эдуардъ Гоукъ долженъ покамѣсть аттаковать одни только линейные корабли Французовъ, а меньшія военныя суда ихъ

и купеческіе корабли оставлять въ покоѣ. Но едва прошло нѣсколько дней, какъ вдругъ англійскій флотъ получилъ общій приказъ аттаковать, истреблять и захватывать по всѣмъ морямъ всѣ французскіе корабли безъ исключенія и малые, и большіе, и военные, и купеческіе, и конфисковать всякую французскую собственность, и государственную, и частную. Приказъ былъ исполненъ немедленно. Въ теченіи одного мѣсяца слишкомъ триста французскихъ торговыхъ судовъ попаловъ руки Англичанъ, и восемь тысячь французскихъ матросовъ отведено было въ плѣнъ въ англійскія гавани. Но такъ какъ эта внезапная razzia совершена была безъ всякаго предупрежденія, безъ формальнаго объявленія войны, то это доставило французскому правительству вожделѣнный случай обвинить Англичанъ въ вопіющемъ нарушеніи международнаго права и возстановить противъ нихъ общественное мнѣніе въ Европѣ. Версальскій дворъ разослалъ повсюду ноты, въ которыхъ упрекалъ Англичанъ въ варварствѣ, въ пуническомъ вѣроломствѣ и называлъ ихъ пиратами. „Такого рода поведеніе посреди глубочайшаго мира, писалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Руйле, есть ничто иное, какъ система морскаго разбоя, недостойная цивилизованной націи.“ Чтобъ придать поступку Англичанъ еще болѣе позорный видъ и выставить на показъ свое собственное благородство, правительство Лудовика XV теперь нарочно не спѣшило съ объявленіемъ войны, и когда въ августѣ французскій флотъ захватилъ одинъ англійскій линейный корабль, оно приказало освободить немедленно и корабль и экипажъ его.

Между тѣмъ въ Англіи приближеніе войны вывело націю изъ десятилѣтней летаргіи. Явная неспособность Ньюкэстля встревожила ее. Громкій ропотъ поднялся въ странѣ противъ

перваго министра. Неужели, спрашивали многіе, вся власть должна оставаться монополіею въ слабыхъ рукахъ Ньюкэстля въ такую критическую минуту? Неужели слѣдовало рисковать судьбами Англіи ради одного бездарнаго аристократа? Неужели герцогъ никогда не возметъ себѣ въ товарищи способныхъ людей и думаетъ сладить съ войною при помощи одного Робинсона и другихъ, подобныхъ ему, креатуръ? Герцогъ самъ почувствовалъ, наконецъ, что обстоятельства превышали его силы. Онъ сталъ искать поддержки, и къ этому особенно побудили его извѣстія изъ Ганновера, которыя увеличили еще болѣе его затрудненія.

Король Георгъ не сидѣлъ въ Ганноверѣ сложа руки. При появленіи первыхъ симптомовъ войны онъ сейчасъ испугался за свое любимое курфиршество. Французы могли напасть на Ганноверъ, соединившись или съ Пруссіею, или съ Австріею. Прусскій племянникъ былъ человѣкъ въ высшей степени ненадежный. Между французскимъ и австрійскимъ дворами давно уже шли какіе-то таинственные переговоры весьма подозрительнаго свойства. Все это не позволяло Георгу спать спокойно. Поэтому, едва очутившись на континентѣ, онъ поспѣшилъ обезпечить Ганноверъ новыми трактатами съ нѣмецкими князьями, новыми субсидіями и новыми наемными войсками. Въ Герренгаузенѣ, говоритъ Горасъ Вальполь, открыта была контора для торговли солдатами. Каждый нѣмецкій князекъ, который имѣлъ средства одѣть и вооружить одинъ баталіонъ, могъ сбыть его здѣсь или отдать на прокатъ по весьма выгодной цѣнѣ. Видя затруднительное положеніе Георга, торговцы чрезвычайно возвысили свои требованія. Но скупой Георгъ былъ щедръ, когда платилъ англійскими деньгами. Безъ вѣдома министерства, онъ заключилъ съ ландграфомъ Гессенскимъ договоръ, по которому

обязался платить ему годовую субсидію въ 150,000 фунтовъ и кромѣ того по 20 ф. за всякаго кавалериста, а по 8 ф. за всякаго пѣхотинца, доставленнаго ландграфомъ. За этимъ послѣдовалъ другой трактатъ подобнаго же рода, но въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ—съ императрицею Елисаветою Петровною. Георгъ обѣщалъ субсидію въ полмилліона; императрица обязалась подвинуть къ прусской границѣ 40000 войска, въ случаѣ, если бы король прусскій обнаружилъ какіе нибудь дурные замыслы на Ганноверъ. Георгъ такъ сильно добивался заключенія этого трактата, что подарилъ Бестужеву-Рюмину 7000 фунтовъ, — разумѣется, тоже не изъ своихъ, а изъ англійскихъ денегъ. Увѣренный вполнѣ въ услужливости Ньюкэстля, онъ отправилъ въ концѣ лѣта оба трактата въ Англію и поручилъ ему привести ихъ въ исполненіе. Но въ Англіи уже первая молва о новыхъ иностранныхъ субсидіяхъ возбудила всеобщее волненіе. Самое имя субсидій стало ненавистно Англичанамъ. Всѣ негодовали, и Питтъ громче всѣхъ. Фоксъ тоже говорилъ противъ трактатовъ. Герцогъ Ньюкэстль встрѣтилъ о́ппозицію даже со стороны собственныхъ своихъ креатуръ. Канцлеръ казначейства, Легге, который до сихъ поръ былъ покорнымъ его слугою, испугался народнаго голоса и отказался подписать указъ въ казначейство, нужный для уплаты субсидій. Этотъ неожиданный ударъ совершенно ошеломилъ Ньюкэстля. Встревоженный до крайности, онъ поскакалъ къ Питту, просилъ у него свиданія и пытался смягчить его просьбами, лестью и блестящими предложеніями. Онъ сулилъ ему золотыя горы, предлагалъ мѣсто въ кабинетѣ, увѣрялъ, что король будетъ съ нимъ любезенъ и забудетъ все прошедшее, обѣщалъ статсъ-секретарство при первой ваканціи, лишь бы только онъ согласился поддержать въ парламентѣ гессенскую и русскую субсидіи.

Питтъ отвергъ всѣ предложенія и не хотѣлъ слышать о субсидіяхъ. Герцогъ настаивалъ. Пошли слезы, вопли, поцѣлуи, обниманія, комплименты, клятвы. Все напрасно.—„Одно словечко въ пользу субсидій!“ молилъ герцогъ. — „Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Питтъ, не хочу системы субсидій!“ Герцогъ призвалъ на помощь канцлера Гардвика, но Питтъ былъ неумолимъ. Тогда не осталось ничего другаго Ньюкэстлю, какъ обратиться къ Фоксу и сдѣлать то, на что онъ не могъ рѣшиться прежде, т. е. подѣлиться съ нимъ властью. Фоксъ былъ сговорчивѣе и уступчивѣе Питта. Какъ скоро Ньюкэстль предложилъ ему статсъ-секретарство и дѣйствительное руководство нижней палаты съ участіемъ въ патронатѣ и распоряженіи секретнымъ фондомъ, онъ сейчасъ забылъ и о недавней связи своей съ Питтомъ, и о своемъ неодобреніи субсидій, принялъ предложеніе и обѣщалъ всѣми силами защищать въ палатѣ оба трактата. Сэръ Томасъ Робинсонъ охотно уступилъ ему свое мѣсто и получилъ въ замѣнъ должность придворнаго гардеробмейстера, которая вполнѣ соотвѣтствовала его талантамъ.

Въ началѣ ноября 1755 года собрались палаты. Ожиданія націи возбуждены были въ высшей степени. Дѣло шло о томъ, оставитъ ли парламентъ управленіе государства, наканунѣ громадной войны, въ рукахъ Ньюкэстля и его аристократической клики. Оппозиція, руководимая Питтомъ, поддерживаемая общественнымъ мнѣніемъ, готовилась къ аттакѣ. Все предвѣщало, что послѣ восьми безмолвныхъ сессій, опять наступятъ бурныя засѣданія. Король, который между тѣмъ возвратился съ континента, лично открылъ палаты. Въ тронной рѣчи онъ потребовалъ увеличенія морскихъ и сухопутныхъ силъ и извѣстилъ о заключеніи трактатовъ съ Гессеномъ и Россіею. Въ отвѣтъ на рѣчь королев-

скую составленъ былъ обычный благодарственный адресъ; но оппозиція поспѣшила предложить къ нему измѣненіе (amendment), направленное противъ трактатовъ. Послѣдовали чрезвычайно жаркіе дебаты. Они длились съ трехъ часовъ пополудни до пяти часовъ утра. Съ той памятной ночи, въ которую рѣшена была участь сэра Роберта Вальполя, никогда еще не бывало такого продолжительнаго засѣданія. Новое поколѣніе ораторовъ выступило въ палатѣ. Новые таланты явились въ рядахъ оппозиціи и пожинали первые лавры, поддерживая предложенное ею измѣненіе. Всѣхъ однако затмилъ въ эту ночь великій коммонеръ. Со всею энергіею, какая была въ немъ, онъ возсталъ противъ субсидій, называлъ ихъ вопіющимъ злоупотребленіемъ средствъ страны и осуждалъ политику, которая „вела государство къ банкротству.“ Онъ сожалѣлъ, „что не имѣетъ довольно силъ, чтобъ разорвать цѣпи, которыя приковывали Англію къ Ганноверу, какъ Промеѳея къ безплодному утесу.“ Но особенное негодованіе возбудила въ немъ связь Фокса съ Ньюкэстлемъ, Фокса, который еще такъ недавно обязался стоять съ нимъ за одно и дѣйствовать вмѣстѣ. Онъ осыпалъ новаго статсъ-секретаря горькими упреками и язвительными сарказмами и поклялся, что до конца жизни не проститъ ему такого безсовѣстнаго поступка. Горасъ Вальполь говоритъ, что никогда еще Питтъ не былъ такъ краснорѣчивъ, такъ блестящъ, такъ смѣлъ, такъ поразителенъ и безпощаденъ, какъ въ эту знаменитую ночь. Результатъ преній не соотвѣтствовалъ однакожъ усиліямъ оппозиціи и ожиданіямъ націи. Не напрасно два величайшіе мастера въ дѣлѣ подкуповъ — Ньюкэстль и Фоксъ—соединили свои силы. Они приняли заблаговременно всѣ свои мѣры, и секретный фондъ подѣйствовалъ лучше, чѣмъ краснорѣчіе Питта. Многіе члены палаты задобрены

были взятками; другіе увлечены щедрыми обѣщаніями Ньюкэстля, надеждою на должности и синекуры; на нѣсколькихъ произвела вліяніе убѣдительная логика и чрезвычайная ловкость, съ которою Фоксъ отражалъ всѣ нападенія оппозиціи и защищалъ политику правительства; и когда послѣ шестнадцати часовъ горячихъ дебатовъ дошло дѣло до подачи голосовъ, измѣненіе къ адресу было отвергнуто значительнымъ большинствомъ. Ньюкэстль торжествовалъ. На него нашла необыкновенная отвага. Онъ думалъ, что незачѣмъ ему теперь щадить противниковъ, и въ одинъ день далъ отставку Питту, родственникамъ его: Джорджу Гренвилю и Джемсу Гренвилю, канцлеру казначейства Легге, Чарльсу Тоуншенду, словомъ, всѣмъ членамъ правительства, которые не хотѣли подчиняться его волѣ. Оппозиція не обезкуражилась, впрочемъ, первою неудачею. Въ теченіе многихъ слѣдующихъ ночей, при разборѣ бюджета, она неутомимо возвращалась къ аттакѣ; но всякій разъ, при подачѣ голосовъ, большинство стояло за министерство. Напрасно Питтъ прямо въ лице обвинялъ это большинство въ продажности и низкомъ раболѣпіи; напрасно онъ декламировалъ противъ чрезмѣрнаго вліянія аристократіи и разоблачалъ бездарность ея вождя, посѣдѣвшаго въ мелкихъ интригахъ; Ньюкэстль, поддерживаемый дебетерскою ловкостью Фокса, крѣпкій своими аристократическими связями, и толпою подкупленныхъ членовъ палаты, выигралъ дѣло въ парламентѣ. Но парламентъ не былъ послѣднею инстанціею. Внѣ парламента стояла нація, которая не имѣла къ герцогу ни малѣйшаго довѣрія и начинала терять его къ тѣмъ, которые называли себя ея представителями; внѣ парламента было общественное мнѣніе, громко требовавшее перемѣны министерства. Поэтому торжество Ньюкэстля было непродолжительно. Скоро послѣдовали событія, которыя

заставили и его, и аристократическія котеріи, и парламентъ преклониться передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ волею націи и уступить власть тому, кто пользовался довѣріемъ всѣхъ—великому коммонеру Питту.

Конецъ второй части.

14/XVI
10

„БУКИНИСТЪ“
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 020 680 509 2